

КАРОДЕЙ ПОНЕВОЛЕ

К. СТАШЕФФ

АНТОЛОГИЯ

ФАНТАСТИКИ

К. СТАШЕФФ

КАРОДЕЙ ПОНЕВОЛЕ

К. СТАШЕФФ

ЧАРОДЕЙ ПОНЕВОЛЕ

Фантастический роман

Перевод с английского
С. А. Славгородского

Днепропетровск
Редакция облуправления по печати
1992

ББК 84.4 США
С 78

Серия «Антология фантастики» основана в 1992 году.

Печатается по изданию: Stasheff Christopher The Warlock in Spite of Himself — New York, 1969.

Книга, которую вы держите в руках, является первой в серии. Мы надеемся, что наш читатель, прочитав «Чародея поневоле», захочет ознакомиться и с остальными, которые предполагается выпустить в 1992 году.

Издание осуществлено при участии малого предприятия «Даймон» и общества с ограниченной ответственностью «Русское кино».

С 4703040100-039 Без объявл.
92
ISBN 5-7707-2275-4

© Славгородский С. А., перевод на русский язык, 1991
© Крацов А. И., Савельев Д. Ю., Тertyшный И. В., послесловие, 1992
© Харлан А. В., иллюстрации, 1992

Часть I

ВИЗИТ К МАЛЫШКЕ ПЛАНТАГЕНЕТ

Астероид появился со стороны созвездия Козерога и, покружившись вокруг Солнца типа «G», свернул к пятой планете. Надо ли говорить, что астероиды обычно ведут себя несколько иначе?

Войдя в гравитационное поле планеты, он снизился по спирали, сделав три полных оборота, и яркой падающей звездой пронзил атмосферу.

Метров за тридцать до поверхности астероид на мгновение замер, а затем камнем рухнул на землю. Но опустился он мягко: ни ослепительной вспышки, ни кратера — лишь примятая кое-где трава. Испещренная шрамами и выбоинами поверхность небесного гостя обгорела в атмосфере планеты дочерна, но больше ничего ему не сделалось.

Спустя несколько секунд в недрах астероида раздалось слова, которым было суждено изменить судьбу этой планеты:

— Черт бы побрал твои электронные мозги!...

Обладатель голоса умолк и, нахмурившись, прислушался.

В каюте наступила непривычная тишина, не было слышно даже привычного монотонного гудения.

Молодой человек выругался и, сорвав с себя амортизационную сетку, выбрался из противоперегрузочного кресла. С трудом со-

храняя равновесие, он принялся шарить вокруг, пока не нащупал пластиковую стену.

Опираясь на нее, пилот доковылял до приборной панели на другой стороне круглой каюты. Изрыгая брань в лучших традициях галактического флота, он отодвинул защелку, открыл дверцу и нажал кнопку. Потом повернулся и буквально рухнул обратно в кресло.

Раздалось тихое гудение и невнятный голос, меняя скорость и тембр речи, произнес:

— Ффсе л-ли...и!... ф п-порятке... м' лор-р-р' Родни?

— У всех в Галактике роботы как роботы, а мне вот достался эпилептик, — проворчал милорд.

— Ефззли м'ило-р-р пож-желает, этот конденсатор-р м'жно...

— ...заменить, — закончил Родни. — А твои микросхемы выкинуть и перепаять. Нет уж, благодарю покорно. Ты мне нравишься таким, какой есть... только не выкидывай больше подобных фортелей. У меня от твоей посадки чуть ключицы не вылетали!

— Вроздите, м'лорд, в самый кридический момент п-посатки я принял очень зфоеобразные радиофолны, кодорые...

— Словом, ты отвлекся?

— М'лор-рд, было крайне необходимо пр-роанализировать...

— Итак, значит, одной половиной своих электронных мозгов ты изучал радиоволны, а другой — приземлял корабль. Нагрузка оказалась слишком велика, и тут этот чертов конденсатор вырубился... Векс! Ну сколько раз я должен тебе повторять — не отвлекайся!

— М'лорд фырасил желание быть даким, как...

— ...Как герой саг о Дальней Разведке, да? Но это не означает, что я жажду испытать все неудобства, которые выпали на их долю.

Электронный мозг Векса уже практически справился с последствиями припадка.

— Но, м'лорд, концепция гер-роизма предполагает...

— А, забудь об этом, — простонал Родни.

Векс вообще отличался послушанием. Это был весьма древний экземпляр — один из немногих оставшихся в строю роботов серии ВКС (Верных Кибернетических Спутников), устаревшей еще две тысячи лет тому назад. Поскольку в них была заложена безграничная преданность хозяевам, роботы ВКС погибали тысячами, защищая своих владельцев во времена Междущарствия, периода между окончательным развалом древнего Галактического Союза

и становлением Пролетарско-Эклектического Содружества Терры (ПЭСТ).

Векс (получивший это имя, ибо звать его просто ВКС было довольно-таки неудобно), уцелел благодаря своим эпилептическим припадкам. Один из его конденсаторов был с дефектом и при перегрузке мгновенно разряжался, выплескивая в тысячные доли секунды всю накопленную энергию. При первых признаках электронного припадка — например, при появлении неопределенности в расчетах Векса — включался главный прерыватель, и неисправный конденсатор надежно изолировался, после чего робот выходил из строя до тех пор, пока кто-то вновь не замыкал цепь.

Поскольку припадки случались, как правило, в минуты стресса — например, при попытке посадить звездолет-астероид и одновременно проанализировать прибудные радиоволны, или, скажем, когда Вексу требовалось зацелить хозяина от нападения трех убийц кряду — Векс пережил Междоуцарствие, ибо при падении Пролетариев на его хозяев, он храбро сражался секунд двадцать пять, а потом отключался. Так он стал своего рода уникалом — смелым слугой, который сумел уцелеть. Кроме него в строю остались лишь четыре робота серии ВКС.

Поэтому в семействе Д'Арман его очень ценили, не столько даже за древность, сколько за безграничную преданность: аристократам во все времена не доставало верных слуг.

И когда Родни Д'Арман решил покинуть отчий дом в поисках славы и приключений — второму сыну второго сына главы семьи ничего другого и не оставалось — его отец настоял, чтобы он взял робота с собой.

Обычно Род был рад обществу Векса, хотя порой роботу несколько не хватало такта. Например, после нынешней излишне жесткой посадки, которая пагубно отразилась на желудке Рода, у Векса хватило ума спросить:

— Не желаете ли отобедать, м'лорд? Может, устрицы со спаржей?

Лицо Рода приобрело оттенок шартреза, и он, борясь с тошнотой, сгиснул челюсти.

— Нет, — процедил он сквозь зубы. — И хватит этих «м'лорд»! Не забывай, что мы на задании.

— Я никогда ничего не забываю, Род. Разве что по приказу.

— Знаю. Это так, к слову, — проворчал его хозяин, затем спустил ноги на пол и, кряхтя, встал. — Для успокоения желудка

мне бы не помешал глоток свежего воздуха. Векс, что у нас там снаружи?

Робот пощелкал своими реле и доложил:

— Атмосфера пригодна для дыхания, лучше надеть свитер.

Род, ворча, натянул пилотскую куртку.

— И почему это у старых слуг всегда развивается комплекс наседки?

— Род, если бы ты прожил на свете столько же, сколько я...

— ...я бы попросил, чтобы меня отключили. Ладно, я знаю — «робот всегда прав». Открывай шлюз, Векс.

Двойные двери небольшой шлюзовой камеры раздвинулись в стороны, за круглым люком показалось усыпанное звездами небо. В каюту дохнуло прохладой.

Род откинулся назад, вдыхая воздух полной грудью и прикрыв глаза от удовольствия.

— Ах, благословенное дыхание земли! Кто тут обитает, Векс?

Послышался гул — Векс принялся прокручивать ленты, снятые на орбите через электронный телескоп, преобразуя зрительные образы в удобоваримое описание планеты.

— Суша состоит из пяти континентов — одного довольно крупного острова и множества островов поменьше. Растительность на континентах и мелких островах везде одна и та же — экваториальный тропический лес.

— И даже на полюсах?

— В пределах ста миль от каждого полюса. Ледяные шапки на удивление невелики. Из живности замечены пока только амфибии и тучи насекомых. Можно предположить, что моря изобилуют рыбой.

Род потер подбородок.

— Похоже, мы попали в какой-то ранний геологический период.

— Каменноугольная эра, — уточнил робот.

— Что там насчет большого острова? Ведь именно на нем, я полагаю, мы и приземлились?

— Верно. Туземная флора и фауна отсутствуют. Все формы жизни типичны для позднего земного плейстоцена.

— Насколько позднего, Векс?

— Исторического периода существования человека.

Род кивнул.

— Иными словами, прилетела горстка колонистов, нашла себе остров по вкусу, уничтожила на нем всю туземную флору и фауну

и засеяла его земными культурами. Как ты думаешь, почему они выбрали именно этот остров?

— Он достаточно велик, чтобы прокормить колонистов, и в то же время его размеры позволяют свести к минимуму последствия замены биосферы. К тому же остров омывает холодное океанское течение, поддерживающее температуру воздуха на уровне чуть ниже нормальной земной.

— Им повезло: не пришлось возиться с изменением климата. Есть что-нибудь похожее на развалины городов времен Галактического Союза?

— Ничего, Род.

— Как ничего? — вытаращил глаза Род. — Это не укладывается в общепринятую схему. Ты уверен, Векс?

Считалось, что в истории каждой затерянной колонии, на тысячелетия отрезанной от галактической цивилизации, можно четко выделить три основных периода:

— Во-первых, основание колонии, сердцем которой служит современный город, располагающий передовой технологией.

— Во-вторых, обрыв связей с Галактической культурой. Встает проблема перенаселенности города, что приводит к массовому оттоку людей в сельскую местность. Первоочередной задачей становится обеспечение колонии продовольствием и предметами первой необходимости.

— В-третьих, постепенно утрачиваются научные знания, накопленные предыдущими поколениями, и одновременно растут суеверия. Этот процесс приводит к упадку и, в конечном итоге, к полному запрету технологии даже на уровне угля и пара. Общественные отношения становятся все менее гибкими, и в конечном итоге берет верх кастовая система. Архитектура и стиль одежды обычно слепо копируют реликты Галактического Союза. Например, маленькие деревянные хижины с круглыми крышами являются жалким подобием геодезических куполов Галактического Союза.

Но всегда остаются развалины города, служащие благодатной почвой для мифологии. Всегда!

— Ты уверен, Векс? Неужели здесь действительно нет никаких развалин?

— Я всегда уверен, Род.

— Верно... — Род задумчиво подергал нижнюю губу. — Ты никогда не сомневаешься, хотя порой и делаешь ошибки. Ладно, отложим пока вопрос о городе. Может, он погрузился на дно мор-

ское. Давай-ка лучше еще разок убедимся в том, что все биологические виды с Земли.

Род нырнул в отверстие люка кувырком вперед и встал на колени. Отстегнув от пояса кинжал, тщательно сработанный так, чтобы его нельзя было отнести ни к одному из известных исторических периодов, он вытащил лезвие из ножен.

Ножны представляли собой тонкий конус из светлого металла с маленькой шишечкой на конце. Род сорвал несколько стебельков травы, бросил их в ножны и повернул шишечку. Встроенный в стенки ножен датчик прозондировал траву ультразвуком, проанализировал ее молекулярную структуру и передал данные Вексу, который должен был определить, все ли элементы совместимы с метаболизмом человека. По результатам анализа Векс подавал в ножны соответствующий сигнал, и, если трава оказывалась ядовитой, металл приобретал пурпурный оттенок.

Но в данном случае ножны остались серебристыми.

— Все сходится, — сказал Род. — Это земная трава, которую скорее всего посеяли колонисты с Земли. Но где же тогда город?

— Тут есть довольно крупный населенный пункт, Род. Примерно, тысяч на тридцать душ — у подножья горного хребта на севере острова.

— М-да... — Род в задумчивости потер подбородок. — Не совсем то, что я ожидал, но все же лучше, чем ничего. Что он из себя представляет?

— Расположен на склонах большого холма, вершину которого венчает каменное строение, сильно смахивающее на земной средневековый замок.

— Средневековый!? — нахмурился Род.

— Сам город состоит из оштукатуренных деревянных зданий, верхние этажи нависают над узкими улицами или, скорее, улочками.

— Деревянных! — Род поднялся на ноги. — Послушай-ка, Векс, тебе это ничего не напоминает?

Робот с секунду помолчал.

— Северно-Европейский Ренессанс.

— Все это, — заметил Род, — совершенно не типично для подобных колоний. Насколько велико сходство этих зданий с земными образцами времён Ренессанса?

— До последней детали, Род.

— Значит, оно не случайно. А как насчет замка? Та же эпоха?

Робот помолчал, затем сказал:

— Нет, Род. Он, похоже, является точной копией германского замка тринадцатого века нашей эры.

Род кивнул.

— Что ты можешь сказать о стиле одежды?

— Мы приземлились ночью, и рассвет еще не наступил. Хотя света от трех спутников планеты вполне достаточно, людей на улицах почти нет... Впрочем, вот скачет на земных лошадях небольшой отряд солдат. Их мундиры... похоже, это копии мундиров британских Бифитеров.

— Отлично! Еще кого-нибудь видишь?

— Гм... Двое мужчин в плащах, э... камзолах и, кажется, штанах в обтяжку... Несколько крестьян в холщовых рубахах и штанах из оленьей кожи с помочами крест-накрест...

— Довольно, — оборвал его Род. — Это винегрет, мешанина различных стилей. Кто-то попытался воплотить здесь в жизнь свое представление об идеальном мире. Ты когда-нибудь слышал об Эмигрантах, Векс?

Робот на мгновение замолк, перебирая ячейки памяти, потом процитировал:

— К концу 22-го века н.э. на Земле было полным-полно недовольных существующим положением вещей. Разочаровавшись в жизни, на пороге отчаяния одни ударились в мистицизм, другие — в развлечения и эскапистскую литературу. Постепенно наиболее популярным развлечением стало псевдо-Средневековье. Наконец, кучка богачей, объединив средства, приобрела подержанный сверхсветовой звездолет и объявила всему миру, что они — Эмигранты-Романтики и намерены восстановить благословенный средневековый образ жизни на девственной планете. Еще, мол, они готовы взять на борт ограниченное число поселенцев в качестве крепостных и ремесленников. Количество желающих, конечно же, намного превысило число имеющихся вакансий. Брали только тех, в ком нашли «поэтичность души», хотя одному богу известно, что это за штука.

— Вероятно, они любили слушать байки о привидениях, — вставил Род. — И что же было дальше?

— Требуемое количество пассажиров набрали очень быстро. Тринадцать магнатов, организовавших эту экспедицию, объявили, что они отказываются от своих фамилий и принимают родовые имена знаменитых средневековых династий — Бурбон, Медичи и т.п. Затем корабль отбыл, причем пункт его назначения тщательно скрывался, дабы «исключить всякое влияние со стороны цивилизованного мира». С тех пор о них ничего не слышали.

Род мрачно ухмыльнулся.

— Полагаю, к ним то мы и прибыли. Как на это реагируют твои диоды, Векс?

— Вполне сносно, Род. Строго говоря, статистический анализ вероятности того, что это — колония Эмигрантов, показывает...

— Опустим это, — поспешил остановить его Род. Векс питал слабость к статистике. Он не упускал малейшей возможности продемонстрировать свои знания и мог заговорить собеседника до умопомрачения. Недовольно поджав губы, Род бросил взгляд на блок, в котором заключался мозг Векса.

— А вообще-то, знаешь, отошли-ка ты свою статистику в «Поиск» в доказательство того, что мы обнаружили колонию Эмигрантов. Займись этим прямо сейчас. Пусть лучше они знают, где мы находимся, а то мало ли что...

ПОИСК (Почетное Общество по ИСКоренению нарождающихся тоталитарных структур) — это организация, занимающаяся розыском затерянных земных колоний. Пролетарско-Эклектическое Содружество Терры (ПЭСТ) не проявляло большого интереса к технологически отсталым планетам, и поэтому судьба затерянных колоний никого не волновала до тех пор, пока диктатуру ПЭСТ не сверг Децентрализованный Демократический Трибунал (ДДТ). Проповедуя недостижимые идеалы афинской демократии, ДДТ быстро подчинил своему влиянию все население Земли.

Общезвестно, что ахиллесовой пятой демократических правительств является слабо развитая сеть коммуникаций и невежество населения. Но благодаря более чем двухвековой просветительской работе ДДТ все население получило начальное образование, а семьдесят два процента — получили дипломы магистров. Предрассудки исчезли с лица Земли, разделив участь рака и полиомиелита.

Успехи ДДТ в области субмолекулярной электроники позволили настолько уменьшить габариты и себестоимость средств связи, что их повсеместное распространение стало, наконец, действительно выгодным, и тем самым была решена проблема коммуникаций. В результате упомянутых преобразований каждый гражданин получил возможность без промедления одернуть своего Трибуна. Высокий уровень образованности позволил активно выражать недовольство по всякому поводу, что благотворно отражалось на уровне демократии.

Поскольку запись велась автоматически, радиожалобы оказались чрезвычайно эффективными. Изобретение феррум-оксидной

магнитной ленты с дорожками шириной в молекулу разрешило проблему хранения данных. А после разработки высокоэффективной системы поиска данных отпала необходимость держать в голове массу всевозможной информации, и все образование теперь сводилось к изучению набора концепций. Демократия восторжествовала.

После двух веков подобной подготовки захват власти ДДТ оказался лишь чистой формальностью.

Однако после победы революции ее непосредственные творцы, как правило, остаются не у дел и становятся головной болью для полиции нового правительства.

Поэтому ДДТ решил не жадничать и поделиться благами демократии с членами прежнего Галактического Союза.

Правда, демократов редко встречают с распростертыми объятиями на планетах, где господствуют тоталитарные режимы, и едва ли радужнее там, где царит анархия, ибо демократия — единственно возможный компромисс между диктатурой и безвластием.

Поэтому для распространения демократии требовалась постоянно действующая организация революционеров. Поскольку бывших революционеров, оставшихся не у дел, было хоть пруд пруди, очень быстро была создана организация, получившая название «ПОИСК» (Почетное Общество по ИСКоренению корпоративностей). Слово «нарождающихся» было добавлено позднее, когда все известные обитаемые планеты свергли тоталитарные режимы и присоединились к ДДТ. Поскольку ряды борцов за демократию значительно выросли, хлопот с бывшими революционерами после этого заметно прибавилось, и их стали поодиночке отправлять на поиски затерянных колоний.

Вот так и был создан ПОИСК — организация, в обязанности которой входило отыскивать отсталые планеты и наставлять их на путь демократии.

Поскольку Род наткнулся на планету, где царило средневековье, ему следовало помочь установить здесь конституционную монархию.

Род, урожденный Родни Д'Арман (у него имелось еще пять средних имен, но их перечисление — слишком скучное занятие), родился на планете, населенной исключительно роботами и аристократами. Он вступил в ПОИСК, едва ему сравнялось 18. За десять лет службы из долговязого некрасивого юнца он превратился в жилистого некрасивого мужчину.

Лучшее, что можно было сказать о его лице — это лицо аристократа. Все пространство, от ползущей с годами вверх границы

волос и до массивных надбровий, скрытых кустистыми бровями, занимал упрямый лоб. Под бровями в глубоких глазницах блестели глаза, которые, как хотелось верить Роду, взирали на мир жестко и непреклонно.

Глазницы переходили в высокие плоские скулы. Их разделял нос, владельцу которого мог бы позавидовать орел. Ниже находился широкий тонкогубый рот, с которого даже сон не стирал язвительной усмешки. Картину завершала квадратная челюсть и упрямый подбородок.

Роду хотелось выглядеть суровым, но когда встречающая девушка улыбалась ему, черты лица тут же смягчались. То же самое происходило при встрече с ребенком или собакой, что случалось еще чаще.

У него была своя Мечта. Некогда, в пору далекой юности, он мечтал о Прекрасной Даме. А ныне — о Едином Правительстве Объединенной Галактики (демократическом, разумеется). Поскольку несовершенство межзвездной связи не позволяло создать истинно демократическую федерацию, ДДТ был скорее свободной конфедерацией миров, своего рода дискуссионным клубом и служебной организацией — но не более того.

Однако Род свято берил, что в один прекрасный день проблема оперативной межзвездной связи будет решена, и звезды будут к тому готовы. Уж он-то об этом позаботится.

— Ну что ж, давай-ка займемся делом, Векс. А то, не ровен час, кому-нибудь придет в голову забрести сюда и напакнуть на нас.

Род забрался в шлюз и вернулся в кабину. Он подошел к панели на стене и высвободил зажимы. За панелью находился пульт управления, а над ним покоилась сфера размером с баскетбольный мяч из светлого металла с тускловатым отливом. От ее вершины вглубь корпуса корабля тянулся массивный кабель.

Род отсоединил кабель, разомкнул фрикционный зажим, удерживающий сферу на месте, и осторожно вынул ее из гнезда.

— Полегче, — раздался голос Векса из динамика, имплантированного в кость за правым ухом Рода. — Я, знаешь ли, хрупкий.

— Только не трусь, — пробурчал Род. Микрофон, вживленный в челюсть, доносил его слова до Векса. — Я хоть раз тебя ронял?

— Пока нет, — откликнулся робот.

Род взял «мозг» Векса под мышку, и, помогая себе свободной рукой, покинул шлюз. Вновь оказавшись снаружи, он нажал на выступ в борту звездолета. Открылась массивная дверь грузового

отсека, где, опутанный амортизационной сеткой, опустив голову и закрыв глаза, висел могучий черный жеребец.

Род нажал другую кнопку — из глубины отсека выдвинулась стрела крана, и конь, немного поболтавшись в воздухе, мягко опустился на землю. Род повернул луку седла, и панель на боку жеребца скользнула в сторону.

Поместив мозг робота внутрь и закрепив его там, Род снова повернул луку седла. Панель встала на место. Жеребец медленно поднял голову, пошевелил ушами, пару раз моргнул и издал пробное ржание.

— Похоже, все в порядке, — слышался голос за ухом Рода. Конь закусил удила. — Если ты сможешь мне выбраться из этой кошачьей колыбели, я проверю двигательные функции.

Род усмехнулся и снял с него сетку. Конь встал на дыбы, молотя копытами воздух, затем пустился галопом. Не выпуская из виду резвящегося робота, Род внимательно осмотрел окрестности.

Звездолет-астероид приземлился посреди заросшего густой летней травой луга в окружении дубов, кленов и ясеней. Стояла ночь, но луг был залит ярким светом трех лун.

Робот прискакал обратно и, встав на дыбы, замер прямо перед Родом. Копыта глухо ударили о землю, большие глаза цвета индиго уставились на Рода, уши встали торчком.

— Я в полном порядке, — доложил Векс.

Род снова усмехнулся.

— Ничего не сравнится с резвящимся конем!

— Неужели?

— Ну, почти ничто. Ладно, давай-ка спрячем корабль.

Род нажал на кнопки в борту корабля. Грузовой люк закрылся, шлюз загерметизировался, и корабль начал зарываться, вращаясь по мере погружения в землю все быстрее и быстрее. Вскоре на месте звездолета остался лишь мстровой глубины кратер, окруженный валом из чернозема.

Род вытащил из седельной сумки Векса саперную лопатку и приступил к работе. Конь помогал ему, обрушивая вал сильными ударами копыт. Через десять минут высота вала уменьшилась до нескольких сантиметров, а на месте кратера возник небольшой холм — метров шесть в поперечнике и высотой около полуметра.

— Отойди! — приказал Род и достал кинжал. Повернув рукоять в пол-оборота, он направил ее на холм. Из наконечника вырвался кроваво-красный луч. Рыхлая земля накалилась докрасна, затем расплавилась и потекла.

Род не спеша водил лучом из стороны в сторону по всему пространству развороченной земли, пока расплавленная почва не осела на целый фут. Затем он сгреб остатки вала в яму. Образовался маленький пригорок, который будет размыв ближайшим же дождем.

— Ну, вот и все, — Род вытер пот со лба.

— Не совсем.

У Рода опустились руки и слегка засосало под ложечкой.

— Ты должен быть одет согласно стандартам данного общества.

Род зажмурился.

— Я взял на себя смелость положить камзол в левую седельную сумку, пока ты проверял траву.

— Послушай, — попытался возразить Род. — А чем плоха моя форма?

— Обтягивающие штаны и армейские ботинки, пожалуй, сойдут. А вот пилотскую куртку никак нельзя спутать с камзолом. Должен ли я привести еще доводы?

— Да нет, хватит, — вздохнул Род и подошел к седельной сумке. — «Успех задания превыше всего, он важнее забот о достоинстве и личных удобствах...». — Эй! — он в недоумении уставился на длинный тонкий предмет, притороченный к седлу.

— Что за «эй», Род?

Молодой человек взял странный предмет в руки. С одного конца к этой штуковине была приделана рукоять. Предмет тихо клацнул. Род поднес его к глазам Векса.

— А это что еще такое?

— Шпага эпохи Елизаветы, Род. Древнее оружие, что-то вроде очень длинного кинжала, которым можно и рубить, и колоть.

— Шпага? — Род посмотрел на робота как на идиота.

— И мне придется носить ее?

— Разумеется, Род. По крайней мере, если ты собираешься действовать под своим обычным прикрытием.

Род издал стон, достойный христианского мученика, и вытащил из седельной сумки камзол. Нацепив его, он пристегнул шпагу к правому боку.

— Нет, нет, Род! Ты должен носить оружие на левом боку, чтобы можно было выхватить его правой рукой.

— Чего только не вытерпишь ради демократии... — Род приладил шпагу слева. — Векс, а тебе никогда не приходило в голову, что я — фанатик?

— Конечно, Род. У тебя типичный случай сублимации.

— Я попросил тебя высказать свое мнение, а не ставить диагноз, — проворчал Род. Он оглядел свой костюм. — А что, неплохо, совсем неплохо! — сказал он, подбоченившись. Отделанный золотом алый камзол ярко сверкал в лунном свете. — Ну, как я выгляжу, Векс?

— Ты ладно скроен, Род. — В тоне робота, однако, чувствовалась скрытая насмешка.

Род нахмурился.

— Для полноты картины не хватает еще плаща.

— В седельной сумке, Род.

— Обо всем позаботился, да? — Род порылся в сумке и вытряхнул необъятный плащ такого же ярко-голубого цвета, что и форменные брюки.

— Цепочка проходит под левой рукой и застегивается справа на шее.

Род надел плащ и повернулся лицом к ветру. Плащ волнами заструился вокруг его широких плеч.

— Готово! Будто с картинки сошел, а?

— Скорее с гравюры из книги Шекспира, Род.

— Лесть принесет тебе двойной рацион масла. — Род вскочил в седло. — К ближайшему городку, Векс. Мне не терпится покрасоваться в новом наряде.

— Ты забыл засеять кратер, Род.

— Что? Ах, да! — Род вытащил из правой седельной сумки мешочек и разбросал его содержимое по развороченной земле. — Вот! Теперь бы еще хороший ливень, да пару деньков на прорастание, и это место ничем не будет отличаться от остального луга. Будем надеяться, что в ближайшие два дня сюда никто не забредет...

Конь внезапно вскинул голову и наострил уши.

— Что случилось, Векс?

— Слушай, — ответил робот.

Род нахмурился и закрыл глаза.

Откуда-то издалека ветер донес звонкие крики и веселый смех.

— Похоже, веселится компания ребятишек.

— Они приближаются, — тихо произнес Векс.

Род снова закрыл глаза и прислушался. Крики действительно становились все громче...

Он повернулся лицом к северо-востоку, откуда, как ему казалось, доносились звуки, и стал всматриваться вдаль. Однако, кроме трех лун, сиявших на небосводе, ничего не было видно.

Вдруг по одной из лун пробежала тень. За ней — еще три.

Смех становился все явственней.

— Около семидесяти пяти миль в час, — пробормотал робот.

— Что?

— Семьдесят пять миль в час. Скорость, с которой они приближаются.

— Хм, — Род пожевал нижнюю губу. — Векс, давно мы приземлились?

— Часа два назад, Род.

Что-то пронеслось над их головами.

Род задрал голову.

— Эй, Векс?

— Да, Род.

— Они летают, Векс.

Возникла пауза.

— Где твоя логика, Род? Подобное общество не может иметь воздушных средств передвижения.

— А их и нет. Они летают. Сами по себе.

Снова пауза.

— Сами люди, Род?

— Точно, — ответил Род с ноткой смущения в голосе. — Хотя, та особа, которая только что пронеслась над нами, кажется, оседлала помело. И вроде бы, она совсем недурна собой... Векс?

Голова коня тихонько покачивалась меж скованных параличом ног.

— А, черт! — вскрикнул Род. — Только не это!

Он сунул руку под луку седла и отключил прерыватель цепи. Робот медленно поднял голову и помотал ею. Род схватил поводья и повел коня прочь от кратера.

— Ч-что-о слу-училось, Р-р-род?

— У тебя был припадок, Векс. Теперь, что бы ни произошло, не вздумай ржать. Вся эта летающая вакханалия движется в нашу сторону, и я готов поспорить, что они явились посмотреть на упавшую звезду. А посему, давай-ка двинем в ближайший лесок — и тихо, ради бога, тихо.

Вступив под сень деревьев, растущих на краю луга, Род оглянулся, чтобы посмотреть на летающую флотилию.

Молодежь, радостно визжа, кружилась в небе в полумиле от них, громко приветствуя кого-то. Ветер доносил до Рода лишь отдельные фразы.

— Возрадуйтесь, дети мои! Это леди Гвен!

— Значит ты, наконец, решила взять наш ковен под материнскую опеку, Гвендилон?

— А ты хорошеешь на глазах, милая Гвендилон! Как у тебя дела?

— Я пока не покинула младенцев, Рендал...

— Словно классная дама заскочила на гулянку в Колледже Ведьм, — хмыкнул Род. — Очухался, Векс?

— В голове вроде прояснилось, — признался робот, — и в мою основную программу включена новая концепция.

— А, — Род поджал губы. — Значит, я не ошибся?

— Ты прав. Они действительно летают.

Наконец, воздушный хоровод вспомнил о цели своего визита. С криками и громким хохотом они устремились к лугу, покружились над кругом свежеразрытой земли, и один за другим приземлились вокруг.

— Ну, разве остались какие-то сомнения относительно цели их прибытия? — Род сел на землю по-турецки и прислонился спиной к передним копытам Векса. — Я полагаю, остается только ждать.

Он повернул печатку своего перстня на четверть оборота и нацелил его на собравшихся.

— Транслируй, Векс.

Перстень превратился теперь в очень мощный узконаправленный микрофон. Векс принимал его сигнал и передавал в динамик, имплантированный Роду.

— Следует ли нам рассказать о нем Королеве?

— Нет, сия версия приведет ее в смятение без нужды.

Род нахмурился.

— Можешь ли ты что-нибудь извлечь из этого диалога, Векс?

— Только то, что это — английский эпохи Елизаветы.

— Вот почему ПОИСК всегда вместе с роботом посылает человека, — сказал Род. — Ладно, начнем с очевидного. Язык подтверждает твоё предположение: это — колония Эмигрантов.

— Ну, да, — пробурчал слегка уязвленный Векс.

— Ладно, ладно, дружище, не ворчи. Я знаю, что ты не любишь повторять прописные истины. Но когда перебираешь очевидные факты, то порою открывается какая-то упущенная второпях деталь. Разве не так?

— Ну...

— Рассуждаем дальше. Они упоминали о Королеве. Значит, как мы и предполагали, здесь правит монарх. Эти подростки называют своё братство ковенom, следовательно, они считают себя ведьмами и колдунами... С чем, учитывая их способ передвижения, я склонен согласиться. Но...

Это «но» на некоторое время повисло в воздухе. Векс наострил уши.

— Они также спорили, рассказать ли об этом событии Королеве. Значит, они должны иметь доступ к королевскому уху. Что это, Векс? Власть покровительствует колдовским силам?

— Не обязательно, — рассудительно заметил Векс, — вспомни короля Саула и Эндорскую ведьму....

— Но есть шанс, что они приняты при дворе.

— Род, ты торопишься с выводами.

— Нет, просто меня осенила блестящая идея.

— Вот, — съязвил Векс, — почему ПОИСК всегда вместе с человеком посылает робота.

— Тйше. Но они также сказали о Королеве, что это сообщение «приведет ее в смятение без нужды». Что значит «смятение», Векс?

— Вызовет беспокойство, Род.

— Гм... эта Королева, должно быть, чувствительная особа.

— Да, возможно.

В поле грянула музыка — шотландские волынки наигрывали старинный цыганский романс. Молодежь пустилась в пляс на расчищенном пятачке и вокруг него.

— Варварский крестьянский танец, — пробормотал Векс.

— «Где земля кончается, там все и встречается», — процитировал Род, вытягивая ноги. — Смешанная культура, заботливо вобравшая в себя наихудшее из того, что могла предложить старушка Земля.

— Ты несправедлив, Род.

Род вопросительно поднял брови.

— Тебе нравятся волынки?

Он скрестил руки и уронил голову на грудь, предоставив бдительному Вексу следить за происходящим.

Робот вел наблюдение в течение двух часов, терпеливо накапливая данные. Когда музыка стихла, Векс водрузил копыто на бедро Рода.

— Уф-ф-ф! — простонал Род, но мгновенно проснулся, как и подобает секретному агенту.

— Гулянка окончена, Род.

Молодежь взвилась в воздух, держа курс на северо-восток.

Одно помело взяло правее, и за ним метнулась мальчишеская фигурка.

— Не покидай нас вновь на столь долгий срок, Гвендилон.

— Рендал, если бы ты был мышонком, то посватался бы к слонихе! Прощай, и отныне ухаживай за девами, которые всего лет на шесть старше тебя!

Помело понеслось прямо на Рода, взмыло над деревьями и скрылось из виду.

— М-м-да-а! — Род облизнул сухие губы. — На этой девице определенно держится многое. И, судя по ее речам, она малость постарше, чем эти сосунки...

— Я-то думал, Род, что ты уже перерос легкомысленные интрижки.

— Иными словами, мне вежливо намекают, что она едва ли удостоит меня вниманием. Но могу же я полюбоваться на витрину, даже если у меня в кармане нет ни гроша?

Ковен юнцов скрылся за горизонтом, и их смех растаял вдали.

— Ну, вот и все. — Род поджал под себя ноги. — Гулянка окончена, а мы не стали мудрее.

Он вскочил.

— Ну, по крайней мере, мы сохранили инкогнито. Никто не знает, что под этим земляным холмиком спрятан звездолет.

— А вот и нет, — захихикал тонкий голосок.

Род замер, повернул голову и обомлел.

Среди корней дуба стоял ухмыляющийся широкоплечий человек, ростом всего дюймов двенадцать. Он был одет в коричневый камзол и шаровары другого оттенка, его зубы сияли снежной белизной. Он имел весьма озорной вид.

— Королю Эльфов доложат о твоём прибытии, Милорд Чародей, — хихикая сказал карлик.

Род бросился вперед.

Но человечек исчез, хихикнув на прощание.

Род стоял неподвижно, слушая как ветер шелестит листьями дуба, а среди его могучих корней затихают последние отзвуки веселого смеха.

— Векс, — сказал он. — Векс, ты видел это?

Ответа не последовало.

Род нахмурился и обернулся.

— Векс? Векс!

Голова робота тихо покачивалась между передними ногами.

— О, черт!

Низкий гул колокола возвестил наступление девяти часов утра в каком-то большом, но задрипанном городишке, который был — насколько Род и Векс могли судить по азимуту и скорости полета — родным домом юных колдунов и ведьм. Поскольку они упо-

минали о Королеве, Род лелеял надежду, что этот городок и окажется столицей.

— Это всего лишь догадка, конечно, — поспешно добавил он.

— Естественно, — буркнул робот, подавив смиренный вздох.

— Перейдем к делу. Каким именем мне здесь назваться?

— Почему не Родни Д'Арман VII? Это один из тех немногих случаев, когда подойдет твое настоящее имя.

Род покачал головой.

— Слишком напыщенно. Мои предки так и не смогли избавиться от своих аристократических замашек.

— Они действительно были аристократами, Род.

— Так же, как и все на планете, кроме роботов. Хотя те так долго служили семействам, что могли бы рассчитывать на некоторые привилегии.

— Мы почитаем за честь...

— Довольно, — оборвал его Род. В память Векса была заложена стандартная заповедь — что-то вроде «noblesse oblige» — из «Правил поведения роботов», которую он охотно цитировал при всяком удобном случае. — Ты не забыл, что мы так и не выбрали мне имя?

— Если ты настаиваешь. — Векс не скрывал разочарования. — Опять наемник?

— Это оправдывает бродячий образ жизни.

Векс содрогнулся.

— Мог бы прикинуться бродячим менестрелем...

Род покачал головой.

— Менестрель должен быть в курсе текущих событий. Хотя это неплохая идея. Надо раздобыть где-нибудь лютню, особенно, если правитель — женщина. Песни могут провести тебя туда, куда не пробиться мечом...

— Мы всякий раз проходим через это... «Галлоугласс» тебе подойдет, Род? Так в Ирландии именовали наемников.

— Галлоугласс... — Род как бы покатаł слово на языке. — Звучит неплохо. В нем есть какой-то напор.

— Как и в тебе.

— Чую, ты насмехаешься надо мной. Но это действительно хорошее, солидное слово... И в нем нет ничего такого, что ты называешь «симпатичным»...

— Определенно, как и в тебе, — буркнул робот.

— Смею надеяться. Решено — Род Галлоугласс. Тпру!

Род, нахмурившись, натянул поводья. Откуда-то доносился глухой гул толпы.

— Это еще что за сборище, — поинтересовался он.
— Род, будь поосторожнее...
— Неплохая идея. Жми дальше, но, пожалуйста, не стучи так копытами.

Векс перешел на шаг и двинулся по узкой, залитой лунным светом улочке, прижимаясь к выдавшим виды стенам. Остановившись у перекрестка, он высунул свою лошадиную голову за угол.

— Что ты видишь, сестрица Анна?

— Толпу, — ответил Векс.

— Гениально, Ватсон. А что еще?

— Свет факелов и молодого человека, который вскарабкался на помост. Прости меня за сравненис, Род, но все это весьма смахивает на сходку в твоей альма матер.

— Может, так оно и есть. — Род соскочил с лошади. — Постой-ка здесь, здоровяк. Я пойду на разведку.

Он завернул за угол и зашагал по-солдатски вразвалочку, держа руку на эфесе шпаги.

Судя по виду толпы, это была неплохая мысль. Должно быть, здесь проходил митинг местного Профсоюза Бродяг, ибо Род не заметил ни одного незалатанного камзола. Он поморщился — вымытое тело встречалось здесь не чаще, чем приличный камзол. Весьма подозрительное сборище.

Митинг проходил на большой площади, с одной стороны ограниченной широкой рекой, на которой покачивались пришвартованные деревянные суда, а с трех других — дешевыми обшарпанными доходными домами, мелкими лавками и такелажными складами. Приличный вид имели разве что склады. Все здания были деревянными, с характерно нависающими вторыми этажами.

Площадь была запружена орущей, толкущейся толпой. Отблески огней сосновых факелов придавали всей картине демонический характер.

Приблизившись, Род увидел повязки на глазах, обрубки конечностей, отсутствие ушей — и сразу бросилась в глаза неестественность присутствия среди этого сброда человека, стоящего на наспех сколоченном помосте.

Он был молод, широкоплеч и белокур. Его лицо с курносым носом и голубыми глазами не обезображивали шрамы. Это открытое и честное, по-детски округлое лицо, пылало страстью Миссии. Прилично сшитый из добротной ткани камзол и шаровары были безупречно чистыми. На бедре висела шпага.

— Ясно, что парень — другого поля ягода, — заметил про себя Род. — Какого черта он делает в этой крысиной норе?

Юноша вскинул руки, и толпа заревела. Те, кто держал сосновые факелы, продвинулись ближе к помосту, чтобы лучше осветить его.

— Чьи плечи несут самое тяжелое бремя? — крикнул парень.

— Наши! — взывала толпа.

— Чьи руки изуродованы непосильным трудом?

— Наши!

— Кто создает все богатства, что расточают вельможи?

— Мы!

— Кто воздвиг их огромные гранитные замки?

— Мы!

— Разве мы не заслужили толику этих богатств и роскоши?

— Заслужили!

— Ведь в каждом из этих замков довольно богатств, чтобы сделать всех нас королями! — взревел юный оратор.

Толпа неистовствовала.

— Ты слышишь, Векс?

— Да, Род. Звучит так, словно свалили в одну кучу Карла Маркса и Хью Лонга.

— Странное сочетание, — пробормотал Род. — Хотя, если поразмыслить, не столь уж и странное.

— Все это богатство — ваше, — кричал юноша. — У вас есть на него право.

Толпа снова взывала.

— Отдадут ли они нам то, что причитается?

Рев толпы вдруг перешел в зловещий ропот.

— Нет! — гаркнул молодой человек. — Значит вы должны потребовать, ибо у вас есть на то право.

Он снова вскинул руки.

— Королева дала вам хлеб и вино, когда на вас напал голод! Но королева дала мясо и доброе вино ведьмам, которых она укрывает!

Рев толпы снова стал стихать. По рядам пробежал шепот:

— Ведьмы! Ведьмы!

— Да! — прокричал оратор. — Даже отверженным ведьмам! Что же она должна дать нам, обожженным жаром немилосердного солнца? Она отдаст вам то, что причитается!

Толпа воплем откликнулась на его призыв.

— Куда вы пойдете? — крикнул юный Демосфен.

— К замку! — завопил кто-то, и другие голоса подхватили этот крик, скандируя:

— К замку! К замку!

Вдруг их крики заглушил пронзительный вой. Толпа затихла. Худой скрючившийся человек проковылял к краю крыши склада и крикнул:

— Солдаты! Не меньше роты!

— Уходите по переулкам и через верфи! — приказал юноша. — Встретимся через час в Доме Кловиса.

К удивлению Рода никто не проронил ни звука. Людской поток ручейками стал втекать в извилистые улочки. Не было ни паники, ни давки.

Род вжался в дверной проем и смотрел, как затапывают факелы. Сотни нищих, неслышно ступая, безмолвно проходили мимо него, и их поглощала темнота переулков.

Площадь опустела. Слабые отзвуки поспешного бегства стихли вдали. Во внезапно наступившей тишине Род отчетливо слышал приближающийся топот копыт — это скакали солдаты, спешащие обуздать верноподданных Королевы.

Род сошел на мостовую и на цыпочках припустил за угол, где его поджидал Векс.

С разбегу вскочив в седло, он прошептал:

— В приличную часть города, Векс. Быстро и тихо.

Если требовалось бесшумно ударить откуда-нибудь, Векс мог выдвинуть из копыт резиновые подушечки дюймовой толщины. В его памяти также хранилась фотокарта города, составленная на основе данных аэрофотосъемки. У робота-коня есть свои преимущества.

Они мчались по городу, постепенно взбираясь все выше и выше по склону холма, на вершине которого стоял королевский замок. Здания вокруг становились все солиднее — они въезжали в более respectable кварталы города.

— Как ты все это объяснишь, Векс?

— Бесспорно, тоталитарное движение, — ответил робот. — Некий жадный до власти вдохновитель черни заставляет ее предъявлять правительству требования, которые заведомо не могут быть удовлетворены. Отказ Королевы будет использован как повод для подстрекания толпы к насилию, и вот вам долгожданная революция.

— А разве за этим не может стоять просто честолюбивый аристократ, пытающийся узурпировать корону?

— Узурпаторы вербуют себе сторонников среди высших слоев общества, Род. Нет, это пролетарская революция — прелюдия к тоталитарному правительству.

Род поджал губы.

— Скажи-ка, нет ли здесь признаков вмешательства со стороны более развитой культуры? Ведь пролетарские революции — нечастое явление в обществах такого типа, не так ли?

— Крайне редкое, Род. А если они и происходят, то агитация при этом почти не ведется. К тому же, в проповедях средневекового общества никогда не ссылаются на неотъемлемые права личности. Подобная концепция чужеродна для данной культуры. Поэтому вероятность вмешательства довольно велика...

Губы Рода расплылись в недоброй усмешке.

— Ну, старая развалина, вроде здесь подходящее местечко для того, чтобы открыть нашу лавочку.

В верхней части города они наткнулись на бесформенную двухэтажную постройку, которая с трех сторон окружала освещенный факелами двор. Четвертую сторону замыкал деревянный частокол с воротами. Из ворот как раз вывалилась компания смеющихся, хорошо одетых молодых людей. Род уловил обрывки застольной песни. Гремели тарелки, кто-то требовал мяса и эля.

— Мне кажется, мы набрали на один из лучших трактиров в городе.

— Я бы сказал, что это верное предположение, Род.

Род откинулся в седле.

— Похоже, здесь можно недурно провести ночь. Как ты думаешь, Векс, в этом обществе знают, что такое колбаса с чесноком?

Робота аж передернуло.

— Род, у тебя крайне извращенный вкус.

— Дорогу! Дорогу! — раздался крик за спиной Рода.

Обернувшись, он увидел кавалерийский отряд, скачущий прямо на него. За ним катился позолоченный, с богатой резьбой экипаж.

Перед солдатами скакал герольд.

— Посторонись-ка, приятель, — крикнул он. — Едет карета Королевы.

— Королевы! — вскинул брови Род. — Да, да! И вправду, давай-ка посторонимся!

Он толкнул Векса коленом. Конь убрался с дороги и встал на обочине так, чтобы Род мог хорошенько рассмотреть королевский кортеж.

Занавески в карете были полуопущены, но оставалась щелка для обзора. Мягкий свет фонаря позволил Роду бросить взгляд внутрь проезжающего экипажа.

Стройная, хрупкая фигурка, закутанная в темный дорожный плащ с капюшоном; бледное узкое лицо, обрамленное белокурыми, почти платиновыми волосами; большие темные глаза и маленькие, ярко-красные слегка надутые губки.

Молода, очень молода, совсем еще ребенок, — подумал Род.

Она сидела очень прямо, и имела крайне беззащитный, но, в то же время, весьма решительный вид, под которым, по-видимому, скрывала свое одиночество. Во всей ее напряженной позе был некий вызов, что частенько является следствием страха и отчаяния.

Род усталился вслед удаляющемуся кортежу.

— Ро-од.

Род вздрогнул, потряс головой и осознал, что карета давным-давно скрылась из виду.

Он сердито взглянул на загривок коня.

— В чем дело, Векс?

— Я уж беспокоился, не заснул ли ты.

Черная голова повернулась к Роду, большие глаза лучились смехом.

— Нет, — Род изогнулся в седле, оглядываясь на поворот, за которым скрылась карета.

Векс участливо спросил:

— Опять Мечта, Род?

Род нахмурился.

— А я-то думал, что роботы лишены эмоций.

— Да, это так и есть. Но мы питаем врожденную неприязнь к отсутствию того, что обычно называют здравым смыслом.

Род кисло улыбнулся.

— И, конечно же, питаете уважение к тому, что обычно называют иронией, ибо она, в основе своей, логична. А ирония предполагает...

— ...наличие чувства юмора, да. Но ты должен признать, Род, что есть нечто изначально смешное в человеке, который облетел полгалактики в поисках плода своего воображения.

— О да, миллион раз, да. Но разве не в этом разница между человеком и роботом, Векс?

— В чем? В способности строить воздушные замки?

— Нет, в способности увлекаться. Ладно, давай-ка посмотрим, нет ли тут где-нибудь стойла, где ты мог бы спокойно пережевывать свою информацию.

Векс повернулся и потрусил через ворота во двор.

Как только Род спешил, из конюшни выбежал конюх. Род бросил ему поводья и приказал:

— Не давай ему много воды, — а сам прошел в большой зал трактира.

Род никогда не думал, что в помещении, где не курят табак, может быть столько дыма. На этой планете искусство сооружения дымоходов явно влачило жалкое существование. Хотя клиенты, похоже, не жаловались.

В помещении стоял громкий гул — люди смеялись, грубо шутили, спорили во весь голос. Огромный зал вмещал двадцать с лишним больших круглых столов. Было несколько столиков и поменьше, занятых людьми, чья одежда выделяла их среди простонародья (но это были не настолько важные господа, чтобы находиться в замке). Освещение состояло из чадивших всюсю основных факелов, капающих прямо на гостей сальных свечей, а также огромного очага, на котором можно было зажарить быка, что собственно и делалось.

Целая орава мальчишек и крестьянских девушек обеспечивала постоянный приток еды и питья от кухни к столикам. Многие из них просто творили чудеса в беге по пересеченной местности.

Полный лысоватый человек в фартуке, обмотанном вокруг необъятной талии, выскочил из кухни с огромным дымящимся блюдом — надо полагать, трактирщик. Дела у него сегодня ночью явно шли недурно.

Толстяк поднял глаза, увидел Рода и, мигом углядев расшитый золотом алый камзол, шпагу и кинжал, явно представительный вид и, самое главное, туго набитый кошель, тут же сунул блюдо ближайшей служанке. Вытирая руки о фартук, он подлетел к Роду.

— Чем могу служить, добрый господин?

— Кружка эля, кусок мяса толщиной в два твоих больших пальца и столик на одного, — улыбнувшись, сказал Род.

Трактирщик уставился на него, раскрыв рот, — Род явно сделал что-то не так.

Затем взгляд старика принял прежнее расчетливое выражение, которое Роду приходилось видеть и раньше. Оно обычно сопровождалось приказом официанту *sotto voce*: — Слабак. Выжми из него все до последней нитки.

Род улыбнулся.

Этого-то и не следовало делать.

Но еще не все было потеряно. Род согнал улыбку с лица и нахмурился.

— Ну, чего ты ждешь? — рявкнул он. — Поторопись, иначе я пообеду вырезкой из твоей ляжки!

Хозяин подпрыгнул, затем часто и раболепно закланялся.

— Конечно, м'лорд, конечно! Все будет сию минуту, добрый господин, да-да, сию же минуту! — Он рванулся прочь.

Род схватил его за плечо.

— Столик, — напомнил он.

Трактирщик сглотнул и, кивнув, отвел Рода к столику рядом с подпирающим кровлю огромным бревном, а сам — несомненно ругаясь себе под нос — поспешил прочь.

Род не остался в долгу, осыпав проклятиями всех корыстолюбцев и трактирщиков в частности.

И, в конце концов, отругал себя самого за то, что поспешил на ругательства.

А что ему оставалось делать? ПОИСК предписывал агентам не бросаться в глаза, а мягкосердечных людей среди средневековых господ не было и в помине.

Когда трактирщик сказал «сию минуту», он не соврал. Кусок мяса и эль появились на столе чуть ли не раньше, чем за него уселся Род. Хозяин с обеспокоенным видом стоял рядом, вытирая руки о фартук. Вероятно, ждал, как Род примет его стряпню.

Род хотел было успокоить его, но слова так и застряли в глотке. Он принялся и медленно расплылся в улыбке.

— Вроде пахнет колбасой с чесноком?

— О да, ваша милость! — вновь закланялся хозяин. — На самом деле пахнет колбасой с чесноком, ваша милость, и к тому же, превосходной колбасой с чесноком, если позволите. Не угодно ли Вашей милости немного...?

— Моей милости угодно, — подтвердил Род, — и *presto allegro*, сэ-эр.

Трактирщик шарахнулся от него, как Векс от силлогизма, и припустил прочь со всех ног.

— Что это с ним? — поразился Род. Должно быть, что-то эдакое было в моей фразе. А я был так горд этим «сэ-эр»...

Он попробовал мясо и только стал запивать его элем, как на стол плюхнулась тарелка с колбасой.

— Молодец, — сказал Род, — и мясо очень даже ничего.

Трактирщик имел довольный вид; он было повернулся, чтобы уйти, но затем снова посмотрел на Рода.

— Ну, что еще? — пробурчал Род, набив рот колбасой.

— Прошу прощения, мой господин, но... — в волнении он тербил руками фартук и, наконец, выпалил:

— Г-господин, часом, не чародей?

— Кто? Я? Чародей?! Неслыханно!

Для пущей убедительности Род ткнул столовым ножом в сторону трактирщика. Огромный живот толстяка испуганно съежился и мгновенно ретировался, прихватив с собой своего владельца.

— И с чего это он взял, что я чародей? — подумал Род, пережевывая огромный кусок отбивной? — Никогда не едал мяса лучше, — решил он. — Должно быть, все дело в дыме. Интересно, какое дерево они используют? Наверно, виновато «presto allegro». Он, вероятно, подумал, что это какое-то заклинание... И все-таки эти слова действительно сотворили чудо.

Род откусил от круга чесночной колбасы и хлебнул эля.

Он — чародей? Никогда! Хотя он и второй сын второго сына, но так низко еще не пал.

Кроме того, чтобы стать чародеем требовалось подписать кровью договор, а у Рода не было лишней крови, и он не стремился проливать ее почем зря...

Он осушил кружку и стукнул ею по столу. Тут же появился трактирщик с кувшином и снова наполнил кружку доверху. Род хотел было благодарно улыбнуться, но вспомнил о своем статусе и превратил улыбку в ухмылку. Пошарив в кошельке, он нащупал неправильной формы золотой самородок — свободно конвертируемую валюту средневекового мира — но, вспомнив о том, как быстро в подобных заведениях обирают щедрых, остановил свой выбор на серебряной пластинке.

Издав какой-то булькающий звук, трактирщик изумленно вылился на узенькую белую полоску в своей ладони, затем, заикаясь, рассыпался в благодарностях и скрылся.

Род с досады закусил губу. Очевидно, даже столь малого кусочка серебра было достаточно, чтобы вызвать здесь оживление.

Однако, недовольство собой быстро прошло — воистину, фунт другой мяса в желудке делает окружающий мир гораздо привлекательнее. Род выставил ноги в проход, потянулся и откинулся на спинку стула, ковыряя в зубах столовым ножом.

Что-то в этом зале было не так. Веселье казалось каким-то нарочитым: излишне громкие голоса, натянутый, мрачноватый

смех, не прикидывались лишь те, кто выглядел угрюмо. Их мысли были черны, как сажа.

Страх.

Взять хотя бы вон ту парочку головорезов за третьим столиком справа, которые яростно спорили о чем-то с предельно серьезным видом. Род повернул свой перстень и направил его на них.

— Но что толку от этих сборищ, ежели Королева продолжает посылать против нас своих солдат!

— То правда, Адам, то правда. Не хочет она выслушать нас, вот, говоря начистоту, и держит подальше, не давая высказаться.

— Ну, тогда надо заставить ее выслушать!

— И что с того? Ее вельможи не позволят ей дать нам то, что мы требуем.

Адам хлопнул ладонью по столу.

— Но у нас есть право быть свободными, не становясь ворами и нищими! Надо покончить с долговыми тюрьмами, да и с налогами тоже!

— Ага, и с отрубанием уха за украденный кусок хлеба. — Он потер с виноватым видом правую сторону головы. — И все же она хоть чего-то жертвует нам...

— Ну да, теперь еще эта ее затея с собственными судьями! Отныне великие лорды не вправе вершить правосудие так, как им заблагорассудится.

— Вельможи этого не потерпят, и ты сие знаешь. Судьи долго не протянут. — Лицо Одноухого стало мрачным. Он чертил пальцем круги на влажной поверхности стола.

— Нет, вельможи встанут стеной против прожектов Королевы. — Адам вонзил свой нож в стол. — И куда смотрит Логайр?

— Эй, не вякай против Логайра! — Лицо Одноухого налилось кровью. — Если бы не он, оставаться бы нам и по сей день разрозненной ордой оборванцев! Не задевай Логайра, Адам, ибо без него у нас не было бы даже медяшки, чтобы посидеть в этом трактире, где солдаты Королевы всего лишь гости!

— Да, да, он собрал нас, воров, вместе и сделал из нас людей. Но теперь он сковал обретенное нами мужество, стремясь удержать нас от драки за то, что нам принадлежит по праву!

У Одноухого заиграли желваки на скулах.

— Ты наслушался праздной и завистливой болтовни Пересмешника, Адам!

— И все же драться нам придется, помни мои слова! — воскликнул тот, сжимая кулак. — Прольется немало крови, по-

куда мы добьемся своего. Кровь — за кровь, за ту кровь, что выпустили вельможи из...

Что-то громадное врезалось в Рода, припечатав его к столу и окатив смрадом пота, лука и дешевого вина.

Род уперся рукой в стол и резко пихнул плечом. Туша отшатнулась с громким «уф-ф». Род, нащупав печатку перстня, отключил его и вытащил кинжал.

Над ним возвышался человек ростом футов в восемь и шириной с фургон.

— Эй ты! — прорычал он. — Че не глядишь, куда я иду?

Род повертел ножом перед носом великана.

— Отойди, приятель, — сказал он тихо. — Оставь честного человека наедине с его элем.

— Честный человек, как же! — заржал рослый крестьянин. — Вояка зовет себя честным человеком! — Его гогот подхватили другие столы.

Держу пари, подумал Род, что чужаки здесь не в почете.

Вдруг смех прекратился.

— Эй, опусти-ка свою игрушку, — сказал, внезапно протрезвев, здоровяк, — и я докажу тебе, что честный крестьянин может вздуть вояку.

Тут до Рода дошло, что все это подстроено, и по его спине пробежал холодок. Хозяин шепнул этому буйволу, где можно найти тугой кошель...

— Я с тобой не ссорился... — пробормотал Род. И раньше, чем эти слова слетели с языка, он понял, что вряд ли мог сболтнуть что-нибудь более неподходящее.

Здоровяк злобно уставился на него.

— Не ссорился, теперь он говорит. Встал тут на пути бедного подвыпившего человека, так что тому и пройти нельзя. Но как только увидел Большого Тома, сразу говорит «не ссорился»!

Огромная лапа сгребла Рода за ворот, ставя его на ноги.

— Не, я тебе покажу ссору, — прорычал Большой Том.

Правая рука Рода, метнувшись вперед, рубанула его по локтю и вернулась на место. Ручища здоровяка разжалась и, внезапно онемев, бессильно упала: Большой Том уставился на нее с таким видом, будто она его предала.

Род поджал губы и сунул кинжал в ножны. Сделав шаг назад, он слегка согнул колени и помассировал кулак правой руки о ладонь левой. Крестьянин был здоров как бык, но, вероятно, ни черта не смыслил в боксе.

Рука Тома стала отходить, а вместе с этим возникла боль. Великан взревел от ярости, сжал руку в кулак и обрушил на Рода удар, способный сокрушить все на своем пути.

Но Род ловко увернулся и резко толкнул Тома сзади в плечо, заставляя его еще больше развернуться.

Затем он схватил правую руку здоровяка за запястье, резко завернул ее за спину и рванул вверх. Большой Том взвыл. Пока тот выл, рука Рода проскользнула под мышкой и, надавив на загривок, поймала его шею в полунельсон.

Неплохо, — подумал Род. Пока ему не было нужды боксировать.

Он врезал Тому коленом в поясницу и одновременно разжал хват. Великан вылетел на открытое пространство у очага, попытался удержаться на ногах, но не смог. Загрохотали перевернутые столы — посетители бросились врассыпную, все как один спеша освободить место подле очага для Большого Тома.

Великан рухнул на колени, потряс головой и поднял глаза на Рода, который с угрюмой ухмылкой стоял перед ним в боевой стойке, маня его к себе обеими руками.

Том глухо зарычал и уперся ногой в основание очага.

Пригнув голову, он бросился на Рода, словно разъяренный бык.

Род шагнул в сторону и подставил ногу. Большой Том с разбегу врезался прямо в первый ряд столов. Род зажмурился и стиснул зубы.

Раздался треск, словно четыре шара одновременно врезались в кегли. Род содрогнулся, но открыл глаза и заставил себя смотреть. Из груды деревянных обломков показалась голова Тома с широко раскрытыми глазами и отвисшей челюстью.

Род печально покачал головой и поцокал языком.

— У тебя была тяжелая ночь, Большой Том. Почему бы тебе не пойти домой и не проспать?

Том поднялся на ноги и принялся ощупывать свое тело в поисках повреждений.

Убедившись, что все на месте, он притопнул ногой, упер руки в боки и уставился на Рода.

— Слушай-ка, парень, не скажешь, что ты дерешься как честный джентльмен, — посетовал он.

— Скорее, совсем не как джентльмен, — согласился Род. — Попробуешь еще разок, Том? Все или ничего!

Здоровяк оглядел свое тело, словно сомневаясь в его прочности. Он оценивающе пнул обломки дубового стола, стукнул кула-

ком по своим мощным, толщиной в ствол дерева, бицепсам и кивнул.

— Повторим, как только я буду готов, — сказал он. — Давай, малыш.

Осторожно обойдя вокруг столов, он шагнул на расчищенное пространство у очага, кровожадно косясь на Рода.

— Наш добрый хозяин сказал тебе, что мой кошель полон серебра, не так ли? — спросил Род. Его глаза горели недобрым огнем.

Большой Том промолчал.

— И уверял, что я — легкая добыча, — задумчиво продолжал Род. — Но оба предположения ложны.

Том выпучил глаза и издал приглушенный рев.

— Нет серебра?

Род кивнул.

— Я так и думал, что это он сказал тебе. — Род взглянул на трактирщика, который, бледный как мел, дрожал у столба.

Когда он снова перевел взгляд на Большого Тома, то увидел, что нога гиганта направляется прямо ему в живот.

Род отпрыгнул назад, поймал Тома за ступню и отправил его в заоблачные высоты.

Нога Тома описала широкую дугу. На какой-то миг он повис в воздухе, отчаянно молотя руками, затем, взыв, рухнул на пол.

Взгляд Рода выразил сострадание при виде того, как Том корчится на полу, стараясь восстановить прерванное падением дыхание.

Род шагнул вперед, схватил Тома за грудки, уперся ногой в пол и всем телом подался назад, поднимая гиганта на ноги. Том тут же завалился вперед. Род подставил плечо под мышку здоровяка и рывком вернул его в вертикальное положение.

— Эй, хозяин, — крикнул он. — Бренди! Живо!

Роду нравилось думать о себе как о человеке, на которого можно положиться, но всему есть предел.

Наконец, Большой Том слегка очухался и стал огрызаться на беззлобные насмешки своих собутыльников; посетители уже навели некоторый порядок в зале, а Род все не предпринимал попыток хоть как-то отомстить трактирщику, и в глазах сего почтенного человека затеплился огонек надежды. Он снова вырос перед Родом, выставив вперед подбородок и поджав губы.

Род очнулся от невеселых размышлений о неблагодарной природе человека и сосредоточился на трактирщике.

— Ну, чего тебе надо?

Трактирщик судорожно сглотнул.

— Если ваша милость позволит, тут есть небольшое дельце, связанное со сломанными столами и стульями...

— Стулья, — произнес Род, не двигаясь с места. — Столы.

Он наступил трактирщику на ногу и обвинил его шею рукой.

— Ах ты грязный скупердяй! Ты натравил на меня этого буйвола, пытался меня ограбить, а теперь у тебя еще хватает наглости требовать с меня деньги?!

В подтверждение своего негодования Род тряс трактирщика как грушу, медленно подталкивая его к столбу. Толстяк предпринял отчаянную попытку слиться с древесной корой, но лишь распластался по бревну.

— И более того, мой эль нагрелся! — взревел Род. — Зовешь себя хозяином, а так обращаешься с дворянином!...

— Простите, господин, простите! — стучал зубами трактирщик, вцепившись в руку Рода с похвальным усилием, но безрезультатно. — Я не хотел повредить вам, ваша милость, только и хотел...

— Да, всего-навсего ограбить меня! — фыркнул Род, дав ему напоследок такого пинка, что тот рухнул на стол. — Берегись подобных мне — я жесток, когда становятся на моем пути. А теперь, чтобы кубок горячего вина с пряностями был передо мной прежде, чем я досчитаю до трех, тогда я, может, и не стану оттягивать твои уши и завязывать их у тебя под подбородком. Пошел!

Он досчитал до трех, делая двухсекундную паузу, и кубок был у него в руке. Хозяин метнулся прочь, прижимая руки к ушам, а Род сел и принялся потягивать вино, размышляя о том, какой несносный скупердяй этот трактирщик.

Оторвавшись от кубка, он увидел, что на столе лежит полкруга чесночной колбасы. Скрепя сердце, он взял его и затолкал в кошель. Если не считать эту колбасу, хорошего сегодня случилось мало.

Род поднялся на ноги и крикнул:

— Эй, хозяин!

Трактирщик тотчас же подлетел к нему.

— Комнату на одного с теплыми одеялами!

— Комнату на одного, сэр! Сию минуту, сэр! — трактирщик пятился назад, продолжая кланяться. — Теплые одеяла! Безусловно, сэр!

Род скрипнул зубами и повернулся к двери. Он перешагнул через порог, прислонился спиной к косяку и, уронив голову на грудь, прикрыл глаза.

— Закон джунглей, — подумал он. — Если кто-то выглядит слабым — терзай его. Если он окажется сильным — склонись перед ним, позволь ему терзать себя и надейся, что он тебя не сожрет.

— И все же, у каждого человека есть гордость, — прошептал голос у него за ухом.

Род поднял голову и улыбнулся.

— А-а, ты здесь, старый крот?

— Клянусь! Клянусь! — ответил Векс.

Род испустил поток такой отборной брани, что мог дать сто очков вперед любому подвыпившему матросу.

— Легче стало? — спросил с издевкой Векс.

— Немного. Где такой человек, как трактирщик, прячет свою гордость, Векс? Он, черт возьми, не дает ей и носа высунуть. Подобострастность, да; скупость, конечно; но где же самоуважение? Его-то я у него и не заметил.

— Гордость и самоуважение не всегда одно и то же, Род.

Кто-то дернул Рода за локоть. Он резко развернулся, готовый к обороне.

Это был Большой Том, который сложился в три погибели, тщетно пытаясь со своими шестью футами пятью дюймами казаться ниже Рода.

— Д'обрый в'ечер, господин.

Какой-то миг Род молча смотрел на него.

— В'ечер д'обрый, — ответил он нарочито нейтральным тоном. — Что я могу сделать для тебя?

Большой Том сгорбился и почесал в затылке.

— Эх, господин, — пожаловался он, — вы тут давеча малость сделали из меня дурака.

— Ну-у? — поднял бровь Род. — Неужели?

— Да, — признался здоровяк, — и... ну... — Он стащил с головы шляпу и стал мять ее в своих гигантских лапах. — Похоже... ну, господин, из-за вас здесь для меня, как пить дать, все кончено.

Род почувствовал, как у него напрягается спина.

— И мне придется компенсировать тебе это, не так ли? Заплатить тебе за причиненный ущерб?

— Э, нет, господин! — отшатнулся Большой Том. — Дело-то не в том, господин, совсем не в том! Просто... ну... я подумал, что я, если вам, может... то есть... я...

Он так скрутил шляпу, что донельзя удивил бы тополога, затем выпалил:

— Я подумал, может вам нужен слуга, ну что-то вроде грума или лакея, и... — Его голос оборвался. Он искоса посмотрел на Рода, полный страха и надежды.

На миг-другой Род просто застыл, разглядывая открытое, почти вдохновенное лицо гиганта.

Затем скрестил руки на груди и снова привалился к косяку.

— Это как же так, Большой Том? Не далее, чем полчаса назад, ты пытался меня ограбить! А теперь предлагаешь мне доверить тебе пост оруженосца?

Большой Том нахмурился и закусил нижнюю губу.

— Я понимаю, господин, все не больно-то хорошо выглядит, но... — он сделал неопределенный жест руками. — Ну, дело в том, что из тех, против кого я поднял руку, вы единственный смогли побить меня, и...

Он снова замолк. Род медленно кивнул, не сводя глаз с Большого Тома.

— И поэтому ты должен мне служить?

Большой Том обиженно оттопырил нижнюю губу.

— Не должен, мой господин, а хочу.

— Грабитель, — сказал Род, — разбойник. А ведь я обязан тебе доверять.

Большой Том снова принялся мять свою шляпу.

— У тебя открытое лицо, — размышлял Род. — Не похоже, что ты скрываешь свои чувства.

Большой Том широко улыбнулся, кивая.

— Это, конечно, еще ничего не значит, — продолжал Род. — Я знавал немало нежных с виду девушек, на поверку оказывающихся первоклассными шлюхами.

Лицо Тома помрачнело.

— Так что ты можешь быть как честным человеком... так и отпетым негодяем. Это ВЕКС-хитительная головоломка.

Голос у него за ухом произнес:

— Предварительная оценка доступных данных указывает на упрощенную структуру личности. Вероятность того, что данный индивидуум послужит надежным источником информации о местных обычаях, превышает вероятность того, что он ведет двойную игру.

Род задумчиво кивнул. Он удовлетворился бы и равной вероятностью обоих исходов.

Он выудил из кошелька обрезок серебра — тот слегка пах чесноком — и вложил его в ладонь гиганта.

Том уставился на серебро в своей ладони, затем на Рода, потом снова на металл.

Внезапно его рука сжалась в кулак и слегка задрожала. Он вновь уставился на Рода.

— Ты взял мою монету, — пояснил Род. — Отныне ты мой человек.

Лицо Большого Тома расплылось в улыбке от уха до уха. Он склонил голову.

— Да, хозяин! Благодарю вас, хозяин! Век буду благодарен, хозяин! Я...

— Я понял. — Роду было неприятно смотреть, как унижается взрослый человек. — Ты приступаешь к работе прямо сейчас. Скажи-ка, трудно ли вступить в ряды королевской армии?

— О, проще простого, хозяин! — ухмыльнулся Большой Том. — Им всегда нужны солдаты.

— Дурной знак, — решил Род.

— Ладно, — сказал он. — Дуй обратно в трактир, выясни, какая комната отведена нам, и удостоверься, нет ли там в шкафу какого-нибудь головореза.

— Да, хозяин! Бегу. — Большой Том со всех ног бросился обратно в трактир.

Род улыбнулся, закрыл глаза и, привалившись затылком к косяку, замотал головой из стороны в сторону, беззвучно смеясь. Он никогда не перестанет удивляться психологии хулиганов — ему ни за что не понять, как может человек меньше, чем за десять минут, пройти путь от дерзости к верности.

Ночной воздух прорезал низкий пронзительный вой, переходящий в визг.

Род вытаращил глаза. Сирена? В этом мире?

Звук доносился откуда-то слева. Он поднял глаза и увидел замок, стоящий на вершине холма.

И там, у основания башни, что-то светилось и пронзительно визжало, словно «черный ворон» оплакивал гибель нескольких патрульных машин.

Посетители выбежали из трактира и столпились во дворе, глаза и тыча пальцами.

— То баньши.

— Снова.

— Не, все будет в порядке. Разве она не появлялась уже трижды? А Королева все еще жива!

— Векс, — осторожно позвал Род.

— Да, Род.

— Векс, там, на стене замка, баньши.

Ответа не было.

Затем за ухом Рода возник низкий гул, который все нарастал и нарастал до тех пор, пока не стал разрывать на части его голову, и вдруг резко оборвался...

Род помотал головой и постучал по макушке ладонью.

— Придется мне отремонтировать этого парня, — пробурчал он. — До сих пор у него были тихие приступы.

Пока во дворе было полно зевак, Роду вряд ли стоило идти в конюшню и включать Векса. Тот слишком бросался бы в глаза.

Поэтому он поднялся в свою комнату, решив полежать, пока все не утрясется. Когда двор, наконец, опустел, Род уже слишком хорошо устроился, чтобы брать на себя труд спускаться в конюшню. Да и не было в том особой нужды — ночь обещала быть тихой.

В комнате было темно. Лишь свет наибольшей из лун яркой дорожкой струился в окно. Из общего зала доносилось приглушенное бормотание и клацание — загулявшие клиенты пили допоздна. Словом, в комнате Рода царил покой.

Чего нельзя было сказать о тишине. Развалившись на тюфяке подле кровати, Большой Том храпел как бульдозер на холостом ходу, издавая во сне шума больше, чем при бодрствовании.

Вся загвоздка была в Большом Томе. Никогда прежде Род не участвовал в драке, где его ни разу не ударили бы. А Большой Том всякий раз подставлял себя под удар. Даже при своем гигантском росте, он не должен был быть настолько неуклюжим. Рослые люди могут быть шустрыми...

Но тогда зачем Большой Том ввязался в драку?

Чтобы Род взял его к себе слугой?

А как насчет Адама и Одноухого? Их разговор, по всей видимости, указывал на то, что они были на том сборище у верфи и, следовательно, принадлежали к пролетарской партии. Как ее там называл тот юный подстрекатель черни? Ах да, Дом Кловиса.

И если Адам и Одноухий не были каким-то исключением, этот Дом Кловиса раздирали распри. Там, видимо, существовали две фракции: одна поддерживала Логайра (юный оратор?), а другую возглавлял Пересмешник: ненасилие и насилие, слово и меч.

Теперь, с чего это Большому Тому вдруг так захотелось получить работу оруженосца? Желание преуспеть? Да нет, на любителя выслужиться он явно не похож. Лучшее жалование? Но, судя по-всему, ему неплохо жилось в качестве местного чемпиона-тяжеловеса.

Чтобы не спускать глаз с Рода?

Род перевернулся на другой бок. Том вполне мог быть не последним человеком в Доме Кловиса. Но какой резон Дому держать его на крючке? Неужели они что-то заподозрили?

Хотя, если догадка Векса верна, и за Домом стоит некая сила инопланетного происхождения, то не исключена возможность, что они и впрямь — неважно почему — что-то заподозрили.

Но не впал ли он вновь в болезненную подозрительность?

Все мышцы его тела напряглись, сон отшибло начисто. Род вздохнул и соскользнул с постели — теперь ему не уснуть. Лучше уж включить Векса и поболтать с ним. Род нуждался в электронной беспристрастности робота, ему самому не хватало объективности. Когда Род поднял ржавый дверной засов, Большой Том вздрогнул и проснулся.

— Хозяин? Куда это вы?

— Просто немного волнуясь за своего коня, Большой Том. Думаю прошвырнуться к конюшне и убедиться, что конюх делает все как надо. Спи.

Какой-то миг Большой Том молча пялился на него.

— Воистину, — произнес он наконец, — вы очень заботливы, хозяин.

Он тут же перевернулся на другой бок и зарылся головой в складки плаща, заменяющего ему подушку.

— К чему так переживать из-за какого-то коня, — проворчал он и снова захрапел.

Род усмехнулся и вышел из комнаты.

Пройдя несколько шагов, он наткнулся на лестницу, темную и пыльную, но так в конюшню идти было ближе, чем через парадный ход.

У подножия лестницы находилась дверь, которой пользовались явно нечасто — когда Род открыл ее, она застонала, словно лягушка-бык при течке.

Двор был залит мягким, золотистым светом трех лун. Наибольшая из них по величине немного уступала земной, но, находясь значительно ближе к поверхности планеты, занимала добрых тридцать процентов небосвода, словно вечно царило полнолуние перед равноденствием.

— Отличная планета для влюбленных, — задумчиво произнес Род, не отрывая глаз от луны, и не заметил серой полоски шнура, натянутого чуть выше порога, и споткнулся.

Он выставил руки вперед, чтобы смягчить удар о землю. Что-то твердое ударило его по затылку, и фейерверк искр затопил мир.

Его окружала красноватая дымка, голова раскалывалась от боли. По лицу Рода провели чем-то холодным и мокрым. Он вздрогнул и окончательно пришел в себя.

Род лежал на спине, над ним нависал сводчатый потолок из известняка, мерцавший блестками отраженного света. Сталактиты и сталагмиты срослись в узкие колонны, которые тянулись от свода до зеленого ковра, простирающегося во всех направлениях по меньшей мере на милю. Он находился в огромной подземной пещере. Свет, казалось, исходил отовсюду — пляшущий, мерцающий свет, заставляющий искры на потолке кружиться в каком-то немыслимом танце.

Род лежал на этом зеленом ковре, ощущал под своей спиной его упругую, влажную и холодную поверхность. Это был мох, толщиной в три дюйма. Он попытался протянуть руку и коснуться мха, но обнаружил, что не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Приподняв голову, он поискал взглядом связывающие его путы, но не увидел ничего.

Род помотал головой, пытаясь унять боль, которая мешала ему мыслить трезво.

— Векс, — прошептал он, — где я?

Ответа не было.

Род закусил губу.

— Ну, давай, железный конь! Ты что, заснул включенным?

Включенным...

У Векса случился припадок, и Род отправился включить его.

Теперь Род был предоставлен самому себе.

Он вздохнул и улегся обратно на зеленый ковер из мха.

Низкий голос начал что-то напевать справа от него. Род повернул голову.

В каменном круге трепетало пламя костерка. Над ним стоял треножник, на котором висел весело бурлящий котелок. Из отверстия в его крышке выходила трубка. С потолка срывались капли воды, барабана по трубке, из которой в подставленную чашу капала влага.

Примитивный перегонный куб.

И рядом — самогонщик дюймов восемнадцать ростом, с очень широкими плечами и вообще кряжистый, одет в камзол и шаро-

вары. У него было округлое озорное лицо, блестящие зеленые глаза, курносый нос и рот до ушей, расплывшийся в шаловливой улыбке. На макушке у карлика красовалась шляпа, «а ля Робин Гуд» с ослепительно-красным пером.

Он поднял свои зеленые глаза и встретился взглядом с Родом.

— Ха! — произнес человечек звучным голосом. — Ты очнулся, чародей!

Род нахмурился.

— Чародей? Я не чародей!

— Разумеется нет, — сказал человечек. — Ты явился в падающей звезде, конь у тебя из хладного железа...

— Минуточку, — перебил его Род, — откуда ты знаешь, что конь сделан из хладного железа?

— Мы — Крошечный Народец, — невозмутимо ответил человечек. — Мы живем Дубом, Ясенем и Колючкой, Лесом, Воздухом и Дерном. А те, кто живут хладным железом, алчут покончить с нашими лесами. Хладное железо — символ всего, что нам ненавистно, поэтому какие бы формы и облики оно не принимало, мы все равно узнаем его.

Вновь повернувшись к своему котелку, он приподнял крышку, чтобы проверить сусло.

— И еще, ты слышишь, что говорят в доброй полумиле от тебя. Твой конь, если нужно, может мчаться бесшумно, как ветер, и быстро, как сокол. Но ты не чародей, да?

Род покачал головой.

— Нет, не чародей. Я использую науку, а не магию!

— Разумеется, — поддакнул человечек, — но как розу не назови... Не, ты чародей, и так тебя называют уже повсюду в Грамаре!

— Грамарай? А что это?

Человечек удивленно уставился на него.

— Да этот самый мир, чародей! Мир, в котором мы живем, земля между Четырьмя Морями, царство королевы Катарины!

— О-о, она правит всем миром?

— Разумеется, — подтвердил эльф, косо посмотрев на Рода.

— А как зовется ее замок? И город вокруг него?

— Раннимед. Воистину, ты самый необразованный чародей на свете!

— Именно это я и пытался тебе объяснить, — вздохнул Род.

Человечек отвернулся, качая головой и что-то бурча себе под нос. Он открыл краник в сборной чаше и нацедил немного влаги в кружку размером с мензурку.

Род вдруг почувствовал, что его жутко мучает жажда.

— Эй, слушай... Что ты там варишь? Это случайно не бренди?

Эльф покачал головой.

— Джин? Ром? Aqua Vitae?

— Нет, то настой другого рода. — Он подскочил к Роду и поднес миниатюрную кружечку к его губам.

— Спасибо, — Род пригубил и, причмокивая, закатил глаза. — На вкус словно мед.

— Я беру там, где сосут дикие пчелы. — Человечек вприпрыжку вернулся обратно к костру.

— Совсем недурно. Не поделишься ли рецептом?

— Ну, разумеется, — ухмыльнулся эльф. — Мы сделаем для гостя все, что в наших силах.

— Гость! — фыркнул Род. — Мне крайне неприятно подвергать сомнению ваше гостеприимство, но обездвиживание трудно назвать встречей с распростертыми объятьями.

— О, мы вскоре все это исправим, — человечек поднял крышку котла и помешал сусло.

Что-то щелкнуло в голове Рода. Волосы на затылке зашевелились.

— Э-э, скажи-ка, э... по-моему, нас не представили друг другу, но... ты, должно быть, Робин Славный Малый? Он же Пак?

— Верно говоришь, — эльф со стуком поставил крышку на место. — Я тот самый веселый ночной бродяга.

Род повалился на ковер из мха. Этой историей будут зачитываться его внуки — никто другой ей не поверит.

— Скажи-ка, Пак... ты не против, если я буду звать тебя Пак?

— О, нет.

— Спасибо, э... а я — Род Галлоугласс.

— Нам это известно.

— Ну, я просто подумал, что мне стоит представиться официально. Теперь... ты вроде бы не питаешь ко мне никаких злых чувств, поэтому... э-э... могу я спросить ... э-э... почему я обездвижен?

— А-а, это, — ответил Пак. — Мы должны выяснить: белый ты чародей или черный.

— О-о, — Род прикусил губу. — Если я окажусь белым чародеем, вы, гм... отпустите меня?

Пак кивнул.

— А что будет, если вы решите, что я черный чародей?

— Тогда, Род Галлоугласс, ты будешь спать до Трубы Судного Дня.

У Рода возникло такое чувство, будто к его челюсти присоединили электрод со слабым током.

— Великолепно. Козырь Рока. Я всегда был не шибко силен в бридже.

Пак нахмурился.

— Что...?

— Замнем это. «Спать до Трубы Судного Дня». Очень изящный эфеизм. Может, вы перестанете играть словами и просто скажете, что убьете меня.

— Нет, — покачал головой Пак, оттопырив нижнюю губу. — Мы не убьем тебя, Род Галлоугласс. Ты будешь спать вечно и видеть приятные сны.

— Понимаю. Подвешенный анабиоз?

Пак поднял брови.

— Этих слов я не знаю. Но будь спокоен, никто тебя вздергивать не собирается. Крошечный Народец не питает любви к казни через повешенье.

— Ну, мне кажется, это может служить некоторым утешением. И каким же образом я могу доказать, что я — белый чародей?

— Ясно как, — ответил Пак. — Мы растянем тебя.

Род уставился на него.

— Это еще зачем? Разве я и без того недостаточно велик?

Лицо эльфа расплылось в широкой улыбке.

— Нет, нет! Растянем тебя! Удалим заклинания, что связывают тебя!

— А-а. — Род откинулся назад со вздохом облегчения. Затем рывком сел. — Освободите меня! И это послужит доказательством, что я — белый чародей?

— Само по себе, нет, — ответил Пак. — Весь фокус в том, где мы освободим тебя.

Он хлопнул в ладоши. Род услышал топот десятков маленьких ножек, приближающихся к нему сзади. На его глаза набросили повязку из темной материи и завязали на затылке.

— Эй! — запротестовал Род.

— Спокойно, — сказал Пак. — Это путь к твоей свободе.

Множество крошечных ручек подхватили Рода. Он смирился и расслабился, готовый насладиться путешествием.

И в самом деле, это был довольно приятный способ передвижения — что-то вроде пружинного матраса на колесиках.

Ноги его вдруг оказались выше головы, а топот маленьких ножек стал тише — они взбирались вверх по склону.

Влажный ночной воздух омывал его лицо. Он слышал шепот легкого ветерка в кронах деревьев, сопровождаемый треском сверчков, уханьем сов и, в завершение картины, криком корншнепа.

Его бесцеремонно уронили и сорвали повязку с глаз.

— Эй! — запротестовал он. — Что я, по-вашему, мешок с картошкой?

Слева от него слышалось журчание ручья.

— Теперь ты свободен, Род Галлоугласс, — шепнул ему на ухо Пак. — Да пребудет с тобой господь!

И эльф исчез.

Род сел, разминая конечности, чтобы убедиться, что они снова могут двигаться. Он огляделся.

Он находился на залитой лунным светом лесной поляне, слева струился серебристый ручей. Стволы деревьев отливали металлом, листья блестели, как мишура. От стволов падали черные тени.

Одна из теней пошевелилась.

Высокая фигура в темной монашеской рясе шагнула вперед.

Род вскочил на ноги.

Фигура медленно приблизилась к Роду, остановилась футах в десяти от него и откинула капюшон.

Грязные спутанные волосы обрамляли длинное худое лицо с запавшими скулами и пещерами глазниц, в глубине которых тлел злой огонек.

Голос был тонкий, переходящий в шипение.

— Неужели жизнь не дорога тебе, что ты пришел в клетку к вервольфу?

— Вервольф! — уставился на него Род.

Ну, что же, почему бы и нет? Если эльфы здесь в порядке вещей...

Затем Род нахмурился.

— Клетка? — Он огляделся. — Мне кажется, она весьма просторна.

— Вокруг этой рощи магическая стена, — прошипел вервольф. — Это тюрьма, которую Крошечный Народец создал для меня. Они держат меня впроголодь.

— Да-а? — Род краем глаза взглянул на вервольфа. — И чем же тебя надлежит кормить?

— Красным мясом, — осклабился вервольф, показывая полный клыков рот.

У Рода по спине забегали мурашки.

— Замаливай свои грехи перед Богом, — сказал вервольф, — ибо настал твой последний час.

На тыльной стороне его рук появился мех, а ногти начали расти, загибаясь во внутрь. Лоб и щеки заросли шерстью, нос, рот и щеки слились воедино и вытянулись, превращаясь в звериную морду. Уши переместились на макушку и заострились.

Вервольф отшвырнул плащ. Все его тело покрывал серебристый мех, ноги превратились в задние лапы.

Он упал на четвереньки. Плечи его укоротились, а предплечья удлинились, кисти рук превратились в лапы. Вырос длинный роскошный серебристый хвост.

Волк припал к земле, глухо зарычал и прыгнул.

Род метнулся в сторону, но волк, уже взлетев, сумел слегка повернуться, и его зубы разодрали Роду предплечье от локтя до запястья.

Волк приземлился и закружился с радостным воем. Он прыгнул, высунул язык и снова прыгнул.

Род присел, опустившись на одно колено, но волк изогнулся в полете и рухнул на него сверху. Его задние лапы рвали Роду грудь, огромные челюсти примеривались, как бы половчее вцепиться в хребет.

Род с трудом вскочил на ноги, наклонился вперед и изо всех сил пнул волка в брюхо. Тот отлетел в сторону, но успел клыками разодрать Роду спину.

Вервольф тяжело рухнул на спину и взвыл от боли. Затем вскочил и стал кружить вокруг Рода, кровожадно рыча.

Род вертелся на месте, все время держась лицом к волку. Как можно одолеть вервольфа? Векс должен был бы знать, но он все еще вне игры.

Волк зарычал и прыгнул, целясь Роду в горло.

Род низко прыгнул и нанес резкий удар рукой, который пришелся волку прямо в солнечное сплетение.

Род отпрыгнул назад, принимая стойку. Волк скреб землю когтями, стараясь восстановить дыхание, чтобы жизнь снова влилась в его жилы.

Род кружился вокруг него, держась против солнца и надеясь на удачу.

Чем можно одолеть вервольфа?

Ясное дело, волчником.

Но без учебника ботаники Род не смог бы отличить волчник от ядовитого плюща.

Волк испустил долгий скрежещущий вздох и вскочил на ноги. Он зарычал и начал рыскать вокруг Рода, тоже держась против солнца и выискивая уязвимые места.

— Так преимущества не добиться, — подумал Род и сменил направление движения, пытаясь подобраться к волку сзади.

Волк прыгнул.

Род развернулся, пытаясь ударить волка справа в челюсть, но тот поймал его кулак в пасть.

Род взвыл от боли и пнул зверя в брюхо. Клыкастый снова взял тайм-аут, распахнув от нехватки воздуха зубастые челюсти, и отпустил руку Рода.

Серебряные пули. Но огнестрельное оружие уже несколько тысяч лет как вышло из употребления, а серебряный стандарт ДДТ отвергнут и того раньше.

Распятие. Род принял решение всерьез взяться за религию. Все равно ему необходимо иметь какое-то хобби.

Тем временем его мохнатый соперник снова собрался с силами. Задние лапы напряглись, и он прыгнул.

Род шагнул в сторону, но волк явно рассчитывал на это. Он приземлился прямо на грудь Роду, покрытые слюной челюсти рвались к вене на горле.

Род упал на спину. Он поджал ноги, уперся ступнями в брюхо волка и резко пихнул его, отправив представителя семейства собак подальше от своего тела. Волк жестко приземлился и стал корчиться, подсовывая лапы под брюхо.

Чего еще не любят вервольфы?

Чеснок.

Род закрыл вокруг волка, нащупывая в кошеле оставшуюся от обеда колбасу с чесноком.

Волк разинул пасть и откашлялся.

Род набил полный рот колбасы.

Волк зарычал зло и решительно, вскочил, напрягся и прыгнул.

Род схватил зверя под передние лапы, подавшись назад под тяжестью его тела, и дыхнул ему прямо в морду. Затем отпустил волка и отпрянул в сторону.

Волк, отплеываясь, кашляя, хватая пастью воздух, покатился по земле и замер.

Он вытянулся, расслабился, затем снова медленно вытянулся... и на траве лицом вниз лежало обнаженное тело высокого жилистого мужчины. Он был без сознания и тяжело дышал.

Род встал на колени. Спасен колбасой с чесноком!

Рядом зашевелилась трава. Он посмотрел в смеющиеся глаза Робина Славного Малого.

— Возвращайся с нами, если пожелаешь, Род Галлоугласс, ибо наши тропы — теперь твои тропы, ходи по ним в свое удовольствие.

Род устало улыбнулся.

— Он мог бы убить меня, — сказал он, кивая на лежащего без сознания вервольфа.

Пак покачал головой.

— Мы следили за схваткой и предотвратили бы смерть любого из вас, а что до твоих ран, так мы их в два счета залечим.

Род поднялся, недоверчиво качая головой.

— И потом, — добавил Пак, — мы знали, что такой могучий чародей, как ты, в силах одолеть его... если ты белый чародей.

— Да-а? — поднял бровь Род. — А если нет? Что, если бы я оказался черным магом?

— Ну, тогда, — усмехнулся Пак, — ты бы объединился с ним против нас и попытался бы вырваться из тюрьмы.

— Гм, — Род задумался. — А разве это не поставило бы вас в довольно сложное положение?

— Нет, — снова усмехнулся Пак. — Два чародея никогда не устоят перед магической силой десятков эльфов.

— Понятно, — потер подбородок Род. — В общем, вы оградили свои ставки. Но вы, конечно, не могли дать мне знать об этом. А раз я находился в неведении, моя схватка с вервольфом доказала, что я отношусь к славным парням?

— Частично.

— О-о? А что еще?

— Хотя вервольф несколько раз оставался беззащитным, ты, Род Галлоугласс, не убил его.

— И это доказывает, что у меня доброе сердце.

— Именно, — согласился Пак, — а также то, что ты настолько уверен в своих силах, что можешь позволить себе проявить милосердие. И это служит доказательством того, что ты — белый маг, но еще яснее это доказывает то, что ты — чародей.

Род зажмурился, а затем сказал с безграничным терпением в голосе:

— Но, разве не могу я быть всего лишь тренированным бойцом.

— Можешь, — согласился Пак, — но одолел ты его колдовством.

Род глубоко вздохнул.

— Послушай, — с расстановкой сказал он. — Я не чародей. Я никогда не был чародеем, и никогда не хотел им быть. Я просто наемник, которому довелось научиться некоторым трюкам.

— Разумеется, Господин Чародей, — весело ответил Пак. — Не желаете ли вернуться в пещеру? Мы проводим вас к постоянному двору.

— Ну, ладно, — проворчал Род.

Но он обернулся, чтобы бросить взгляд на лежащую в центре поляны грудку костей и жил. Это был спящий вервольф.

— Господин Галлоугласс? — в голосе Пака чувствовалась озадаченность и тревога. — Что вас беспокоит?

Род тряхнул головой, прогоняя нахлынувшие мысли.

— Ничего, — ответил он, оборачиваясь. — Просто задумался.

— О чем, чародей?

— Когда я был школьником, меня, бывало, называли одиноким волком... Забудем об этом. В какой стороне, говоришь, пещера?

Дело шло к рассвету, когда Род, сбив ноги и падая от усталости, припелелся через двор трактира к конюшне.

Одинокий фонарь-свеча, освещавший стойла, только еще больше сгущал тени.

Обхватив для устойчивости одной рукой спину Векса, другой рукой Род нащупал на холке робота увеличенный позвонок, который и был прерывателем, и нажал на него. Стальное тело зашевелилось под подобием конской шкуры. Бархатная черная голова поднялась, пару раз встряхнулась и глянула через плечо. Большие карие глаза сфокусировались на Роде. Мгновенье робот молчал, затем голос за ухом Рода произнес с оттенком упрека:

— Ты надолго оставил меня выключенным, Род. Я не чувствую последствий припадка.

— Извини, старая железяка. — Род ухватился за спину коня, так как ноги его слегка дрожали. — Я как раз отправился включить тебя, и тут меня шандарахнули по голове.

— Шандарахнули! — в голосе Векса появились стыдливые нотки. — Пока я спал! Да будет мой корпус вечно ржаветь на свалке! Да отправится мой германий в конвертор на переплавку! Да...

— А, хватит об этом, — пробурчал Род. — То была не твоя вина.

Он отошел от коня и расправил плечи.

— Все равно я не подвергался никакой реальной опасности. Просто ночное деловое свидание, вот и все.

— Как это так, Род?

Род хотел было ответить, но затем передумал:

— Я расскажу тебе утром, Векс.

— Я настроил свои схемы на прием информации, отличной от общепринятых теорий и норм, Род. Ты можешь поведать мне обо всем, не страшись перегрузки.

Род покачал головой и повернулся к выходу.

— Утром, Векс. Может, ты и способен поверить в это прямо сейчас, но я вот не уверен, что сам смогу.

Род поглощал обильный завтрак, но, по сравнению с Томом, он сидел на разгрузочной диете. Этот человек окружил себя неизмеримым количеством блюд.

Кое-что из пищи было Роду знакомо — яйца, блины, ветчина. Но блины имели немного необычный привкус, а у яиц был трехдюймовый желток. Какие-то злаки земного происхождения имелись на любой планете, но иная почва иногда приводила к странным мутациям. Всегда была какая-то домашняя птица, но чаще всего это были местные формы жизни. Свиньи, естественно, встречались повсеместно. На планетах земного типа они попадались даже чаще, чем собаки. Род иногда не понимал представителей рода человеческого.

Конечно, вся пища была удобоварима и, вероятно, питательна: некоторые генетические отклонения не могли существенно повлиять на метаболизм людей. Что нельзя сказать о микрорэлементах. Поэтому Род проглотил для очистки совести универсальную пилюлю.

Большой Том заметил это.

— Что это, хозяин?

Род заставил себя улыбнуться.

— Просто небольшое заклинание. Не беспокойся, Большой Том.

Тот пристально взглянул на него и уставился в тарелку, борюча скороговоркой молитву. Затем он атаковал трясущейся вилкой блины.

Великан попытался заговорить, но у него сел голос. Он прочистил горло и предпринял новую попытку:

— Что принесет нам грядущий день, добрый господин?

— Поездку в замок, — ответил Род. — Узнаем, не требуется ли Королеве еще один солдат.

Том протестующе взвыл:

— Королевский солдат! Но, хозяин, это неподходящее занятие для честного человека.

Род поднял бровь.

— Не хочешь ли ты сказать, что один из нас, возможно, нечестен?

Большой Том заткнулся.

Едва положил руку на рукоять кинжала, как трактирщик тут же припомнил, что у него имеется лишняя лошадь. Это был старый вислозадый сивый мерин. Его шея была слегка длиннее, а уши — меньше, чем у земного аналога, что было неприятным открытием, ибо эти отличия могли вызвать нежелательный интерес к Вексу. Хотя, огромный черный конь и без того бросался в глаза.

Когда они выезжали со двора — Род на Вексе, а Том — на старейшине лошадиного племени — зазвонили церковные колокола. Их звон напомнил Тому о времени, и он принялся жаловаться на хозяев, которые встают в такую рань.

Но его стенания тут же прекратились, как только они поднялись на вершину холма, где открылся великолепный вид на встающее на востоке солнце.

Том глубоко вдохнул утренний воздух и улыбнулся Роду через плечо.

— Эй, господин! Прекрасный будет денек!

— Но прохладный, — добавил Род и поднял ворот, спасаясь от ветра, дувшего ему в спину.

— Ну, да! Разве я не сказал, что он будет прекрасен?

— Я затрудняюсь разделить твою любовь к низким температурам, — буркнул Род. — Выше голову, Том. Мы почти у замка.

— Остановись и назови себя, — крикнул часовой на подъемном мосту.

— О, боже! — вытаращил глаза Род.

— Как тебя зовут и что тебе нужно в замке Королевы?

— А не много ли ты на себя берешь? — покосился на часового Род.

На лице солдата заиграли желваки.

— Не твое собачье дело, — рявкнул он. — Я ратник Королевы, и ты будешь с почтением разговаривать со мной.

— Вряд ли, — снисходительно ухмыльнулся Род. — Меня зовут Род Галлоугласс.

— Галлоугласс, — нахмурился часовой. — Ты зря теряешь время, у Королевы уже есть шут.

— Если судить по тебе, то у нее их много, — хмыкнул Род. — Я и мой слуга — профессиональные солдаты. Позови старшину, чтобы он принял меня на службу.

Часовой смерил его сердитым взглядом.

— Не так-то просто поступить в армию Королевы.

— Да ну-у! — нахмурился Род. — Я должен доказать, что я — солдат?

Он спешился, прыгнув на землю в ярде от часового.

— Если ты и солдат, то довольно паршивый, — презрительно фыркнул часовой, — иначе ты первым делом стреножил бы коня.

Род одарил его улыбкой и крикнул:

— Эй, Векс, отступи на четыре фута, сделай полшага влево, пройди четыре с половиной фута вперед и стой на месте, пока я тебя не позову.

Когда Векс с изумительной точностью выполнил маневр, часовой открыл рот от изумления.

— Я солдат, — сказал Род, — и неплохой.

Часовой лишь открывал рот, беззвучно, словно рыба, уставившись выпученными глазами на худошающую фигуру Рода, на его руку в черной перчатке, лежащую на эфесе шпаги.

— Понимаешь, — объяснил Род, — конь мне может понадобиться. Поэтому проще дать ему свободу передвижения.

Вдруг он выкинул вперед правую руку. Солдат удивленно крикнул и отступил назад. Воспользовавшись этим, Род зацепил ногой его лодыжку. Часовой рухнул на землю, заскрежегав, словно консервная банка.

Род вырвал пику из рук упавшего часового и забросил ее за спускную решетку.

— Ну что, — сказал он, — не попробовать ли нам еще разок?

— Неплохо! Неплохо сделано, мой господин! — захохотал Большой Том, восторженно колотя по холке своей клячи.

Часовой вскочил на ноги, вопя во всю глотку:

— На помощь! На помощь!

— О, нет! — Род закрыл лицо руками. — О, нет! — замотал он головой.

Скрестив руки на груди, он привалился спиной к Вексу. Прибежали трое гвардейцев с пиками наперевес. Главный несколько раз поочередно взглянул на Рода и на часового.

— Кому это тут потребовалась помощь? — нахмурился он.

Часовой дрожащей рукой ткнул в сторону Рода.

— Этот человек...

— Да? — улыбнулся Род.

— Он ни с того ни с сего сшиб меня с ног и отнял мою пикку!

— Будь я на твоём месте, я не хвастал бы этим, — пробормотал Род.

Пытаясь сдержать рвущийся наружу смех, Большой Том пригнулся к луке седла.

— Это правда, парень? — сердито глянул на Рода главный.

— Правда, — кивнул Род.

— Ну, тогда!... — выпрямился главный и нахмурился, подбоченясь.

— Ну, и дальше что? — поднял брови Род.

Сержант разозлился.

— Ну, чего тебе надо?

— Я хочу вступить в армию Королевы. Этот ратник потребовал, чтобы я показал, на что я способен.

Сержант глянул сперва на изумленного часового, затем на Рода, и кивнул.

— Мы дадим тебе шанс, — сказал он. — Идем.

Шанс предстал в образе дородного сержанта, вооруженного широким мечом и круглым щитом.

— Не взять ли тебе щит, парень? — буркнул старый рыцарь — капитан Гвардии.

— Нет, спасибо. — Род вынул из ножен кинжал. — Этого вполне достаточно.

— С каким-то кинжальчиком и соломинкой-шпагой против меча и щита! — печально покачал головой сэр Марис. — Ты, должно быть, жаждешь умереть молодым!

Род удивленно взглянул на него.

— Благодарю, — сказал он. — С тех пор, как мне стукнуло тринадцать, никто ни разу не сказал, что я выгляжу молодо.

— Тогда скрестите мечи, — вздохнул сэр Марис. Когда Род с сержантом выполнили команду, сэр Марис шагнул вперед и раздвинул их клинки своим мечом.

Сержант от души размахнулся, готовясь нанести сокрушительный удар. Воспользовавшись секундной задержкой, Род сделал выпад, целясь ему в живот. Щит скользнул вниз, чтобы отразить удар, но клинок Рода прошел чуть выше руки сержанта и распорол ткань камзола под его сердцем.

— Прекратить! — крикнул сэр Марис, и меч сержанта замер на полпути. Бросив щит, он стал озираться по сторонам.

— Что случилось?

— Если бы этот Галлоугласс дрался всерьез, — ответил сэр Марис, — ты уже был бы покойником, сержант Хэпвид.

Он озадаченно посмотрел на Рода.

— Никогда не думал, что можно использовать острие шпаги!

— Еще разок? — клинок Рода со свистом рассек воздух и шлепнул его по ноге.

Сэр Марис, нахмурившись, внимательно смотрел на Рода.

— И все-таки, — заговорил он, подняв голову. — Я подтверждаю, что ты — фехтовальщик.

— Ага, — пробормотал Большой Том, и сэр Марис взглянул на него. Великан сиял от гордости.

Капитан гвардии повернулся и вытащил дубинку.

— Вот! — кинул он ее Роду. — Посмотрим, как у тебя с этим обстоят дела.

Род сунул шпагу в ножны, убрал кинжал и схватил дубинку посередине.

Рослый сержант для пробы быстро взмахнул пару-тройку раз своей дубинкой.

— Сходитесь! — крикнул сэр Марис, и сержант, слегка согнув колени, шагнул вперед, держа дубинку наготове. Род последовал его примеру.

И тут же на него обрушился град ударов. Сержант колотил Рода по голове и плечам, выскивая слабые места в его обороне и рассчитывая хотя бы на секундное замешательство.

Род стиснул челюсти и старался не отставать от сержанта, но все же еле-еле успевал отбивать сыпавшиеся на него удары. Когда он понял, что ушел в глухую защиту, у него засосало под ложечкой.

Род блокировал удар по голени, отбил рикошет в голову, подставил нижний конец дубины под очередной удар в живот... но это была лишь оборона.

Он предпринял лихорадочную попытку защитить голову, но сержант получил желаемую фору, и Род краем глаза увидел опускающуюся на него тяжелую дубовую палку.

Он отпрянул, увертываясь от удара, но тот обрушился на его череп, словно удар грома. У Рода из глаз посыпались искры, в ушах оглушительно зазвенело.

Под победные крики следящих за поединком солдат, он попятился назад, чисто интуитивно отбивая удары сержанта.

Совсем никуда не гоюсь, — кружилась в голове мысль. Его учили драться на дубинках, но Род не практиковался уже больше года, а сержант сражался играючи — он был мастером своего дела. Вероятно, для него это было просто развлечение, равно как фехтование — для Рода. Сержант был хозяином положения, и он знал это.

У Рода оставалась лишь одна возможность. Он отскочил назад, ухватился обеими руками за середину дубинки и закрутил ее как жезл регулировщика.

Род стиснул челюсти и вложил в это вращение всю свою силу. Его дубинка превратилась в свистящую воронку смерча.

Это был французский фехтовальный прием — *le moulinet*. Скорее всего, сержант знал о нем не меньше, чем Род, но вряд ли часто применял на практике. Это довольно экзотический способ ведения боя, если ты, конечно, не француз. А обладатель такого имени, как «сержант Хэпвид»...

Сэр Марис и К° разинули рты. Изумленный сержант сделал шаг назад. Затем он озабоченно нахмурился, и его дубинка тоже превратилась в вихрь.

Итак, он знал и этот стиль, но явно не в совершенстве владел им. Следовательно, Род получил преимущество. Скорость вращения дубинки сержанта была невелика, в то время как дубинка Рода весьма смахивала на циркулярную пилу. Он имел превосходство над сержантом в угловой скорости, а значит и в силе удара.

Сержант Хэпвид тоже понимал это. Он попытался ускорить вращение, и узлы мускулов на его шее сильно напряглись.

Пора! Род прыгнул вперед. Его дубинка прервала свой танец, нырнула вниз и встретила с крутящейся дубинкой сержанта.

Палки сошлись с треском винтовочного выстрела. Отдача была такова, что у Рода клацнули зубы. Он пришел в себя на долю секунды раньше сержанта и обрушил на его дубинку два молниеносных удара, выбив ее из рук противника.

Род выпрямился, глубоко вздохнул и, опершись на дубинку, подождал, пока спадет напряжение, сковавшее его тело.

Сержант оцепенело уставился на свои руки.

Род подался вперед и стукнул его концом дубинки по макушке.

— Бац! Ты убит.

— Прекратить! — крикнул сэр Марис, официально утверждая результат схватки. Род опустил дубинку и снова оперся на нее.

Глаза сэра Мариса гневно сверкнули из-под густых бровей, когда он бросил взгляд на Рода.

Род натянуто улыбнулся ему.

Сэр Марис медленно кивнул.

— Может мне испытать тебя длинным луком?

Блефуя, Род пожал плечами. Арбалет — это еще куда ни шло. Но длинный лук...

Со стропил донесся глухой скрежещущий смех. Гвардейцы во главе с капитаном подпрыгнули. Большой Том рухнул на колени, закрыв голову руками.

Род задрал голову, ища глазами источник смеха.

На одной из массивных дубовых балок, пересекающих зал, сидел, барабанив пятками по дереву, карлик. Голова у него была не меньше, чем у Рода, а плечи — даже шире. Его руки и ноги были столь же мощны. Казалось, будто кто-то взял и укоротил нормального человека могучего телосложения.

У него были сильные плечи, бочкообразная грудь и бычья шея. Лохматая голова казалась непропорционально большой для этого усеченного тела. Черные кудрявые волосы спадали на шею, кустистые брови резко выделялись на плоском покатом лбу. Глаза были большие, угольно-черные; в данный момент они искрились весельем. Резко выделялся ястребиный нос. Толстые мясистые губы ухмылялись сквозь черную окладистую бороду, открывая ровные белоснежные зубы. Казалось, кто-то попытался затолкать великана в бочонок для гвоздей и почти добился желаемого.

— Длинный лук! — проревел он басом. — Даю голову на отсечение, он такой же стрелок, как любой баран на лугу.

Сэр Марис поднял взгляд на карлика.

— Черт бы побрал тебя и твои дурацкие повадки, Бром О'Берин! Неужто в моих волосах и без твоих идиотских выходов недостаточно седины?

— Дурацкие повадки! — возмутился карлик. — Если бы ты дорожил своими обязанностями, сэр Марис, то поблагодарил бы меня за то, что я вовремя предупредил тебя тогда, когда молчала твоя бдительность!

— Бром? — озадаченно пробормотал Род. — О'Берин?

Нахмурившись, карлик посмотрел на Рода.

— Ну да, Черный Бром О'Берин!

— Это... э-э... смесь немецкого, ирландского и русского, если я правильно понял?

— Что за чушь ты несешь? — прорычал карлик.

— Ничего, — отвел взгляд Род, качая головой. — Мне следовало ожидать чего-нибудь подобного. Все что угодно может случиться в этом безумном... э-э... Грамарае!

Карлик усмехнулся, озорно сверкнув глазами.

— Ха, если я не ослышался, тут вроде прозвучало нечто, порочащее великий Грамарай?

— Нет, нет! Я не... я имел в виду... — и Род замолк, вспомнив, что воину не подобает оправдываться.

Он выпрямился и высокомерно поджал губы.

— Ладно, — сказал он, — если ты так напрашиваешься, то это было оскорбление.

Карлик радостно взвыл и вскочил на ноги на стропиле.

— Теперь тебе придется с ним драться, Галлоугласс, — вскричал сэр Марис, — и тебе понадобится все твое мастерство до последней крохи.

Род удивленно посмотрел на капитана Гвардии. Неужто он не шутит? Какой-то карлик, и вдруг даст Роду жестокий бой?

Карлик глухо хохотнул и соскользнул с балки. Спрыгнув с двадцатифутовой высоты, что втрое превышало его рост, он приземлился как ни в чем не бывало, даже не подпрыгнул, и встал в борцовскую стойку.

Затем он выпрямился и, хихикая, направился к Роду.

Позади Рода раздался крик, и Большой Том рванулся вперед.

— Это ловушка, господин! — проревел он. — Здесь полным-полно колдовства, а он — самый опасный колдун! Ни один человек не смог одолеть Черного Брома! И все же я готов...

Все солдаты, находящиеся в помещении, охваченные гневом и жадой крови, навалились на Тома.

Мгновенье Род стоял в растерянности, затем бросил свою дубинку и бросился в свалку, нанося во все стороны молниеносные удары каратэ. Солдаты попадали на пол.

— Прекратить! — прогремел голос Брома.

Наступила тишина.

Бром каким-то образом вновь очутился на стропилах.

— Спасибо вам, ребята, — пробормотал миниатюрный Геркулес. — Но этот здоровяк не желал никому вреда. Отпустите его.

— Не желал вреда! — раздалось с полдюжины возмущенных голосов.

Бром тяжело вздохнул.

— Да, не желал. Он лишь пытался защитить хозяина. А этот Галлоугласс, в свою очередь, защищал своего слугу. А теперь отойдите от них — они не сделали ничего дурного.

Солдаты нехотя подчинились.

Род хлопнул Тома по плечу и прошептал:

— Спасибо, Большой Том. И не беспокойся за меня. Этот ирландский немец такой же человек, как мы с тобой. А если он человек, то я смогу одолеть его.

У карликов, должно быть, очень тонкий слух, ибо он тут же крикнул:

— Ага, значит сможешь? Это мы еще посмотрим, мой мальчик!

— Эх, господин! — простонал Большой Том, выпучив глаза. — Вы сами не знаете, о чем говорите. Этот эльф воистину дьявольское отродье!

— Колдун? — презрительно фыркнул Род, — подобные бестии не существуют.

Сэр Марис нахмурился и отошел к своим солдатам. Глаза его были холодны, как лед.

— Если хоть волос падет с его головы, мы разорвем тебя в клочья!

— Не бойся! — хихикнул Бром О'Берин. — Не бойся, Галлоугласс, испробуй все, чтобы одолеть меня. Только ничего у тебя не выйдет. А теперь — берегись!

Он подпрыгнул на балке и крикнул:

— Давай!

Род мигом принял стойку, держа руки наготове.

Бром стоял на балке, уперев руки в боки и кивая своей огромной башкой.

— Да, будь настороже. Но... — глаза его зажглись зловещим огнем, он хихикнул. — Бром О'Берин не слабак. — И он сиганул с балки ногами вперед, целясь Роду в голову.

Пораженный внезапностью нападения, Род сделал шаг назад. Затем сработал рефлекс. Вскинув руки вверх, он поймал карлика за пятки и отшвырнул его прочь.

Ожидая, что Бром рухнет спиной на гранитный пол, Род бросился вперед, чтобы подхватить его. Но карлик сделал сальто и, приземлившись на ноги, быстрым ударом отбросил от себя руки Рода.

— Учтивый жест, — пробасил он, — но неразумный. Твоя защита провалилась. Прибереги свое милосердие для тех, кто в нем нуждается, приятель Галлоугласс.

Снова став в стойку, Род отступил на шаг и посмотрел на человечка с большим уважением.

— Кажется, я недооценил вас, господин О'Берин.

— Не называй меня господином! — взревел карлик. — Я ничей не господин. Я всего-навсего шут Королевы.

Род медленно кивнул.

— Шут.

Он жестко усмехнулся и поманил обеими руками.

— Ну, давай продолжим, мудрый шут.

Мгновение Бром оставался на месте, разглядывая Рода, затем хмыкнул, ослабившись в недоброй улыбке, и кивнул.

Он прыгнул, целясь ногами прямо в челюсть Роду.

Тот вскинул руки, чтобы снова поймать Брома за пятки, пробормотав при этом:

— А я-то думал, что ты чему-то научился.

Он снова рванул ноги карлика вверх, но на сей раз Бром ухитрился задеть головой подбородок Рода. А у него была очень крепкая голова.

Род пошатнулся от удара, но успел крепко обвить руками тело Брома.

Карлик затрясся от смеха.

— А дальше что? — прохихикал он. — Ладно, ты меня схватил, а что ты со мной будешь дальше делать?

Тяжело дышавший Род промолчал.

Это был дельный вопрос. Род ни капельки не сомневался в том, что стоит ему лишь на миг ослабить захват, как Бром тут же пнет его в живот. Он мог бы уронить карлика или швырнуть его в сторону, но Бром был настолько ловок, что вероятно смог бы с лету врезать Роду точно в челюсть.

Ну, коли сомневаешься, то сперва бей, а потом думай. Род рухнул на пол, держа тело Брома под прямым углом к собственному и пытаясь взять колено и шею карлика в жесткий захват.

Однако Бром был проворнее. Правая рука карлика обвилась вокруг левой руки Рода, и он словно в тисках зажал его локоть.

Род қорчился от боли в локтевом суставе. Теперь выбор был прост: разжать левую руку или отключиться от боли.

Решение... решение!

Род сделал ставку на свою выносливость и уплотнил захват вокруг шеи Брома.

Тот крикнул от удивления.

— Другой давно бы заскулил от боли и отскочил от меня, приятель Галлоугласс.

Бром согнул колено и уперся спиной сперва Роду в грудь, затем — в подбородок, и надавил изо всех сил.

Род издал приглушенный стон. Его шею будто пронзило огнем, когда позвонки стали тереться друг о друга. Комната померкла и наполнилась разноцветными искрами.

— Теперь тебе придется отпустить меня, Галлоугласс, — процедил Бром, — иначе ты окунешься во мрак.

Неужели этот проклятый обрубок всегда оказывается прав?

Род попытался что-то свирепо прохрипеть в ответ, но в комнате и впрямь становилось все темнее, а искорки разгорелись в костры. Казалось, еще немного, и он потеряет сознание.

Род разжал захват, оттолкнулся руками от пола и, шатаясь, поднялся на ноги. В ушах звенело громкое хихиканье.

Однако Бром, не выпуская руки Рода, ухватился за ворот его камзола и всем своим весом тянул его обратно на пол.

Когда ноги Брома коснулись пола, он резко оттолкнул Рода.

Потеряв равновесие, Род зашатался и упал, но выработанные годами рефлексy его не подвели. Он прижал подбородок к груди и упал на предплечье, смягчив тем самым падение.

Увидев, что Род все еще в сознании, Бром взвыл от радости и прыгнул.

Род воспользовался предоставленной ему секундной паузой и сделал резкий выпад ногой. Попав Брому прямо в живот, он ухватил карлика за руку и отбросил его прочь.

Бром пролетел футов двадцать вверх тормашками и приземлился на каменные плиты, крикнув от изумления. Приземлился он, конечно, прямехонько на ноги и обернулся с громким хохотом.

— Очень ловко, парень, очень ловко! Но не достаточно...

Род снова был на ногах. Он тяжело дышал и тряс головой. Бром подскочил к нему поближе и снова прыгнул.

Род низко прыгнулся, тщетно надеясь на то, что Бром способен хоть разок промахнуться. Но длинная рука человечка ухватила Рода за шею и его колодообразное тело, описав полукруг, приземлилось у Рода между лопаток.

Уперев ногу в закривок Рода, карлик ухватил его обеими руками за глотку и рванул на себя.

Род захрипел и вскочил на ноги, выгибаясь назад под весом Брома. Он схватил карлика за предплечья и, быстро пригнувшись, бросил его через себя.

Бром перелетел через голову Рода и сделал сальто. Едва коснувшись ногами пола, он завопил:

— Отменно сделано, парень! Отменно!

С прежним веселым блеском в глазах он повернулся к Роду.

— Но мне уже начала надоедать эта игра. Давай-ка закругляться.

— П-попробуй, — выдохнул Род.

Бром прыгнулся и стал наносить своими длинными руками удар за ударом, прощупывая защиту Рода. Затем он попытался ухватить Рода за колено. Блокируя его выпад, Род опустил правую руку, а левой обхватил плечи карлика, пытаясь сбить его с ног. И тут руки Брома снова сомкнулись на горле Рода.

Пытаясь сбросить карлика, Род выпрямился и несколько раз ударил его по локтям. Но захват Брома лишь усилился.

Подавшись всем телом вперед, карлик сделал подсечку. Род споткнулся и увидел надвигающийся на него пол.

Перепрыгнув через Рода, Бром на лету схватил его за ногу. Род исполнил на каменном полу танец живота, но приземлился на предплечья, ухитрившись не удариться головой.

Он попробовал было подняться, но кто-то навалил на его плечи мельничный жернов. Под его левой рукой проскользнула змея и прижалась к его загривку.

Род попытался перекатиться на спину и разорвать этот полунельсон, но на его правом запястье сомкнулись клещи и сделали ему «гусиную лапку».

— Сдавайся, парень, — прошептал ему в ухо голос Брома. — Сдавайся, ибо теперь тебе не сбросить меня.

Подчеркивая сказанное, он так надавил на запястье Рода, что тот заскрипел зубами от боли.

Каким-то образом сумев подняться на ноги, Род попытался стряхнуть человечка, но тот обвил ногами его талию.

— Нет, — процедил карлик сквозь зубы. — Я же сказал, что тебе не сбросить меня.

Род встряхнулся как терьер, но Бром вцепился в него как бульдог. Секунду Род раздумывал, а не упасть ли ему на спину, придавив при этом Брома. Очень обидно проиграть человеку, рост которого в три раза меньше твоего. Но он тут же отбросил эту мысль. В схватке было полно моментов, когда Бром мог бы так же грязно подставить Рода.

Значит, Бром строго придерживался правил честной игры, и Род не простит себе, если карлик окажется благороднее его.

— По-прежнему не сдаешься, приятель? — прорычал Бром ему в ухо, и Род ахнул, когда попытался дотянуться правой рукой до шеи.

Бром изо всех сил надавил Роду на шею, впечатав его подбородок в ключицу. Род пошатнулся и выставил вперед ногу, чтобы не упасть. Все мускулы его спины и шеи стонали от этой пытки; правая рука умоляла сдаться; диафрагма сжалась в комок, решительно отказываясь пропустить хоть один глоток воздуха. Дыхательное горло свела судорога, а легкие разрывались от отсутствия воздуха. И вдруг внезапно опустилась ночь и, что еще более странно, звезды метались по небу.

По его лицу текла холодная вода. Горлышко бутылки, засунутое между губ, казалось большим, словно колесо телеги. Жидкость

струилась по языку и текла в желудок, где взрывалась огненным фонтаном.

Род помотал головой и почувствовал, что лежит на холодном камне. Какого черта, неужели он пытался уснуть на каменном полу?

В голове звенели голоса. Он открыл глаза и увидел над собой склонившееся круглое лицо с большими карими глазами, обрамленное густыми черными волосами и бородой.

Голова уплыла прочь, и вокруг завертелись серые каменные блоки. Уставившись на отблески света на наконечниках копий, Род глубоко вздохнул, и комната постепенно перестала кружиться перед глазами.

В ушах прогрохотал голос.

— Он — чудо, сэр Марис! Он заставил меня попотеть!

Могучая рука приподняла плечи и голову Рода. В поле зрения попало озабоченное лицо Большого Тома.

— Вы целы, хозяин?

Кивая и махая рукой, Род что-то прохрипел.

Над ним тут же склонилась лохматая голова, приделанная к телу шимпанзе, и тяжелая мускулистая рука сжала его руку.

— Ты неплохо дрался, парень, — пробасил Бром О'Берин. — Я не бывал в такой переделке с тех пор, как стал мужчиной.

Род стиснул руку карлика и попытался улыбнуться.

Затем над ним склонилось покрытое шрамами лицо сэра Мариса. Старческой рукой он взял Рода за плечо и поставил на ноги.

— Брось, парень, не вешай носа! Ибо теперь ты — ратник Королевы!

— Ратник Королевы! — прогудел Бром, каким-то образом вновь оказавшись на стропилах. Стены сотрясались от его смеха.

— Нет, сэр Марис, на этого парня претендую я! Быть ему телохранителем Королевы!

— Черт возьми, да нет же, Большой Том! Отвяжись от меня с этой штукой!

— Но, хозяин! — не унимался Том, следуя за ним по пятам с панцирем в руках. — Должны же вы носить хоть какие-то доспехи!

— Приведи-ка мне хотя бы один веский довод в его пользу, — проворчал Род.

— Ну, он нужен, отражать удары мечей и стрел, хозяин.

— Мой меч легко защитит меня от ударов чужих мечей, от стрел я могу уклониться. А от арбалетных стрел этот чертов пан-

цирь все равно не спасет. Так что нет, Том! Он будет меня только сковывать.

Дверь в караульную заскрипела и с грохотом захлопнулась. Бром О'Берин стоял, уперев руки в боки, и смотрел на них. На его плече отливал серебром какой-то предмет.

— Как же так, Род Галлоугласс? Ты не желаешь носить ливрею слуги Королевы?

— Я буду носить ливрею, но не такую, как ты — пестрое чучело!

Карлик ухмыльнулся и сквозь всклокоченную бороду блеснули белоснежные зубы.

— Задел, без сомненья задел! Но я не гвардеец, Род Галлоугласс. Я — шут, а пестрое одеяние — ливрея шута. Одевай-ка, солдат свои цвета.

— О, не беспокойся, я буду носить цвета Королевы. Честно говоря, я вообще не равнодушен к сочетанию пурпурного и серебряного. Я надену ее, хотя я и против ливреи, как таковой. Но, черт возьми, Бром, я решительно отказываюсь иметь дело с этой консервной банкой, что вы зовете доспехами.

Лицо карлика стало серьезным, и он медленно кивнул, не сводя глаз с Рода.

— О, да. Я так и думал.

Серебристая ткань со звоном слетела с его плеча и ударилась о грудь Рода. Тот поймал ее и, нахмурившись, стал внимательно осматривать.

— Ты наденешь кольчугу, Род Галлоугласс?

— Я охотнее надел бы власяницу, — проворчал Род, но все же втиснулся в железную фуфайку. — Хорошо сидит, — буркнул он и бросил убийственный взгляд на кольчугу, но все же выпятил грудь и расправил плечи будто на параде.

Род внимательно посмотрел на Брома О'Берина.

— С чего это, Бром? Как это ты позволил мне обойтись без панциря? Ведь это не по правилам, не так ли?

— Отнюдь, — пророкотал Бром. — Ибо доспехи скрыты под ливреей. И из всей гвардии лишь ты один отказался носить доспехи.

Род искоса взглянул на человека.

— Как ты узнал, что я отказался от панциря?

Бром хихикнул в бороду.

— Да я же бился с тобой, Род Галлоугласс, и ты неплохо дрался, причем в том же стиле, что и я! — он продолжал серьезно. — Нет, ты нацепил бы доспехи не раньше, чем я.

Род нахмурился, пристально всматриваясь в широкое, заросшее бородой лицо.

— Ты до сих пор не доверяешь мне до конца, не так ли?

Бром натянуто улыбнулся.

— Род Галлоугласс, я никому не доверяю и с подозрением гляжу на любого гвардейца, пока тот не отдаст свою жизнь за Королеву.

Род кивнул.

— И много таких?

Глаза Брома обожгли его.

— Семеро, — ответил он. — За последний год я стал доверять семерым гвардейцам.

Род невесело усмехнулся.

Он поднял серебристо-пурпурный камзол и надел его.

— Раз ты обо мне такого высокого мнения, может позволить попробовать пищу Королевы, чтобы определить, не отравлена ли она?

— Нет, — буркнул Бром. — Это моя и только моя привилегия.

Род замолк на секунду, пристально всматриваясь в глаза человека.

— Ну, — произнес он, отворачиваясь, чтобы застегнуть пурпурный плащ, — ты все еще жив, как я погляжу.

Бром кивнул.

— Хотя несколько раз я был болен... и серьезно болен, мой мальчик. Но, похоже, я могу обнаружить яд на вкус, и мне не нужно дожидаться смерти, чтобы убедиться, что пища отравлена.

Он усмехнулся и, подскочив к Роду, похлопал его по обтянутому железом животу.

— Брось, не вешай нос! Тебе предстоит иметь дело только лишь с мечами и, возможно, время от времени, с арбалетами, так что будь бодр и весел.

— О, я просто дрожу от нетерпения, — буркнул Род.

Бром развернулся и отправился к двери.

— А теперь — в палату королевского Совета! Пойдем, я покажу тебе твой пост.

Он обернулся и ткнул пальцем в Большого Тома.

— Эй, ратник Том! Возвращайся к себе в казарму. Если ты понадобишься, твой господин позовет тебя.

Том вопросительно взглянул на Рода. Тот кивнул.

Бром с грохотом распахнул дверь и вышел. Род, улыбаясь, покачал головой и последовал за ним.

Палата королевского Совета представляла собой огромную круглую залу, большую часть которой занимал большой, футов двадцать в диаметре, круглый стол. На юге, востоке и западе залы находились двери, а на севере стоял гигантский камин, где весело потрескивали дрова.

Стены были увешаны безвкусными гобеленами и роскошными мехами. Над камином висел огромный щит, украшенный королевским гербом. Сводчатый куполообразный потолок пересекали массивные резные балки.

Вокруг стола, сделанного из полированного орехового дерева, сидели двенадцать Великих Лордов королевства: герцог Медичи, граф Романов, герцог Глочестер, принц Борджиа, граф Маршалл, герцог Стюарт, герцог Бурбонский, принц Габсбург, граф Тюдор, баронет Раддигорский, герцог Савойский и величественный седовласый герцог Логайрский.

Слушая, как герольд зачитывает со свитка имена, Род понял, что здесь собрались все... кроме королевы Катарины Плантагенет. Размышляя над списком имен, которые выбрала себе элита Эмигрантов, Род решил, что они были не только романтиками, но так же немного чокнутыми. Воистину Плантагенет!

Рядом с каждым из великих лордов сидел худенький, жилистый, сморщенный старичок с изможденным лицом, горящими голубыми глазами и шишковатым черепом, украшенным несколькими зализанными прядями волос.

Советники? — гадал Род. — Странно, что они были так похожи друг на друга...

Все сидели на массивных, украшенных резьбой креслах из темного дерева. И лишь в восточной части стола пустовало большое позолоченное кресло.

Раздалась барабанная дробь, запели фанфары, и все лорды и советники поднялись на ноги.

Огромные двойные створки восточной двери широко распахнулись, и в палату вошла Катарина.

Род стоял на посту у западных дверей. Перед ним открылся столь прекрасный вид, что у него защемило в груди.

Облако серебристых волос вокруг изящно очерченного недовольного личика; большие голубые глаза и кораллово-красные губки; стройное детское тело с набухающими детскими грудями и узкими бедрами, которые, благодаря широкому поясу на талии, были туго обтянуты шелком, спускающимся в виде буквы У от бедер до пола.

Она села в пустующее кресло, положила руки на подлокотники и, выпрямившись, откинулась на позолоченную деревянную спинку.

Бром О'Берин вспрыгнул на табурет, стоящий справа от нее. Прямо напротив королевы, в западной части стола сидел герцог Логайр. Его советник принялся шептать что-то ему на ухо. Герцог нетерпеливым жестом велел ему замолчать.

Бром О'Берин кивнул герольду.

— Большой Королевский Совет объявляется открытым, — провозгласил герольд. — Здесь собрались все великие земли Грамарая. Пусть те, кто ищет справедливости, подадут в присутствии равных себе прошения Королеве.

В комнате наступила тишина.

Герцог Бурбон заерзал в кресле и откашлялся.

Голова Брома повернулась к нему.

— Милорд Бурбон, — прогрохотал он, — вы желаете обратиться к Королеве?

Герцог, не спеша, поднялся. Его камзол был украшен гербом в виде лилии, волосы и усы у него были белокурые.

— Ваше величество, — произнес герцог, степенно поклонившись Королеве, — и мои братья, лорды. — Он кивнул сидящим за столом, затем расправил плечи и выпятил челюсть.

— Я вынужден протестовать, — прорычал он.

Не сгибая спины, Катарина слегка подалась вперед, так что создалось впечатление, будто она смотрит на рослого вельможу сверху вниз.

— Против чего вы вынуждены протестовать, милорд?

Герцог Бурбон опустил взгляд на поверхность стола.

— С тех незапамятных времен, когда наши предки прибыли со звезд, крестьяне всегда были подданными своих лордов, а лорды — подданными Великих Лордов, которые, в свою очередь, являлись подданными Короля... Королевы, — поправился он, слегка поклонившись Катарине.

Губы ее сжались в тугую струнку, но она проявила недюжинную выдержку.

— Сие, — подвел итог герцог, — естественный порядок вещей — каждый человек является подданным того человека, который занимает более высокое положение; правосудие и порядок находятся в руках лорда; в пределах своей вотчины он олицетворяет собой закон, подчиненный, конечно, Королеве.

Снова вежливый поклон Катарине, и снова та стерпела неуважение. Но она стиснула подлокотники кресла так, что побелели костяшки пальцев.

— И вот теперь Ваше Величество ниспровергает этот старый добрый порядок и навязывает нам назначенных Вами судей, чтобы те вершили правосудие в наших вотчинах, держа ответ только перед Вами, хотя это противоречит воле Вашего отца, благородная Королева, и отца Вашего отца, а также всех Ваших предков с начала рода Вашего. Если мне позволят говорить прямо, я нахожу все это почти что насмешкой над Вашими великими и благородными предками. От своего имени я добавлю, что не потерплю, чтобы какой-то мужлан, Ваш подчиненный, вздумал помыкать мною в моем собственном доме!

К концу речи он покраснел, как рак и сорвался почти на крик, сверля Королеву гневным взглядом.

— Вы закончили? — спросила Катарина таким ледяным тоном, словно она хранила его в глубине своей души специально для подобного случая.

Герцог Бурбонский медленно склонил голову.

— Я закончил, — и он сел.

Катарина на миг закрыла глаза, затем посмотрела на Брома О'Берина и едва заметно кивнула.

Бром встал.

— Кто-нибудь хочет высказаться в поддержку милорда Бурбона?

Встал молодой человек с огненно-рыжими волосами.

— Я согласен со всем, что сказал сейчас милорд Бурбон. Кроме того, я хотел бы добавить, что Королеве было бы не худо задуматься о возможности подкупа назначенных ею судей; ибо человека, не имеющего ни земель, ни средств, ни родового имени, честь которого надобно беречь, можно легко ввести в искушение и склонить к торговле правосудием.

— Если они это сделают, — отрезала Катарина, — то те люди, в отношении которых был допущен произвол, вздернут их на самой высокой виселице.

Несколько секунд Катарина молчала, глядя прямо в глаза юному вельможе, затем Бром О'Берин прорычал:

— Мы благодарим досточтимого герцога Савойского.

Молодой человек поклонился и сел.

— Кто еще выскажется в поддержку милорда Бурбона и герцога Савойского?

Один за другим оставшиеся десять лордов поддержали герцога Бурбонского. Большой Совет Королевы единогласно был против нее.

Плотно сжав губы, Катарина на миг закрыла глаза. Затем она обвела стол пылающим взглядом.

— Милорды, я несказанно огорчена тем, что встретила среди вас столь сильное противодействие королевскому правосудию. — Она натянуто улыбнулась. — Благодарю вас за искренний совет. И все же я не уступлю — мои судьи останутся в ваших владениях.

Вельможи зашевелились в своих креслах, перешептываясь друг с другом дрожащими от ярости голосами. Казалось, что все они слились в одного огромного, злобно рычащего встревоженного зверя.

Медленно поднялся старый герцог Логайрский и тяжело оперся на стол.

— Моя Королева, — громко сказал он, — одумайтесь: даже короли могут допускать ошибки, а вы еще столь неопытны. Известно, что много умов, собравшихся вместе, мыслят яснее, чем отдельный ум, а здесь перед вами собрались двенадцать представителей самых древних и почитаемых родов, члены семейств, посевшие от государственных забот — пожилые люди из уважаемых семейств, умудренные, надо полагать, грузом прожитых лет. Будете ли вы настаивать на своем, когда столько людей уверены в том, что вы неправы?

Лицо Катарины превратилось в мертвенно-бледную маску, на которой раскаленными углями полыхали глаза.

— Да, буду, — спокойно ответила она.

Бесконечно долгий миг лорд Логайр смотрел ей прямо в глаза, затем медленно сел.

Катарина обвела взором окружающие ее лица, не жалея времени на то, чтобы поглубже заглянуть в глаза каждому.

Затем, вскинув голову, заявила:

— Мои судьи останутся в ваших владениях, милорды. Что же касается возможности их подкупа, то вы найдете их совершенно равнодушными к деньгам, вину и... роскоши. Они пекутся лишь об одном — о правосудии.

Она помолчала, давая им время переварить свои слова, и Род заметил, что некоторые из Великих Лордов покраснели, как раки. Он догадался, что правосудие во владениях многих из них было, мягко говоря, не слишком праведным.

Герцог Логайр не покраснел. На его лице Род не мог прочесть никаких эмоций, кроме горечи.

— Однако все эти проблемы с судьями второстепенны по сравнению с тем вопросом, ради которого я собрала вас сегодня. — В улыбке Катарина таился немалый заряд злости.

Сидящие вокруг стола в тревоге вскинули головы. Бром О'Берин выглядел еще более ошеломленным, чем все остальные. Даже для него данное заявление явилось полной неожиданностью — Катарина явно не проконсультировалась со своим Главным Советником.

Каждый лорд пригнулся и шепотом быстро посоветовался со своим советником. Выражение тревоги на лицах вельмож переросло в угрюмую ярость.

— В каждом из ваших владений, — сказала Катарина, — есть монастырь. Вы привыкли назначать священников в ваши приходы из своих собственных монастырей.

На мгновение она опустила взгляд, затем снова подняла голову.

— Здесь, в этом замке, я собираю лучших теологов из всех монастырей. Вы выберете из своих монахов молодых послушников, по одному от каждого прихода, и пришлете сюда, чтобы их обучали мои монахи. Если я по каким-то причинам не одобрю вашего выбора, то отошлю их обратно и потребую вместо них других. Когда они закончат свое образование и примут сан, я верну их вам, дабы они стали вашими приходскими священниками.

Лорды с грохотом вскочили на ноги, возмущенно крича, размахивая руками и стуча кулаками по столу.

Этот гам пререзал голос Катарины:

— Хватит! Тихо!

Постепенно, один за другим, Великие Лорды угрюмо замолкали и, пылая гневом, усаживались в свои кресла.

Лица их советников напротив, казалось, светились сдержанной радостью. Глаза их горели, а на лицах играли ухмылки, напоминающие счастливые улыбки.

— Я сказала, — произнесла Катарина ледяным голосом, — и да будет так!

Поднялся, трепеща, старый лорд Логайр.

— Не будет ли Ваше Величество...

— Нет.

Бром О'Берин прочистил горло.

— Если Ваше Величество разрешит...

— Нет.

В палате Совета воцарилось молчание. Катарина вновь обвела взглядом лица лордов и их советников.

Затем, повернувшись влево, она склонила голову.

— Милорд Логайр.

Старый вельможа поднялся, крепко сжав челюсти под седой бородой. Его покрытый коричневыми пятнами кулак дрожал от едва сдерживаемого гнева.

Логайр отодвинул большое позолоченное кресло, и Катарина встала. Он вернулся на свое место. Катарина повернулась, и огромные дубовые двери широко распахнулись перед ней. Гвардейцы построились впереди и позади нее.

Она остановилась в дверях и обернулась.

— Подумайте, милорды, — сказала она, — и соглашайтесь, ибо вам не выстоять против меня.

Огромные двери захлопнулись за ней.

В палате Совета разразился ад кромешный.

— Да брось ты! Это классическая сцена, вплоть до последнего оскорбительного взгляда.

Закончив ночное дежурство, Род скакал на Вексе обратно к постоялому двору, намереваясь перехватить последние сплетни и побольше пива. Большой Том остался на страже в Королевском Замке, получив приказ держать ухо востро.

— Я не согласен, Род. Да, это классическая ситуация, но с некоторыми поправками.

— Упрямая скотина! Это просто преждевременная попытка централизации власти. Катарина пытается ввести в Грамарае единый закон и единое правление, вместо двенадцати практически независимых герцогств. Вот что означает все это дело с судьями, и ничего больше. Ставлю пять к десяти, что некоторые из этих вельмож разыгрывали из себя богов в своих владениях, принуждая женщин спать с ними, зажимая налогами всех и вся, и вообще вытворяя все, что им заблагорассудится. Катарина — реформатор, и только. Она пытается искоренить все пороки, которые в состоянии вскрыть, путем объявления себя единственной законной силой в Грамарае — но у нее ничего не выйдет. Знать этого попросту не потерпит. Ей могла сойти с рук затея с судьями, но эта афера с попами наверняка вызовет мятеж. В такого рода обществе священники имеют большее влияние на народ, чем любые другие представители власти. Если она сделает их подчиненными непосредственно ей, и только ей, то она и в самом деле выбьет у вельмож зубы. Они это понимают и не сдадутся без боя.

— Пока что я с тобой согласен, — сказал робот. — Пока что это классическая ситуация, весьма напоминающая попытку английского короля Джона объединить страну до того, как подобный проект мог иметь успех.

— Да, — кивнул Род, — и мы можем предположить, что герцоги, подобно вельможам короля Джона, будут настаивать на принятии «Великой Хартии».

— Но...

Род принял облик терпеливого мученика.

— Что за «но», Векс?

— Но здесь присутствует чужеродный элемент: группа советников Великих Лордов, которая кажется очень сплоченной.

Род нахмурился.

— Ну, да. Так оно и есть.

— И судя по тому, что ты рассказал мне о сцене, которая разыгралась после ухода Катарины...

— Э-эх! — содрогнулся Род. — Это выглядело так, словно она бросила им перчатку, и все герцоги собрались, чтобы решить, кому выпадет честь поднять ее. Возможно, девочка и знакома с азами искусства политики, но она наверняка ничего не знает о дипломатии. Она просто провоцировала их!

— Да, а советники очень умело подливали масло в огонь — каждый советовал своему лорду не вступать в схватку, ибо тот слишком слаб для этого... а затем говорил ему, что если он все же решит драться, то ему лучше заключить союз с другими лордами, потому что ни одному из них не выстоять в одиночку. Умелое использование убеждения от противного. Можно подумать, что советники решили полностью ликвидировать центральную власть.

— Да... — задумчиво нахмурился Род. — Это вряд ли типично для подобного общества. Не так ли, Векс?

— Ты прав, Род. Теория анархии обычно появляется на более высокой стадии развития культуры.

Род пошевелил губами.

— Быть может, вмешательство извне?

— Возможно. И это напоминает нам еще об одной аномалии — народном тоталитарном движении. Нет, Род, это не классическая ситуация.

— Черт возьми, да. Мы имеем три группировки, соперничающие в борьбе за власть: крестьяне, герцоги и их советники, а также Королева со своими сторонниками. В данный момент, в их число, кажется, входит лишь один Бром О'Берин.

— Тоталитаристы, анархисты и королева посередине, — подвел итог Векс. — А кого поддерживаешь ты, Род?

— Черт возьми, конечно Катарину! — ухмыльнулся Род. — Я решил сеять семена демократии, а все говорит за то, что единственный шанс этого добиться — ввести конституционную монархию.

— Может, я и ошибаюсь, — произнес Векс, — но мне кажется, ты рад тому, что должен поддержать ее.

Вокруг них в вечерней мгле тускло горели несколько фонарей, но уже футах в тридцати из-за тумана не было видно ни зги. Род ехал один-одинешенек через призрачный мир. Стук копыт Векса вызывал странное эхо в этом жутком безмолвии.

Вдруг раздался звон мечей, и отчаянный крик разорвал тишину ночи.

— На помощь! На помощь! — звал молодой голос.

Род замер с рукой на эфесе шпаги, затем вонзил каблуки в железные бока Векса, и огромный черный конь поскакал к месту разгорающейся схватки.

В жерле переулка тускло светился сквозь туман факел. Там, в его призрачном свете, прижавшись спиной к стене, один человек сражался против трех.

Род издал боевой клич и верхом на коне врезался в самую гущу схватки. Он завертел шпагой вокруг себя, воя, словно индеец, готовящийся стать солдатом Конфедерации, и чудом успел выхватить из-за пояса кинжал именно в ту секунду, когда требовалось отразить удар меча слева. Его собственная шпага описала дугу и со звоном встретила со сталью противника, парировавшего удар.

Затем стальные острия принялись колоть его, словно осиные жала. Род был вынужден уйти в глухую защиту, отбиваясь от клинков.

Но тут потенциальная жертва издала вопль, достойный баньши, и напала на разбойников с тыла.

Мгновение спустя три меча полетели в разные стороны, а их владельцы поспешили скрыться в переулке. Род на миг растерялся, затем гикнул, и Векс устремился вдогонку за удирающими фигурами.

Но они уже скрылись во мраке в конце переулка, и, когда Род прискакал туда, мостовая была пуста. Улочка оканчивалась тупиком. Разбойники исчезли в одной из темных зловонных дверей.

Их несостоявшаяся жертва, оглядываясь и тяжело дыша, побежала к Роду.

— Они исчезли, и искать их бесполезно. Через пять минут они будут уже в пяти лигах отсюда.

Род выругался и со звоном убрал шпагу в ножны. Затем он вздрогнул и крайне осторожно коснулся предплечья: один из ударов распорол камзол и слегка задел кожу.

Он повернулся к незнакомцу.

— У вас все в порядке?

Молодой человек кивнул, пряча шпагу в ножны.

На его открытом голубоглазом лице с курносым носом сияла ослепительная улыбка. У него были высокие скулы и большие, широко поставленные, лукавые глаза. Белокурые волосы были подстрижены под горшок: это было лицо неопытного и очень красивого юноши. Род почувствовал легкий укол зависти.

Он спрыгнул с коня. Макушка головы юнца была примерно на уровне глаз Рода, но его телосложение с лихвой компенсировало недостаток роста. Бочкообразная грудь переходила в крепкие плечи, на добрых шесть дюймов шире, чем у Рода. Его ручки скорее подошли бы медведю или горилле, а ноги были словно стволы небольших деревьев, вогнанные в узкие бедра.

На нем были короткая кожаная куртка поверх белой рубашки, широкий черный пояс, шаровары и высокие мягкие сапожки.

Заметив кровь на рукаве Рода, он забеспокоился.

— Вы ранены.

— Царапина, — презрительно фыркнул Род и нащупал в седельной сумке Векса антисептический бинт. Перевязав предплечье, он сурово улыбнулся юнцу.

— Однако вы можете оплатить счет портного.

Паренек кивнул, его голубые глаза стали серьезными.

— Это я с радостью. Если бы вы вовремя не подросли, они вырезали бы мне сердце. Туан Мак Риди у вас в долгу.

Медленно кивнув, Род оглядел его с ног до головы. Хороший паренек, — подумал он.

— Всегда к вашим услугам. Род Галлоугласс, — потянул он руку. — И никаких обязательств. Всегда рад помочь одному против трех.

— Нет, все же я ваш должник! — не согласился паренек, сжимая руку Рода в благодарном рукопожатии, больше напоминающим тиски медведя. — По крайней мере, вы должны позволить мне угостить вас кружкой эля.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Род. — Я как раз направлялся в таверну, так пошли вместе.

К его удивлению, Туан заколебался.

— С вашего позволения, добрый господин Галлоугласс... в этом городе есть лишь один дом, где я желанный гость. Всем в городе известен мой нрав, — на его круглом лице вдруг появилась озорная усмешка, — а мой образ жизни претит мирным и добропорядочным гражданам.

Род скривился и кивнул.

— Ладно, я полагаю, один трактир стоит другого.

Дорога к трактиру, в который позвал его Туан, не вязалась с представлением о пути юноши из хорошей семьи. Они спустились по двум темным переулкам, протиснулись сквозь дыру в кирпичной стене и попали на залитый лунным светом обширный двор, сохранивший следы былой элегантности. Но пик его расцвета прошел столетие-другое назад. В окружении потрескавшихся плит булькали остатки фонтана, обдавая вонью примитивного водопровода. Чахлые сорняки пробивались из всех трещин. Кирпичные стены потрескались, известка крошилась. В углах и у стен высились кучи мусора и отбросов.

Сам постоянный двор являл собой обшарпанное здание из гранита с полуобвалившимся карнизом. Выступающий вперед второй этаж подпирали грубоотесанные бревна, которые дышали на ладан по причине крайней ветхости. Окна были забиты заплесневелыми и пораженными грибком потрескавшимися досками. Массивная дубовая дверь была единственным куском более-менее сохранившегося дерева, да и та осела.

— А здесь твое поведение терпят? — спросил Род, осматривая загаженный двор, пока Туан стучал в дверь рукоятью кинжала.

— Да, терпят, — ответил Туан, — хотя даже их гостеприимство порою бывает вынужденным.

У Рода по спине пробежал холодок. Он гадал, кто же на самом деле этот воспитанный с виду юноша, с которым свел его злосчастный случай.

Туан снова постучал. Род удивился, что тот вообще ждет ответа, ибо ни лучика света не пробивалось сквозь осевшие доски на окнах. Судя по всему, дом был совершенно пуст.

Но дверь начала приоткрываться — скрипя при этом так, будто грозила воспротивиться, если ее не смажут — пока не открылась достаточно широко, чтобы пропустить двух людей.

— А вот и трактирщик, — весело сказал Туан. — Пересмешник.

Искривленное, горбатое, иссохшее подобие человека выглянуло из-за двери, издавая булькающие горловые звуки. Одно ухо смахивало на цветную капусту, другое и вовсе отсутствовало. По

пораженному паршой черепу было раскидано несколько прядей маслянистых волос. Нос картошкой, рот — узкая прорезь в куче бородавок, глаза — злорадно блестящие щелки. На этом пугале неуклюже висела целая коллекция лохмотьев и заплат, некогда претендовавших на высокое звание камзола и шаровар.

Троль шмыгнул в смердящую нору своего логова. Туан последовал за ним.

Род сделал глубокий вдох, расправил плечи и оглянулся назад, удостоверившись, что Векс, опустив голову, стоит все там же у фонтана и делает вид, что пасется. На миг Род позавидовал роботу, имевшему возможность при желании отключать свои обонятельные рецепторы.

Затем, выпатив челюсть, он последовал за Туаном в трактир.

Дверь со скрипом закрылась за ними. Раздалось шуршание — Пересмешник обогнал их, спеша открыть другую дверь.

Эта дверь открылась легко, громко хлопнув о стену, и на них обрушился яркий свет факелов и взрывы буйного смеха. Род выпучил глаза.

Они перешагнули через порог, и Род огляделся. Это был большой зал, освещенный четырьмя большими жаровнями и десятками факелов, воткнутых в стену. Над жаровнями коптились туши, слуги сновали между посетителями с большими кружками для вина и пива, которые наполнялись из двух огромных бочек, возвышавшихся у дальней стены зала.

Клиентурой этого заведения было все городское отребье. Их грязная залатанная одежда была явно подобрана на свалке. Тела их носили следы примитивного правосудия: у одного не хватало уха, у другого — глаза. Лица были обезображены болезнями. И все же здесь, в своем логове, они веселились вовсю — у всех на лицах играли довольные ухмылки, хотя глаза злобно заблестели, едва они заметили Рода.

Но злоба тут же испарилась и сменилась подобием преклонения, когда они увидели Туана.

— Говорят, — улыбнулся паренек, — что нет чести среди воров, но здесь, среди нищих Грамарая, есть, по крайней мере, сродство. Добро пожаловать в Дом Кловиса, Род Галлоугласс.

Волосы на голове Рода встали дыбом. Он вспомнил залитую светом факелов толпу, которую он видел на набережной прошлой ночью.

Глаза его расширились, и он уставился на Туана. Это не мог быть он, не мог!

Однако, это был он. Да, это был он.

Туан Мак Риди был тем самым подстрекателем черни, призывавшим толпу к походу на замок.

Этот краснощекий, пышущий здоровьем юноша был первой крысой в этой клоаке.

Толпа громкими веселыми криками приветствовала своего Галахеда. Туан ухмыльнулся и помахал им рукой, покраснев до кончиков волос. Он казался почти смущенным таким приемом.

Он отвел Рода в темный угол в дальней части зала. Хотя Туан не сказал Пересмеешнику ни слова, не успели они усесться, как две дымящиеся кружки подогретого вина со специями оказались перед ними. Хозяин тут же скрылся, не потребовав платы.

Род посмотрел ему вслед, скептически поднял бровь.

— Вы здесь не пользуетесь деньгами?

— Нет, — улыбнулся Туан. — Все, кто приходит в Дом Кловиса, отдают те немногие деньги, которые у них есть, в общую копилку и, по мере надобности, получают мясо и вино.

— И место для ночлега, не так ли?

— Да, а также одежду. С точки зрения джентльмена — не бог весть что, но для моих бедных братьев это огромное богатство.

Род пристально взглянул на Туана и решил, что, судя по всему, парень назвал их братьями не ради красного словца.

Он откинулся на спинку стула и скрестил ноги.

— Мог бы ты назвать себя верующим человеком?

— Я? — с трудом сдержал смех Туан. — О, нет! Может, когда-то и был, но меня уже с полгода не видели в церкви!

— Значит, — решил Род, — вполне возможно, что он помогает бедным не из лицемерных побуждений, как это могло показаться с первого взгляда.

Род заглянул в свою кружку.

— Судя по всему, ты кормишь и одеваешь этих людей не только на принесенные ими жалкие гроши?

— Нет, это лишь незначительная часть доходов. Но наша благородная Королева решила не лишать нас средств к существованию, что служит лучшим доказательством чистоты наших мыслей.

Род уставился на него.

— Ты хочешь сказать, что Королева содержит вас?

Туан озорно усмехнулся.

— Да, хотя и не подозревает, что помогает именно Дому Кловиса. Она лишь дает доброму Броду О'Берину деньги, проявляя заботу о своих подданных-бедняках.

— А Брод отдает их вам.

— Верно. А он, в свою очередь, доволен, что уменьшилось число убийств и ограблений в темных переулках.

Род кивнул.

— Хорошо придумано. И это, конечно, твой план?

— О, нет! Пересмешник подал мне эту идю. Ведь никто не стал бы слушать его самого.

Род опешил.

— Пересмешник? Неужели этот ущербный персонаж фильма ужасов является подлинным вдохновителем этого дела?

Туан нахмурился и покачал головой.

— Люди не пойдут за ним, дружище Галлоугласс. У него нет задатков вождя. Он лишь трактирщик, снабжающий их предметами первой необходимости; слуга, да и только, но слуга хороший. Ты увидишь, что Пересмешник как администратор кого угодно за пояс заткнет, даже Лорда Казначея Королевы.

— Понятно. Он просто слуга.

— Но, помимо того, человек,правляющий финансами, — добавил мысленно Род. — Да к тому же мозговой центр организации. Туан может и способен увлечь людей за собой, но знает ли он, куда их вести? Да, несомненно знает. Неужто Пересмешник не подсказал ему? Значит, горбун является местным политэкономистом и, скорее всего, составителем речей Туана.

Род, потирая подбородок, откинулся на спинку стула.

— И тебе удастся поддерживать эту декадентскую россыпь исключительно на милостыню нищих? Плюс, конечно, деньги Королевы.

Туан застенчиво улыбнулся и, подавшись вперед, кивнул.

— Что сделать совсем не просто, дружище Галлоугласс. Эти нищие теперь не могут кому-либо подчиняться. Все время кого-то упрашивать, угрожать, улеживать — нелегкий изматывающий труд. И все же овчинка стоит выделки.

Род кивнул.

— С этим справился бы человек, у которого нет ложной гордости и еще меньше ложного чувства стыда. Тот, кто смог бы заглянуть в сердце собрату.

Туан покраснел.

— Такой человек мог бы стать Королем нищих, — добавил Род. Но Туан, закрыв глаза, покачал головой.

— Здесь нет короля, дружище Галлоугласс. Быть может, Хозяин Дома, но не более.

— Разве ты не хочешь стать королем?

Плечи Туана затряслись от смеха.

— Нищие и слышать об этом не захотят.

— Я спрашиваю не о том.

Туан впился взглядом в глаза Рода. Улыбка сползла с мальчишеского лица. Затем Туан уловил смысл слов, и глаза юноши подернулись ледком.

— Нет! — выплюнул он. — Я не мечтаю о троне.

— Тогда зачем ты пытаешься натравить нищих на Королеву?

На лице Туана вновь появилась улыбка. Он откинулся на спинку стула, с очень довольным видом.

— А, значит ты в курсе моих замыслов! Тогда я спрошу прямо, дружище Род, присоединишься ли ты к нам, когда мы пойдем на замок?

Род почувствовал, как у него вытянулось лицо. Он вновь посмотрел Туану в глаза и прошептал:

— Почему я?

— Чем больше у нас друзей в королевской Гвардии, тем лучше...

— Вероятно, у вас их там и без того немало, — проворчал Род, — если вы в тот же день узнали, что я вступил в королевскую Гвардию.

Туан прикрыл глаза и улыбнулся еще шире.

Недостающий кусочек мозаики с щелчком встал на свое место в мозгу Рода.

— Если бы я внимательно осмотрел этот зал, — осторожно произнес он, — то нашел бы тех трех головорезов, что напали на тебя сегодня вечером?

Глаза Туана забегали, и он кивнул.

— Все подстроено, — покачал головой Род. — В мою честь разыграли небольшой спектакль, единственная цель которого — заманить меня сюда для вербовочной акции. Ты действительно знаешь, Туан Мак Риди, как управлять людьми.

Туан покраснел и опустил глаза.

— А что, если я не захочу присоединиться к вам? Покину ли я Дом Кловиса живым этой ночью?

Туан поднял голову и жестко посмотрел в глаза Роду.

— Только если ты великолепный фехтовальщик и чародей с головы до пят.

Род медленно кивнул, в голове у него вихрем пронеслись события последних двух дней. Какое-то мгновение он раздумывал, а не присоединиться ли ему к заговору. Он без сомнения сумел бы усесться на трон после революции.

Но нет, Туан не солгал сказав, что управлять нищими сможет только тот, у кого врожденные способности к массовому гипнозу. Возможно, Род и занял бы трон, но нищие, а также Пересмешник и те, кто стоял за ним, не позволили бы ему удержать его.

Нет, структура власти должна оставаться неизменной. Конституционная монархия — единственно возможный путь к демократии на этой планете.

И потом, нельзя забывать о Катарине...

Фальшивая нотка в партитуре событий резанула слух Рода. Похоже, он втрескался в Королеву, ибо она была Мечтой.

Но и Туан понравился ему с первого взгляда. Если они с Катариной находились по разные стороны баррикад, то как Род мог симпатизировать им обоим?

Конечно, простодушное обаяние Туана могло быть лишь игрой, но Род почему-то сомневался в этом.

Нет. Если бы Туан действительно мечтал о троне, он бы приударил за Катариной и, Род не сомневался в этом, покорила бы ее сердце.

Значит, Туан поддерживает Королеву. Каким образом его демагогия могла бы помочь Катарине, Род не понимал, но раз Туан так думал, значит в этом что-то было.

Тогда зачем его заманили в Дом Кловиса, разыграв целое представление?

Ну, конечно! Их цель — испытать его, чтобы выяснить, достоин ли он быть рядом с Королевой.

Раз паренек имел дело с Бромом О'Берином, это смахивало на правду. Попытка организовать таким образом поддержку Королевы в народе была вполне в стиле Брома. Но тогда к чему все эти призывы к походу на замок?

Вероятно, Туан знал ответ на этот вопрос, и если уже речь зашла об ответах, то Роду самое время было дать таковой.

Он недобро улыбнулся Туану и поднялся, держа руку на шпаге.

— Нет, благодарю покорно. Я рискну попытать счастье в фехтовании и магии.

Глаза Туана засияли от радости, он схватил Рода за руку.

— Хорошо сказано, дружище Галлоугласс. Я надеялся, что ты так ответишь. А теперь сядь и выслушай мой подлинный план.

Род стянул его руку.

— Вынимай шпагу, — процедил он сквозь зубы.

— Нет, нет! Я не обнажу оружие против друга. Не сердись на меня. Я сыграл с тобой дурную шутку, но с самыми благими намерениями. Сядь, и я все объясню тебе.

Туан снова схватил Рода за предплечье, и на этот раз стряхнуть его руку было невозможно. Род заглянул Туану в глаза и, стиснув челюсти, изо всех сил напряг мышцы руки, но шпага медленно и неумолимо вползала в ножны.

— Сядь, — приказал Туан и с легкостью, словно Род был ребенком, усадил его обратно на стул.

— А теперь выслушай мой замысел. — Туан выпустил руку Рода и тепло улыбнулся, словно ничего и не произошло. — Королева содержит нас, и нищие об этом знают. Однако подачки лишь подогревают ненависть к дарителю. Если мы хотим умножить число сторонников Королевы, то должны найти способ обратить гнев в благодарность.

Нахмурившись, Род кивнул.

— Словом, мы должны повернуть дело так, чтобы деньги Королевы не казались более подачкой.

— И ты нашел способ сделать это?

— Не я, — признался Туан, — а Пересмешник. «Когда подачка перестает быть подачкой?» — спросил он меня, и сам же ответил: «Когда у тебя есть на нее право».

Туан откинулся на спинку стула и развел руками.

— Все проще пареной репы. Нищие отправятся к замку и поднимут крик, что Королева должна дать им хлеба и мяса, ибо у них на то есть право. И когда она удовлетворит их требования, они будут ей благодарны.

Род улыбнулся, потирая подбородок.

— Хитро придумано, — кивнул он, но про себя добавил:

Если это сработает. На самом деле богачи, с радостью жертвующие деньги на благотворительность, не вложат ни цента, если им скажут, что они просто обязаны это делать. А как благодарны будут нищие, когда она откажет им и прикажет армии вытолкать их взащей!

А если даже она уступит, что с того? Как быть с тем чувством силы, которое они обретут? Нищие заставили поделиться Королеву! Они не остановятся на хлебе да мясе и через неделю вернутся с новыми требованиями, с Туаном или без него.

О, да, план составлен весьма хитроумно. И Туан увяз в нем по уши. А Пересмешник вместе со стоящими за ним инопланетными тоталитаристами в любом случае не останется внакладе.

Но Туан не желал дурного. Его помыслы были чисты. Как политик, он звезд с неба не хватал, но имел самые благие намерения.

Влив себе в глотку добрую порцию подогретого вина, Род устал в кружку, наблюдая за вращением жидкости.

— И все же, кое-кто говорит, что Дом Кловиса собирается сбросить Катарину с трона.

— Нет, нет, — ужаснулся Туан. — Я люблю Королеву!

Род пристально взглянул в открытое честное лицо парня и посвоему интерпретировал заявление.

Он снова заглянул в кружку и сказал:

— И я тоже. — В данной фразе было куда больше правды, чем ему хотелось бы. — Но, несмотря на это, я вынужден признать, что ведет она себя, мягко говоря, неразумно.

Туан испустил тяжелый вздох и сцепил руки в замок.

— Да, ты прав, ох как прав. Намерения-то у нее благие, а вот методы — хуже некуда.

— Чья бы корова мычала... — подумал Род, но вслух лишь спросил:

— Как это так?

Туан печально улыбнулся.

— Она пытается в один день исправить то, что ее предки натворили за века. Я охотно допускаю, что в нашем королевстве полным-полно несправедливости. Но кучу навоза не убрать одним взмахом лопаты.

— Верно, — согласился Род, — да и селитра под ней может оказаться взрывоопасной.

— Великие Лорды не понимают, что она изгоняет дьявола, — продолжал Туан. — Они видят лишь стремление Королевы к тому, чтобы один, и только один, голос имел все в этой стране — ее собственный.

— Что ж... — Род с унылым смирением на лице поднял кружку, — давай-ка выпьем за Катарину — пусть она добьется своего.

— Раз ты думаешь, что это возможно, — сказал Туан, — то у тебя, должно быть, еще меньше мозгов, чем у меня. А я повсеместно известен как исключительный глупец.

Род опустил кружку, так и не пригубив.

— Ты выражаешь взгляды большинства или свою особую точку зрения?

Туан скрестил указательные пальцы.

— Трон покоится на двух ножках: — народ и знать, которая противится всему новому и, посему, враждебна Королеве.

— Спасибочки, — сказал Род с ехидной ухмылкой. — Ты просто открыл мне глаза.

— Сами по себе, — продолжал Туан, — вельможи, наверное, терпели бы выходы Катарини из любви к ее отцу. Но есть еще советники.

— Да, — Род прикусил нижнюю губу. — Я полагаю, советники подсказывают лордам, как нужно поступать в том или ином случае.

— Или они говорят им, что ни в коем случае нельзя делать. Неважно, суть от этого не меняется. А все советники поют с одного голоса — с голоса Дюрера.

— Дюрер? — переспросил Род. — А кто он такой?

— Советник милорда Логайра, — Туан горько скривил рот. — Он обладает некоторым влиянием на милорда, что просто невероятно, ибо герцог — самый упрямый человек на свете. Но пока жив Логайр, у Катарини есть шанс устоять. Как только старик умрет, Королева падет, поскольку наследник Логайра ненавидит ее.

— Наследник? — Род поднял бровь. — У Логайра есть сын?

— Двое, — ответил Туан с вымученной улыбкой. — Младший дурень, по уши влюблен в своего злейшего врага; старший — вспыльчив как порох, обожает лезть Дюрера. А посему, как Дюрер скажет, так Ансельм Логайр и сделает.

Род поднял кружку.

— Давай пожелаем герцогу Логайру долгих лет жизни.

— Да, — горячо поддержал его Туан. — Ибо Ансельм давно точит зуб на Королеву.

Род нахмурился.

— А в чем причина неприязни?

— Не знаю, — лицо Туана опало, и он стал похож на гонимую, страдающую от свища. — Не знаю.

Род оттолкнулся на стуле, положив руку на эфес шпаги.

— Словом, Ансельм вместе с Дюрером жаждут падения Королевы, а остальные вельможи примкнули к ним, если умрет старый Логайр. Вот и все об одной ножке трона. Какова другая?

— Народ, — сказал Туан, отсалютовав как юный скаут, — народ: крестьяне, ремесленники и торговцы. Они любят Королеву за то, что жить при ней стало легче, но побаиваются ее ведьм.

— Ах, да. Ее... ведьм.

Род нахмурился, стараясь выглядеть проницательным знатоком, а в голове у него вертелось:

— Ведьмы как объекты политики?

— Веками, — продолжал Туан, — ведьм пытали до тех пор, пока они не отрекались от Дьявола, или подвергали испытанию водой. А если и это не помогало — сжигали на кострах.

На миг Род испытал жалость к поколениям эсперов.

— Но теперь их укрывает Королева, и оттого пошла молва, будто она сама ведьма.

Страхнув задумчивость, Род прошептал:

— Я полагаю, это вряд ли вдохновляет народ на подвиги во имя Королевы и ее дела.

Туан прикусил губу.

— Скажем, люди не уверены...

— Чертовски напуганы, — уточнил Род. — Но я заметил, что ты не рассматриваешь нищих как часть народа.

Туан покачал головой.

— Нет, они стоят особняком. Их ненавидят и презируют все сословия. И все же из этой негодной заготовки я рассчитываю вытесать третью ножку для трона Королевы.

Пристально вглядываясь в лицо Туана, Род некоторое время переваривал его последние слова.

Затем он откинулся на спинку стула и поднял кружку.

— Может, у тебя есть как раз то, в чем нуждается Королева. — Род сделал глоток и, вертя в руках кружку, спросил:

— Наверное, советники делают все возможное, чтобы еще больше запугать народ?

Туан озадаченно наморщил лоб и покачал головой.

— Нет, они ничем подобным не занимаются. Можно подумать, что им плевать на народ.

Хмуро уставившись в кружку, Туан болтает в ней вино.

— Да и ни к чему объяснять людям, чего те должны бояться.

— Поскольку они и без того это прекрасно знают?

— Да, ибо народ видел, что все королевские ведьмы не могут отвалить баньши от ее крыши.

Род озадаченно нахмурился.

— Да пусть она хоть борозду протопчет на стене, если уж ей так приспичило! Вреда ведь от нее никакого, разве не так?

Туан изумленно уставился на него.

— Разве ты не слышал о предназначении баньши, Род Галлогласс?

У Рода засосало под ложечкой. Тому, кто старается сохранить инкогнито, незачем демонстрировать свое незнание местных поверий.

— Когда на крыше появляется баньши, — объяснил Туан, — кто-то в доме умирает. И всякий раз, когда баньши гуляла по стене, Катарина была на волосок от смерти.

— Вот как? — поднял брови Род. — Кинжал? Упавшая черепица? Яд?

— Яд.

Род откинулся на спинку стула, потирая подбородок.

— Яд — оружие аристократов. Бедняк не может себе этого позволить. Кто же из Великих Лордов настолько ненавидит Катарину?

— Да никто, — ужаснулся Туан. — Ни один из них не унижится до яда, Род Галлоугласс! Это обесчестило бы его.

— Честь еще имеет здесь вес, да? — Увидев шокированное лицо Туана, Род поспешил продолжить:

— Поэтому исключаем вельмож. Но кто-то дует в их дудку. Не советники ли это?

В глазах Туана вспыхнуло понимание и зарождающийся гнев. Он откинулся назад и кивнул.

— Но почему ее смерть им выгодна? — нахмурился Род. — Разве что один из них стремится короновать своего повелителя и стать Советником короля...

Туан кивнул.

— Возможно, они все хотят этого, дружище Галлоугласс.

Неожиданно Род представил себе Грамарай, разодранный на двенадцать постоянно воюющих между собой удельных княжеств. Во главе каждого из них стоит феодал, которым крутит как хочет его советник. Японская узурпация, человек за троном, и анархия.

Анархия.

На Грамарае действовала инопланетная сила. Ее агенты были вооружены высокой технологией и изощренной политической философией. Великих вельмож постепенно поссорят между собой, а народ с помощью Дома Кловиса повернут против знати. Двенадцать удельных княжеств распадутся на враждующие графства, те в свою очередь распадутся на мелкие враждебные друг другу вотчины, и так далее, пока не возобладает всеобщая анархия.

Как раз советники и являлись той инопланетной силой, что последовательно подводи́ла страну к состоянию анархии. Но зачем?

С ответом на вопрос «зачем» можно было и повременить. Сейчас на повестке дня стоял заговор, которым руководил Дюрер — советник милорда Логайра.

И целью его являлась смерть Катарины.

Перед скачущим обратно Родом выросла черная на фоне неба громада замка. Лишь подъемный мост и спускная решетка были залиты светом факелов. Копыта Векса гулко застучали по подъемному мосту. Темная фигура отделилась от гигантской тени ворот и, приблизившись, ухватила Рода за лодыжку.

— Стой, Род Галлоугласс!

Род опустил взгляд и, улыбнувшись, кивнул.

— Рад встрече, Бром О'Берин.

— Возможно, — сказал карлик, изучая лицо Рода. — За сие ночное дело ты должен держать ответ перед Королевой, Род Галлоугласс.

Пока они шли в королевскую комнату для аудиенций, Род не переставал теряться в догадках, откуда Брому стало известно, где он побывал этой ночью. Конечно, у карлика был шпион в Доме Кловиса, но как ему удалось так быстро доставить донесение Брому?

Они подошли к массивной дубовой двери, обитой железом и задрапированной золотисто-зеленым, как цвет королевского рода, бархатом. Бром придирчиво оглядел двух часовых, проверяя, надраена ли кожа и блестит ли металл. Род кивнул солдатам, но их лица были будто вырублены из гранита. Неужели его подозревают в государственной измене?

По кивку Брома один из гвардейцев трижды глухо стукнул тыльной стороной ладони в дверь и широко распахнул ее. Род вошел вслед за Бромом в комнату, и дверь захлопнулась за ними.

Они оказались в маленькой, но с высоким потолком, комнате, обшитой панелями из темного дерева. Ее освещали лишь четыре большие свечи, стоящие на покрытом бархатом столике в центре комнаты, а также огонь, едва теплившийся в отделанном кафелем камине. Противоположную стену занимал огромный книжный шкаф.

По обеим сторонам очага стояли тяжелые резные кресла. Еще два были придвинуты к столику. В одном из них, склонив голову над большой старинной книгой в кожаном переплете, сидела Катарина. Рядом с ней на столике лежали открытыми еще пять или шесть книг. Ее белокурые волосы свободно спадали на плечи, резко выделяясь на фоне красновато-коричневого платья.

Она подняла голову, и ее глаза встретились с глазами Рода.

— Добро пожаловать, — сказала она мягким контральто, столь разительно отличавшимся от резкого сопрано, звучавшего в комнате Совета, что Род на мгновение растерялся — да может ли это быть одна и та же женщина.

Но по-прежнему настороженные, надменные глаза. Без сомнения, это была Катарина.

Однако, когда тяжелая корона лежала рядом с ней на столике, Королева казалась как будто меньше ростом.

— Был в Доме Кловиса? — требовательно спросила она. Ее глаза словно вручали повестку в суд.

Род оскалился в насмешливой ухмылке и утвердительно кивнул.

— Все именно так, как вы говорите, моя Королева. — В голосе Брома послышались мрачные нотки. — Но как вы узнали...

— Не твое дело, Бром О'Берин. — Она бросила на карлика грозный взгляд. Бром мягко улыбнулся и склонил голову.

— Как? — фыркнул Род. — Да от шпионов, конечно. Должно быть, существует блестяще организованная шпионская сеть, коли донесение было доставлено так быстро.

— Нет, — озадаченно нахмурился Бром. — Преданность весьма редка в это смутное время, поэтому шпионов у нас довольно мало, а в Доме Кловиса вообще ни одного нет.

— Никаких шпионов, — согласилась Катарина, — и все-таки я тут же узнала, что ты перемолвился словом с Туаном-нищим.

Потом она повернулась к карлику, и голос ее смягчился, а взгляд стал почти нежным.

— Бром...

Улыбнувшись, человек склонил голову, повернулся к двери и стукнул по ней ребром ладони. Створки распахнулись. Стоя одной ногой на пороге, Бром пристально посмотрел на Рода из-под кустистых бровей. Затем дверь захлопнулась за ним.

Катарина встала и подошла к очагу. Некоторое время она стояла, обхватив руками талию и уставившись в пламя. Ее плечи поникли, и на миг она стала такой маленькой и одинокой — и такой красивой в свете пламени очага, струившегося как туман вокруг ее лица и плеч, — что у Рода перехватило дыхание от охватившей его нежности.

Затем она выпрямилась и резко повернулась к нему.

— Ты не тот, за кого себя выдаешь, Род Галлоугласс.

Род опешил.

Рука Катарины принялась тереть медальон, висящий у нее на шее.

Слегка нервничая, Род откашлялся.

— Вот я, стою перед вами — простой солдат без герба на щите, готовый служить тому, кто хорошо платит. Но уже третий раз за

последние тридцать часов мне говорят о том, что я — таинственная личность.

— Тогда у меня есть основания полагать, что это правда, — усмехнулась Катарина.

Она села в одно из массивных дубовых кресел и, крепко сжав подлокотники, некоторое время пристально разглядывала Рода.

— Кто ты, Род Галлоугласс?

Род развел руками, стараясь придать лицу выражение оскорбленной невинности.

— Щит без герба, моя Королева! Солдат удачи, и только!

— И только, — передразнила Катарина, гневно сверкая глазами. — Что у тебя за профессия?

Род нахмурился, почувствовав себя мышкой, которой играет кошка.

— Я солдат, моя Королева.

— Это твоё хобби, любимое развлечение, и твоё прикрытие. А теперь назови мне свою профессию.

Эта женщина: во-первых, стерва, а, во-вторых, сука, — решил Род. Вся беда в том, что она была красивой сукой, а Род питал к ней слабость.

Его мозг лихорадочно работал. Один за другим он отверг несколько вымыслов, пока не остановился на наиболее очевидном, хотя и наименее правдоподобном.

— Моя профессия — оберегать жизнь Вашего Величества.

— В самом деле? — Глаза Катарины лучились смехом. — И кто же обучал тебя этой профессии? Кто настолько верен мне, что послал тебя сюда?

И вдруг Род понял, что вся эта насмешливость и воинственность — всего лишь маска, щит. За ним скрывается очень испуганная и ужасно одинокая девочка, которая мечтает, просто жаждет кому-то довериться. Но ее уже столько раз предавали, что она больше не смеет ни на кого положиться.

Род посмотрел ей в глаза так мягко и проникновенно, как только мог, и сказал, вложив в эти слова всю душу:

— Нет на свете человека, которого я бы звал своим господином, моя Королева. Я сам пришел сюда, ибо люблю королеву Катарину и храню верность народу Грамарая.

Искра отчаяния сверкнула в ее глазах, руки судорожно впились в подлокотники.

— Любовь, — прошептала она.

Затем ее глаза вновь залучились смехом.

— Да, любовь — и королева Катарина.

Она отвернулась к огню.

— Может, это и правда. Я думаю, что вы — мой самый преданный друг, хотя и не могу сказать, почему я так решила.

— О, можете нисколько не сомневаться в этом! — улыбнулся Род. — Вы ведь узнали, хотя и не говорите откуда, что я был в этом Доме Кловиса, и это действительно так.

— Тише! — прошептала Катарина. Затем она медленно подняла взгляд на Рода. — Что привело тебя в Дом Кловиса этой ночью?

Может, она телепат?

Род почесал подбородок. Вживленный в кость микрофон должен был уловить звук.

— К своему стыду, должен признаться, что у меня в голове Векс-е-е-е спуталось, — сказал он. — Как вы узнали, что я побывал в Доме Кловиса?

— Я здесь, Род, — откликнулся голос у него за ухом. Катарина взглянула на него с явным презрением.

— Ну, я ведь знала, что ты беседовал с Туаном Логайром. Так где же это могло быть, как не в Доме Кловиса?

Ловко... Только откуда она узнала, что он встречался с Туаном... Логайром?

— Логайром?

Род уставился на нее.

— Простите, но... э-э... вы сказали Туан Логайр?

Катарина нахмурилась.

— Я думал, что его зовут... э-э... Мак Риди.

Катарина едва удержалась от смеха.

— О, нет! Он второй сын милорда Логайра! Разве ты не знал? Второй сын! Значит, Туан сам себя обозвал круглым идиотом! А его старший брат — тот самый человек, что «давно точит зуб на Королеву» и является главной угрозой трону.

— Нет, — сказал Род. — Не знал.

Послышался голос Векса:

— Данные указывают на существование развитой сети шпионажа. Род мысленно застонал. Роботы порой являются большим подспорьем!

Поджав губы, он пристально взглянул на Катарину и сказал:

— Вы утверждаете, что у вас нет шпионов в Доме Кловиса. Но, если допустить, что вы говорите правду, это означает...

Он не закончил фразу. Пусть Векс догадается сам.

Секундная пауза, затем за ухом Рода раздалось громкое гудение, которое оборвал резкий щелчок.

Род мысленно выругался. Если у Катарини не было шпионов, то из этого логически вытекало, что она никак не могла получить все эти сведения. Он подкинул Вексу очередной парадокс, и схемы робота не выдержали перегрузки. Роботы-эпилептики порой бывают чертовски неудобны.

Катарина обожгла его негодующим взглядом.

— Разумеется, я говорю правду!

— О, я нисколько не сомневаюсь, — поднял руку Род, — но вы же правительница, и вас готовили к этому. А один из первых уроков, который вы обязаны были усвоить — умение лгать с невозмутимым лицом.

Лицо Катарини застыло. Затем она медленно опустила голову и принялась разглядывать свои руки. Когда Королева подняла глаза, ее было не узнать — с лица исчезла застывшая маска, а глаза горели огнем.

— Вот еще одно подтверждение моей правоты, — сказала она. — Ты знаешь не только солдатское ремесло, Род Галлоу-гласс.

Род тяжело вздохнул. Он снова допустил ошибку — солдаты с щитами без герба не разбираются в политике.

— Теперь расскажи мне, — прошептала она, — как ты очутился в Доме Кловиса этой ночью?

— Моя Королева, — степенно начал Род, — в темном переулке трое напали на одного. Я помог ему отбиться. Он пригласил меня в Дом Кловиса и угостил стаканом вина. Вот так я и познакомился с Туаном Логайром.

Она слегка нахмурилась и прошептала:

— Если бы я только могла поверить тебе...

Катарина встала и подошла к очагу. Ее плечи как-то сразу опустились, а голова поникла.

— Вскоре мне понадобятся все мои друзья, — заговорила она тихим голосом, — а мне почему-то кажется, что ты мой самый верный друг.

Подняв голову, она взглянула на него, и Род с изумлением увидел, что ее глаза полны слез.

— Есть еще у меня защитники, — промолвила она так тихо, что он едва расслышал. Но ее глаза сияли теперь сквозь слезы, и невидимая рука стиснула сердце Рода. У него пересохло в горле, а глаза будто заволокло песком.

Прикусив стиснутый кулак, Катарина отвернулась. Мгновение спустя она произнесла взволнованно:

— Скоро наступит момент, когда каждый из Великих Лордов должен будет объявить, кого он поддерживает — меня или моих врагов. И я думаю, что под мои знамена встанут немногие.

Она повернулась и снова приблизилась к нему. Ее глаза сверкали, на устах играла робкая трепетная улыбка. Род поднялся ей навстречу, не в силах оторвать от нее взгляда. Кровь гулко стучала у него в ушах.

Она подошла совсем близко, вновь коснулась рукой медальона на шее и прошептала:

— Примешь ли ты в тот день мою сторону, Род Галлоугласс?

Род неуклюже кивнул и пробормотал что-то утвердительное. Если бы она в тот миг потребовала его душу, ответ, скорее всего, был бы тем же.

Затем она вдруг оказалась в его объятиях, хрупкая и гибкая, и губы ее, прижавшиеся к его губам, оказались полными и влажными.

Казалось, вечность спустя, она опустила голову и отстранилась, продолжая держать его за руки, словно боясь потерять опору.

— Нет, я всего лишь слабая женщина, — ликующе прошептала она. — Теперь ступай, Род Галлоугласс, с благодарностью Королевы.

Она еще что-то сказала, но Род не уловил смысла слов. Каким-то образом он оказался по ту сторону двери и зашагал по широкому, освещенному светом факелов, холодному коридору.

Род остановился, встряхнулся, предприняв доблестную попытку собраться с мыслями и, не слишком уверенно ступая, пошел дальше.

Что бы ты ни думал о ее талантах в области политики, эта девочка, безусловно, знает, как заставить человека служить себе.

Он споткнулся и попытался восстановить равновесие. Препятствие, в которое врезался Род, уперлось ему рукой в бедро, удерживая от падения.

— Эй, следи за своими ножищами, — проворчал Бром О'Берин, — иначе полетишь кувырком и запацакаешь пол.

Карлик встревоженно заглянул в глаза Роду и, найдя то, что искал, где-то между зрачками и радужной оболочкой, удовлетворительно кивнул.

Взяв Рода за рукав, Бром повернулся и потащил его дальше по коридору.

— Что ты получил от Катарины, Род Галлоугласс?

— Получил от нее? — нахмурился Род, пытаясь собраться с мыслями. — Ну, она приняла мою клятву верности.

— А, — Бром кивнул, словно сочувствуя ему. — Разве ты мог просить о чем-то еще, Род Галлоугласс?

Род слегка встряхнул головой, его глаза расширились, Черт возьми, в самом деле, о чем же он мог еще просить? Боже праведный, чего он ожидал? И почему, во имя седьмой улыбки Цербера, он так ошалел?

Его захлестнула волна безудержного гнева, и он стиснул челюсти. Эта сука ничего не значит для него. Она лишь пешка в Великой Игре, орудие, которое можно использовать в борьбе за демократию. И какого черта он разозлился? У него и на это нет права...

Черт! Ему был необходим беспристрастный анализ!

— Векс!

Вместо того, чтобы прошептать, он почти выкрикнул это. Бром О'Берин хмуро взглянул на него.

— Что такое «векс»?

— Ненадежная зубчатая передача с шатуном, — с ходу придумал Род. Куда, в конце концов, запропастился этот проклятый робот?

Затем он вспомнил — у Векса был припадок.

Но тут Бром остановился и крайне подозрительно уставился на Рода.

— Что означают эти слова, Род Галлоугласс? Что такое «зубчатая передача», и что за «шатун»?

Род стиснул губы и мысленно досчитал до десяти.

Осторожней, парень, осторожней! Ты на грани провала! Ты же сорвешь всю операцию!

— Зубчатая передача — это выючный мул, используемый рыцарем для перевозки доспехов и оружия. А шатун — это полоумный сквайр.

— Полоумный? — озадаченно нахмурился Бром.

— Ну, немного не в себе. В моем случае, все это приходится взваливать на лошадь.

— На лошадь? — уставился на него совершенно запутавшийся Бром.

— Ну, да. Я говорю о моем коне Вексе. У меня больше нет никого на всем белом свете. Он моя надежда и опора, а также единственная живая душа или, во всяком случае, создание, которому я могу поведать свои печали.

Бром уловил лишь последнюю фразу и вцепился в нее, как утопающий за соломинку. Глаза его потеплели, и он мягко улыбнулся.

— Теперь ты один из нас, Род Галлоугласс, из тех немногих, кто поддерживает Королеву.

Род увидел обожание в глазах Брома и спросил себя, что удерживает этого маленького уродца на службе у Катарины — и вдруг еще сильнее возненавидел Королеву, ибо она была из тех сук, которым нравится использовать людей.

Широко шагая, он продолжал свой путь, Бром, стараясь не отставать, перешел почти на бег.

— Если я хоть немного разбираюсь в людях, — процедил сквозь зубы Род, — у Королевы есть еще друг в Доме Кловиса, хотя она называет его врагом. Почему так, Бром? Или все дело лишь в том, что он сын ее врага — герцога Логайрского?

Бром остановил Рода, положив руку ему на бедро, и, едва заметно улыбаясь, заглянул в глаза.

— Не врага, Род Галлоугласс, а горячо любимого родного дяди, который приютил Катарину и заботился о ней долгие пять лет, пока ее отец укрощал мятежных лордов на Севере.

Род, продолжая пристально глядеть в глаза Брому, медленно поднял голову.

— Она выбрала несколько странный способ проявления своей любви.

Бром кивнул.

— Да, воистину странный. И, все же, она любит их обоих — и герцога, и его сына Туана.

Мгновение он молча смотрел в глаза Роду, потом отвернулся и медленно пошел по коридору прочь.

Род пару секунд смотрел ему вслед, а затем зашагал за ним.

— Это длинная и запутанная история, — задумчиво произнес Бром, когда Род нагнал его. — Но все нити ведут к Туану Логайру.

— К Королю нищих?

— Да, — словно нехотя кивнул Бром. — К лорду Дома Кловиса.

— К тому, кто любит Королеву.

— О, да! — Бром откинул голову назад и закатил глаза. — К тому, кто безумно любит Королеву. Будь уверен, он тебе об этом не раз скажет.

— Но ты ему не веришь?

Бром сцепил руки за спиной и, опустив голову, стал переминаясь с ноги на ногу.

— Он либо правдив, либо блестящий лжец. Если он лжет, то научился этому поразительно быстро. В отчем доме его учили говорить только правду. И все же он, лорд Дома Кловиса, один из тех, кто утверждает, что правителя следует выбирать. По их словам, в незапамятные времена так был избран король Кловис — с одобрения тех, кем он правил.

— Ну, тут они малость исказили историю, — пробормотал Род. — Но, как я понимаю, в их планы должно входить свержение Катарины с трона?

— Да. Поэтому как я могу верить ему, когда он говорит, что любит ее? — Бром печально покачал головой. — Он весьма достойный молодой человек, честный и благородный, трубадур, умеющий не только воспеть красоту глаз предмета своего обожания, но и выбить у вас шпагу из рук. Он всегда и во всем остается джентльменом, в нем нет и тени фальши.

— Похоже, ты неплохо его знал?

— О, да! Знал, еще как знал! Но знаю ли я его теперь? — Бром тяжело вздохнул, качая головой. — Они встретились, когда ей было всего лишь семь лет от роду, а ему — восемь, в замке милорда Логайра на юге, куда отец отправил ее для безопасности. Подружившись, дети резвились и играли под моим присмотром, ибо мне было поручено постоянно оберегать их. Детей того же возраста в замке не было, а... — он улыбнулся и горько хихикнул, — я был диковинкой — взрослый мужчина, который меньше их ростом.

Бром снова улыбнулся и откинул голову назад, словно глядя сквозь каменные стены коридора на канувшие в лету годы.

— Они были тогда так невинны, Род Галлоугласс! Да, так невинны и так счастливы! И он поклонялся ей, рвал цветы для ее венков, хотя садовник и бранил его. Ей докучает солнце? Он сделает полог из ливьи! Она разбила хрустальный кубок миледи? Он возьмет вино на себя!

— Избаловал ее до крайности, — пробурчал Род.

— Да, но не он один строил из себя идиота перед ней. Ибо даже тогда она была самой прелестной на свете, Род Галлоугласс.

Их счастье омрачала темная зловещая тень — Ансельм Логайр, паренек лет четырнадцати, наследник замка и владений. Он частенько наблюдал за их играми из окна башни с кислой миной на лице. И лишь он один во всей стране ненавидел Катарину Плантагенет — почему, никто не знает.

— И он по-прежнему ненавидит ее?

— Да, и потому мы все желаем милорду Логайру долгих лет жизни. Почти пять лет ненависть жгла Ансельма, и вот, наконец, желанный момент настал. Отец Катарины умирил лордов Севера и призвал ее обратно, в этот замок. И тогда Туан и Катарина дали обет — ей было одиннадцать лет, а ему — двенадцать — что никогда не забудут друг друга, и она будет ждать, пока он не придет за ней.

Бром печально покачал своей огромной лохматой головой.

— И он приехал за ней. Девятнадцатилетний отрок, златокудрый принц примчался с юга на могучем белом скакуне. Он был красив, и широкоплеч, его мускулы могли заставить содрогаться от страсти любую женщину. Трубадур с лютней за спиной и шпайгой на боку, рассыпающий тысячи высокопарных комплиментов ее красоте. И его смех остался таким же чистым, сердце — столь же открытым, а темперамент — по-прежнему неистовым, как и семь лет назад.

Бром улынулся Роду.

— Ей минуло восемнадцать, и жизнь ее текла тихо и спокойно, словно ручеек в летний зной. В свои восемнадцать лет она уже созрела для мужа, и ее голова была забита теми легкомысленными призрачными мечтами, которые девушки черпают из книжек и баллад.

Взгляд Брома посуровел, его по-прежнему мягкий голос гулким эхом отдавался в бездне прожитых им лет.

— Неужто ты никогда не мечтал о Принцессе, Род Галлоугласс?

Род судорожно сглотнул и пронзил его бешеным взглядом.

— Продолжай, — выдал он.

Бром, пожав плечами, отвернулся.

— Чего тут говорить? Она, конечно, влюбилась в него, а какая женщина устояла бы? Он не знал, для чего существуют на свете женщины, и я готов поклясться, что она тоже не знала, но, вдвоем, возможно, они поняли бы это. У них на то были все шансы, можешь не сомневаться.

Нахмурившись, он покачал головой.

Это событие могло бы увенчать последние дни ее юности, ибо той же весной умер ее отец, и скипетр перешел в руки Катарины.

Он замолк и принялся мерить шагами коридор. Его молчание затянулось, Род почувствовал, что надо что-то сказать.

— Во всем этом нет причины для ненависти, Бром О'Берин.

— О, да! Но дослушай до конца мою историю. Как только у нее на голове оказалась корона, Катарина вдруг вспомнила, что Туан — второй сын, а значит, он наследует только уважаемое имя, и не более. Тогда она заявила, что он не любит ее и мечтает лишь о троне. Она больше не желала его знать и отослала прочь, заклеймив гневом и презрением, причем, казалось, без всякой на то причины, хотя вся правда известна только им двоим. Она изгнала Туана в Дикие Земли, назначив цену за его голову, дабы он или скитался там среди варваров и эльфов, или умер.

Бром снова замолк.

— И милорд Логайр поднялся во гневе? — подстегнул его Род.

— Да, — проворчал Бром, — а с ним и все его вассалы и половина знати королевства. Если Туан потерпел неудачу в своих ухаживаниях, то он заслужил гнев и презрение, — молвил Логайр, — но в изгнание отправляют только за измену.

— А разве посягательство на корону — не измена? — горячо возразила Катарина.

Тогда Логайр встал и гордо сказал, что Туан искал только любви Катарины, но его слова не встретили поддержки, ибо тот, за кого Королева выйдет замуж, станет Королем, и Катарина указала ему на это.

Логайр с печалью в голосе ответил, что его сын не изменник, а глупец, который вздумал ухаживать за легкомысленным и избалованным ребенком, но тут Катарина вновь закричала: «Измена!», — и я не смог удержать ее.

— И все же ты считаешь, что она любит и Туана, и герцога?

— Да, иначе к чему такая резкость?

Бром снова замкнулся. Род прочистил горло и сказал:

— Туан, кажется, не слишком долго пробыл в изгнании...

— Да. — Уголки рта Брома опустились. — Этот дурень поклялся, что останется неподалеку от нее, хотя и рискует при этом головой. Но пока не снята награда за его поимку, ему приходится влачить жизнь вора или убийцы.

Род кисло улыбнулся.

— И однажды ему пришла в голову мысль, что нищие будут доставлять меньше хлопот, если о них кто-нибудь позаботится.

Бром кивнул.

— Так нищие стали силой, с которой приходится считаться. Но Туан клянется, что он сделает все возможное, чтобы прикрыть Королеву с тыла. Он утверждает, что все еще любит ее и будет любить, даже если она отрубит ему голову.

— А она, конечно, считает, — рассудил Род, — что у него есть все причины ненавидеть ее.

— И она права. Однако, мне кажется, Туан любит ее.

Они подошли к двери караульной. Род положил руку на засов, улыбнулся Брону и печально покачал головой.

— Безмозглые они оба, — сказал он.

— И самые нежно любящие друг друга враги на свете, — слегка раздраженно улыбнулся в ответ Бром. — А вот и твоя казарма. Спокойной ночи.

Бром развернулся на каблуках и зашагал прочь.

Род посмотрел ему вслед, мысленно ругая себя и качая головой.

— Какой же я дурак, — пробормотал он. — Я-то думал, что он поддерживает Королеву потому, что влюблен в нее. Ну, ладно, Векс тоже порой ошибается...

В казарме от большой свечи остался лишь огарок. На Грамарае отсчет времени велся по огромным свечам, раскрашенным в полоску — шесть красных и шесть белых колец. Одна свеча зажеглась на рассвете, другая — двенадцать часов спустя.

Судя по стоящей в казарме свече, сейчас было три часа утра. У Рода тут же стали слипаться глаза. А когда он вспомнил, что час на Грамарае минут на двадцать длиннее Стандартного Галактического, его веки просто налились свинцом.

Он поплелся к своей койке и вдруг обо что-то споткнулся. Предмет под его ногами тихо охнул. Род совсем забыл, что Большой Том обычно спал на полу подле его кровати.

Великан сел, зевнул во весь рот и почесался. Он поднял голову и увидел Рода.

— А-а, добрый вечер, хозяин! Который час?

— Девять часов вечера, — мягко ответил Род. — Спи, Большой Том, я не хотел тебя будить.

— Я здесь для этого и нахожусь, господин. — Он помотал головой, чтобы окончательно проснуться.

Род вдруг понял, что глаза у него совершенно ясные, что было весьма подозрительно. В мозгу Рода замигала лампочка, сон сразу как рукой сняло, и он, как и подобает полевому агенту, мгновенно насторожился.

Но, чтобы не смущать Большого Тома, он постарался выглядеть еще более сонным, чем на самом деле.

— Нелегкая выдалась ночь, Большой Том, — пробормотал он и рухнул лицом вниз на койку. Он надеялся, что Том оставит его в покое и снова завалится спать. Но тут Род ус-

лышал тихое беззлобное хихиканье у изголовья кровати, и великан стянул с него сапоги.

— Немного покуролесил, господин? — шепотом спросил он. — Ручаюсь, заткнул за пояс пару девок.

— Разбуди меня, когда будут зажигать свечу, — буркнул в подушку Род. — Я должен прислуживать Королеве за завтраком.

Большой Том стянул другой сапог и, посмеиваясь, улегся.

Род подождал, пока Том снова не захрапит, затем приподнялся на локтях и посмотрел на него через плечо. В общем-то, этот увалень казался вполне преданным и безнадежно глупым, но временами Рода одолевали сомнения...

Он позволил голове вновь плюхнуться на подушку, закрыл глаза и приказал себе уснуть.

К несчастью, положение «дух выше материи» сегодня ночью не оправдывалось. Все его чувства, казалось, обострились до предела. Он был готов поклясться, что ощущает щекой каждую нить подушки; слышит мышь, грызущую плинтус; лягушку, квакающую в пруду; веселый смех, приносимый порывами ветра.

Он резко открыл глаза. Веселый смех?

Скатившись с постели, Род подошел к высокой амбразуре окна. Кто, черт возьми, мог устроить пирушку в такое время?

Луна выглянула из-за зубчатой северной башни. На ее фоне мелькали силуэты юнцов, лихо кружащихся в некоем трехмерном танце. Некоторые из них, кажется, летали верхом на помеле.

Ведьмы. В северной башне...

Род карабкался по истертым ступеням винтовой лестницы башни. Чем выше он поднимался, тем ближе, казалось, придвигались гранитные стены. Род напомнил себе, что поскольку эльфы объявили его чародеем — безграмотные негодники! — он вполне мог стать членом этого общества.

Но его желудок не поддавался на уговоры, настойчиво требуя драматизма. Во рту было сухо, как в пустыне. Да, эльфы признали Рода чародеем, но уведомили ли они об этом ведьм?

Вновь нахлынули давно забытые страхи детства, перемешанные со сценами из «Макбета», где ворожили ведьмы. Впервые задумавшись над этим, Род не смог припомнить ни одной ведьмы-филантропки, кроме Гаинды Доброй, которую, собственно, и ведьмой-то назвать нельзя.

Его утешало лишь одно — эти ведьмы, по всей видимости, пребывали в добром расположении духа. По колодцу лестницы сверху струилась мелодия старинной ирландской джиги, сопровождаемая звонким жизнерадостным смехом.

Свет факелов заливал стену над его головой. Он преодолел последний виток спирали и вошел в огромный зал башни.

Ну а там все весело кружились, или, точнее, парили, в некоем трехмерном хороводе. Сквозь клубы дыма от факелов он мог разглядеть пары, лихо отплясывающие на стенах, потолке, просто в воздухе и, при случае, на полу. Повсюду стояли группки болтающих и хихикающих людей. Одеты они были вызывающе ярко, даже, черт возьми, крикливо. Многие из них держали в руках кружки, которые время от времени наполняли из огромного бочонка, стоявшего рядом с лестницей.

Все они были очень молоды, совсем еще юнцы. Род не заметил среди них ни одного, кто перешагнул бы порог совершеннолетия.

Он замер в дверях, внезапно почувствовав, что ему здесь не место. Среди них он выглядел как классная дама на выпускном балу.

Юнец, починивший бочонок, успел заметить Рода и ухмыльнулся.

— Привет! — крикнул он. — Что-то ты припоздал. — И в руке Рода оказалась полная до краев кружка.

— Я и не знал, что приду, — пробормотал Род.

— Зато мы знали, будь спокоен, — снова ухмыльнулся юнец. — Молли предвидела это. Но ты должен был явиться еще полчаса назад.

— Сожалею, — у Рода слегка помутилось в глазах, — но пришлось сперва уладить пару дел...

— А, забудь об этом. То была ее ошибка, а не твоя. Без сомнения, виновато вино. И все же мы ждали тебя с тех пор, как ты оказался в замке. Эльфы еще прошлой ночью сообщили нам, что ты — чародей.

В голове у Рода мигом прояснилось.

— Чушь! Я такой же чародей, как ты... Я хотел сказать...

— О, ты — чародей! — важно кивнул парень. — И причем самый могущественный. Разве не ты прилетел в падающей звезде?

— Это наука, а не магия! Я не чародей!

Юноша плутовато улыбнулся.

— Знаешь ты об этом или нет, но ты наверняка чародей.

Он отсалютовал Роду кружкой.

— А значит, один из нас.

— Э-э... Ну, спасибо, — Род отсалютовал в ответ и отхлебнул из кружки. Там было подогретое вино с пряностями, горячее и ароматное.

Он оглядел комнату, пытаясь привыкнуть к настоящему гаму и фактам вопиющего нарушения законов Ньютона.

У Рода вспыхнули глаза, когда он увидел увлеченную разговором парочку, сидевшую под одним из окон. Точнее, говорила она, а он внимал. Она — красотка, обладающая готовым лопнуть лифом. Он — худой и внимательный юноша, смотрящий на нее горящими глазами.

Род цинично улыбнулся и подумал о мотивах столь горячей привязанности парня.

Девушка ахнула и, резко повернувшись, обожгла Рода негодующим взглядом.

У Рода отвисла челюсть. Затем он хотел было извиниться, но прежде, чем слова сорвались с его уст, девушка, смягчившись, улыбнулась, грациозно кивнула ему и снова повернулась к своей аудитории, состоящей из одного человека.

У Рода вновь отвисла челюсть. Тогда он, не сводя глаз с девушки, протянул руку и нащупал рукав разливавшего вино парня.

Мальчик положил руку ему на плечо и обеспокоенно спросил: — Что тревожит тебя, друг?

— Та... та девушка, — выдавил Род. — Может ли она читать мысли?

— О, да! В какой-то степени мы все это можем, но у нее выходит лучше, чем у других.

Род схватился за голову, чтобы она перестала кружиться. Телепаты. Комната битком набита ими. Между тем, считалось, что во всей известной галактике имеется не больше десятка признанных телепатов.

Он снова поднял глаза. Это была мутация или генетический дрейф, а может еще что-то.

Род встряхнулся и прочистил горло.

— Скажи-ка, приятель... да, кстати, как тебя зовут?

— Ой! — Парень стукнул себя ладонью по лбу. — Чума на мою пустую голову! Я Тобиас, господин Галлоугласс, и ты должно быть хочешь познакомиться со всеми нами.

Он увлек Рода к ближайшей группе.

— Но... но я только хотел спросить...

— Это — Нелл, это — Андрей, Брайан, Дороти...

Спустя полчаса и пятьдесят три знакомства Род рухнул на деревянную лавку и, запрокинув кружку, выпил все до капли.

— Теперь, — сказал он, стукнув ею об колено, — мы оба опустошены до дна.

— А, позволь мне принести тебе другую! — Тоби выхватил кружку из его рук и улетел.

В буквальном смысле этого слова.

Род проследил за тем, как тот пересекает комнату на десятифутовой высоте, и покачал головой. Теперь его уже ничто не могло удивить.

Кажется, он наткнулся на многообещающую колонию эсперов, обладающих способностями к телепатии, левитации и предвидению.

Но, если все они могут летать, то зачем девушкам разезжать на метлах?

Тоби возник у локтя Рода с легким «уф!», Род ошеломленно уставился на него, но взял наполненную кружку.

— Э... спасибо. Скажи-ка, вы можете... э... левитировать и телепортироваться?

— Пардон? — непонимающе нахмурился Тоби.

— Вы можете... э... летать? И... э... переносить себя с места на место?

— О, да! — улыбнулся Тоби. — Это мы все умеем.

— Что? Летать?

О нет, мы все можем переноситься в то место, которое хорошо знаем. Но мальчики умеют летать, а девушки — нет.

«Ген, сцепленный с полом», — подумал Род. Вслух же он спросил:

— Поэтому девушки и разезжают на помеле?

— Да. Они обладают властью над бездушными предметами. У нас, мужчин, ее нет.

Ага! Еще одна сцепка. Телекинез связан с Y-хромосомой, а левитация — с X.

Но все они обладают даром телепортации и чтения мыслей.

Бесценная колония эсперов. И если их жизнь хоть сколько-нибудь похожа на ту, что влачат те немногие телепаты за пределами этой планеты...

— И простые люди ненавидят вас за это?

Юное лицо Тоби сразу стало серьезным.

— Да, и знать тоже. Они говорят, что мы вступили в сговор с дьяволом. Нас ждало испытание водой или поджаривание на медленном огне, пока не взойшла на трон наша добрая королева Катарина.

Он повернулся и крикнул:

— Эй, Бриджит!

Юная девушка, лет тринадцати на вид, ускользнула от своего партнера по танцам и очутилась рядом с Тоби.

— Дружище Галлоугласс хочет узнать, как нас любят, — сказал он ей.

С лица девочки тут же исчезло все веселье. Ее глаза расширились и округлились, она прикусила нижнюю губу.

Расстегнув сзади блузку от шеи до талии, девушка повернулась к ним спиной. Ее тело было покрыто густой сеткой шрамов и рубцов — следы девятихвостой плети.

Пока Тоби застегивал ей блузку, она повернулась к Роду. В ее расширившихся глазах стоял страх.

— И это из-за одних лишь подозрений, — прошептала она. — А мне тогда было только десять лет.

Желудок Рода попытался вывернуться наизнанку и выбраться наружу через пищевод. Он сделал ему суровое внушение, и тот снова вернулся на свое привычное место в пищеварительном тракте. Во рту остался горький привкус желчи.

Бриджит резко отвернулась и исчезла. Через долю секунды она вновь весело и беззаботно кружилась со своим партнером.

Род задумчиво поглядел ей вслед.

— Так что сам понимаешь, — продолжил Тоби, — почему мы крайне благодарны нашей доброй Королеве.

— Она покончила с системой огня и воды?

— О, Королева отменила этот закон, но ведьм тайком продолжали сжигать. Существовал лишь один способ защитить нас, и она сделала этот шаг, предоставляя убежище любому, кто придет сюда и попросит об этом.

Род медленно кивнул.

— Все же ей нельзя отказать в мудрости.

Его глаза отыскивали Бриджит, которая плясала на потолке.

— Что тревожит тебя, дружище Галлоугласс?

— Она не питает к ним ненависти, — прохрипел Род. — Хотя у нее есть все причины ненавидеть нормальных людей.

Тоби, тепло улыбнувшись, покачал головой.

— Ни она, ни любой из нас. Все, кто находит приют в колене Королевы, клянутся жить по библейским заповедям.

Род медленно перевел взгляд на него.

— Понимаю, — помедлив, сказал он, — ковен белых магов.

Тоби кивнул.

— Все ли маги Грамарая — белые?

— Стыдно признаться, но нет. Есть и такие, которые прошли через большие страдания, чем мы — потеря уха или глаза, люби-

мого человека, а иногда и всего сразу — и теперь они прячутся в горах, в Диких Землях, мстя оттуда всему человечеству.

Губы Рода превратились в узкую полоску, их уголки опустились.

— Их не больше десятка, — продолжал Тоби, — и лишь трое находятся в расцвете сил. Остальные — это высохшие старухи и сморщенные старики.

— Сказочные ведьмы и колдуны, — буркнул Род.

— Истинно так: и их делишки вызывают столько шума, что он перекроет любые легенды о добрых делах, кои мы можем совершать.

— Итак, на Грамарасе есть два типа ведьм: старые и злые, обитающие в горах, а также молодые и добрые, живущие в замке Королевы.

Тоби покачал головой и улыбнулся. Его глаза снова вспыхнули.

— Нет, кроме нас есть еще десятка три белых магов, которые не верят в обещанную Королевой безопасность. Им всем лет по тридцать-сорок, они хорошие люди, но совсем не смеют кому-либо довериться.

На Рода вдруг словно снизошло прозрение, и все встало на свои места. Он откинулся назад, округлил рот в безмолвном «О», затем, часто закивав, подался вперед и сказал:

— Так вот почему вы все так молоды! Приглашение Королевы приняли только те колдуны и ведьмы, которые были еще достаточно безрассудны и не утратили доверие к людям! Значит, ей досталась стайка подростков!

Тоби улыбнулся во весь рот, возбужденно кивая.

— Значит, взрослые колдуны и ведьмы — хорошие люди, но слишком осторожные, — продолжил Род.

Тоби, немного успокоившись, кивнул.

— Среди них нашлись один-два достаточно смелых, чтобы явиться сюда. Была здесь одна ведьма с Юга, мудрее ее нет на свете. Она уже довольно стара, ей, должно быть, около тридцати!

Эта реплика застала Рода посредине глотка. Он поперхнулся, судорожно сглотнул, разинул рот, закашлялся, засопел и вытер глаза.

— Что-нибудь не так, дружище Галлоугласс? — спросил Тоби с участием, припасенным, как правило, для восьмидесятилетних.

— О, все в порядке, — выдохнул Род. — Просто вышла небольшая путаница с пищеводом и трахеей. Знаешь ли, мы, старики, способны выкинуть самые разные фортели. Почему же та ведьма не осталась?

Тоби улыбнулся. Он просто лучился участием и добротой.

— Ну, она сказала, что рядом с нами слишком чувствуется груз прожитых ей лет, и улетела обратно на Юг. Если ты вдруг попадешь там в беду, то крикни ее имя — Гвендилон — и тебе тут же окажут такую помощь, на какую ты не мог и рассчитывать.

— Я запомню, — пообещал Род. Однако, представив себя зовущим на помощь женщину, немедленно выкинул все это из головы. Он чуть не зашелся в новом приступе кашля, но не посмел расхохотаться, ибо помнил, каким он сам был чувствительным в пору юности.

Сделав еще глоток, чтобы залить вином смех, он ткнул кружкой в сторону Тоби.

— Теперь еще один вопрос: почему Королева вас защищает?

— Разве ты не знаешь, — уставился на него Тоби.

— Значит, не знаю, — сладко улыбнулся Род.

— Да она же сама ведьма, дружище Галлоугласс!

Улыбка Рода растаяла.

— Гм. — Он почесал кончик носа. — До меня доходили какие-то слухи. Выходит, это правда?

— Чистейшая правда. Она хоть и необученная, но все же ведьма.

Род поднял бровь.

— Необученная?

— Да. Чтобы довести свой талант до совершенства, его нужно постоянно развивать, совершенствовать, тренировать и применять на практике. Катарина — ведьма по рождению, но она не обучена. Королева может слышать мысли, но не слишком ясно и не всегда, когда пожелает.

— Гм. А что она еще умеет делать?

— Больше ничего, насколько нам известно. Она может только слышать мысли.

— Словом, она, можно сказать, удовлетворяет минимальным требованиям, необходимым для вступления в профсоюз. — Род почесал за ухом. — Довольно полезный талант для Королевы. Должно быть, она знает обо всем, что происходит в замке.

Тоби покачал головой.

— Разве ты в состоянии слушать одновременно пятерых, дружище Галлоугласс, да еще целый день кряду? Сможешь ли ты при этом запомнить все, что они скажут?

Род нахмурился и поскреб щеку.

— Можешь ли ты повторить хотя бы один разговор? — Тоби снисходительно улыбнулся и покачал головой. — Конечно, нет... и наша Королева тоже не может.

— Она могла бы записать их...

— Да, но вспомни, она не обучена, а чтобы научиться выражать мысли словами, необходима упорная тренировка исключительно сильного природного дара.

— Погоди, — поднял ладонь Род. — Ты хочешь сказать, что вы слышите мысли не как набор слов?

— Нет, нет. Мимолетной мысли хватает на книгу слов, дружище Галлоугласс. Разве ты, когда думаешь о чем-то, обязательно одежаешь мысль в форму слов?

Род кивнул.

— Понятно. Квантовая механика мысли.

— Странно... — пробормотал кто-то. Подняв глаза, Род обнаружил, что окружен целой толпой юных ведьм и чародеев, явно слетевшихся послушать интересный разговор.

Род посмотрел на сказавшего это, полного юного чародея.

— Что же здесь странного? — Он гадал, как зовут парня.

Мальчик ухмыльнулся.

— Мартином меня зовут. — Он сделал паузу, дабы посмеяться над изумленным Родом: тот никак не мог привыкнуть к возможности телепатии. — А странно то, что ты, чародей, не имеешь никакого представления о чтении мыслей.

— Да, — кивнул Тоби. — Из всех известных нам чародеев, ты один не способен читать мысли, дружище Галлоугласс.

— Э-э... да, — Род провел рукой по небритой щеке. — Ну, как я уже говорил, на самом деле я не чародей. Видите ли...

Его прервал дружный взрыв хохота. Он вздохнул и покори́лся своей судьбе.

Род продолжил свои расспросы.

— Как я понял, некоторые из вас могут улавливать мысли в форме слов?

— О, да, — подтвердил Тоби, утирая слезы. — У нас есть одна такая.

Он повернулся к кольцу слушателей.

— Элдис здесь?

Пухленькая хорошенькая девушка, лет шестнадцати, вышла в первый ряд.

— Кого мне для вас послушать, сэр?

Неожиданно Рода озарила одна мысль. Глаза его коварно сверкнули.

— Дюрера, советника милорда Логайра.

Элдис положила руки на колени и устроилась поудобнее, сидя при этом очень прямо. Она уставилась на Рода невидящим взором. Вдруг девушка принялась говорить высоким монотонным, слегка гнусавым голосом:

— Как вам угодно, милорд. И все же я не могу понять, истинно ли вы верны?

Ее голос разделился на две октавы, сохранив медлительность и монотонность.

— Негодяй! Ты имеешь наглость оскорблять меня в лицо?

— Нет, милорд, — поспешно ответил высокий голос. — Я не оскорбляю вас, я только ставлю под сомнение мудрость ваших действий.

Дюрер, — подумал Род. Высокий голос принадлежал Дюреру, выполняющему свои обязанности — влиять на герцога Логайра и присматривать за ним.

— Вспомните, милорд, она совсем еще ребенок. Стоит ли, для ее же блага, позволять ей своевольничать? Или же разумнее отшлепать ее, когда она того заслуживает?

Низкий голос лорда Логайра ответил после секундной паузы.

— В твоих словах есть доля истины. Действительно, в своих попытках добиться власти путем назначения жрецов она действует как избалованный ребенок.

— Но, милорд, — пробормотал высокий голос, — это же против традиций, вопреки мудрости людей, много старше ее самой. Как ни горько признать, но это действия непослушного ребенка.

— Возможно, — прогремел Логайр. — И все же она Королева, а слово Королевы — закон.

— Даже если она издает дурные законы, милорд?

— В ее действиях нет злого умысла, Дюрер, — глухой голос принял угрожающий оттенок. — Ее законы безрассудны, да, а также необдуманны и плохо подготовлены, ибо добро, кои они несут, завтра может обратиться причиной нашей гибели. Необдуманные законы, наверное, но злонамеренные — нет!

Обладатель высокого голоса вздохнул.

— Возможно, милорд. Но она задевает честь вельмож. Разве это не плохо?

— Чем? — прорычал Логайр. — Да, она была надменна, выказав, быть может, больше высокомерия, чем позволительно даже Королеве. Но пока она не предприняла ничего, что можно было бы истолковать как оскорбление.

— Да, милорд, пока еще нет.

— Что ты хочешь этим сказать?

— День этот придет, милорд.

— Какой такой день?

— Когда она поставит крестьян выше знати, милорд.

— Прекрати свои изменнические речи! — взревел Логайр. — На колени, ничтожество, и благодари своего господа, что я оставил голову у тебя на плечах!

Род не мог оторвать взгляда от лица Элдис, все еще не оправившись от потрясения, вызванного диалогом двух бестелесных мужских голосов, исходивших из уст хорошенькой девушки.

Постепенно ее глаза вновь приняли осмысленное выражение. Она испустила глубокий выдох и улыбнулась ему.

— Ты слышал, друг Галлоугласс?

Род кивнул.

Она развела руками.

— А вот я ни слова не могу вспомнить из того, что говорила.

— Пусть тебя это не беспокоит. Я помню все. — Род поскреб небритую щеку. — Ты — медиум в полном смысле этого слова, ибо действуешь как связующий канал.

Запрокинув голову, он осушил свою кружку и кинул ее одному из юных чародеев. Тот поймал, на миг исчез, и снова появился с полной до краев кружкой в руках. Он вручил ее Роду, который потряс головой в притворном отчаянии.

Род откинулся назад и пригубил вино, затем обвел взглядом окружавшие его веселые юные лица, светившиеся уверенностью в собственных силах.

— Вы когда-нибудь проделывали это раньше? — спросил он, делая широкий жест кружкой в их сторону. — Я имею в виду, не подслушивали ли вы таким образом чьи-нибудь разговоры?

— Только врагов Королевы, — ответила, вскинув голову, Элдис. — Мы часто слушаем Дюрера.

— Вот как, — поднял бровь Род. — И что-нибудь разузнали? Элдис кивнула.

— В последнее время он много внимания уделяет крестьянам.

Род на миг замер, затем подался вперед, уперев локти в колени.

— С чего это он заинтересовался крестьянами?

Тоби понимающе ухмыльнулся.

— Так то ж его последний подвиг! Он затеял свару между двумя крепостными из личных владений Королевы. Один молодой крестьянин хотел жениться на дочке старого фермера, но папаша сказал нет. Наверное, юноша воздел бы руки к небу и тихо горевал бы себе о разбитой любви.

— Но тут вмешался Дюрер.

— Да. Он день и ночь давил на парня, проследив за тем, чтобы слухи о сватовстве распространились по всей округе, и при этом усиленно подчеркивалось бы следующее: разве можно считать мужчиной того, кто позволит дряхлому идиоту лишить себя любимой девушки?

Род кивнул.

— И некоторые крестьяне начали задавать этот вопрос парню?

— Само собой. Ехидству, издевкам и насмешкам не было конца — и однажды ночью парень похитил девушку и сделал ей ребенка.

Род поджал губы.

— Мне кажется, папаша слегка разволновался?

Тоби кивнул.

— Он приволок жениха к деревенскому священнику и потребовал, чтобы парня повесили за изнасилование.

— А жрец сказал...

— Что это не насилие, а любовь, и подходящим наказанием будет брак, а не виселица.

Род усмехнулся.

— Держу пари, детишки были жутко опечалены таким поворотом дела.

— Они так огорчились, что тут же пустились в пляс, — хихикнул Тоби. — А старик, испустив тяжелый вздох, рассудил, что такова, должно быть, божья воля, и благословил их.

— И тут снова вмешался Дюрер.

— Совершенно верно. Он встал перед Королевой, когда та сидела за столом со всеми лордами и их женами, и принялся вопить, что она должна доказать справедливость ее нового порядка, лично рассмотрев данное дело. Ведь эти крестьяне из ее личных владений, не так ли?

Род ухмыльнулся и хлопнул себя по бедру.

— Она, вероятно, была готова плюнуть ему в глаза?

— О, ты не знаешь Королеву! — Тоби закатил глаза к потолку. — Она с радостью воткнула бы ему нож меж ребер, но брошенный вызов требовал ответа, и ей придется самой разбирать данное дело, когда она будет проводить очередной Верховный Суд.

— Верховный Суд? — нахмурился Род. — Что это, черт возьми, такое?

— Каждый месяц в течение часа Королева принимает тех своих подданных, которые желают, чтобы она их выслушала. Крестьяне, духовенство и знать — все собираются в главном зале.

Большинство Великих Лордов наблюдают за тем, на что жалуются крестьяне и мелкие дворяне. А в присутствии сильных мира сего на суд выносятся лишь какие-то незначительные обиды, можешь быть уверен.

— Вроде этого случая, — кивнул Род. — Когда состоится очередная Верховный Суд?

— Завтра, — ответил Тоби, — и мне кажется, что лорды велят своим крестьянам и вассалам протестовать против новых судей и священников Королевы. Конечно, сперва выкажут свое недовольство лорды, а те, кто попроще, поддержат их.

Род кивнул.

— Отдадут все на суд народа. Но какую пользу надеется извлечь Дюрер из этого дела о соблазнении?

Тоби пожал плечами.

— Лишь Дюрер знает это.

Род, нахмурившись, откинулся назад и отхлебнул из кружки. Рассматривая окружавшие его юные лица, он почесал в затылке.

— Мне кажется, подобная информация должна быть доведена до сведения Королевы. Почему вы не поставили ее в известность?

Лица сразу протрезвели. Тоби закусил губу и устался в пол. Род нахмурился.

— Почему вы не сказали ей об этом, Тоби?

— Мы пытались, дружище Галлоугласс! — парень с мольбой взглянул на Рода. — Мы пытались, но она не захотела выслушать нас.

Лицо Рода окаменело.

— Как так?

Тоби беспомощно развел руками.

— Посланный к ней паж вернулся со словами, что мы должны быть благодарны за предоставленную защиту, и нам не следует нагнать настолько, чтобы вмешиваться в ее правление.

Род быстро закивал, скаля зубы в невеселой усмешке.

— Да, это похоже на Катарину.

— А может, все к лучшему, — задумчиво произнес один из ребят.

— У нее хватает забот и без наших грозных предупреждений.

Род грустно улыбнулся.

— Ты прав. Она занята по горло, ибо находится меж двух огней — знать и нищие.

Тоби кивнул с серьезным видом.

— Да, ей вполне достаточно неприятностей, связанных с советниками, Домом Кловиса и баньши на крыше замка. У нее есть веские причины для беспокойства.

— Верно, — тихо сказал Род. — У нее действительно есть на то причины и, мне кажется, что она здорово напугана.

Большой Том спал очень чутко. Как только Род на цыпочках подошел к койке, он тут же сел на своем тюфяке.

— Вы здоровы, хозяин? — спросил он оглушительным шепотом, в котором было не больше скрытности, чем в кваканье лягушки-быка.

Род остановился и, нахмурившись, посмотрел на слугу.

— Да, вполне. А почему я должен был заболеть?

Большой Том глуповато улыбнулся.

— Слишком мало спите, — объяснил он. — Я подумал, что у вас, наверное, лихорадка.

— Нет, — с облегчением улыбнулся Род, качая головой. Он протиснулся мимо Тома. — Это не лихорадка.

— А что же тогда?

Род рухнул навзничь на кровать, заложив руку за голову.

— Том, ты когда-нибудь слышал об игре под названием «крикет»?

— Сверчок? — нахмурился Том. — Это существо, которое стрекочет на очаге, хозяин.

— Правильно, но это также и название игры. Понимаешь, главное в ней — воротца. Одна команда пытается их сбить, бросая по ним мячом. Другая — защищает воротца, отбивая мяч битой.

— Странно, — пробормотал Большой Том, широко раскрыв глаза от изумления. — Крайне необычная игра, хозяин.

— Да, — согласился Род. — Но дальше еще хуже. Команды, понимаешь ли, время от времени меняются местами, и та, что прежде атаквала воротца, теперь защищает их.

Он посмотрел поверх пальцев ног на круглое, покрытое оспинками, лицо Тома.

— М-да, — пробормотал здоровяк, ошеломленно мотая головой. — И какой же смысл во всем этом, хозяин?

Род выпрямился и позволил себе расслабиться.

— Дело в том, что воротцам приходится одинаково туго независимо от того, кто победит.

— Да! — энергично закивал головой Большой Том. — Истинная правда, господин.

— Ну вот, у меня такое чувство, будто здесь идет грандиозная игра в крикет, только в ней участвуют три команды советники, нищие...

— Дом Кловиса, — поправил Том.

Род удивленно вскинул брови.

— Верно, Дом Кловиса. И, конечно, Королева.

— Кто же тогда воротца? — спросил Том.

— Я сам, — Род перекатился на бок и, взбив кулаком подушку, со вздохом облегчения опустил на нее.

— А теперь я собираюсь соснуть. Спокойной ночи.

— Господин Галлоугласс, — пропищал голос пажа.

Род закрыл глаза и помолился о ниспослании ему сил свыше.

— Да, паж?

— Вас зовут прислуживать Королеве за завтраком, господин Галлоугласс.

Род заставил себя приподняться и поглядеть в окно. Первые лучи солнца уже окрасили небо в розовый цвет.

Он зажмурился и сосчитал до десяти, чуть не задремав при этом. Затем сделал вдох, который заполнил бы бездонную шахту, спустил ноги с постели и сел.

— Эх, нет душе покоя. Что мне делать с этой проклятой формой, Том?

Род был вынужден признать, что Катарина Плантагенет обладает талантом драматурга и, более того, знает, как использовать его в своих целях. Часовые заняли свои места в обеденном зале еще до рассвета. Лорды и леди, имевшие привилегию — или, точнее, несчастье — разделять с Королевой ее утренний завтрак, прибыли сюда как только прокричал петух. Но лишь когда все собрались и вдоволь наглазелись на поданное мясо, состоялся выход Королевы.

И, несмотря на столь ранний час, это был именно выход. Двери, ведущие в зал, широко распахнулись, и в океане света факелов появилась Катарина. Шесть трубачей затрубили в фанфары, все лорды и леди поднялись, а Род содрогнулся (музыкальный тон инструментов, видимо, соответствовал местным вкусам).

Затем Катарина, высоко подняв голову и слегка откинув назад плечи, вошла в зал. Она подошла к огромному позолоченному креслу во главе стола. Герцог Логайрский шагнул вперед и отодвинул кресло. Катарина опустилась в него с изяществом и легкостью перышка. Логайр сел по правую руку от нее, и все остальные последовали их примеру. Катарина взяла двузубую вилку, вельможи сделали то же самое, и тут же со всех сторон

налетели слуги в ливреях с деревянными блюдами в руках, наполненными беконом и колбасой, маринованной селедкой, белыми булочками, чашками с чаем и супом.

Каждую тарелку сперва подносили к Брому О'Берину, сидящему по левую руку от Королевы. Бром снимал пробу с каждого блюда, откусывал кусочек и клал остатки на тарелку перед собой. Затем огромные деревянные блюда были расставлены по всему столу. И только тогда Бром О'Берин, убедившись, что все еще жив, передавал заполненную тарелку Королеве.

Двор с аппетитом принялся за еду, и желудок Рода напомнил ему, что прошлой ночью он ничего не ел, не считая вина со специями.

Катарина клевала пищу как птичка. Ходили слухи, что она перекусывала в уединении своих апартаментов как раз перед формальной трапезой. Даже если и так, она была столь худа, что Род находил эти слухи сомнительными.

Слуги носились туда-сюда с бутылками вина и огромными мясными пирогами.

Род стоял на посту около восточной двери. Таким образом он прекрасно видел всех, сидевших в северной части стола — Катарину, милорда Логайра по ее правую руку, Дюрера справа от него, и затылок Брома.

Дюрер нагнулся и прошептал что-то своему господину. Логайр недовольно отмахнулся и кивнул. Он в один прием оторвал от куска мяса здоровенную порцию, прожевал и запил вином из большого кубка. Поставив кубок на стол, он повернулся к Катарине и прорычал:

— Ваше Величество, я встревожен.

Катарина холодно взглянула на него.

— Мы все обеспокоены, милорд Логайр. Но мы должны нести бремя наших забот, насколько это в наших силах.

Губы Логайра плотно сжались, полоска рта исчезла между усами и бородой.

— Я беспокоюсь о Вас и благополучии вашего королевства, — продолжил он.

Катарина вернулась к своему блюду, сосредоточившись на разрезании кусочка свинины.

— Я смею надеяться, что мое благополучие и впрямь влияет на благополучие моего королевства.

Шея Логайра побагровела, но он упрямо гнул свое.

— Я рад, что Ваше Величество понимает: угроза вашему благополучию означает угрозу всему королевству.

Катарина поморщилась и повернулась к герцогу.

— Я действительно понимаю.

— Зная, что жизни Королевы угрожает опасность, народ испытывает беспокойство.

Катарина отложила вилку и откинулась на спинку своего кресла. Голос ее был мягок и даже нежен.

— Значит, моей жизни угрожает опасность, милорд?

— Мне кажется, да, — осторожно промолвил Логайр. — Ибо баньши снова были ночью на вашей крыше.

Род наострил уши.

Катарина побледнела и закрыла глаза. За столом воцарилось молчание. В наступившей тишине послышался голос Брома:

— Баньши видели на крыше замка Ее Величества уже много раз, а Королева до сих пор жива.

— Замолчи! — оборвала его Катарина. Она выпрямилась и, наклонившись вперед, взяла свой кубок.

— Я не желаю больше слышать о баньши.

Она осушила кубок и протянула руку в сторону.

— Слуга, еще вина!

Дюрер сорвался со своего места и в миг очутился рядом с Королевой. Выхватив кубок из ее рук, он повернулся к подбежавшему слуге. Он держал чашу до тех пор, пока тот не наполнил ее до краев, а весь двор пялил глаза — подобная учтивость по отношению к Королеве была несвойственна Дюреру.

Советник повернулся к Королеве, опустил на колено и подал кубок. Катарина изумленно уставилась на него, затем медленно приняла чашу.

— Благодарю вас, Дюрер. Должна признаться, я не ожидала от вас такой любезности.

Глаза Дюрера блеснули. Он поднялся, насмешливо улыбаясь, и низко поклонился.

— Пейте на здоровье, моя Королева.

Но Род не разделял доверия Катарины. Более того, он заметил, что перед тем, как слуга налил вино, Дюрер провел рукой над кубком.

Он покинул свой пост и выхватил кубок в момент, когда Катарина поднесла его к губам. Она испепелила его гневным взглядом.

— Я не звала вас, сударь.

— Прошу прощения, Ваше Величество.

Род отстегнул от пояса кинжал, положил клинок на стол и наполнил конические ножны вином. Слава небесам, он принял меры

предосторожности, включив Векса перед тем, как заступить на дежурство!

Он поднял вверх серебряный рог и сказал:

— Нижайше прошу прощения у Вашего Величества, но я не могу контролировать свои действия. Все дело в том, что я опасюсь за жизнь Вашего Величества.

Но Катарина уже забыла о гневе и пристально следила за действиями Рода.

— Что это такое? — спросила она, показывая на серебристый конус.

— Рог единорога, — ответил Род и посмотрел прямо в пылающие яростью глаза Дюрера.

— Анализ завершен, — прошептал голос у него за ухом. — Субстанция ядовита для организма человека.

Род мрачно усмехнулся и надавил мизинцем шишечку на конусе ножен.

«Рог единорога» стал пурпурным.

Весь двор ахнул от ужаса, ибо, согласно известному всем преданию, рог единорога приобретает пурпурный оттенок, если в него налит яд.

Катарина побледнела и стиснула кулачки, чтобы скрыть дрожь.

Рука Логайра сжалась в громадный кулак. Сдерживая ярость, он обратился к Дюреру.

— Ничтожество, если ты замешан в измене...

— Милорд, вы же видели... — голос Дюрера стал хриплым. — Я только подал кубок.

Его горящий взор впился в глаза Рода, будто намекая, что тот избавит себя от многих неприятностей и мучений, если сам, прямо здесь, выпьет это вино.

Роду и еще трем гвардейцам было поручено сопровождать Катарину от ее апартаментов до Большого Зала Верховного Суда. Они вчетвером ждали у ее покоев, покуда не открылась дверь и не появился Бром О'Берин, возглавивший королевскую свиту. Между ними и Катариной встали два солдата, а Род и еще один гвардеец замкнули шествие.

Они не спеша прошли по коридору, принаравливаясь к шагу Катарины. А Королева, укутанная в тяжелый меховой плащ с массивной золотой короной на изящной головке, шла очень медленно. При этом она ухитрялась выглядеть скорее величественно, чем неуклюже.

Когда они приблизились к Большому Залу, откуда-то выскочил худой изможденный человек, одетый в бархат — Дюрер.

— Прошу прощения, — обратился он, трижды поклонившись, — но я должен поговорить с Вашим Величеством.

Губы его были крепко сжаты, глаза пылали гневом.

Катарина остановилась и вскинула голову.

А она готова к бою, — подумал Род.

— Так говори же, — сказала Катарина, глядя свысока на склонившегося перед ней человечка. — Но поторопись, смерд.

Дюрер вспыхнул от оскорбления. Обращение «смерд» относилось к крестьянам.

Однако он сумел сохранить почтительный вид.

— Ваше Величество, умоляю вас без промедления выслушать петицию Великих Лордов, ибо они крайне возбуждены.

Катарина нахмурилась.

— Промедление не входит в мои планы.

Дюрер закусил губу и отвел глаза.

Взгляд Катарины не сулил ничего хорошего.

— Продолжай, смерд, — приказала она. — Или ты хочешь сказать, что Королева боится выслушать своих вельмож?

— Ваше Величество... — неохотно начал Дюрер, а затем проговорил скороговоркой: — Я слышал, на Суде сегодня должно быть заслушано дело двух крестьян...

— Верно, — поджала губы Катарина. — Это дело было рекомендовано мне тобой, Дюрер.

Человек бросил на нее злобный взгляд, но затем вновь принял облик покорного просителя.

— Я подумал... я слышал... я боялся...

— Чего ты боялся?

— Ваше Величество в последнее время проявляет повышенный интерес к своим крестьянам... — Дюрер колебался, затем продолжил: — Я опасался... что Ваше Величество может... наверное...

Взгляд Королевы посуровел.

— Что я могу выслушать этих двух крестьян прежде, чем предоставлю слово моим вельможам?

— Вы не должны так поступать, Ваше Величество! — Дюрер рухнул на колени и умоляюще простер к ней руки. — Не нужно гневить сегодня Великих Лордов! Вы подвергнете опасности свою жизнь, если...

— Смерд, ты подозреваешь меня в трусости?

Род закрыл глаза, сердце замерло у него в груди.

— Ваше Величество! — вскричал Дюрер. — Я только хотел сказать, что...

— Довольно! — Катарина повернулась, с презрением оттолкнув щуплого советника. Бром О'Берин и гвардейцы двинулись за ней. Огромные дубовые двери распахнулись перед ними.

Род рискнул бросить быстрый взгляд через плечо.

Лицо Дюрера расплылось в злорадной улыбке, глаза его светились торжеством.

Самый верный способ заставить девчонку сделать неверный шаг — это всячески отговаривать ее от этого...

Бром привел королевскую свиту в огромное помещение со сводчатым потолком. Свет проникал сквозь ряды фонарных окон, прорезанных во всех четырех стенах. На пятидесятифутовой высоте тянулась, словно хребет, потолочная балка. От нее к гранитным стенам отходили дубовые ребра. С потолка свисали две огромные люстры из кованого железа с горящими в канделябрах свечами.

Они прошли к возвышающемуся на десять футов над уровнем пола помосту, на котором стоял огромный золоченый трон.

Бром провел гвардейцев вокруг помоста. Они выстроились по обеим сторонам трона, а Катарина сделала последние полшага и встала, стройная и гордая, подле него, глядя поверх голов собравшихся вниз к людям.

Здесь собрались представители всех слоев населения. Огромный зал был набит битком, от ступенек помоста до тройных дверей в противоположном конце помещения.

На переднем плане в напоминающих песочные часы деревянных креслах, поставленных полукругом в двадцати футах от ведущих к трону ступеней, сидели двенадцать великих вельмож.

За ними стояли сорок-пятьдесят пожилых людей, облаченных в коричневые, серые или темно-зеленые одежды с бархатными воротничками. На голове у них красовались маленькие квадратные фетровые шляпы. Массивные серебряные и золотые цепи свисали на необъятные животы. Бюргеры, — догадался Род, — местные чиновники, торговцы, мастера гильдий, словом буржуазия.

Позади них выдвинулись черные рясы духовенства, ну а за ними толпились крестьяне, одетые в залатанную одежду унылых тонов. Род был уверен, что большинство крестьян пригнали с дворцовой кухни, дабы на Верховном Суде присутствовали представители всех классов.

Но в центре толпы простолюдинов стояли четверо солдат в зелено-золотом — цвета Королевы — а между ними переминались с ноги на ногу двое крестьян — один молодой, другой старый. Оба,

явно перепуганные до смерти, нервно мяли в руках свои шапки. У старика была длинная седая борода, юнец же был чисто выбрит. Одеждой им служили темные рубахи из грубого полотна и плотно облегающие брюки из той же ткани. Рядом с ними стоял священник, чувствующий себя так же неловко, как и они.

Все взгляды были прикованы к Королеве. Катарина прекрасно понимала это. Она еще больше выпрямилась и оставалась в этой позе, пока в зале не наступила полная тишина. Затем она медленно села, а Бром пристроился, скрестив ноги, подле нее. Тупые концы пик глухо стукнули о камень — Род и остальные гвардейцы стали по стойке «вольно», отставив пики под углом двадцать градусов.

Голос Брома прогремел на весь зал:

— Кто сегодня предстанет перед Королевой?

Вперед вышел герольд с пергаментным свитком и зачитал список, состоящий из двадцати пунктов. Первой стояла петиция двенадцати вельмож, последней — петиция крестьян Дюрера.

Катарина стиснула подлокотники трона и сказала высоким ясным голосом:

— Господь наш говорил: да будут униженные возвышены, да станут последние первыми. Поэтому, заслушаем показания этих двух крестьян.

На миг все от изумления смолкли. Затем поднялся старый лорд Логайр и вскричал:

— Показания! Неужели вы так нуждаетесь в них, что ставите эту деревенщину выше знатнейших из ваших вельмож?

— Милорд, — огрызнулась Катарина, — вы забыли о своем месте при моем дворе.

— Нет, это вы забыли! Это вы забыли уважение к традиции, а также все законы, которые вам с детства внушал ваш отец!

Старый лорд выпрямился во весь рост и свирепо посмотрел на нее.

— Ваш отец никогда не обесчестил бы так своих вассалов! — вскричал он.

— Опомнись, старик! — холодно и надменно ответила Катарина. — Я бы хотела, чтобы мой отец был до сих пор жив, но он умер, и теперь правлю я!

— Правишь! — губы Логайра скривились в усмешке. — Это не правление, а тирания!

Потрясенный зал умолк, затем по нему, все нарастая, пополз шепот.

— Измена! Измена!

Бром О'Берин поднялся, дрожа от ярости.

— Теперь, милорд Логайр, ты должен пасть на колени и просить прощения у Ее Величества Королевы, иначе ты будешь навеки осужден, как изменник трону.

Лицо Логайра окаменело, он выпрямился, расправил плечи и выставил вперед подбородок, но прежде, чем старик успел сказать хоть слово, Катарина произнесла глухим дрожащим голосом:

— Можешь не просить прощения, ибо оно не будет дано. Принимая во внимание тяжесть оскорблений, нанесенных королевской особе, ты милорд Логайр, отныне и на веки веков изгоняешься из Зала Суда и из круга моих приближенных.

Старый герцог медленно поднял взгляд и встретился глазами с Катариной.

— Как же так, малышка? — пробормотал он, и Род с изумлением увидел слезы в уголках глаз старика. — Деточка, неужели ты обойдешься с отцом так же, как обошлась с сыном?

Лицо Катарины стало мертвенно-бледным. Она привстала с трона.

— Так поспеши же покинуть место сие, милорд Логайр! — голос Брома дрожал от ярости. — Поторопись, или я спущу на тебя собак?

Логайр опустил взгляд на Брома.

— Спустишь собак? Возможно, ведь ты самый верный сторожевой пес нашей доброй Королевы! — Он снова посмотрел на Королеву. — Эх, леди, леди! Я мечтал умиловить тебя борзой, прежде чем умру.

Катарина вновь села и гордо выпрямилась.

— У меня есть мастифф, милорд, и пусть держат ухо востро мои враги!

Старик медленно кивнул, его полные горя глаза никак не могли оторваться от ее лица.

— Значит, ты будешь считать меня своим врагом...

Катарина еще больше задрала нос.

Глаза Логайра посуровели. Холодная гордость стерла скорбь с его лица.

Он круто повернулся и направился через весь зал к выходу. Толпа расступилась перед ним, образовав узкий проход. Гвардейцы по обеим сторонам огромной центральной двери встали по стойке смирно.

Герцог резко остановился на пороге и, обернувшись, взглянул поверх голов на Катарину. Его низкий старческий голос в последний раз прозвучал в этом зале.

— И все же прими от меня, Катарина, кого я когда-то звал своей племянницей, мой последний дар, — произнес он неожиданно мягко. — Покуда я жив, тебе нечего страшиться воинов Логайра.

Он на миг замер, глядя ей прямо в глаза, затем, взмахнув полами плаща, повернулся и исчез.

Некоторое время в зале царило гробовое молчание, затем все одиннадцать Великих Лордов поднялись и двинулись гуськом к огромной центральной двери вслед за Логайром в изгнание.

— Ну и как она решила дело тех двух крестьян? — спросил Векс.

Род скакал верхом на коне-роботе по склону холма за стеной замка. Он сказал конюху, что хочет «поразматься», но на самом деле ему нужно было посоветоваться с Вексом относительно того, Что Все Это Значило.

— О, — ответил он, — она поддержала решение приходского священника: самым подходящим наказанием для парня является брак. Старику это не слишком понравилось, что тут у Катарины нашелся свой козырь — пареньку придется содержать тестя на старости лет. Услышав это, старик остался доволен, а жених ушел с таким видом, будто был не вполне уверен в том, что вышел из схватки победителем.

— Превосходное решение, — пробормотал Векс. — Возможно, юной леди стоит всерьез заняться юриспруденцией.

— Да чем угодно, лишь бы не лезла в политику. Славные закаты на этой планете.

Они скакали в сторону заходящего солнца. Его угасающий шар окрасил небо в багровые и золотистые тона от горизонта до самого зенита.

— Да, — выдал справку робот, — закаты здесь великолепны благодаря плотности атмосферы, в полтора раза превышающей земную. Однако на этой широте из-за угла наклона оси планеты, который равен...

— Верно, верно, я занес все это в бортовой журнал, как только мы приземлились. Не морочь мне голову, будь так любезен. Я заметил, что лучи солнца приобрели кроваво-красный оттенок.

— Весьма кстати, — буркнул Векс.

— М-м-да. Это возвращает нас с небес на землю, не так ли? Что если грядет еще одно убийство?

— Не убийство, Род — покушение.

— Ну хорошо, покушение. Прости меня за неудачный термин и давай перейдем к делу.

Векс выдержал секундную паузу, вводя новые данные в заранее подготовленный доклад.

— Политическая борьба на острове Грамарай ведется между тремя независимыми партиями: роялистской и двумя антироялистскими. В роялистскую фракцию входят Королева, ее главные советники — некий Бром О'Берин, духовенство, королевская армия, телохранители Королевы, а также группа эсперов, известных здесь как «ведьмы».

— А как насчет судей?

— Я как раз собирался сказать, что государственных служащих можно также отнести к роялистской фракции, за исключением тех чиновников, чья продажность вынуждает их противиться реформам Королевы.

— М-м-да. Я как-то забыл о коррупции. Есть ли у Плантагенет еще сторонники?

— Да. Разновидность гомо сапиенс — карлики, известные в народе как «эльфы».

— Ну, во всяком случае, они не против нее, — пробормотал Род.

— Примечательно, что антироялистские фракции так и не объединили свои усилия для совместной борьбы против трона. Одна фракция — аристократы во главе с двенадцатью герцогами и графами. Их лидер — герцог Логайр. Стоит отметить, что аристократы едины в своей оппозиции Королеве. Подобное единодушие среди аристократов феодальной культуры не имеет аналогов в истории и, следовательно, должно рассматриваться как аномалия.

— И откуда же взялся этот странный объединенный фронт?

— Данное согласие можно рассматривать как результат влияния группы, так называемых, советников, каждый из которых является главным консультантом одного из двенадцати Великих Лордов. Сходство физического облика членов данной группы указывает...

Род уставился на уши Векса.

— Повтори!

— Все советники отличаются сутулостью, крайней худобой, лысоватостью, бледной кожей, а также пожилым возрастом.

Род поджал губы.

— О-очень интересно! Лично я не вижу во всем этом ничего особенного.

— Подобный физический облик характерен для высоко развитого технологического общества, в котором взяты под контроль

продолжительность жизни, регулирование обмена веществ и подверженность воздействию ультрафиолета.

— Жизнь, гарантированная современной медициной, и бледность завсегдатаев баров, — кивнул Род. — Но зачем им понадобилось так сутулиться?

— Можно предположить, что это часть создаваемого этими людьми имиджа. Они желают выглядеть подобострастно, хотя нелепость их поведения доказывает, что подобные манеры им не свойственны.

— Закон Реверса Финегла, — кивнул Род. — Продолжай.

— Роялистская фракция стремится к упрочнению центральной власти. Советники же, похоже, делают все, чтобы ее ликвидировать, установив при этом политический строй, основу которого составляют независимые удельные владения.

— Который является разновидностью анархии, — добавил Род.

— Вот именно, и мы, таким образом, вынуждены предположить, что советники замыслили сперва разбить страну на вотчины, затем — на приходы, дабы в конце концов прийти к полной анархии.

— Так вот почему они стремятся убить Катарину!

— Совершенно верно. Надо использовать любую возможность, чтобы ликвидировать центральную власть.

— Значит, Королева в опасности. Давай-ка вернемся в замок. Он натянул поводья, но Векс отказался подчиниться.

— Пока что опасность ей не грозит, Род. Мифология данной культуры предполагает, что перед чьей-либо смертью на крыше дома обреченного видели призрак, известный как «баньши». А тот может появиться лишь после захода солнца.

Род посмотрел на небо. Уже наступили сумерки, но на горизонте еще пылали последние искры заката.

— Ладно, Векс. У тебя есть еще минут пятнадцать, максимум — полчаса.

— Свидетельства принадлежности советников к обществу, обладающему высокоразвитой технологией, — монотонно бубнил робот, — указывают на то, что они прибыли с другой планеты, поскольку единственное государство на этой планете — Грамарай — пребывающее на средневековом уровне развития. Другая антироялистская партия также несет отпечаток инопланетного происхождения.

— Мне кажется, что я это уже слышал раньше, — задумчиво сказал Род. — Прокручиваешь все заново, да?

— Конечно. Вторая антироялистская фракция известна как Дом Кловиса. Название предположительно происходит от ритуала избрания древних королей. Родовой состав Дома Кловиса — это нищие, воры, а также другие преступники и изгои. Их номинальным лидером является объявленный вне закона аристократ — Туан Логайр.

— Минуточку, — прервал его Род. — Номинальный лидер?

— Да, — подтвердил Векс. — На первый взгляд Дом Кловиса, с точки зрения организации, недалеко ушел от толпы, но более глубокий анализ открывает сплоченное ядро, одной из задач которого является добыча пропитания и одежды для членов Дома.

— Но ведь именно этим и занимается Туан!

— Разве? Кто в Доме Кловиса снабжает всех самым необходимым?

— Ну, Туан дает деньги трактирщику — этой маленькой кривобокой мартышке, которую они зовут Пересмешником.

— Вот именно.

— Так ты хочешь сказать, — медленно произнес Род, — что Пересмешник использует Туана в качестве источника финансирования и вождя-марионетки, в то время, как истинный вождь — он сам?

— Мне кажется, все говорит за это. Каков физический облик Пересмешника, Род?

— Отталкивающий.

— А как он заработал кличку «Пересмешник»?

— Ну, предполагается, что он своего рода «Человек с Тысячью Лиц»...

— И все же, как он выглядит, Род?

— Ж-ж... — Род откинул голову назад, прикрыл глаза и вызвал образ Пересмешника. — Ростом он примерно метр семьдесят, ходит все время согбившись, будто у него искривлен позвоночник, телосложение... весьма хрупкое, будто он съедает калорий двести в день... волос на голове почти не осталось...

Он резко открыл глаза.

— Эй! Да он выглядит точь в точь как советники!

— А значит, он, вероятно, выходец из общества, обладающего высокоразвитой технологией, — согласился Векс. — И, следовательно, тоже прилетел с другой планеты. В пользу этого говорит и его политическая философия, изложенная в речи Туана перед толпой черни.

— Значит, Туан еще и рупор, — подвел итог Род. — Ну, конечно. Ему самому никогда бы не додуматься до диктатуры пролетариата.

— Стоит также отметить, что в Доме Кловиса больше нет никого, кто был бы похож на Пересмешника.

— Да-да! — кивнул Род, потирая подбородок. — Он играет в одиночку. Вся его команда состоит из бродяг, наученных вникать ему.

— Его стратегической целью, — сказал Векс, — является, скорее всего, установление диктатуры. Следовательно, ему нужно возвести на трон такого человека, которым он сможет управлять.

— Туан.

— Совершенно верно. Но сперва он должен прикончить Королеву.

— Так значит, и советники, и Дом Кловиса жаждут смерти Королевы?

— Вот именно. Хотя ничего не указывает на то, что они объединили свои силы. Скорее — это соперники.

— Дублирование усилий — это весьма неразумно. Но что они здесь делают, Векс?

— Можно предположить, что они выходцы из двух различных цивилизаций, каждая из которых желает контролировать потенциальные богатства Грамарая.

Род нахмурился.

— Я не слышал, чтобы тут нашли какие-то редкие минералы.

— Я имею в виду человеческие ресурсы, Род.

У Рода расширились глаза.

— Эсперы! Конечно! Они здесь из-за ведьм!

— Или эльфов, — напомнил Векс.

Род нахмурился.

— Какой им прок от эльфов?

— На сей счет у меня нет приемлемой гипотезы. Однако подобная возможность логически допустима.

— Ладно, — фыркнул Род, — оставайся со своим логическим допущением, а я ставлю на ведьм. Всякий, кто сможет монополизировать рынок телепатов, будет властелином Галактики. — Эй! — Он ужаснулся пришедшей на ум мысли. — Ведь они и впрямь смогут управлять Галактикой!

— Ставки высоки, — пробормотал Векс.

— У меня будут свои... — начал Род, но его прервал пронзительный, словно скрежет гвоздя по стеклу, отдаленный вой.

Векс развернулся. Род посмотрел на замок.

Чуть ниже восточной башни, на стене колыхалась призрачная тень, похожая на светящуюся гнилушку или блуждающий огонек. Должно быть, она была огромной, ибо даже с такого расстояния Род различал детали. Фигура была обряжена в лохмотья савана, сквозь который Род мог разглядеть великолепное женское тело, которое венчала кроличья голова с острыми резцами.

Баньши снова принялась визжать. Низкий стон перешел в пронзительный крик, затем — в оглушительный вой, который не умолкал, пока барабанные перепонки Рода не запросили пощады.

— Векс, — вздохнул он, — что ты видишь?

— Баньши, Род.

Род проскакал, пробежал, пролетел сквозь всех часовых на пути к покоям Королевы. Но там, у ее дверей он встретил непреодолимый шлагбаум метровой высоты — Бром О'Берин стоял, широко расставив ноги и уперев руки в боки.

— Ты что-то задержался, — буркнул человек. Лицо его налилось краской гнева, но в глубине глаз таился страх.

— Я спешил из-за всех сил, — ответил, тяжело дыша, Род. — Ей угрожает опасность?

Бром хмыкнул.

— Да, угрожает, хотя пока нет никаких ее признаков. Ты должен стоять этой ночью на страже у кровати Королевы, чародей.

Род напрягся.

— Я не чародей, — сказал он. — Я обыкновенный солдат удачи, который слегка разбирается в науке.

Бром нетерпеливо кивнул головой.

— Сейчас не время для пустых споров. Называй себя, как твоей душе угодно — поваром, плотником или каменщиком — все равно ты обладаешь чародейской силой. Но мы зря теряем время.

Он постучал тыльной стороной ладони в дверь, та распахнулась и наружу вышел часовой. Он отдал им честь и посторонился.

Бром мрачно улыбнулся и переступил через порог.

— Ты не доверяешь мне, когда я оказываюсь у тебя за спиной?

— Вроде того, — сказал Бром.

— Это я и имел в виду.

Часовой вошел следом за ними и прикрыл дверь.

Комната была большая, с четырьмя закрытыми ставнями узкими окнами, выходящими на одну сторону. Пол покрывали выделанные шкуры, стены были задрапированы шелком, бархатом и гобеленами. В небольшом очаге горел огонь.

Катарина сидела на большой кровати с пологом на четырех столбах, прикрытая до пояса стеганым одеялом и шкурами. Ее распущенные волосы спадали на плечи, обтянутые бархатным с горностаевой оторочкой, халатом. Королеву окружали щебечущие фрейлины, несколько служанок и двое пажей.

Род опустился на колени подле постели.

— Ваше Величество, простите меня за промедление!

Она холодно взглянула на него.

— Я не ждала вас.

И Катарина отвернулась.

Род, нахмурившись, смотрел на нее.

Королева сидела, откинувшись на множество затянутых в сатин пуховых подушек и прикрыв глаза от блаженства. Она улыбалась, наслаждаясь тем, что впервые за прошедший день пребывала в покое.

Возможно, Катарина находилась в смертельной опасности, но она наверняка ничего об этом не знала. Бром, как всегда, хранил все в тайне.

Королева протянула руку к одной из фрейлин, и женщина подала ей кубок с подогретым вином. Катарина грациозным движением поднесла его к губам.

— Стойте! — Род вскочил на ноги, перехватил левой рукой кубок и убрал его подальше, одновременно доставая правой рукой свой «рог единорога».

Катарина изумленно уставилась на него, затем глаза ее сузились, а лицо покраснелось.

— Что это значит, сударь?

Но Род во все глаза глядел на ножны кинжала — «рог единорога». Наконец у него за ухом раздался голос Векса.

— Субстанция токсична для человеческого организма.

Но ведь Род не успел налить в рог ни капли вина. В нем не было ничего...

Кроме воздуха.

Род нажал шпичечку, и рог приобрел пурпурный оттенок.

Катарина в ужасе уставилась на ставшую фиолетовой поверхность ножен кинжала.

— Что это значит, сударь? — ахнула она.

— Отравленный воздух, — ответил Род. Он сунул кубок служанке и оглядел комнату. Что-то здесь испускало ядовитый газ.

Очаг.

Род подошел к камину и подержал рог перевернутым над пламенем, но ножны посветлели и стали бледно лиловыми.

— Не тут, — Род развернулся, поднимаясь на ноги. Он прошелся по комнате, держа рог перед собой словно свечу. Цвет ножен не изменился.

Род нахмурился и почесал в затылке. Куда он сам поместил бы баллончик с ядовитым газом?

Как можно ближе к королеве, конечно.

Род повернулся и медленно пошел к кровати с балдахином. Когда он приблизился к Катарине, рог стал фиолетовым.

Дрожа от страха, Королева заворуженно уставилась на рог.

Род медленно опустился на колени. Рог приобрел пурпурный оттенок, становясь все темнее и темнее.

Род откинул простыню и заглянул под кровать. Перед ним на каменном полу курилась жаровня.

Ухватившись за длинную ручку, он рванул жаровню на себя, затем перевернул рог над одной из дырочек в крыше... Если ему не изменяет память, отверстий там не должно было быть...

Рог стал траурно-черным.

Род поднял взгляд на Катарину. Та прикусила костяшки пальцев, чтобы не закричать.

Повернувшись, Род протянул жаровню часовому.

— Возьми и выброси это в канал, — приказал он.

Часовой бросил копье, схватил жаровню и вышел, держа ее как можно дальше от себя.

Род медленно повернулся к Катарине.

— Мы вновь обманули баньши, моя Королева.

Катарина вынула дрожащую руку изо рта, затем плотно сжала губы, на миг крепко зажмурилась и сжала кулачки так, что побелели костяшки пальцев.

Когда она вновь открыла глаза, они горели как факелы.

— Господин Галлоугласс, останьтесь со мной. Все остальные — удалитесь!

Род судорожно сглотнул и почувствовал мгновенную слабость. В этот миг ему показалось, что она самая прекрасная женщина на всем белом свете.

Гвардейцы, фрейлины и пажи со всех ног кинулись к двери, грозя устроить там грандиозную давку.

Карлик рывкнул, и пробка рассосалась, через тридцать секунд в комнате остались лишь Королева, Род и Бром О'Берин.

— Бром, — скомандовала Катарина, не сводя глаз с лица Рода, — Бром О'Берин, вы тоже оставьте нас.

Мгновение Бром возмущенно смотрел на нее, затем, ссутулив плечи, и он неуклюже поклонился.

— Как прикажете, моя Королева.

Дверь тихо закрылась за ним.

Катарина медленно откинулась на подушки. Она с кошачьей грацией взяла Рода за руку. Ее ладонь была очень личной.

— Вы уже дважды спасли мне жизнь, господин Галлоугласс.

Ее голос ласкал слух.

— Это моя... моя привилегия, моя Королева. — Род выругал себя за то, что вел себя словно мальчишка, пойманный за чтением «Веселого холма».

Катарина мило нахмурилась, и коснулась губ указательным пальцем.

Затем она улыбнулась и перекатилась набок. Бархатный халат приоткрылся. Здесь явно было принято спать голышом.

— Помни, мальчик, — сказал себе Род, — ты всего лишь странствующий коммивояжер. Ты проснешься утром и снова отправишься в путь. Ты здесь для того, чтобы насаждать демократию, а не волочиться за Королевой. Нечестно злоупотреблять ее благодарностью, если ты не собираешься остаться здесь навсегда... А разве это имеет значение?

Катарина играла висевшим у нее на шее амулетом. Ее зубки покусывали нижнюю губу. Она смотрела на него, словно кошка, прикидывающая размеры канарейки.

— Солдаты с щитами без герба, — промурлыкала она, — имеют определенную репутацию...

Губы ее были влажными и очень полными.

Род почувствовал, как губы его зашевелились против воли, и услышал свой собственный запинаящийся голос:

— Подобно... подобно тому, как моя Королева жаждет искоренить зло в ее стране, я... надеюсь смыть пятно с репутации солдат. Я сделаю все... для блага Вашего Величества.

Катарина лежала так неподвижно, что на миг показалось, будто сама кровь застыла у нее в жилах.

Затем ее взгляд стал суровым, и молчание в комнате стало весьма натянутым.

Она села, подобрав полы халата.

— Ты заслуживаешь всяческих похвал, господин Галлоугласс. Я и впрямь счастлива иметь рядом с собой таких верных слуг.

«Она издевается, что в этой ситуации делает ей честь» — подумал Род.

Она вновь посмотрела ему прямо в глаза.

— Прими благодарность Королевы за спасение ее жизни.

Род преклонил колени.

— Я действительно счастлива, — продолжала Катарина, — что мне так верно служат. Ты спас мне жизнь, и мне кажется, что мало кто из солдат дал бы мне столь полную отставку, как это сделал ты.

Род вздрогнул.

Она улыбнулась, но глаза оставались сердитыми. Затем она опустила взгляд, уставившись на свои руки.

— А теперь оставьте меня, ибо завтра будет тяжелый день, и я должна хорошенько выспаться.

— Как пожелает Королева, — ответил Род с непроницаемым лицом.

Он поднялся и направился к двери. В нем все клокотало от гнева. На самом деле не ее вина, что он был таким идиотом. Он прикрыл за собой дверь, затем резко развернулся и изо всех сил врезал кулаком по грубому камню арки. Руку свело от боли.

Когда, с ноющим предплечьем, он вновь повернулся, перед ним стоял дрожащий Бром О'Берин со свекольно-красным от гнева лицом.

— Ну, должен ли я пасть перед тобой на колени? Ведь ты наш новый Король?

Переполюнявшая Рода ярость могла найти подходящий выход. Род сжал челюсти, стараясь сдержать гнев. Сузив глаза, он пронзил карлика бешеным взглядом.

— Я могу найти себе лучшее занятие, Бром О'Берин, чем совращать младенцев королевской крови.

Бром устал был на него, кровь отхлынула от его лица.

— Это правда, — прошептал он, кивая. — Боже мой, я верю, что это правда! Ибо я вижу по твоему лицу, что тебя раздражают фурии, истошно вопя о твоем мужском достоинстве!

Род изо всех сил зажмурился. И так стиснул челюсти, что зубы, казалось, вот-вот должны были сломаться. Что-нибудь обязательно сломалось бы. Что-то где-то должно было произойти.

Откуда-то издали послышался голос Брома О'Берина.

— Тут вот к тебе пришел кто-то из башни с посланием от ведьм...

Род заставил себя открыть глаза и взглянуть на Брома.

Бром смотрел куда-то вниз и влево от себя. Посмотрев в ту же сторону, Род увидел эльфа, сидящего на корточках у ног Брома. Пак.

Род расправил плечи. Надо приглушить гнев, дав ему выход позднее. Если уж ведьмы прислали сообщение, вероятно оно было крайне важным.

— Ну так выкладывай, — буркнул он. — Что они велели передать?

Но Пак только пожал плечами и пробормотал:

— Боже, что за идиоты эти смертные!

Эльф успел отскочить в сторону, опередив на долю секунды кулак Рода, врезавшийся в стену прямо в том месте, где он сидел.

Род взвыл от боли и развернулся. Увидев Пака, он снова сделал выпад.

Но Пак сказал: «Тише!», и огромное зелено-красное чудовище перегородило коридор — настоящий огнедышащий дракон весьма солидных размеров, поднявшийся на задние лапы и дохнувший пламенем на Рода.

Род выпучил глаза от изумления, затем накопившаяся ярость нашла выход.

Дракон перешел в наступление, извергнув язык пламени. Род поднырнул под огонь и проскользнул к голове чудовища. Его пальцы сомкнулись на чешуйчатой шее, пытаясь нащупать сонную артерию. Дракон вскинул голову и хлестнул шеей, словно кнутом. Род впился в него мертвой хваткой и не отпускал, хотя дракон молотил им о гранитные стены. Род взвыл от боли, когда его голова врезалась в камень, из глаз посыпались искры, но он лишь усилил захват.

Наклонив гигантскую шею, чудовище распороло Роду грудь от самой ключицы огромными когтями своих задних ног. Кровь хлынула фонтаном, и Род почувствовал, как проваливается в небытие, но держался из последних сил, решив уволочь дракона с собой в могилу.

Да, в могилу, — изумленно подумал он, раздосадованный тем, что должен умереть из-за приступа гнева — гнева на гадкую девчонку.

Ну, по крайней мере, он попадет в страну мертвых. Когда тьма начала окутывать его, он почувствовал, как громадная голова опускается все ниже и ниже, следуя за ним в могилу...

Ноги Рода коснулись земли, и, о чудо, он не упал. Сквозь окружающую тьму просачивался свет, постепенно становясь все ярче, и он увидел лежащего у его ног мертвого зверя.

Тьма отступила от дракона. Свет открыл Роду гранитные стены и парчовые драпировки. Коридор замка поплыл перед ним, слегка покачался и обрел реальность.

У его ног лежал дракон. Очертания его становились все более тусклыми и неопределенными, затем зверь окончательно исчез. На сером камне пола не осталось никаких следов.

Род осмотрел свою грудь и живот. Камзол был целехонек и даже не смят. Не осталось ни следов крови, ни царапин на теле. Он сжал локоть, приготовившись к резкой боли от ушиба. Но ее не было. Он медленно перевел взгляд на Пака.

Эльф смотрел на него большими печальными глазами. Неве-
роятно! Он не улыбался.

Род спрятал лицо в ладонях.

— Чары?

Пак кивнул.

Род отвел взгляд.

— Спасибо.

— Ты в этом нуждался, — ответил Пак.

Род расправил плечи и глубоко вздохнул.

— У тебя есть для меня послание?

Пак вновь кивнул.

— Тебя приглашают на собрание ковена.

Род нахмурился и покачал головой.

— Но я не член братства.

Бром О'Берин хихикнул, словно включенный дизель.

— Нет, ты один из них, ибо ты — чародей.

Род открыл было рот, чтобы ответить, но передумал и с треском захлопнул его. Затем смиренно развел руками.

— Ладно, будь по-вашему. Я чародей. Только не ждите, что я сам в это поверю.

— Ну, по крайней мере, ты больше не отрицаешь это. — Тоби наполнил кружку Рода горячим вином со специями. — Мы все знали, что ты чародей еще до того, как воочию увидели тебя.

Род пригубил вино и огляделся вокруг. Если он решил, что прошлой ночью здесь гуляли вовсю, то это лишь свидетельствовало о его наивности. Тогда были скромные посиделки. А вот теперь ребята гудели на полную катушку.

Он снова повернулся к Тоби и заорал во всю глотку, чтобы слышать собственный голос:

— Пойми меня правильно, я не хочу охладить ваше бурное веселье, но в чем его причина?

— Но ведь Королева осталась в живых! — крикнул Тоби. — И ты — герой этой ночи! Ты утер баныши нос!

— Герой... — хмыкнул Род, криво улыбнувшись. Он запрокинул кружку и сделал большой-пребольшой глоток.

Вдруг он резко опустил кружку и закашлялся.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил Тоби. Он колотил Рода по спине, пока тот наконец не охнул и со свистом не втянул в себя воздух.

— Хватит, — сказал Род и поднял руку. — Со мной все в порядке. Просто я кое о чем подумал, вот и все.

— О чем?

— Баньши не настоящая.

— Что ты сказал? — уставился на него Тоби.

Род положил руку Тоби на загривок и, пригнув голову мальчика, крикнул ему в ухо:

— Послушай, баньши появляется только перед чьей-то смертью, верно?

— Да, — подтвердил Тоби.

— Перед тем, как кто-то умирает, — повторил Род. — А не каждый раз, когда кому-то грозит смерть. Но Королева все еще жива!

Тоби откинулся назад и уставился на Рода.

Род улыбнулся, глаза его горели торжеством.

— Ей полагается появляться лишь тогда, когда смерть неизбежна.

Он повернулся, оглядывая большое помещение башни. Ведьмы танцевали на стенах, на потолке, иногда на полу или паря в воздухе, выказывая тем самым полнейшее пренебрежение к законам гравитации. Они выделяли кульбиты, которые заставили бы змею завязаться в узел.

Род снова посмотрел на Тоби и поднял брови.

— Не очень-то похоже на похороны.

Тоби нахмурился, затем его лицо расплылось в ухмылке.

— Я думаю, что не видел грамарайской тризны, — крикнул он. — И все же, ты прав. Мы пляшем этой ночью ради Жизни, а не ради Смерти.

Род улыбнулся, вновь отхлебнув из своей кружки, и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Значит, если баньши — подделка, а это так, то возникает вопрос — кто послал ее туда?

У Тоби отвисла челюсть, и он изумленно уставился на Рода.

— Найди мне Элдис, — гаркнул Род.

Тоби захлопнул рот, сглотнул и утвердительно кивнул. Затем он прикрыл глаза, и мгновение спустя Элдис спикировала вниз и совершила мягкую посадку на своем помеле.

— Что ты хочешь? — выдохнула она.

Девушка вся покраснелась, лицо ее светилось от радости и возбуждения. Она вызвала у Рода приступ ностальгии по собственной давно ушедшей юности.

Он нагнулся вперед.

— Попробуй-ка настроиться на Дюрера, главного советника Логайра.

Элдис кивнула и закрыла глаза. Через несколько секунд она снова открыла их и, дрожа от страха, посмотрела на Рода.

— Они жутко разгневаны, что Королева не умерла, — доложила она. — Но еще больше их бесит то, что они понятия не имеют, кто поставил баньши на крышу этой ночью.

Род кивнул, сжав губы. Допив вино из кружки он поднялся и направился к винтовой лестнице.

Тоби протянул руку и схватил его за рукав.

— Куда это ты собрался?

— На стену, — ответил Род. — Где же еще искать баньши?

Когда он поднялся на стену, там гулял пробирающийся до костей ночной ветер. Висевшая над головой луна отбрасывала его тень. Стены замка лежали перед ним, напоминая ряды огромных, широко расставленных клыков.

— Векс, — тихо позвал Род.

— Я здесь, — послышался голос у него за ухом.

— Эта баньши, кажется, любит определенный отрезок стены больше других?

— Да, Род. Во время нашего пребывания на Грамарае баньши всегда появляется под восточной башней.

— Всегда?

— Судя по тем данным, которыми я располагаю, да.

Род свернул налево и зашагал на восток.

— Ну, пока ты уточняешь свои данные, я тут кое-что предприму.

— Да, Род, — сказал робот с покорностью мученика.

Род посмотрел с высоты стены на город, раскинувшийся у подножия огромного холма, на вершине которого стоял замок. От города к крепости вела длинная извилистая дорога, мощеная белым камнем, с беспорядочно разбросанными подле нее низенькими постоялыми дворами. А еще ниже, в самом сердце трущоб, подобно огромному базальтовому надгробию стоял Дом Кловиса.

За его спиной послышались неуверенные шаркающие шаги. Род мигом занял оборонительную позицию, в руке у него блеснул кинжал.

Большой Том, спотыкаясь, поднялся по винтовой лестнице и замер, хрипло дыша и оглядывая окрестности расширившимися, побелевшими глазами. Что-то было обмотано вокруг его руки. Он обернулся, увидел Рода и подбежал к нему с выражением облегчения на лице.

— Эх, хозяин, вы еще целы!

Расслабившись, Род выпрямился и вложил кинжал обратно в ножны.

— Конечно, я цел! А что ты здесь делаешь, Большой Том?

Здоровяк замялся, застенчиво улыбаясь. Он не отрывал взгляда от каменных плит, сконфуженно шаркая ногой.

— Ну, хозяин, я услышал... я... ну... — Он поднял глаза, и слова полились потоком: — вы не должны идти супротив баньши, но если вы все же решитесь, то я не отпущу вас одного.

Род внимательно разглядывал лицо великана, гадая, в чем причина столь глубокой привязанности. Затем он ободряюще улынулся.

— У тебя сердце ушло в пятки при одной лишь мысли о чудевище, но ты все же решил пойти со мной.

Род хлопнул Тома по плечу.

— Ну что ж, пойдем вместе, Большой Том. Не стану скрывать, я рад такой компании.

Том ухмыльнулся и вновь уставился на камни. Роду показалось, что здоровяк слегка покраснел, но в неясном свете луны он мог и ошибиться.

Род повернулся и зашагал к башне. Том плелся за ним.

— Возьми вот, господин, а то замерзнешь, — и Том накинул на плечи Рода плащ, который принес с собой, обмотав вокруг руки.

Заботливый жест, — подумал Род, искренне поблагодарив Большого Тома. Он был тронут верностью неуклюжего громилы, но, с другой стороны, понимал, что плащ стесняет его движения. А вдруг Том учел это?

— Не боишься, хозяин?

Род нахмурился, раздумывая над ответом.

— Пожалуй, нет, не боюсь. В конце концов, я никогда не слышал, чтобы баньши причинила кому-то вред. Она всего лишь, ну, предвещает смерть, понимаешь? Герольд Смерти и все такое прочее.

— И все же, я дивлюсь вашему бесстрашию. Вы даже не хотите идти под прикрытием тени от стены, хозяин?

Род задумался и посмотрел на полоску тени у зубцов.

— Нет, я всегда, если возможно, иду посередине дороги. Лучше шагать, высоко подняв голову, по освещенному пути, чем красться в тени по обочине.

Большой Том на миг умолк и посмотрел на тень.

— Однако, господин, — заметил он, человек порой вынужден пройти сквозь тьму.

Род с изумлением понял, что Тому подвластна аллегория. Неграмотный крестьянин, как же!

Он кивнул с самым серьезным видом, но выглядело это пошловски.

— Да, Большой Том. Бывают моменты, когда человек вынужден выбрать ту или иную сторону дороги. Но лично я оказываюсь на обочинах лишь в случае крайней необходимости. Я предпочитаю свет. — Он ухмыльнулся. — Это хорошая защита от духов.

— Духов! — фыркнул Том, и в его ухмылке уже не было прежней искренности.

Затем он насупился и отвернулся.

— И все же, хозяин, я дивлюсь, что вы выбрали середину дороги, ибо в этом случае могут напасть с обеих сторон. Более того, трудно определить, правой или левой стороны придерживается идущий.

— Верно, — согласился Род, — но ясно одно — он выбрал середину. А что касается нападения, если дорога сделана на славу, то осевая линия — самая высокая ее часть. Мостовая снижается к обочинам, которые могут оказаться неустойчивыми и уйти у тебя из-под ног. Человек, идущий по середине дороги, видит, откуда нападает противник — под его ногами твердая почва. А обочина — предательское место. Разумеется, середина дороги — это открытая позиция. Вот почему лишь немногие отваживаются идти по ней.

Секунду они шли молча, затем Род сказал:

— Ты когда-нибудь слышал о диалектическом материализме, Том?

— Ка-ак? — великан удивленно, почти испуганно, вскинул голову. Он отошел и энергично замотал головой, бормоча:

— Нет, нет, хозяин, нет, никогда!

Да уж, конечно, Большой Том, — подумал Род. Вслух же он сказал:

— Это философское течение Земли, Том. Его корни теряются в Темных Веках, но некоторые люди до сих пор верны ему.

— А что это такое «Земля»? — нахмурился здоровяк.

— Мечта, — вздохнул Род, — и миф.

— И вы среди тех, кто живет ею, хозяин?

Пораженный, Род поднял взгляд.

— Чем? Мечтой о Земле?

— Нет, этим диалек... каким волшебным словом вы его нарекли?

— А, диалектический материализм? — усмехнулся Род. — Нет, но я нахожу некоторые его концепции весьма полезными, идею синтеза, например. Ты знаешь, что такое синтез, Том?

— Нет, хозяин, — покачал головой Том, делая круглые глаза.

По крайней мере, удивление было непритворным. Том мог ожидать от Рода всего чего угодно, но только не изложения философских концепций.

— Это нечто среднее, — сказал Род. — Правая сторона дороги — теза, а левая — антитеза. Соедини их, и ты получишь синтез.

— Ага, — кивнул Большой Том.

Соображает на редкость быстро для тупого крестьянина, — отметил Род и продолжил:

— И теза и антитеза в чем-то неверны. Так что ты отбрасываешь их ложные части и объединяешь истинные, то есть берешь лучшее от них обеих, называешь результат синтезом, и вот в руках у тебя истина. Понимаешь?

Том насторожился. Он начал понимать, куда клонит Род.

— Следовательно, середина дороги и есть синтез. И, как всякая истина, она неудобна.

Род поднял взгляд. Перед ним возвышалась восточная башня. Они стояли в ее тени.

— Ладно, хватит философствовать. Пора приниматься за работу.

— О, боже, только бы баньши не валилась на нас! — простонал Большой Том.

— Не бойся, она приходит лишь раз в день, вечером, возвещая, что кто-то умрет в ближайшие двадцать четыре часа, — сказал Род. — Она не должна появиться раньше следующего вечера.

В тени зубцов неожиданно послышался шорох. Большой Том отпрыгнул назад, размахивая невесть откуда взявшимся ножом.

— Баньши!

Напряженно всматриваясь во тьму, Род тоже выхватил кинжал. Его глаза встретились с двумя красными точками у подножия башни. Род шагнул вперед, перекидывая нож из руки в руку.

— Назови себя, — прорыгал он, — или умри.

Визг, бросок, и огромная крыса пронеслась мимо него, скрывшись в густой тени у внутренней стены.

Большой Том вздохнул так, что чуть не упал.

— Бог хранит нас! Это всего лишь крыса.

— Да. — Род сунул кинжал в ножны, стараясь скрыть дрожь в руках.

— На стенах этого замка, должно быть, уйма крыс.

Большой Том снова выпрямился, оставаясь начеку.

— Но я что-то заметил, когда крыса кинулась на меня... — голос Рода звучал как бы издалека. Он встал на колени у внешней кромки стены и стал водить руками по камню. — Вот!

— Что там, хозяин? — обдало щеку Рода дыхание Большого Тома.

Род взял здоровяка за запястье и потянул его ладонь к своей находке. Том ахнул и отдернул руку.

— Оно холодное, — сказал он дрожащим голосом, — холодное и квадратное... оно укусило меня!

— Укусило? — Род нахмурился и провел пальцем по металлическому ящичку. Ощувив слабый укол тока, он убрал руку. Тот, кто собрал этот прибор, явно был полным дилетантом. Ящичек даже не заземлили.

Найти коробочку было проще простого, если знать, где искать. Она была из белого металла, примерно восемь дюймов в длину и два — в высоту, и имела такую форму, что ее края плотно прилегали к камню, который находился на полпути между двумя зубцами. Хотя, если пораскинуть мозгами, заземлением пренебрегли специально, дабы отпугнуть любопытных.

Род достал кинжал и, радуясь, что ручка изолирована, осторожно открыл переднюю панель. Он разглядел серебристые контакты печатных плат и плоские квадраты микросхем, но вся схема была размером с ноготь его большого пальца!

Род был поражен. Кто бы там ни создал это устройство, он разбирался в микроэлектронике лучше, чем инженеры его родной планеты.

Ага, оставшееся пространство занимал какой-то ювелирно изготовленный механизм, назначение которого Роду было абсолютно не известно.

Он осмотрел крышку ящичка. В ее центр была вделана круглая пластина из прозрачного материала. Род нахмурился. Он ни разу не сталкивался с чем-то подобным. Скорее всего, это устройство было составной частью управляемой на расстоянии системы, но где тогда ее механическая часть?

— Хозяин, что это?

— Не знаю, — буркнул Род. — Но мне почему-то кажется, что оно имеет какое-то отношение к баньши.

Он ткнул внутрь прибора своим кинжалом, пытаясь обнаружить движущуюся часть. Род знал, что поступает безрассудно. В данный прибор вполне могла быть встроена схема самоуничтожения, способная забросить этот кусок стены чуть ли не на солнце.

Наконец, кончик кинжала нащупал что-то, машина щелкнула, и раздался звук предельно высокой частоты.

— Прочь, хозяин! — завопил Большой Том. — Она проклята!

Но Род застыл как вкопанный. По руке его побежал холодок: он боялся, что острие ножа может потерять замкнутый было контакт.

Из прозрачного окошка повалил дым, взвился футов на десять, затем стал медленно оседать. Меньше чем через минуту сформировалось маленькое густое облачко. Где-то невдалеке щелкнул второй приборчик, и с наружной стороны стены, поверх головы Рода, в облачко ударил яркий луч света, тут же превратившийся в веер.

— Баньши! — в ужасе взвыл Том. — Бегите, хозяин, спасайте свою жизнь!

Подняв взгляд, Род увидел баньши, которая возвышалась над ними футов на десять. Его окатило зловоние гнилых лохмотьев савана, прикрывающего прекрасное женское тело. Кроличий рот открылся, показывая длинные заостренные зубы. Загудел скрытый динамик — призрак был готов начать свои завывания.

Род приподнял нож на четверть дюйма — световой веер погас, звук механического генератора дыма тоже стих.

Род не шелохнулся, по-прежнему стоя на коленях и глядя вверх. Затем, очнувшись, он поднял крышку ящичка и поставил ее на место.

— Хозяин, — прошептал Большой Том. — Что это было?

— Заклинание, — ответил Род, — оно вызвало поддельную баньши.

Он стоял, барабанил пальцами по камню. Затем стукнул кулаком в стену.

— Ничего не поделаешь. Давай, Большой Том, держи меня за лодыжки.

Он лег лицом вниз меж двух массивных гранитных блоков, упершись коленями в генератор дыма.

— Что, хозяин?

— Держи меня за лодыжки, — повторил Род. — Я хочу осмотреть стену снаружи. А ты должен удерживать меня от падения в канал.

Том промолчал.

— Ну, давай же! — оглянулся через плечо Род. — Мы не можем торчать здесь всю ночь.

Большой Том медленно приблизился — большая неуклюжая фигура, едва различимая во мраке тени. Его ручки сомкнулись на лодыжках Рода.

Тот полез вперед, пока его голова не свесилась со стены.

Там, прямо у него под подбородком, находился маленький квадратный ящичек с короткой трубкой — миниатюрный проектор, передававший заранее записанное изображение баньши на облако дыма, которое создавало впечатление объемности образа. И крайне компактный проектор, и движущийся экран управлялись на расстоянии. Но откуда?

Род изогнул шею. Однако он видел лишь серый камень, и больше ничего.

— Хватайся крепче, Большой Том, — сказал он и пополз вперед, надеясь, что не ошибся в здоровяке-крестьянине.

Когда гранитный край стены уперся ему в пряжку ремня, Род остановился. Верхняя часть его тела свободно свисала со стены замка, не имея под собой никакой опоры, а далеко внизу темнел ров.

Он посмотрел вниз.

— М-да, до земли было далеко. А что будет, если он не раскусил Большого Тома? Что, если вопреки его ожиданиям, он выпустит ноги Рода?

Ну, в таком случае, Векс отправит доклад в штаб-квартиру ПОИСКА, и они пришлют другого агента. Нет причин для беспокойства.

Кончай с этими побыстрей, парень. Род стал пристально изучать стену под собой.

Ага, вот, как раз под проектором, глубокая серебристая чаша, утопленная в стену — гиперболическая антенна. Почему гиперболическая? — спросил он себя. Да потому, что тогда длина волны радиоимпульса, включающего проекционный механизм, крайне мала и его нельзя засечь за пределами прямой линии, соединяющей приемное и передающее устройства. Словом, если хочешь обнаружить передающую антенну, смотри вдоль оси приемной. Учтя поправку на параллакс, он проследил взглядом направление

луча, и тот уперся прямехонько в бесформенную грудку базальта, которая носила имя Дома Кловиса.

Ошарашенный своим открытием, Род какое-то мгновение просто пялился на него. Значит, все-таки, виновны не советники.

Затем он вспомнил попытку Дюрера отравить Королеву за завтраком и поправился: советники не всегда виновны. И, если поразмыслить, этот трюк с жаровней куда легче повернуть слуге, чем советнику.

Тут его раздумья были внезапно прерваны — руки Большого Тома задрожали у него на лодыжках.

Черт возьми, мой вес не так уж велик, — подумал Род, но тут же пополз обратно.

Ему показалось, что он услышал вздох облегчения, когда Большой Том втащил его на стену. Род поднялся и повернулся к Тому. По лицу здоровяка струился пот, его физиономия по цвету весьма напоминала воду из отхожего стока, а нижняя губа мелко дрожала, когда он со свистом втягивал в себя воздух.

Род, казалось, целую вечность смотрел, не говоря ни слова, в глаза великану, а затем пробормотал:

— Спасибо..

Том еще миг выдерживал взгляд Рода, а потом отвернулся и пошел прочь. Род пошел за ним.

Они были на полпути к лестнице, когда Большой Том спросил:

— И вы знаете, кто наслал эти чары, хозяин?

Род кивнул:

— Дом Кловиса.

Их сапоги гулко стучали по камню.

— Почему вы не разрушили их заклятие?

Род пожал плечами.

— Оно исправно предупреждает нас о том, что Королева в опасности.

— Тогда кому вы расскажете о нем?

Род посмотрел на звезды.

— Своему коню, — медленно ответил он.

— Коню? — нахмурился Большой Том.

— Да, своему коню. И никому больше, пока не пойму Туан Логайр за Королеву или против нее.

— Ага, — казалось, великан был удовлетворен ответом.

Авторитет Большого Тома резко вырос в глазах Рода. Несомненно, Том знал о том, что здесь происходит, куда больше его самого.

В молчании они дошли до винтовой лестницы.

— Вы были этой ночью на волоске от смерти, хозяин.

— Ну, я так не думаю. — Род скрестил руки на груди и прислонился к стене. — Это была всего лишь поддельная баньши, и нам ничего не угрожает. К тому же я знаю заклинание, которое избавило бы нас даже от настоящей баньши.

— Я не это имел в виду, хозяин.

— Я знаю. — Род посмотрел Тому прямо в глаза.

Затем он повернулся и начал спускаться по лестнице.

Род преодолел шесть ступенек, прежде чем сообразил, что Большой Том не идет за ним следом. Он оглянулся через плечо.

Том глядел на него, открыв рот от удивления. Через мгновение он взял себя в руки.

— Вы знали об опасности, хозяин?

— Да, знал.

Том кивнул, затем посмотрел на ступени лестницы и начал спускаться.

— Хозяин, — произнес он, когда они прошли первую площадку, — вы либо бесконечно храбрый человек, либо глупец, каких не видел свет.

— Возможно, я и то, и другое, — сказал Род, не сводя глаз с освещенной факелами лестницы.

— Когда вы об этом догадались, вам следовало сразу же убить меня, — почти выкрикнул Том.

Род покачал головой, не говоря ни слова.

— Почему не убил? — рявкнул Том.

Род запрокинул голову и вздохнул.

— Давным-давно, Том, далеко-далеко отсюда... Господи, как далеко!

— Сейчас не время для сказок!

— Это не сказка, а легенда. И кто знает, может именно так все и было. Король по имени Хидеюши правил страной, которую звали Япония, а самого могущественного герцога этого королевства звали Иеясу.

— И герцог захотел стать королем.

— Чувствуется, ты знаком с правилами игры. Но Хидеюши не хотел убивать Иеясу.

— Он был дураком, — пробурчал Том.

— Нет, он нуждался в поддержке Иеясу. Поэтому он пригласил герцога прогуляться вместе с ним в саду, вдвоем, без свидетелей.

Том остановился и повернулся к Роду. Его глаза сверкали в свете факелов.

— И они подрались.

Род покачал головой.

— Хидеюши пожаловался на старость и слабость и попросил Иеясу понести его меч.

Том замер.

Затем он облизнул губы, сглотнул и быстро кивнул.

— Ага. И что случилось?

— Ничего. Они поговорили, потом Иеясу снова отдал Хидеюши меч, и они вернулись в замок.

— И..?

— Иеясу был верен, пока старик не умер.

Том прикрыл глаза, его лицо казалось вырубленным из дерева.

Он кивнул, стиснул губы.

— Рассчитанный риск.

— Весьма изощренный язык для крестьянина.

Том зарычал и пошел прочь. Род постоял немного, глядя ему вслед, затем улыбнулся и пошел следом.

Они были уже недалеко от караульной комнаты, когда Большой Том положил руку на плечо Рода. Тот повернулся к великану лицом.

— Кто ты? — прорычал Том.

Род улыбнулся краем рта.

— Ты спрашиваешь, на кого я работаю? Только на себя, Большой Том.

— Нет, — покачал головой здоровяк. — Я тебе не верю. Но я имел в виду не это.

Род поднял бровь.

— Вот как?

— Да. Я хочу знать кто ты, что за человек?

Род нахмурился.

— Во мне нет ничего необычного.

— Нет, есть. Ты не убьешь крестьянина между делом.

— Да-а? — уставился на него Род. Затем поджал губы. — И что, это не в порядке вещей?

— Естественно. И ты заступаешься за своего слугу, доверяешь ему. Разговариваешь с ним, а не просто отдаешь приказы. Кто ты, Род Галлоугласс?

Род покачал головой и, глухо рассмеявшись, развел в замешательстве руками.

— Человек. Просто человек.

Том долго глядел ему в глаза.

— Да, это так, — произнес он. — Я получил ответ.

Он повернулся к двери караульной и распахнул ее.

— Господин Галлоугласс, — сказал паж. — Вас зовет Королева.

Одно из ценнейших и в тоже время наименее дорогих сокровищ мира — это ложная заря. Мир лежит, дожидаясь восхода солнца, наполненный прохладой, свежестью и переливами птичьих трелей.

Большой Том глубоко вдохнул утренний воздух, почувствовав, что наполняется чистотой, которой никогда не знал.

— Эх, хозяин! — бросил он через плечо. — Вот подходящий мир для человека!

Род слабо улыбнулся в ответ. Том отвернулся и поскакал впереди Рода, напевая что-то бравурное, с воодушевлением, хоть и немного не в тон.

К несчастью, Род был не в состоянии по достоинству оценить красоты рассвета, поскольку за последние двое суток он урвал для сна лишь три часа.

И потом еще эта встреча с Катариной.

Беседа была краткой и холодной. Она приняла Рода в комнате для аудиенций, но так ни разу и не взглянула на него, уставившись на пламя очага. На лице ее застыла бесстрастная маска, губы были сжаты в струнку.

— Я беспокоюсь за моего дядю Логайра, — сказала она. — В его окружении есть люди, которые будут очень рады, если его старший сын станет герцогом.

Род ответил ей так же жестко и формально.

— Если он умрет, вы потеряете своего самого могущественного друга.

— Я потеряю дорогого мне человека, — отрезала она. — Я не стремлюсь к дружбе с лордами, но волнуюсь за моего дядю.

И она, — размышлял Род, — скорее всего говорит правду. Это делает ей честь, как женщине, но наносит ущерб, как правительнице.

— Вы сегодня же отправитесь на юг в замок Логайра, — подвела она итог, — и проследите, чтобы он был цел и невредим.

Вот и все, если не считать крайне формального прощания. Черт ли сладит с отвергнутой женщиной, — подумал Род. Она отослала подальше своего самого опытного телохранителя.

— Векс?

Конь повернул голову, чтобы взглянуть на всадника.

— Векс, я, несомненно, самый большой олух на свете.

— Ты великий человек, Род, из семьи великих людей.

— О, да, как я велик! Предполагается, что я нахожусь тут, чтобы привести это королевство к конституционной монархии, но пока я не спеша направляюсь на юг, советники препятствуют моей попытке ввести конституцию, а Дом Кловиса вот-вот убьет монарха!

И вот я скачу на юг вместе со слугой, который, вероятно, с радостью воткнет мне нож в спину, как только его чувство долга хоть на полминуты возьмет верх над совестью.

И чего я добился? Я выяснил, что здесь кишмя кишат призраки, ведьмы и тьма других чудовищ, существование которых противоречит всем законам природы. Я вызвал у тебя пять или шесть припадков, но последний каплей было то, что прекрасная женщина предложила мне себя, а я отказался! О, я так велик, что дальше некуда! Если бы я был чуточку пошустрее, я бы уже обтяпал это дельце! Векс, а не лучше ли мне просто сдаться?

Робот начал тихонько напевать:

«Я человек постоянной печали,
Видел лишь горести все мои дни...»

А-а, заткнись.

Часть II

ВЕДЬМА НИЗШЕГО СОСЛОВИЯ

Рассвет застал их среди лугов, наполовину скошенных и тяжелых от росы. Род с пригорка оглядывал окрестности. Перед ним раскинулись обработанные поля и аккуратно подстриженные живые изгороди, беспорядочно разбросанные рожицы деревьев, темнеющие на фоне восходящего солнца.

— Большой Том!

Том оглянулся, повернувшись в седле, и натянул поводья, когда увидел, что Род остановился.

— Завтрак! — кивнул Род, спешившись. Он отвел Векса в сторону от дороги к поросшей дроком скале. Том пожал плечами и повернул своего жеребца.

Покуда Том стреножил коня и справил его пастись, Род развел костер. Здоровяк изумленно уставился на Рода, когда тот достал сковородку и кофейник, затем недоумевающе покачал головой и, отойдя в сторону, расчистил себе место для сидения чуть ниже по склону. Он втянул в себя аромат жарящейся ветчины, вздохнул и достал пригоршню сухарей.

Род поднял взгляд и нахмурился, когда увидел, что Том сидит на влажной траве, жуя сухарь и запивая его элем.

— Эй! — крикнул он.

Том повернулся, закашлялся и поднял голову.

— Да, хозяин?

— Разве моя пища недостаточно хороша для тебя?

Том, разинув рот, уставился на него.

— Брось, иди сюда! — нетерпеливо махнул Род. — И захвати с собой эти сухари. Они хорошо пойдут, если их поджарить в жире.

Большой Том несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот, затем неопределенно кивнул и встал.

Вода закипела. Род приподнял крышку кофейника и бросил вовнутрь щепотку молотого кофе. Затем он поднял взгляд на Большого Тома, который, насупившись, подошел к костру.

Род поморщился.

— Ну, чего ты уставился? Неужто в первый раз видишь походный костер?

— Вы предложили мне разделить с вами трапезу, хозяин?

— Разве это чудо из чудес? — изумился Род. — Лучше дай-ка мне хлебнуть эля. Дорога-то становится пыльной.

Том кивнул и, не отрывая глаз от Рода, протянул ему флягу. Род сделал глоток, поднял взгляд и нахмурился.

— В чем дело? Никогда не видел, как человек пьет? Я что, какое-то чудовище?

Том закрыл рот, но глаза выдавали напряженную работу мысли. Он улыбнулся, затем рассмеялся и присел на камень.

— Нет, хозяин, нет. Вы на редкость хороший человек, вот и все. Да, вот и все!

Род нахмурился.

— Что же в этом такого необычного?

Том бросил два сухаря на сковородку и усмехнулся, посмотрев на Рода.

— В этой стране, хозяин, дворянин не станет есть со своим слугой.

— Ах, вот в чем дело! — отмахнулся Род. — Здесь, на дороге, только мы с тобой, Большой Том. Я не обращаю внимания на такую чепуху.

— Ага, — хихикнул Том. — Я же говорил, что Вы необычный человек.

— И на редкость глупый, да? — Род положил два ломтя ветчины на деревянные блюда. — Полагаю, мы будем есть ножами, Том. Начинай.

Ели они молча. Род — уставившись в свою тарелку, а Том — откинувшись назад и не отрывая взгляда от раскинувшегося перед ними пейзажа.

Они находились в горловине небольшой долины, которая служила ловушкой для солнечных лучей. Солнце пряталось за живыми изгородями, золотя туман.

Том усмехнулся, дожевывая, и ткнул пальцем в сторону долины.

— Там конец радуги, хозяин.

— Гм? — скинул голову Род. И кисло улыбнулся. В конце концов, это было единственное золото, на которое он мог когда-либо рассчитывать.

Том оглушительно рыгнул и поковырял ножом в зубах.

— Золотистый туман, хозяин, а в нем, возможно, золотистые девушки.

Род судорожно сглотнул и возразил:

— О, нет! Никакой гульбы на стороне во время этой поездки, Большой Том! Мы должны попасть на Юг, и сделать это как можно быстрее!

— Эх, хозяин! — протестуяще взывал Том. — Что случится, если мы задержимся на часок-другой? И кроме того... — Он подался вперед и, ухмыляясь, ткнул Рода под ребра. — Голову даю на отсечение, что вы хозяин, превзойдете меня. Сколько девок может обслужить чародей, а? Эй, в чем дело?

Род засопел и ударил себя в грудь.

— Просто кусок сухаря повздорил с моим желудком. Том, я в последний раз вежливо повторяю — я не чародей!

— Конечно, хозяин, само собой! — сказал Большой Том, улыбнувшись во весь рот. — Можете быть уверены, вы крайне паршивый лжец, впрочем, как и палач.

Род нахмурился.

— Я не убил ни единого человека за все время, что нахожусь здесь.

— Ну, именно это я и имел в виду.

— А-а, — Род повернулся и посмотрел на поля. — Ну, Том, ты вполне можешь добавить искусство любовника в список тех дел, в которых я не силен.

Здоровяк выпрямился, нахмурил брови и попытался заглянуть Роду в глаза.

— Мне кажется, он и впрямь не шутит?

— Уж будь уверен.

Том откинулся назад и, уставившись на своего хозяина, принялся подбрасывать кинжал, ловя его то за рукоять, то за острие.

— Да, вы режете правду-матку. — Он подался вперед, глядя на Рода. — И поэтому я осмелюсь дать вам совет.

Род усмехнулся.

— Ну что ж, просвети меня. Расскажи мне, как это делается.

— Нет, — поднял ладонь Том. — Ни капельки не сомневаюсь, что вы сами все прекрасно знаете. Но я должен предупредить вас насчет этих крестьянок, хозяин.

— Вот как?

— Да. Они... — лицо Тома расплылось в улыбке. — О, они великолепны, хозяин, хотя и простоваты. Но... — он вновь нахмурился. — ...никогда не подавайте им ни малейшей надежды.

Род тоже нахмурился.

— Почему бы и нет?

— Это будет вашей погибелью. Вы можете спокойно любиться с ними, хозяин, но только один раз. Потом вы должны, как можно быстрее оставить их, и никогда не оглядываться.

— Почему? Я превращусь в соляной столб?

— Нет, вы превратитесь в мужа. Ибо стоит дать им хотя бы тень надежды, хозяин, как эти деревенские девки вцепятся в вас хуже пиявок, и никогда от них не избавиться.

— Стану я еще беспокоиться об этом! — фыркнул Род. — Давай, допивай свой кофе и по коням.

Они погасили костер, упаковались и поскакали прямо в червленно-золотой туман.

Проехав, наверное, ярдов триста, они слышали звонкие голоса, приветствующие их.

Род огляделся, насторожившись.

На одном из полей, у подножия стога сена стояли и махали им две рослые крестьянские девушки с вилами в руках.

Глаза Большого Тома так и впились в них.

— Эй, хозяин! Хорошенькие маленькие кошечки, не правда ли?

— Действительно хорошенькие, — вынужден был признать Род — ...хотя, кто угодно, но не малютки. На них были свободные блузки и широкие юбки, нисколько не скрывающие высокую грудь и полные бедра. Девушки подоткнули юбки выше колен, чтобы не намочить их в росе.

Они призывно махали путникам, вызывая хихикая. Одна из них положила руки на бедра и игриво повела тазом.

Большой Том глубоко вздохнул и выпучил глаза.

— Эх, хозяин, — взмолился он. — Неужто мы так спешим?

Род крикнул, закатил глаза к небу и покачал головой.

— Ну, мне будет крайне неприятно заставить их страдать от пренебрежения. Действуй, Большой Том.

Том с радостным воем пришпорил жеребца, перемахнул через канаву и понесся галопом по полю. Он спрыгнул с коня прежде, чем тот перешел на рысь, схватил в каждую руку по девушке, поднял их в воздух и закружился с ними.

Род медленно покачал головой, отсалютовал Большому Тому и его подругам, и отправился искать любой подходящий стог, где он мог бы спокойно уснуть.

— Род, — произнес тихий голос у него за ухом.

— Да, Векс?

— Твое поведение беспокоит меня, Род. Оно неестественно для здорового молодого мужчины.

— Ты не первый говоришь мне это, Галлоугласс. Но я последователен и не могу держать в сердце двух девушек.

Он обнаружил другой стог сена сразу за ближайшей изгородью. Род остановился в теничке и распряг Векса, который маскировки ради принялся щипать траву. Род вновь забрался на коня, спрыгнул с его спины на вершину стога и с блаженным стоном развалился на мягком душистом сене. Бодрящий запах свежескошенной травы кружил голову, возвращая Рода в детство, на поля поместья его отца в пору сенокоса. Это был настоящий Эдем, без всяких там забот, которые постоянно одолевают тебя, приводя мысли в смятение. Вокруг одни только роботы.

Он наблюдал за проплывающими по небу золотистыми облаками и не заметил, как задремал.

Внезапно Род проснулся и замер, гадая, что его разбудило. Он мысленно прикинул, что же могло включить сигнал тревоги, прозвеневший в его подсознании.

Поблизости кто-то был.

Его глаза распахнулись, каждый мускул тела напрягся, готовый к схватке.

Род глядел прямо в низкий вырез платья.

Собрав в кулак всю силу воли, Род оторвал взгляд от приятного пасторального зрелища и увидел два больших глаза цвета морской волны, неотрывно смотрящих на него.

В этих бездонных колодцах, окруженных длинными ресницами, таилось беспокойство.

Наконец, в поле зрения попало то, что их окружало: изогнутые брови, усыпанный веснушками курносый нос, весьма широкий рот с полными красными губами, и все это — на округлом лице, обрамленном развевающимися длинными рыжими волосами.

Пухлые алые губки были надуты, а глаза — встревожены.

Род улыбнулся, зевнул и протянул:

— Доброе у-утро.

Надутые губки расплылись в робкой улыбке.

— Доброе утро, прекрасный дворянин.

Она сидела рядом с ним, опираясь на одну руку и глядя ему прямо в глаза.

— Почему вы спите здесь один, сэр, когда рядом с вами женщина, которая ждет вашего зова?

Роду показалось, что в него кто-то только что влил горькую настойку — его пронзила неприятная дрожь.

Он натянуто улыбнулся, стараясь не обидеть девушку.

— Спасибо, малышка, но я сегодня не в форме.

Она улыбнулась, но морщинка меж глаз не разгладилась.

— Благодарю вас за доброту, сэр, но я что-то не слишком верю вашим словам.

— Почему? — нахмурился Род. — В конце концов, может же мужчина быть не в игривом настроении.

Девушка едва слышно хихикнула.

— О, вообще-то может, милорд, но это крайне редко случается даже с крестьянином, не говоря уже о лорде.

— Я не лорд.

— Но уж, наверняка, дворянин. А значит, ты, безусловно, не должен страдать отсутствием интереса.

— Вот как? — поднял брови Род. — Почему же?

Она печально улыбнулась.

— Но, милорд, в отличие от крестьянина господину нечего бояться вынужденного брака.

Род вновь нахмурился и пристально взглянул на девушку. Он решил, что она немногим моложе его и ей где-то двадцать девять-тридцать. А для крестьянки быть в тридцать лет не замужем...

Он протянул руку.

— Подойди сюда, малышка.

На миг в ее глазах вспыхнул огонек надежды, но тут же погас, сменившись смирением. Она со вздохом упала на стог рядом с ним, перекатилась на бок и положила голову к нему на плечо.

— Надежда, — размышлял Род, явственно ощущая упругость прижавшихся к его боку груди и бедер. — Надежду смяли и отбросили прочь...

Он содрогнулся, и девушка озабоченно подняла голову.

— Замерз, милорд?

Род повернулся к ней и улыбнулся. Внезапно поднявшаяся волна нежности и благодарности комом встала у него в горле. Он крепко прижал девушку к себе и закрыл глаза, чтобы полнее ощу-

тить прикосновение ее тела. В голову ударил аромат, но не розового масла или сирени, а просто солено-сладкий запах женщины.

Он вдруг с удивлением осознал, что переполнявшая его боль ушла — боль, о существовании которой он и не подозревал, куда она не покинула его.

Девушка прильнула к Роду, уткнувшись лицом ему в шею и стиснув в кулачках ткань его камзола.

Постепенно он вновь расслабился, разомкнув свои объятия, и замер, стараясь ни о чем не думать и лишь жадно впитывал в себя окружающий его мир. Издалека доносились пение птиц, шепот ветра в живых изгородях и кронах деревьев. Где-то у него над ухом стрекотал в сене сверчок.

Она разомкнула свои объятия одновременно с ним. Ее руки и голова, лежащие на нем, словно налились свинцом.

Солнце слепило его даже сквозь веки. Он лежал, окунувшись в алое сияние, воспринимая мир слухом.

Послышался шорох, и ее тело отодвинулось от него — теперь девушка села. Она, должно быть, смотрит на него, в глазах застыла боль, нижняя губа дрожит, по щеке крадется слеза.

Его захлестнула жалость к ней, а затем — гнев на себя. Не ее вина, что сейчас он мечтал лишь о покое, а не о любви.

Он открыл глаза, перекатился на бок и хмуро посмотрел на нее.

Но в ее глазах не было боли — только глубокая симпатия и беспокойство.

Она робко поднесла пальцы к его щеке, не касаясь кожи. Он поймал ее руку, прижал ладонь к щеке и изумился, насколько кисть девушки меньше его собственной.

Он закрыл глаза, еще крепче стиснув ее руку.

Где-то вдали замычала корова, захихикал в ветвях ветер.

Она сказала очень нежным, низким голосом:

— Милорд, делайте со мной все, что захотите. Я ни о чем вас больше не прошу.

Я ни о чем вас больше не прошу... Любовь. Она должна ее получить, хотя бы на минуту, даже если вслед за ней тут же наступит расставание; даже если оглянувшись назад, она поймет, что это был лишь краткий миг вожделения, а не любовь. Даже если это принесет лишь боль и грусть, ей нужно дать любовь.

Он посмотрел девушке в глаза — в них блестели слезы.

Род вновь закрыл глаза, и перед его мысленным взором возникло лицо Катарины, а рядом — лицо Туана. Частица его сознания словно стояла поодаль и всматривалась в эти лица, отмечая,

как хорошо они выглядят вместе — прекрасная принцесса и храбрый молодой рыцарь.

Затем рядом с образом Туана появилось его собственное лицо. Сравни, — шептал внутренний голос, — сравни.

Руки Рода судорожно сжались, и он услышал, как крестьянка тихо вскрикнула от внезапной боли.

Он выпустил ее руку и посмотрел на девушку. И лицо Катарины всплыло рядом с ее лицом.

Род смотрел на них обеих. Одна хотела использовать его, другая — быть использованной им, и внезапно грудь его сдавила петля гнева — гнева на Катарину, за ее уверенность в своей всегдашней правоте и твердую решимость подчинить весь мир своей воле; и на эту крестьянскую девушку, за ее безмолвное обожание и глубокое смирение, за глубину ее теплоты и нежности. Душившая его петля гнева сжималась все туже и туже — гнева на собственную животную сущность, и вот его пальцы впились девушке в плечи, и он опрокинул ее на сено. Она ахнула от боли, тихо плача, пока его губы терзали ее уста. Пальцы Рода сжали челюсть девушки, мешая ей закрыть рот, а его язык с силой вонзился под ее язык. Его рука тискала тело девушки, пальцы глубоко вонзались в плоть, мучая и терзая, спускаясь все ниже и ниже.

Вдруг ее тело изогнулось от невыносимой боли, ногти впились ему в спину. Затем она высвободилась, ее грудь вздымалась от рыданий.

Гнев отступил, высвободив волну раскаяния.

Он перекатился на бок, освободив ее тело. Губы его внезапно стали нежными, теплыми и умоляющими, а руки — мягкими, ласкающими и утешающими.

Она судорожно вздохнула, тело ее вновь напряглось. Дурак, — раздался в его мозгу насмешливый голос. — Дурак! Ты же только еще сильней обижаешь ее!

Готовый со стыдом отвернуться, Род заглянул ей в глаза... и увидел в них пылающую животную страсть, умоляющую и требующую, затягивающую его в бушующий в ней безумный водоворот. Губы ее раскрылись — влажные, полные и темные, дрожащие и податливые, увлекающие все глубже и глубже в залитую ослепительным светом бездну, где не было ничего, кроме осязания.

Род приподнялся на локте и посмотрел на лежащую рядом обнаженную девушку, прикрытую одним лишь его плащом. Ткань обрисовывала контуры ее тела, и Род пожирал их глазами, упи-

ваясь этим зрелищем, стараясь запомнить все до мельчайших подробностей. Этот образ не должен был потускнеть в его памяти.

Он стал мягко и очень нежно ласкать ее. Она улыбнулась и что-то пробормотала, откинув голову набок.

Затем она вновь открыла глаза и искоса посмотрела на него. Ее губы были пухлыми и томными.

— У тебя изумрудные глаза, — прошептал Род.

Она грациозно потянулась, затем с легкой улыбкой на устах обвила руками шею Рода, притянула к себе и долго целовала его — медленно и немного сонно.

Род посмотрел ей в глаза, чувствуя себя полностью удовлетворенным и пребывающим в гармонии с окружающим миром. Пусть все вокруг катится к чертям!

Он снова приподнялся, не отрывая от нее глаз, затем медленно отвел взгляд и огляделся по сторонам: над ними нависала голубая арка неба, а вокруг по сему была разбросана в беспорядке одежда.

Род вновь опустил глаза. Для него сейчас весь мир замкнулся на ней одной, и он с безмерным удивлением понял, что ему нравится такое положение вещей. В его душе царил полный покой. Он чувствовал себя цельной личностью, находящейся в совершенной гармонии с окружающим миром, с жизнью и с Господом, но прежде всего — с ней.

Род задержал свою руку на прикрытой плащом выпуклости ее груди. Она закрыла глаза, что-то бормоча, затем, когда его рука стала ласкать ее, снова посмотрела на него. Вдруг ее улыбка растаяла и в глазах появилась тревога.

Она начала было что-то говорить, запнулась и почти испуганно спросила:

— Тебе хорошо, господин?

Он улыбнулся, пристально глядя на нее, затем закрыл глаза и медленно кивнул.

— Да, мне очень хорошо.

Он нагнулся и вновь поцеловал ее, медленно, осторожно, затем снова отстранился.

— Да, мне хорошо, просто невероятно хорошо. Я никогда в жизни так себя не чувствовал.

На ее лице опять вспыхнула мимолетная улыбка. Затем она отвела взгляд, посмотрела на свое тело, затем снова подняла глаза. В них застыл страх.

Он стиснул ее в объятиях и перекатился на спину. На миг тело девушки напряглось, затем снова расслабилось. Она издала тихий полукрик-полустон, уткнулась лицом в его плечо и замерла.

Род взглянул на ее роскошные волосы, разметанные по его груди, лениво улыбнулся и позволил глазам закрыться.

— Род, — прошептал у него за ухом голос Векса, и тот снова вернулся к реальности.

Он напрягся и щелкнул зубами, давая понять, что слышит.

— Большой Том уже оделся. Он идет к твоему стогу.

Род резко сел и, прищурившись, посмотрел на солнце. Оно было почти в зените. Время и расстояние вновь напомнили о себе.

— Ну, вернемся в этот бренный мир, — проворчал он и потянулся за своей одеждой.

— Милорд?

Она печально улыбнулась, в глазах ее застыла боль, которая постепенно сменилась покорностью и смирением.

— Память об этих минутах я сохраняю в своем сердце, господин, — прошептала она, распахнув глаза и прижимая плащ к груди.

Девушка робко молила о том, чего он не мог ей обещать с чистой совестью, ибо им никогда больше не суждено встретиться.

Тут до него дошло, что она ждет от него резкого отказа, думает, что он выбранит ее за дерзость — ведь она посмела предположить, что может рассчитывать на его благодарность.

Она понимала, что ее мольба принесет ей одну лишь боль, ибо женщина живет ради любви, а ей было уже почти тридцать, и жила она в стране, где девушки выходят замуж в пятнадцать. Она уже смирилась с тем, что ей не суждено влюбиться всерьез и придется довольствоваться теми жалкими крохами, которые она может собрать.

Сердце его потянулось к ней, побуждаемое угрызениями совести.

Поэтому он, конечно, сказал ей то, что мужчины обычно говорят женщинам, дабы успокоить их, и лишь позднее понял, что и в самом деле не солгал.

Он поцеловал ее и сказал:

— Детка, это было то, ради чего стоит жить.

Вскочив на коня, он обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на нее. Рядом с ним Большой Том весело махал рукой своим пассиям. Род вновь посмотрел ей в глаза и увидел там отчаяние, тень страха перед его отъездом и безмолвную, неистовую мольбу хотя бы о лучике надежды.

Том предупреждал, что нельзя даже оглянуться, но Род, вероятно, никогда больше не увидит этой девушки. Даже не ис-

корка — всего лишь отблеск надежды. Какой от этого может быть вред?

— Скажи, как тебя зовут, девушка?

Только искорка, но она зажгла пожар в ее глазах.

— Гвендилон меня зовут, господин.

Когда они свернули за поворот дороги, и девушки скрылись за холмом, Том вздохнул и сказал:

— Вы сделали слишком много, хозяин. Теперь вам от нее никогда не избавиться.

Одно можно сказать в пользу валяния на сене — оно настолько утомило Большого Тома, что он больше не пел. Скорее всего, Том все же насвистывал что-то себе под нос, но он скакал далеко впереди, и Род ничего не слышал.

Род ехал молча, поскольку не в силах был выкинуть из головы изумрудные глаза и волосы цвета пламени. Словом, он потихоньку клял это навязчивое видение, хотя в глубине души ему казалось, что проклятиям явно не хватает убежденности. Внутренний голос обвинял его в двуличности.

Род вынужден был с этим согласиться. Он все еще чувствовал неразрывную связь с мирозданием. В эту минуту он не смог бы разозлиться даже на собственного палача... И это его крайне беспокоило.

— Векс.

— Да, Род? — голос, казалось, звучал глуше, чем обычно.

— Векс, я чувствую себя как-то не так.

Векс помолчал, а затем спросил,

— А как ты себя чувствуешь, Род?

Векс произнес эту фразу с какой-то странной интонацией. Род подозрительно посмотрел на голову псевдожеребца.

— Векс, ты смеешься надо мной?

— Смеюсь?

— Да, смеешься. Ты слушал меня и посмеивался в бороду.

— Это тело не снабжено бородой.

— Кончай ломать комедию и отвечай на вопрос.

Издав звук, весьма похожий на вздох, робот сказал:

— Род, должен тебе напомнить, что я всего лишь машина, у меня нет эмоций. Я просто отмечаю противоречия.

— Ах, вот как! — прорычал Род. — Могу я спросить, какие?

— В данном случае, противоречие между тем, что человек чувствует в действительности и тем, в чем он пытается себя убедить.

Род поджал губы.

— И в чем же я пытаюсь себя убедить?

— В том, что ты и думать забыл про ту крестьянскую девушку.

— Ее зовут Гвендилон.

— Ну, про Гвендилон. Про любую другую женщину, если уж на то пошло. Тебе хочется верить в то, что ты управляешь своими эмоциями и больше никогда не испытываешь так называемую «любовь»!

— Спасибо, мне очень даже нравится любить.

— Но влюбиться по-настоящему — это совсем другое дело, — пробурчал робот.

— Черт возьми, я говорю о любви, а не о сексе.

— И я тоже.

Губы Рода сжались в струнку.

— Если ты имел в виду эмоциональное опьянение, то нет, я не влюблен. И мне этого ни чуточки не хочется. Если мое слово имеет хоть какой-то вес, я никогда больше не полюблю!

— Именно в это, как я уже говорил, тебе и хочется верить, — подвел итог робот.

Род стиснул зубы и подождал, пока пройдет приступ раздражения.

— Итак, в чем же истина?

— В том, что ты влюблен.

— Черт возьми, человек либо влюблен, либо нет, и уж ему-то лучше знать, что с ним происходит.

— Согласен, но он может быть не в силах признаться в этом даже самому себе.

— Слушай, — отрезал Род. — Я бывал когда-то влюблен и знаю, что это такое. Тогда... ну...

— Продолжай, — подбодрил его робот.

— Ну, тогда, — Род поднял голову и огляделся по сторонам, — ты знаешь, что мир существует, он реален, но тебе на это наплевать, потому что ты чувствуешь себя центром мироздания, его самой важной частью.

— Не испытывал ли ты недавно нечто подобное? — спросил Векс.

— Ну... да, черт возьми, — скривил рот Род.

— В присутствии Катарины?

Род впился взглядом в затылок коня, и его глаза сузились.

— Какого черта, а ты откуда это знаешь?

— Логика, Род. — В голосе робота чувствовалась некоторая надменность. — И только логика. А как ты себя чувствовал, когда был с Гвендилон?

— О... — Род расправил плечи и выпрямился в седле. — Великолепно, Векс. Мне никогда не было так хорошо. Мир стал чище, а я — моложе. Я ощутил такой прилив сил и ясность мысли, что просто не мог в это поверить. И мне это понравилось, хотя обычно чувствовал себя совсем иначе, когда бывал влюблен.

Род хмуро посмотрел на затылок Векса.

— Ну?

Робот молча скакал себе дальше.

— Язык проглотил?

— У меня нет языка, Род.

— Не увиливай.

Конь еще секунду помедлил, а затем сказал:

— Я ошибся, Род. Ты любишь, и любим, но не влюблен.

Род задумчиво уставился на дорогу.

— Это почему же, Векс?

Робот издал звук, похожий на вздох.

— В чем разница между этими двумя женщинами, Род?

— Ну... — Род пожевал щеку. — Гвендилон более человечна, то есть она — обыкновенная заурядная женщина, ну, а я — заурядный мужчина.

— А Катарина не такая?

— О, она принадлежит к тому типу женщин, которых я склонен ставить на пьедестал, за ними нельзя ухаживать, им можно только поклоняться...

— Но их нельзя любить, — подытожил робот. — Род, кто из этих двух женщин лучше, как человек?

— Э-э... Гвендилон.

— Обвинению нечего добавить, — закончил робот-конь.

Вотчина Логайров являла собой обширную равнину между горами и морем. С севера и с востока к ней подступали невысокие горы с округлыми вершинами, на юге она широким полуостровом врезалась в море, а на северо-западе ее возвышался отвесный утес, высотой футов в сто. Волны с ревом разбивались о его скалистую поверхность, а с другой стороны в долину стекал водопад. Длинная древняя река, причудливо извиваясь, несла свои воды по равнине, впадая в океан.

Вся равнина была покрыта заплатами полей и беспорядочно разбросанными по ним скоплениями хижин крестьян — подданных Логайра.

Том и Род стояли на опушке одного из горных лесов, откуда дорога с севера спускалась на равнину.

Род медленно повернул голову, окидывая взглядом всю местность.

— А где же замок? — спросил он.

— Там, за водопадом, хозяин.

Род резко обернулся и недоуменно уставился на Тома. Затем он проследил глазами, куда ведет дорога.

Она петляла по долине, кончаясь у подножия водопада. Там, где равнина упиралась в утес, в скале были высечены гигантские ворота, снабженные спускной решеткой и подъемным мостом через естественный ров, образованный излучиной реки. Лорды Логайры, строя себе дом, издырявили утес как швейцарский сыр.

Когда они спешили, Род задумчиво прищурился:

— Это, случаем, не дамба по обеим сторонам подъемного моста, Большой Том?

— Да, хозяин. И в ней, говорят, заложены пороховые заряды.

Род медленно кивнул.

— А перед спускной решеткой ворот небольшая ложбина. Так что если постучатся незваные гости, взрываешь плотину, и твою дверь укрывает тридцатифутовая толща воды. Очень ловко. Потом просто сидишь и пережидаеть осаду. Водопад дает вдоволь свежей воды, словом, беспокоиться надо лишь о пище.

— Говорят, в замке есть сады, — любезно сообщил Большой Том. Род покачал головой в знак молчаливого одобрения.

— Итак, ты находишься там в полной безопасности, и у тебя хватает припасов, чтобы пережить десятилетнюю осаду. Этот замок хоть раз был захвачен?

Великан отрицательно мотнул головой и ухмыльнулся.

— Ни разу, хозяин.

— Интересно, вероятно старикан, построивший этот замок, был малость параноиком. Надо полагать, у них там найдется комната для двух усталых путников. Верно?

Большой Том поджал губы.

— Да, хозяин, если эти путники — вельможи. Логайры славятся своим гостеприимством. Что же касается меня и даже вас, хозяин, ибо вы всего лишь сквайр, то нам место в домике для прислуги.

Какая-то тень на миг закрыла солнце. Род, прищурившись, посмотрел на небо.

— Опять эта проклятая птица. Неужто она не понимает, что мы слишком велики для ее завтрака?

Он снял с плеча арбалет и, натянул его, прицелился.

— Не надо, хозяин, — поднял руку Большой Том. — Ты и так уже потратил на нее четыре стрелы.

— Просто мне не нравится, когда что-то преследует меня по воздуху. Подобные твари могут оказаться совсем не тем, чем кажутся на первый взгляд.

Том нахмурился, размышляя, что он хотел этим сказать. Род упер приклад в плечо.

— Кроме того, это уже становится традицией. Последние четверо суток я стабильно стреляю по ней раз в день.

Загудела тетива, и стрела взметнулась в небо. Однако птица в тот же миг взлетела еще выше. Стрела пронеслась там, где та только что была, поднялась еще футов на пятьдесят, достигла апогея своего полета и начала падать. Птица следила за ее падением, паря на несколько десятков футов выше.

Большой Том поднял бровь и скривился в ухмылке.

— Тебе никогда не попасть в нее, хозяин. Эта птаха понимает, что такое арбалет.

— Кажется, и впрямь понимает. — Род закинул оружие за спину. — Что за страна! Здесь под каждым деревом прячется эльф, а ястребы в небе тенью следуют за тобой.

— То не ястреб, хозяин, а скопа, — поправил Большой Том.

Род покачал головой.

— Она преследует нас уже третий день. Что делает питающаяся рыбой птица здесь, вдали от моря?

— Откуда мне знать? Но вы можете спросить у нее самой, хозяин.

— И я не слишком удивлюсь, если она мне ответит, — задумчиво произнес Род. — Ладно, мне кажется, она не причинит нам никакого вреда, а у нас в данный момент есть проблемы и поважнее. Мы приехали сюда, чтобы попасть в замок. Ты умеешь петь, Большой Том?

Тот опешил.

— Петь, хозяин?

— Да, петь, а, может, ты играешь на волынке или еще на чем-нибудь?

Том, нахмурившись, дернул себя за губу.

— Я могу извлекать какие-то звуки из пастушьего рожка, однако лишь умирающий назовет это «музыкой». Но что вам взбрело в голову, хозяин?

— Одна дурацкая затея. — Род расстегнул седельную сумку и вынул оттуда маленькую лютню. — Отныне — мы менестре-

ли. — Он вытащил из сумки альт и отдал его Тому. — Надеюсь, это напоминает твой рожок, и у тебя выйдет что-то сносное.

— Да, хозяин, очень похоже. Но...

— О, не беспокойся, они нас впустят. Провинциалы, как правило, варятся в собственном соку. Они жаждут услышать свежие новости и новые песни, а у менестрелей есть и то и другое. Ты знаешь «Свет Эддистоуна»?

— Нет, хозяин.

— Очень жалко, эта песня всегда пользуется успехом в портовых городах. Ладно, не стоит огорчаться. Я научу тебя по дороге.

Они тронулись в путь, распевая что-то такими дикими голосами, что скопа в ужасе закричала и взмыла вверх.

— Принесли свежие новости с Севера? — нетерпеливо спросил часовой. Род, вспомнив, что менестрели в средние века являлись кем-то вроде журналистов, ответил утвердительно.

Теперь они с Томом предстали перед собравшимися в одном зале двадцатью восемью вельможами, а также их женами и слугами. Здесь были люди самого разного возраста — от хорошеньких юных служанок до девяностолетнего графа Валлендри — и все с одинаковым нетерпением и голодным блеском в глазах приготовились слушать Рода, который при всем желании не мог им сообщить даже самой захудалой новости.

Ладно, неважно. Род их выдумает по ходу дела. Он не первый и не последний журналист, поступающий подобным образом.

Старый герцог Логайр сидел посреди комнаты в огромном дубовом кресле. Он, кажется, не узнал Рода. Но Дюрер-то, безусловно, узнал. Советник, сторбившись, выглядывал из-за левого плеча герцога, прожигая Рода полным ненависти взглядом. Однако разоблачение Рода не принесло бы ему никакой пользы, и Дюрер понимал это. Логайр все еще любил свою племянницу, хотя и был с ней не в ладах. Он принял бы Рода с почетом, так как тот спас ей жизнь.

Именно Логайр задал вопрос, ответ на который волновал всех собравшихся. Рассудив, что у герцога имелись сугубо личные причины интересоваться новостями о Доме Кловиса, Род ответил, что на Севере, как всегда, все спокойно. О, слухи ходят разные, и знаменья о Доме кое-кто видел, но все это одни лишь разговоры — пока.

Затем они с Томом, притопывая, запели «Свет Эддистоуна». На мгновение зрители опешили, затем на их лицах появились ухмылки, а руки стали выбирать ритм.

Большой Том, приободрившись, увеличил темп и завопил во все горло. Род старался не отставать от него, при этом внимательно всматриваясь в лица зрителей.

Старый герцог старался придать лицу неодобрительное выражение, но не слишком в этом преуспел. Позади его кресла, справа от Дюрера, стоял высокий молодой человек, которому было приблизительно столько же лет, сколько и Роду. Пока он слушал песню, его глаза блестели, а губы кривились в ухмылке, которая сменила выражение крайнего раздражения, жалости к себе и злости. Старший сын, — догадался Род, — сосредоточие слабостей и пороков, на которых мог играть Дюрер.

В толпе резко бросались в глаза лорды-вассалы Логайра: все они были шикарно одеты, и их сопровождали еще более шикарно одетые чучела — советники, молодчики Дюрера.

Род почему-то был твердо уверен в том, что любое предложение Дюрера будет единодушно одобрено всеми лордами Юга, кроме, возможно, самого Логайра.

А тот, несомненно, имел на один голос больше, чем все его вассалы, вместе взятые. Род вспомнил, как Логайр добровольно пообещал Катарине:

— Покуда я жив, Королеве не причинят никакого вреда. Покуда я жив...

Представление имело воистину ошеломляющий успех. Род сумел придать ему скорее фривольный, чем политический оттенок, балансируя на грани между рискованной шуткой и порнографией. Зрителям это очень понравилось. Род решил, что тугоухость была генетической доминантой на Грамарае. Он заметил также, что все служанки не сводили глаз с него и с Большого Тома. Род терялся в догадках, почему, однако, Большого Тома все это, казалось, нисколько не беспокоило.

Время от времени кто-то из советников задавал вопрос, от ответа на который не удавалось отвертеться, и тогда Род говорил так: ходят слухи, что Дом Кловиса вот-вот восстанет против Королевы. И в глазах советников вспыхивала безумная, жгучая радость.

Чем она вызвана, Род, по крайней мере, понимал. Революцию важно начать, контроль над ней можно установить и позже.

Это он понимал. Но когда, закончив представление, Род шел к сеновалу, который был временно предоставлен в их с Томом полное распоряжение, он никак не мог выбросить из головы выражение лиц служанок. Вот если девушки смотрели на Тома, Род прекрасно понимал, что они имели в виду. Он догадывался, что

к его приходу сеновал будет забит до отказа, так как Большой Том пошел туда первым.

Но подобный взгляд, брошенный на него самого, вряд ли означал то же самое, если только профессия менестреля не обладала куда большим престижем, чем он мог предположить.

Поэтому Род, в общем, был скорее смущен, чем удивлен, когда одна из служанок перехватила его, держа в руках кубок с вином.

— Смажьте ваше пересохшее горло, господин менестрель, — сверкая глазами, предложила она, протягивая ему чашу.

Он искоса взглянул на девушку и неохотно принял кубок. Но зачем обижать ее отказом, верно?

— Я, — тихонько произнесла она, — согрею вашу постель, если вам будет угодно.

Род, поперхнувшись, закашлялся и, опустив чашу, уставился на нее. Затем он оглядел служанку с головы до пят. Перед ним стояла пышная полногрудая девушка с большим страстным ртом — напоминающая Гвендилон.

Охваченный внезапным подозрением, Род присмотрелся к ней повнимательнее. Но нет, у этой служанки были слегка раскосые черные глаза и длинный прямой, а не курносый, нос. К тому же она была брюнеткой.

Он криво улыбнулся, допил вино и отдал кубок девушке.

— Спасибо, малышка, премного благодарен.

Показательно, — подумал он, — что она выбрала его, а не Большого Тома, хотя тот, безусловно, был привлекательнее как мужчина. Но Род явно обладал большим статусом. Все они шлюхи, — подумал он, — и эта не исключение — ей начхать с кем спать, главное, чтобы этот человек занимал более высокое положение в обществе, чем она сама.

— Спасибо, — повторил он, — но я проделал долгий путь и валюсь с ног от усталости.

Неплохая речь, — подумал он. — Лучше пусть она будет невысокого мнения о моей мужской силе, но, по крайней мере, отвяжется.

Служанка опустила глаза и закусила губу.

— Как вам угодно, добрый господин. — Она повернулась и пошла прочь, оставив Рода пялиться ей вслед.

Ну и ладно, хоть не пришлось долго отнекиваться. Если поразмыслить, он был слегка унижен, но не мелькнул ли огонек триумфа в ее глазах, не зажглась ли там искорка радости?

Род зашагал дальше, гадая, не ступил ли он ненароком на тропу учения Макиавелли.

Как Род и предполагал, дверь на сеновал была заперта. Громовой хохот Тома и последовавший за ним приглушенный женский визг укрепил Рода в его подозрениях.

Поэтому, философски пожав плечами, он закинул лютню на плечо и снова ступил на длинную винтовую лестницу. Он, без сомнения, с пользой проведет это время. Поскольку замок явно построил параноик, здесь однозначно имелись потайные ходы.

Род, насвистывая, шагал по главному коридору. Его гранитные стены были выкрашены охрой и украшены стоящими около них рыцарскими доспехами и беспорядочно развешанными гобеленами, некоторые из которых были настолько велики, что тянулись от пола до потолка. Род тщательно запомнил их местонахождение. Они легко могли скрывать потайные двери.

Главный коридор под прямым углом пересекали двенадцать коридоров поменьше. Когда он приблизился к седьмому, то заметил, что его шаги, кажется, отдавались эхом, причем весьма странным — на каждый шаг по два отражения. Он остановился, чтобы взглянуть на гобелен. Эхо шагнуло еще дважды и затихло. Краем глаза Род заметил мелькнувшее вдали разодетое чучело. И ему показалось, что узнал он Дюрера, хотя на периферийное зрение вряд ли можно было положиться.

Он отвернулся и зашагал дальше по коридору, насвистывая «Я и моя тень». Это вновь ожило.

Вообще-то, Род был довольно общительным человеком и не чурался шумных компаний. Но сто против одного, он едва ли узнает что-нибудь важное, если у него на хвосте будет сидеть Дюрер. Значит, ему следовало найти способ избавиться от своего тощего попутчика. Непростая задача, поскольку Дюрер наверняка изучил замок вдоль и поперек, а Род не знал его совсем.

Но девятый коридор, казалось, идеально подходил для намеченной цели — там царила крошечная тьма. Странно, — подумал Род, — во всех других коридорах через каждые пять-шесть шагов висел факел, а здесь же было темно, как в Карлсбаде до прихода туристов. На полу лежала толстым слоем пыль, на которой Род не увидел никаких следов. С потолка свисала густая паутина, по стенам стекали капельки влаги, орошая пятна лишайника.

И все же главной особенностью коридора была тьма. Он, несомненно, оставит за собой прелестную борозду в пыли, но темнота давала шанс нырнуть в какую-нибудь комнату или боковой коридор, да и Дюрер уже не сможет сказать, что им просто было по пути.

Род свернул в коридор, чихнул от поднятого им облака пыли и внезапно услышал за спиной торопливые шаги. В его плечо впились цепкие пальцы. Он повернулся лицом к человеку, готовый в любую секунду нанести удар.

Да, это был Дюрер, прожигающий Рода взглядом, в котором, как обычно, соседствовали ненависть и подозрение.

— Что ты тут ищешь? — прохрипел он.

Род стянул с плеча костлявую руку и прислонился спиной к стене.

— Ничего особенного, просто осматриваюсь. Раз уж я сейчас просто без дела болтаюсь, может спеть тебе песенку?

— Черт бы побрал твои кошачьи концерты! — рывкнул Дюрер. — И брось прикидываться менестрелем. Я знаю, кто ты есть на самом деле.

— Да? — поднял бровь Род. — А как ты узнал, что я ненастоящий менестрель?

— Я слышал, как ты поешь. А теперь ступай к себе, если у тебя здесь больше нет дел.

Род почесал нос.

— Э-э... насчет моей комнаты, — сказал он осторожно. — Мой товарищ, кажется, решил... э-э... что она подходит не только для ночлега. Словом я... уф... вроде как, понимаешь, оставлен на холодке.

— Разврат! — прошипел советник.

— Нет, я подозреваю, что Большой Том занимается этим в очень здоровой манере. А поскольку мне в данный момент негде остановиться, я подумал, что никто не станет возражать, если я прогуляюсь.

Дюрер взглянул на него так, словно прожег лучом лазера. Затем крайне неохотно отступил на шаг-другой.

— Верно, — сказал он. — Здесь нет никаких тайн, в которые ты мог бы сунуть свой нос.

Род сумел подавить порыв смеха, ограничив его судорожными конвульсиями мышц живота.

— Но разве ты не знаешь, — продолжало пугало, — что эта часть замка населена призраками?

Род вскинул брови.

— Да что ты говоришь! — Он дернул себя за нижнюю губу и пристально взглянул на Дюрера. — Ты, кажется, тщательно изучил замок.

Глаза Дюрера вспыхнули, как электрическая дуга.

— Здесь все об этом знают. Но я — Дюрер, советник герцога Логайра! Изучение замка — моя работа, а никак не твоя!

Однако Род уже повернулся к нему спиной, разглядывая темный коридор.

— Знаешь, — задумчиво произнес он, — я никогда раньше не видел призраков...

— Никто из нас не видел, а те, кто видел — умерли, не успев поведать нам об этом! Идти туда — поступок, достойный идиота!

Род обернулся, беззаботно смеясь.

— Ну, я стараюсь соответствовать вашему мнению. Кроме того, из встречи с призраками может получиться неплохая баллада.

Человек изумленно уставился на него. Затем лицо Дюрера скривилось в презрительной ухмылке, и он захихикал странным дребезжащим смехом, словно шарикоподшипник катили по ржавому железу.

— Ну и ступай, дурак! Мне давно следовало бы понять, что пойдешь ты туда или нет — все едино.

Род усмехнулся, пожал плечами и ступил в темный коридор.

— Секундочку! — крикнул Дюрер.

Род вздохнул и обернулся.

— Ну чего тебе теперь нужно?

— Прежде, чем ты отправишься навстречу смерти, — сказал Дюрер с лихорадочным блеском в глазах, — скажи мне: кто ты?

По спине Рода пробежал холодок. Этот человечек видел его насквозь.

Он прислонился к стене, всем своим видом излучая скуку.

— Менестрель, конечно, кто же еще?

— Нет, дурень! Неужели ты думаешь, что я настолько слеп? Ты — шпион!

Рука Рода скользнула к рукоятке кинжала. Он был сбалансирован для метания.

— Шпион Дома Кловиса! — взвыл Дюрер.

Опустив руку, Род с шумом выдохнул.

— Ты не угадал, малыш!

Дюрер нахмурился.

— Ты не из Дома? Но тогда... Нет, ты их шпион! Даже сейчас ты не хочешь в этом признаться!

Тут у Рода в голове словно раздался щелчок.

Он прислонился к стене и ухмыльнулся, скрестив руки на груди.

— Эй, почему ты так интересуешься Домом Кловиса, достойный советник? И с чего это Кловиса должно интересовать, что вы тут затеваете?

— Нет! — прошипел Дюрер, выпучив глаза. — Ты — дурак, если думаешь, что я отвечу на подобный вопрос... Эх! Черт бы побрал мой старческий мозг, не подумавший об этом! Ты — шпион Королевы!

Род шагнул к нему, вынимая кинжал. Его не слишком волновало, знает Дюрер, что Род — посланец Королевы, или нет, но он очень хотел получить ответ на свой вопрос.

— Я кое о чем спросил тебя, — спокойно произнес Род.

Глаза человечка наполнились ужасом. Он отскочил к противоположной стене.

— Стой! По моему зову сюда тотчас прибежит дюжина солдат.

Род насмешливо взглянул на него.

— Это тебе не слишком поможет, ибо к их приходу ты будешь мертв. — Он махнул рукой в сторону темного коридора. — К тому же, когда они прибегут, меня здесь, вероятно, уже не будет.

Человек в ужасе усталился на него и задрожал.

Однако Роду пришлось признать, что этот маленький ублюдок был не из робкого десятка. Хоть он и сипел, как цикада осенью, но, тем не менее, сохранил дар речи.

— Возможно... все именно так, как ты говоришь, и тебя послал не Дом Кловиса! И если ты действительно прибыл от Королевы, то добро пожаловать!

Род слегка повернул голову и искоса оценивающе взглянул на Дюрера.

— Я расскажу тебе все, что ты пожелаешь! — советник воздел руку в порыве энтузиазма. Глаза его лучились странным светом. — Да, я поведаю тебе обо всем, и даже назову день, когда мы двинемся в поход на столицу! Ты сможешь предупредить Королеву, и она выступит с войском на юг, чтобы встретить нас на полпути! Я расскажу тебе даже об этом!

Он прыгнул вперед, скрючив пальцы, словно когти.

— Только не ходи в этот коридор! Я не позволю умереть посланцу Королевы!

Лицо Рода окаменело.

— Нет. У вас там что-то спрятано, и у меня есть предчувствие, что это может оказаться важнее, чем дата начала восстания. Я думаю, мне стоит пойти и взглянуть.

Он повернулся и ступил в пыльный коридор.

Дюрер побежал за ним, воя:

— Нет, нет! Ты обязан доставить весть на Север! Не ходи, дурак!

Род не сбавил шага.

За его спиной Дюрер в гневе завизжал:

— Ну и иди навстречу смерти! Ты нам больше не нужен! Я сам предупрежу Север! Умри же, как дурак, коим ты и являешься!

Его визгливый истерический смех, эхом отражаясь от стен, надрывал перепонки Рода, пока тот уходил все дальше и дальше в затхлые, погруженные в кромешную тьму катакомбы замка Логайра.

Он свернул за угол, и смех стих вдали. С ним угасли и отблески света от факелов главного коридора. Здесь царила абсолютная тьма.

Род шел, покусывая губы, сквозь нее... Вероятно, этот человек и впрямь считал, что Род умрет... и, как ни странно, пытался отговорить его. Значит, Дюрер в самом деле хотел, чтобы Род предупредил Катарину о готовящемся восстании. Но почему советник вел двойную игру с заговорщиками?

Если только это была не тройная игра...

Кроме того, он, несомненно, что-то прятал в этих коридорах и, очевидно, боялся, что Род, обнаружив это, сумеет выбраться отсюда живым.

Однако советник не сомневался, что Род умрет, следовательно, существовала некая автоматическая защита, прикрывающая Большой Секрет Дюрера.

Если только, конечно...

Род встал, как вкопанный. До него вдруг дошло, что он не знает обратной дороги. Он смутно помнил, как несколько раз бессознательно поворачивал куда-то, но сколько раз и в какую сторону, он сказать не мог.

Род заметил, что голос его чуть дрожит, когда он прошептал:

— Векс...

— Да, Род, — немедленно отозвался у него за ухом невозмутимый голос. Род сразу успокоился.

— Векс, я нахожусь в части замка, населенной призраками.

— Призраками?

— Да. Такова ее репутация.

Возникла пауза, затем робот сказал:

— Род, анализ тембра твоего голоса показывает, что ты слегка боишься. Неужели ты веришь в привидения?

— Нет, не верю. Но вспомни, Векс... я ведь и в эльфов не верил, и в баньши, и...

— Эльфы, — уверенно сказал Векс, — это миф.

— Э-э, Векс...

— Да, Род.

— Но я видел немало эльфов с тех пор, как мы приземлились.

— Сверхившийся факт, — неохотно признал робот, — который я вынужден принимать во внимание. У меня пока не хватает данных, чтобы объяснить этот видимый конфликт с общеизвестными истинами.

— Ты ничем не лучше католика, — проворчал Род. — Но все это, по крайней мере, не вызывает у тебя больше припадки.

— Не-ет, — задумчиво протянул робот. — Первоначально эти данные вызывали у меня перегрузку, но затем я принял их к сведению.

— Покуда ты уверен, что существует рациональное объяснение?

— Вот именно.

— Итак, ты способен заняться практическими делами?

— Вполне.

— Так ты не сомневаешься, что тебе в конце концов удастся объяснить происходящее с научной точки зрения?

— Ты прав, как никогда, Род.

— Весьма смахивает на иезуитство, — буркнул Род. — Но все дело в том, что я и впрямь боюсь. И на то есть веские причины, Векс...

— Да, Род?

— Если на этой свихнувшейся планете есть эльфы, почему здесь не могут существовать привидения?

После некоторой паузы Векс признал:

— У меня нет данных, которые бы однозначно отметили эту гипотезу.

Вдруг стены коридора потряс стон — настолько глухой, что Род едва его расслышал, но в нем было столько муки, что он содрогнулся.

— Что это? — ахнул Род.

— Сложный пакет низкочастотных колебаний с высокой амплитудой.

— Благодарю вас, профессор. Каков их источник?

— Пока недостаточно данных для...

Стон раздался вновь, и появившееся в противоположном конце коридора облачко тумана с бездонными черными глазницами

и темным провалом рта кинулось прямо на Рода. Сперва оно было не больше булавочной головки, но мгновение спустя призрак уже возвышался над ним.

Род вскрикнул и распластался по стене. Страх связал узлом его внутренности, ледяной иглой пронзил мозг и железной хваткой сжал сердце. Он не мог двинуть ни рукой, ни ногой.

Раздался еще один стон, на полтона выше первого. Род бросил взгляд вправо: перед ним вырос еще один призрак.

Когда раздался третий стон, Род вытаращил глаза — над ним навис третий дух.

Три гигантских призрака взяли его в клещи, прижав к каменной стене. Их рты превратились в огромные буквы «О», ледяные костлявые пальцы тянулись к нему.

Сквозь охвативший мозг панический ужас пробиралась одна-единственная мысль: Векс не верил в привидения.

— Призраки! — закричал Род. — Призраки, Векс, призраки!

— Духи нематериальны, — прогудел робот, — даже если они и в самом деле существуют. Привидения не обладают ни массой, ни энергией и, следовательно, не способны причинить никакого вреда материальным объектам.

— Скажи это им! Скажи это им! — взвизгнул Род.

Сжимавшие его сердце клещи усилили свой захват. Род ахнул и закашлялся. Стальной обруч, сдавивший его грудь, не давал дышать, смыкаясь все теснее и теснее... Страх словно вобрал плоть и кровь, став каким-то ненавистным и смертельно опасным созданием. Страх парализовывал, страх убивал...

— Род, заткни уши.

Род попытался выполнить приказ робота, но не смог.

— Векс! — завизжал он. — Векс, я не могу шевельнуть рукой!

Низкий звук заполнил его череп, частично заглушив стоны. Звук перерос в монотонную фразу:

— Заткни уши.

И страх исчез, пропал... или, по крайней мере, почти пропал, превратившись в привычное посасывание под ложечкой. Род вновь обрел утраченную свободу движений. Он заткнул уши пальцами. Монотонный звук стал тише, и Род снова слышал приглушенные стоны духов. Страх опять подступил к горлу, но прежнего эффекта уже не было.

— Ты слышишь их, Род?

— Да, но теперь все не так худо: Что ты сделал, Векс?

— Ничего, Род. Их стоны вступают в резонанс на инфразвуковой частоте, вызывая у особой твоего вида парализующий страх.

— А-а.

— Вызывающий страх тон имеет определенную частоту пульсации, которая получается при наложении друг на друга инфразвуковых гармоник, стонов разной высоты.

— Словом, им надо собраться втроем, чтобы запугать меня?

— Совершенно верно, Род.

— Но, на самом деле, я их не боюсь. Они просто заставляют меня испытывать страх.

— И снова верно.

— Ну, слава богу. Я уж было испугался, что внезапно превратился в самого последнего труса.

— Все люди испытывают страх.

— Да, но только трусы поддаются ему.

— Ты преувеличиваешь, Род.

— А, черт с ней, с теорией! Прости, но я лучше проверю ее пока на практике.

Род с трудом заставил себя оторваться от стены. Он прошел прямо сквозь окруживших его духов. Стоны вдруг прекратились, и призраки исчезли, испустив разочарованный вой.

— Они смотались, — прохрипел Род.

— Естественно. Раз ты им оказался не по зубам, значит тебя следует бояться.

— Да-а-а, — выдохнул Род. Он встал, широко расставив ноги и уперев руки в боки, запрокинул голову и недобро усмехнулся. — Ну что, привидения! Поняли, наконец, кто здесь хозяин?

Некоторое время он стоял, вслушиваясь в раскаты эха, угасающего вдаль среди пустых коридоров. Его зычный голос звучал здесь солидно.

Откуда-то из непроглядной тьмы раздался жуткий замогильный стон:

— Уходи, смертный. Не тревожь нас в наших могилах. Мы, обитатели древних холодных коридоров, никому не желаем зла.

— Если не считать тех, кто приходит сюда, — отрезал Род. — Их вы убиваете, да и меня чуть не прикончили, придавив тяжким страхом.

— Редко, — простонал дух, — крайне редко. Только безумцев и глупцов.

— Даже если бы вы убили в своих коридорах лишь одного-единственного человека, и это было бы слишком много! — не унимался Род.

— Разве бы ты не убивал, защищая свой дом, Человек?

— Какие у тебя могут быть права на эти коридоры? — фыркнул Род.

Внезапно перед Родом вырос призрак и навис над ним.

— Некогда меня звали Горацио, первый герцог Логайрский, — в гнев прогремел он. — И этот замок построил никто иной, как я! Неужель у меня нет прав хотя бы на эти жалкие промозглые коридоры?

У Рода вдруг засосало под ложечкой, и он отступил на шаг. Но затем стиснул зубы и вернулся на прежнее место.

— Веский довод, — признал он. — И эти владения, как ни крути, по закону твои. Но сколько тебе пришлось убить, чтобы вновь обрести их?

— Ни единого человека. — Дух, казалось, был этим крайне разочарован. — Все в страхе бежали.

Род кивнул, по-иному взглянув на призрака. Несомненно, Горацио зазря не убивал, но если уж приходилось, он делал это с явным удовольствием...

— Я не хочу причинить тебе никакого вреда, Горацио, — усмехнулся Род. — Да и что я могу с тобой сделать, если даже захочу?

Дух вскинул голову, уставившись на Рода пустыми глазами.

— Разве ты не знаешь, смертный?

— Духам, как и всем сверхъестественным существам, — поспешно произнес у него за ухом голос Векса, — можно причинить боль холодным железом или серебром, в общем, любым металлом, обладающим хорошей проводимостью, хотя золото из-за его дороговизны, в этих целях практически не используется.

Призрак продолжал наступать на Рода. Тот сделал шаг назад и вытащил кинжал.

— А ну-ка, стой, — рявкнул он. — Помнишь о холодном железе?

— К тому же, — прошептал Векс, — ты знаешь секрет их силы и можешь привести сюда хоть целую армию солдат с затычками в ушах.

— К тому же, — сказал Род, — я знаю ваш секрет и могу привести сюда хоть целую армию солдат с затычками в ушах.

Дух замер, уголки его рта опустились.

— А я-то подумал, раз ты сказал, что не знаешь...

— Теперь знаю. И, будь любезен, сделай-ка шаг назад.

Дух нехотя отступил, простонав:

— Что за призрак стоит рядом с тобой и дает тебе советы?

Род осклабился в усмешке.

— Черный конь, сделанный из хладного железа. Он стоит в конюшне замка, но может разговаривать со мной.

— Этот конь-призрак предал мир духов! — взревел Горацио.

— Нет, — мрачно покачал головой Род. — Он совсем не призрак. Разве я не сказал, что конь сделан из хладного железа?

Дух замотал головой.

— Быть такого не может.

Род вздохнул.

— Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось вашим мудрецам. Но это так, к слову. Для тебя имеет значение лишь то, что я не собираюсь причинять вам никакого вреда. Я просто кое-что здесь ищу. Я найду это и уйду. Хорошо?

— Ты же хозяин. Зачем ты спрашиваешь нас? — с горечью сказал дух.

— Из вежливости, — объяснил Род. И тут в его мозгу мелькнула мысль. — Да, кстати, я — менестрель...

У духа отвисла челюсть. Затем он кинулся к Роду с распростертыми объятиями.

— Музыка! О, чарующие звуки музыки! Сыграй нам, Человек, и мы — в твоём полном распоряжении!

— Секундочку, — поднял руку Род. — Горацио Логайр, ты построил эти коридоры, и посему я прошу тебя поклясться, что я могу беспрепятственно ходить по ним. Дозволь мне это, и я сыграю для вас.

— Ты можешь ходить, где захочешь! — взревел дух. — Только сыграй нам, Человек!

— Чистая работа, — подумал Род. — Ловко же я спас его авторитет. В конце концов, зачем наживать себе лишних врагов?

Он поднял глаза, содрогнулся и в ужасе уставился на окружающую его сплошную стену духов, стоящих, по меньшей мере, в три ряда и смотревших на него так, как умирающие от голода глядят на блюдо со спагетти.

С трудом сглотнув, он снял с плеча лютню, вознеся при этом безмолвную молитву Господу за то, что не оставил ее на сеновале.

Он коснулся струн, и по рядам духов прокатился стон экстаза, словно принесенный полуночным ветром звон далеких погребальных колоколов.

Тут до Рода дошло, что сейчас самый подходящий момент для заключения сделки.

— Эй, лорд Горацио, не расскажешь ли ты мне за две песни, где находятся тайные ходы?

— Да, да! — нетерпеливо завизжал дух. — Замок — мои владения. Все, чем я владею, твое! Хоть целое королевство, если пожелаешь! Только сыграй нам, Человек! Мы уже тысячу лет не слышали звуков человеческой музыки! Сыграй, и весь мир будет у твоих ног!

Пальцы Рода прошлись по струнам, и духи задрожали, словно школьница во время первого поцелуя.

Он сыграл им «Зеленые рукава» и «Пьяный матрос» — самые древние из известных ему песен. Затем он, исполнив «Поддень призрака» и «Несчастливая мисс Бейль», собрался вдарить «Призрачные всадники в небе», но тут до него дошло, что привидениям вряд ли нравятся песни о духах. В конце концов, смертные рассказывают истории о привидениях, чтобы пощекотать себе нервы, следовательно, по аналогии, духам хочется услышать песни о скучной, обыденной жизни, о чем-то мирном и утешающем, навевающим воспоминания о зеленых лугах и журчащих ручейках, о мычащем стаде, медленно разворачивающимся в подветренную сторону.

Поэтому Род сыграл им все, что смог вспомнить из Шестой симфонии Бетховена, хотя ирландская лютня не слишком подходила для этого.

И вот последние аккорды стихли среди пустынных коридоров. Мгновение духи потрясенно молчали, затем по их рядам пробежал вздох благодарности и удовлетворения.

Рядом с Родом голос Горацио Логайра тихо произнес:

— Воистину, чарующее пение, — потом робко, — спой нам еще, Человек.

Род печально улыбнулся и покачал головой.

— Ночные часы летят быстро, милорд. А мне так много нужно успеть сделать до рассвета. Обещаю, что следующей ночью я приду и сыграю для вас снова, но сейчас мне пора идти.

— И верно, — кивнул, горестно вздыхая, Горацио. — Ну, ты поступил с нами честно, Человек, и сделал нам одолжение без принуждения к оному. Так неужто мы позволим гостю превзойти нас в благородстве? Нет, идем, я покажу тебе двери, ведущие к тайным ходам внутри стен этого замка, расскажу тебе о всех их изгибах и поворотах.

Все духи, кроме Горацио, исчезли с шорохом, напоминающим топот мышиных лапок по опавшим листьям. Горацио резко повернулся и полетел прочь. Род поспешил за ним.

Род на бегу считал шаги. Когда он добрался до пятидесяти, дух, пренебрегая силами инерции, резко свернул под прямым углом и пролетел сквозь дверной проем. Род предпринял отчаянную попытку совершить безынерционный поворот, но проскочил мимо, сумев лишь слегка пригормозить.

Гулкое эхо похожего на пещеру зала усилило голос духа.

— Это и в самом деле пещера, созданная Господом за много всков до меня. Воспользовавшись его даром, я обратил ее в огромный зал для пиршеств.

В пещере будто зашипели тысячи змей — это дух-патриарх испустил тяжкий вздох.

— Шумны и многолюдны были устраиваемые в сем огромном зале пиры. Прекрасны были девы и доблестны рыцари, — возвысил он голос. — Яркий свет, дивная музыка, сказания и саги, более жизненные, чем песни этого мира. Вино текло по усам моих придворных, а жизнь переполняла их, наполняя их уши своим биением!

— Зов жизни... — голос духа смолк. Его эхо растворилось среди холодных камней пещеры, и весь огромный зал застыл в молчании вечной ночи.

Где-то упала капля воды, разбив тишину на сотни осколков.

— Все прошло, о, смертный, — простонал дух. — Три десятка моих потомков правили после меня этими болотами, покуда не умирали и не приходили ко мне в эти пустынные коридоры. Исчезли, обратившись в прах под нашими ногами, все мои боевые товарищи и послушные девы.

По спине Рода пробежал холодок, и он невольно выпрямился, стараясь ступать как можно легче по ковру пыли, покрывавшей древнюю трапезную.

— А ныне! — голос духа зазвенел от страшного гнева. — Ныне другие правят этим замком — раса шакалов и гиен, разгуливающих в облике людей и оскверняющих останки моих старых товарищей.

Род наострил уши.

— О, что вы сказали, милорд? Кто-то отобрал у вас этот зал?

— Уродливые жалкие людишки! — взревел призрак.

— Раса низменных лишенных благородства трусов... А главный из них служит советником у отпрыска моего рода — герцога Логайра.

— Дюрер, — выдохнул Род.

— Да, именно так он зовет себя, — буркнул дух. — И это имя ему подходит, ибо сердце у него твердо, а душа — хрупка.

— Но запомни, Человек, — дух обратил к Роду свои бездонные глаза, и у того при виде углей, тлеющих в глубине глазниц, слегка зашевелились волосы на затылке.

— И запомни хорошенько, — добавил он, вытянув руку и тыча в Рода указательным пальцем, — что твердую ломкую сталь хорошее кованое железо сломает с одного удара. И так же эти злые пародии на род людской будут уничтожены настоящим Мужчиной!

Рука духа бессильно упала, плечи его обвисли, а голова поникла.

— Если бы, — простонал он, — если бы в эти черные дни хоть один из смертных мог по праву назвать себя мужчиной...

Род оторвал глаза от духа и медленно окинул взглядом огромный зал. Здесь было темно, как в желудке у мавра. Он моргнул и встряхнул головой, стараясь избавиться от чувства, что темнота давит ему на глаза.

— Милорд Логайр, — начал он, запнулся, затем начал снова. — Милорд Логайр, может, я как раз и явлюсь этим куском железа — в конце концов меня обзывали и похуже. Но чтобы сломить советников, я должен знать о них как можно больше. Поэтому скажи мне, чем они тут занимаются в этих залах?

— Колдовством, — буркнул дух, — черной магией! Боюсь, я едва ли могу поведать тебе что-то о ее сути...

— Ну, расскажи мне то, что знаешь, — не отставал Род. — Я с благодарностью выслушаю все, что ты мне сообщишь.

— Ты говоришь, словно поп, собирающий десятину. Тем не менее, я поведаю тебе о том, что знаю. Знай же, Человек, что эти уродливые людишки воздвигли себе здесь огромный алтарь из сверкающего металла. Это не сталь, не золото, не серебро — вообще ни один из известных мне металлов. Здесь, в центре моего зала, где некогда танцевали мои придворные!

— О! — поджал губы Род. — И как же они поклоняются этому алтарю?

— Как поклоняются? — поднял голову дух. — Да я поручусь, что они приносят себя в жертву, поскольку шагают внутрь этой гнусной поделки и исчезают бесследно. Но потом хлоп... и они снова тут, целые и невредимые! Я могу лишь предполагать, что они отдают свои жизненные соки демону, сидящему в этом сверкающем алтаре, ибо выходят они оттуда изможденными и дрожа-

щими. И в самом деле, — задумчиво произнес он, — отчего же еще эти людишки такие иссохшие?

У основания черепа Рода возникло легкое покалывание, которое сползло вниз по шее и разлилось по плечам.

— Я должен взглянуть на этот алтарь, милорд. — Он нащупал кинжал. — Давай-ка немного посветим!

— Нет! — резанул по барабанным перепонкам Рода визг призрака. Дух запульсировал, то съеживаясь, то вырастая в размерах, контуры его тела заколебались, словно пламя свечи.

— Уже ль ты хочешь уничтожить меня, Человек, и отправить страдать в еще более темное царство, чем сие?

Род помассировал загривок, пытаясь размять мышцы, сведенные судорогой после вопля духа.

— Прости меня, лорд Логайр, я запамятовал. Я не буду зажигать свой факел, но ты должен провести меня к этому странному алтарю, чтобы я мог увидеть его собственными глазами.

— Значит ты намереваешься поклоняться ему? — пустые глазницы злобеще покраснели.

— Нет, милорд, но я хочу узнать, что это за штука, дабы я мог одолеть ее, когда придет время.

Дух секунду помолчал, затем степенно кивнул и скользнул вперед — идем.

Род, вытянув руки вперед, спотыкаясь шел за ним, пока его ладони не уперлись во что-то твердое и холодное.

— Берегись, Человек, — проревел дух, — ибо здесь таятся темные силы.

Род медленно, дюйм за дюймом, двигался на ощупь вдоль металлической поверхности матово поблескивающей в слабом свете, исходящем от призрака. Затем его правая рука потеряла точку опоры. Пошарив, Род понял, что это угол, и попросил духа посветить поярче. Затем он ощупывал алтарь до тех пор, пока не определил, что дверь или, точнее, дверной проем имеет семь футов в высоту и три — в ширину.

— Что там внутри, милорд? — прошептал он.

— Это гроб, — простонал дух, — металлический гроб без крышки, поставленный на попа, и ты наткнулся на его открытую сторону.

Род гадал, что произойдет, если он шагнет в эту нишу, но, как ни странно, у него вдруг начисто пропало характерное для каждого подлинного ученого желание экспериментировать.

Он ощупал косяки дверного проема и наткнулся на круг, слегка выступающий над поверхностью металлического блока.

Проведя пальцами справа от дверного проема, он обнаружил множество кнопок, а также круглых и овальных циферблатов. Здесь поверхность машины была более гладкой и менее холодной, чем окружающий ее металл. Наверное, стекло, — решил Род, — или пластик. Он нашел пульт управления.

— Милорд Логайр, — тихо позвал он, — умоляю вас, подойдите ко мне, поскольку мне нужен свет.

Дух завис у него за спиной, и в его холодном свете Род сумел разглядеть ряд измерительных приборов, шкалу верньера и череду разноцветных кнопок.

Призрак спросил мягким, почти сочувственным тоном:

— Почему ты дрожишь, Человек?

— Холодно, — отрезал Род. — Милорд Логайр, боюсь, я вынужден согласиться с тем, что данный предмет выглядит зловеще. Я не знаю, что это за штука, но она явно опасна.

Дух утвердительно проревел:

— А то, что зловеще на вид, должно быть вдвойне неприятно в действии.

— Ну, вряд ли это прописная истина, — сдержанно ответил Род. — Однако, в данном случае, вы, возможно, и правы. Милорд, теперь некоторое время не обращайтесь, пожалуйста, внимание на мое бормотание — я должен прочесть заклинание, противодействующее чарам этой машины.

Он перешел на жаргон галактических матросов, и дух в замешательстве нахмурился.

— Векс, ты тут?

— Да, Род.

— Ты все слышал?

— Разумеется, Род.

— Гм. Ну, значит, э-э... эта штука похожа на огромный прямоугольный слиток металла, скажем... э-э... двадцать футов в длину, около десяти в высоту и приблизительно столько же в ширину. Впереди вырезана небольшая ниша, размером примерно с гроб.

— Очень удобно, — пробормотал робот.

— Пожалуйста, не мешай работать. Машина сделана из светлого металла с тусклым отливом, холодного, как лед. По крайней мере, в данный момент. Приборная панель приблизительно кубической формы... тут что-то вроде линейки со шкалой и движком.

— Как скалибрована шкала, Род?

— Похоже она логарифмическая, Векс. Арабские цифры. Нулевая точка находится примерно посередине правой половины

шкалы. Слева от нуля движок установлен на 10000, а справа... э-э... на 2.385. Ты слышал о чем-то подобном?

После некоторой паузы робот ответил:

— Занесено в память для анализа. Продолжай описание.

Род стиснул зубы. По-видимому, Векс, как и он сам, впервые столкнулся с чем-то подобным.

— Справа от линейки находится циферблат с кнопкой посередине. Начальная точка — на самой вершине, слева от нее — отрицательные числа, справа — положительные. По крайней мере, мне кажется, что это числа. Символ, расположенный на одно деление вправо от нейтрального положения, чем-то напоминает французское лекало или, быть может, свихнувшуюся синусоиду. Затем изображена какая-то штука, смахивающая на перевернутую грушу. Потом — парочка перечеркнутых окружностей. Последним с этой стороны идет знак вопроса. Там, где у часов цифра шесть, нарисован символ бесконечности. В левой части циферблата изображены те же самые значки, но с отрицательным знаком.

Робот что-то прогудел. Род узнал мелодию: «Sempre Libera» из «Травиаты». Векс был доволен собой.

— Занесено в память для анализа и сравнения. Продолжай описание.

— Ты так и не догадался, что это за символы, а?

— В математике нет ничего подобного, но если за ними кроются какие-то известные понятия, то я расшифрую их. Продолжай.

— Под линейной шкалой расположены в ряд семь выпуклых разноцветных кнопок. Здесь присутствуют следующие цвета... эй, так это же спектр!

— Так я и думал, — пробормотал робот. — Использование цветов спектра может означать произвольное задание параметров. Есть что-нибудь необычное в последовательности цветов?

— Ну, они слегка переливаются...

— Я понимаю под «необычным» нечто другое. Ладно, запишано, продолжай.

— Это все.

— Все? Только три прибора?

— Это все.

Робот замолк на секунду.

— И какой же ты можешь сделать вывод, Векс?

— Ну... — неуверенно сказал робот. — Система управления, похоже, сработана для непрофессионала.

— Это потому, что все так просто?

— Совершенно верно. Однако, у меня нет данных для...

— А, черт возьми, выскажи предположение! Пусть даже самое дикое!

— Род, кибернетический механизм не может гадать, так как это предполагает наличие интуиции...

— Так, в конце концов, экстраполируй из имеющихся данных!

Род услышал музыку, которую следовало бы назвать «Вариации на тему «Травиаты» в исполнении печального звукогенератора», и Векс сказал:

— Дробное число 2.385, учитывая его сочетание с цифрой 10000, кажется, указывает на дату.

— Э-э, что ты сказал?

— Цифру 10000, — повторил лекторским тоном Векс, — можно толковать по-разному, в том числе как описанный период истории человечества.

— Эй, минуточку, Векс! Даже я знаю, что письменность появилась не ранее 2000 года до нашей эры.

— Это просто чудо, Род, учитывая твоё упорное нежелание учиться, проявившееся с самого юного возраста.

— Ладно, ладно! Я был плохим мальчишкой, который не выполнял свои домашние задания! Сожалею! Раскаиваюсь! Только продолжай экстраполяцию, ладно?

Он услышал жужжание замыкающихся реле, которое всегда напоминало ему тихое хихикание, и Векс прочел ему лекцию:

— Можно сказать, что история человечества до развития письменности нашла отражение в таких передаваемых из уст в уста легендах и мифах, как например, «Сага о Гильгамеше». В подобных сказаниях освещены события, происшедшие примерно с 4000 года до нашей эры. Сложив эту цифру с текущим годом, получим 9432, что достаточно близко к цифре 10000, взятой нами за отправную точку.

— Гм-м, — закусил Род нижнюю губу. — Ну, если посмотреть на проблему под таким углом, то 2.385, мне кажется, является датой. И что из этого следует?

— Ну, вывод же очевиден, Род.

— Значит я — законченный идиот. Разжуй мне все.

Робот поколебался.

— Вероятность правильности данного заключения крайне низка...

— Я же просил высказать догадку, не так ли? Брось, выкладывай, что у тебя на уме.

— Согласно этой теории перед тобой, Род, устройство для передвижения во времени.

Род уставился на линейку.

— Ты хочешь сказать, что это машина времени?

Бегунок был передвинут вправо до упора, указывая на цифру 2.385.

— Помни, Род, вероятность того, что данная теория верна...

— Машина времени! — в мозгу у Рода царил полный хаос. — Значит, эти маленькие убудки явились сюда из будущего.

— Род, я уже предупреждал тебя о том, что ты склонен излишне верить недоказанным теориям.

Род небрежно встряхнул головой.

— О, не беспокойся, Векс. Это всего лишь догадка, вероятно, неверная. Я помню об этом.

Он отвернулся от панели управления. Глаза его горели.

— Машина времени! Кто бы мог подумать!

Слева от себя он вновь заметил слабое свечение. Над ним возвышался мрачный силуэт Горацио Логайра.

— Что это за магия, Человек?

Род нахмурился и снова повернулся к машине.

— Чуждая, милорд, и страшная. Я немного разбираюсь в... э-э... магии, но ни с чем подобным мне доселе сталкиваться не приходилось.

— И что же ты собираешься делать.

Род нахмурился, уставившись в пол, затем поднял глаза и мрачно ухмыльнулся.

— Пойду спать. И обдумывать то, что увидел.

— А когда ты уничтожишь эту игрушку Сатаны?

— Когда буду уверен, — пробормотал Род, снова повернувшись к машине, — что это чума, а не лекарство для этого погруженного в мрак мира.

Логайр нахмурился и еще больше помрачнел. Он словно разбух, став значительно выше и шире. Человек перед ним казался жалким карликом. У Рода возникло бредовое чувство, будто на него с ревом несется древний локомотив.

Голос духа звучал как раскаты отдаленного грома.

— Тогда я повелеваю тебе уничтожить этот дьявольский алтарь и его уродливых жрецов.

— У старикана, — решил Род, — определенно шарики за ролики заехали.

Меч духа молнией вылетел из ножен, и Род невольно принял оборонительную стойку, но тут же выпрямился, ругая себя — призрачный меч едва ли мог причинить ему какой-либо вред.

Клинок подплыл к нему острием вниз, похожий на сверкающее распятие в призрачном свете духа.

— Поклянись на рукояти моего меча, что отныне ты не успокоишься, пока не очистишь эту землю от дорвавшихся до власти мерзких людишек, что ты сотрешь с лица земли дьявольский алтарь и его слуг, и более того — ты никогда, покуда жив, не покинешь остров Грамарай в час опасности.

От страха у Рода отвисла челюсть. Он изумленно уставился на духа, который внезапно обрел былую силу и величие. Желудок светело от ужаса. Невесть от чего волосы на затылке стали дыбом. Он невольно поежился.

— Едва ли в этом есть нужда, милорд. Я люблю остров Грамарай и никогда не...

— Клади руку на рукоять и клянись! — строго и лаконично сказал дух.

Род порядком струхнул, отлично понимая, что клятва навеки свяжет его с этой планетой.

— Милорд, вы просите меня дать клятву верности? Я оскорблен тем, что вы сомневаетесь в моей...

— Клянись! — рявкнул дух. — Клянись!

— Ты тут, старый крот, — пробормотал Род себе под нос, но ответа не получил. Никогда раньше у него не было так паршиво на душе.

Он, как зачарованный, не мог оторвать взгляда от светящейся рукояти и сурового лица за ним. Почти непроизвольно Род сделал шаг вперед, затем еще один и словно со стороны увидел, как его рука взялась за рукоять. Ладонь не ощутила прикосновения к металлу, но воздух там был таким холодным, что у него онемели пальцы.

— А теперь клянись мне! — пророкотал Горацио.

— Ну, ладно, — подумал Род. — Это всего лишь слова. Кроме того, я ведь агностик, не так ли?

— Я... клянусь, — неохотно выдавил из себя он. Затем Рода вдруг осенило, и он скороговоркой добавил: — И еще я клянусь, что не успокоюсь до тех пор, пока Королева не будет править во благо и с помощью всех своих подданных.

Он снял руку с меча, страшно довольный собой. Эта добавка открыла ему путь к цели его миссии, независимо от того, считал Горацио демократию напастью Грамарая или нет.

Дух нахмурился.

— Страшная, очень страшная клятва, — буркнул он, — и все же в глубине души я никогда не сомневался в тебе, поэтому я благословляю тебя.

— Еще бы, — сказал про себя Род, — клятва накрепко связала его с Грамараем. Но он все же оставил себе лазейку, через которую впоследствии надеялся ускользнуть.

Меч скользнул обратно в ножны. Дух повернулся, бросив через плечо:

— А теперь, следуй за мной. Я покажу тебе ходы внутри этих стен.

Они подошли к стене. Дух ткнул в нее длинным костлявым пальцем.

— Попробуй-ка сдвинуть вот этот камень.

Род уперся руками в указанную духом плиту и навалился на нее всем весом. Камень застонал и со скрежетом поддался, уйдя в стену. Когда он встал на место, отворилась дверь, протестующе скрипя давно не знавшими смазки петлями. Лицо Рода овеял холодный сырой воздух.

— А теперь иди и исполняй свой долг, — сказал высокий и величественный призрак. — Но помни свою клятву, Человек, и не сомневайся в том, что ежели ты преступишь ее, первый из герцогов Логайров будет стоять подле твоей постели, покуда ты не сдохнешь от страха.

— Он меня определенно утешил, — буркнул Род себе под нос и принялся ощупью спускаться по заросшим мхом ступеням, напевая «Никогда тебе не гулять одному».

На сей раз дверь на сеновал была не заперта, и Род еще в коридоре услышал богатырский храп Тома. Род остановился в дверях, пожевывая соломинку. Затем вернулся в коридор, вынул из подпорки факел и, держа его перед собой, осторожно заглянул в комнату. Ну, просто, чтобы убедиться, что поутру никто не потребует с Тома алименты.

Колеблющееся пламя факела осветило могучую фигуру здоровяка-крестьянина, наполовину прикрытую плащом. Его медвежья лапа нежно обнимала мягкое округлое тело блондиночки, одетой (или раздетой) не более, чем он. Ее маленькие упругие груди были прижаты к боку великана, а голова с разметавшимися в беспорядке волосами покоилась на его плече. Загорелая ручка собственнически охватывала широкую, как пивной бочонок, грудь Тома.

Род нахмурился и подошел ближе, чтобы получше разглядеть ее. У девушки было тонкое лицо со вздернутым носиком и маленьким, довольно улыбающимся ротиком.

Она явно не имела ничего общего с брюнеткой, приставшей к Роду в коридоре. Он удивленно хмыкнул. Значит, эта дева не кинулась к слуге, когда ей отказал хозяин.

Конечно, может, она попросту была недостаточно расторопна... Но нет, Большой Том с радостью ублажил бы обеих.

Он поставил факел на место, вернулся на сеновал, с завистью и восхищением взглянул на Тома и, не снимая камзола, завалился на кучу сена, служившую постелью. На него сразу же нахлынули воспоминания, Род зевнул, подложил руку под голову и задремал.

— Человек по имени Галлоугласс! — раздался в помещении зычный голос.

Род рывком сел, девушка встрепенулась, а Том выругался.

Над ними, светясь во тьме холодным светом, возвышался дух.

Род вскочил на ноги, бросив быстрый взгляд на Тома и девушку. Та, дрожа от страха, прижалась к заросшей густой шерстью груди великана. Род смотрел с выражением мрачного (возможно от испуга) вызова.

Он видел перед собой духа — рослого воина с очень тонким и сильно вытянутым лицом, закованного в пластинчатые латы. К его бедру была пристегнута рапира. Это был явно не Горацио Логайр.

Напомнив себе, что он — хозяин, Род посмотрел в бездонные глаза призрака самым надменным взглядом, на который только был способен.

— В каком хлеву ты вырос, — рявкнул он, — что столь бесцеремонно врываешься к джентльменам?!

У духа отвисла челюсть и вылезли на лоб провалы глаз. Сбитый с толку, он уставился на Рода.

Смертный поспешил воспользоваться достигнутым преимуществом.

— Говори, но повежливее, иначе я попляшу на твоих костях!

Дух просто выпал в осадок. Род попал в точку. Очевидно, существовала некая связь между призраком и его бренными останками. Род отметил в памяти, что следует отыскать могилы всех участвующих в деле духов.

— Прошу прощения, милорд, — проямил призрак. — Я не хотел никого оскорбить. Я лишь...

Род прервал его излияния.

— Раз уж ты потревожил мой сон, так выкладывай: что привело тебя ко мне?

— Вас зовет...

Род снова перебил его.

— Никто не может звать меня.

— Извините, милорд, — поклонился дух. — Милорд Логайр нуждается в вашем присутствии.

Род бросил на него испепеляющий взгляд, затем со вздохом взял лютню.

— Ну, если уж связался с духами, покоя не жди. — Он вскинул голову. — Горацио Логайр?

— Он самый, милорд.

Служанка ахнула.

Род вздрогнул — он совершенно забыл про невольных свидетелей. К полудню весть об этом разнесется по всему замку.

— Ну, — сказал он, вешая лютню на плечо, — веди.

Дух еще раз поклонился, повернулся и указал рукой на стену.

— Погоди, — рявкнул Род, решив, что лучше оставить в тайне существование скрытых ходов. — Ступай к милорду Логайру и скажи ему, что я скоро буду. Он забыл, что я не могу, подобно тебе, проходить сквозь стены.

Дух обернулся, недоуменно нахмурившись.

— Но, милорд...

— Ступай к милорду Логайру, — рассвирепел Род.

Призрак испуганно съежился.

— Как вам будет угодно, милорд, — поспешно пробормотал он и скрылся.

Во внезапно сгустившейся тьме девушка испуганно вскрикнула.

— Эй, хозяин? — осведомился Том спокойным, лишь слегка удивленным голосом. — Ты что, теперь тусуешься с духами?

— Да, — ответил Род и распахнул дверь, гадая, где это Том подцепил словечко «тусоваться».

Он пристально взглянул на парочку, освещенную льющим из коридора светом.

— Если кто-нибудь, выйдя отсюда, обронит хоть слово, вам обоим гарантирован беспокойный сон и полуночные гости.

Том лишь прищурился, но девушка задрожала от страха.

— Отлично, — подумал Род. — Я угадал источник ее дохода. Теперь она как пить дать будет держать рот на замке.

Он резко повернулся и захлопнул за собой дверь. Большой Том, конечно, утешит ее, а лихое обращение хозяина с духами наверняка поднимет авторитет его слуги в глазах девушки.

И она, безусловно, никому не проболтается об увиденном, что тоже неплохо.

Для человека, не верящего в магию, Род и так уже слишком прославился как чародей.

Он крался по коридору, пока не нашел пустую комнату со входом в потайной туннель. На гранитных блоках одной из стен был вырезан барельеф, изображающий сжигаемую на костре оранжевую флейту. Очевидно, Логайры всегда серьезно относились к принятому ими ирландскому имени. Род нащупал вырезанный глубже других уголком в куче пылающего хвороста и налег на него всем телом, толкая плиту вправо. Глухо заскрежетал древний механизм, и скрытая дверь ушла вверх, оторвавшись от каменных плит пола.

Осторожно нащупав ногами ступеньки, Род ухватился за огромное железное кольцо на внутренней стороне двери и задвинул ее. Затем он стал осторожно спускаться по лестнице.

Открыв массивную дверь, он попал в гигантский зал, где находился зловещий алтарь. Его проводник уже поджидал его там.

Дух поклонился.

— Если вы сообразовали последовать за мной, господин... — он повернулся и поплыл к арке, ведущей в коридор.

Род последовал за ним, бурча себе под нос:

— Полегче там с шутками.

Они вышли в коридор, и внезапно справа Род увидел фосфоресцирующий свет скопления духов, которые стояли неподвижно и, опустив голову, рассматривали нечто, лежащее на полу в центре образованного ими круга. Род вдруг услышал, как кто-то очень испуганно и совсем по-человечески всхлипывает. Когда Род приблизился, Горацио поднял голову и отплыл от скопища призраков. Его мертвенно бледное лицо исказилось от гнева.

— Милорд Логайр! — поклонился Род с предельной вежливостью. Затем он вновь выпрямился. — Зачем ты позвал меня?

Лицо духа несколько смягчилось.

— Человек Галлоугласс, — проворчал он, — почему ты не сказал мне, что пришел в наши коридоры не один?

— Не один? — поднял брови Род. — А с кем же?

Логайр вновь нахмурился, теперь уже озадаченно.

— Воистину, некто следовал за тобой по пятам. Я обнаружил это, когда выходил из зала, где находится странное устройство.

— Восхитительно, — буркнул Род и чихнул.

— Будь здоров, — сказал Логайр и продолжил. — Раз уж тут у нас стали постоянно шататься смертные, чувствую мне придется отапливать эти коридоры. Но к делу: как я уже сказал, я наткнулся на твоего слугу прямо у входа в зал.

— Слугу? — нахмурился Род. — С чего ты решил, что это слуга?

— Он подслушивал у двери. А поскольку парень выкрикнул твое имя, когда мы двинулись на него, я решил, что он служит тебе.

— Да-а, — нахмурился Род и почесал в затылке. — Он и впрямь назвал мое имя?

— Да, иначе мы прикончили бы его. И я послал за тобой, чтобы выдать его тебе.

Логайр посторонился, кольцо духов разомкнулось, и Род шагнул вперед. В холодном свете призраков он разглядел жалкий комок, пытавшийся вжаться в стену. Лица его не было видно. Длинные черные волосы спадали ему на плечи. На нем была широкая юбка и белая блузка с черным, туго набитым лифом.

— Милорд Логайр, — начал Род, но поперхнулся и предпринял новую попытку. — Милорд Логайр, едва ли это «он».

Затем он, как можно мягче, сказал:

— Взгляни на меня, девушка.

Она подняла голову и улыбнулась. На ее лице появилось выражение радости и облегчения.

— Милорд!

Она обвила руками его шею так крепко, что он чуть не задохнулся и всем телом прижалась к нему. Уткнувшись головой в плечо Рода, девушка всхлипывала, дрожа от рыданий.

— Милорд! О, милорд!

— Боже милостливый! — воскликнул он, слегка отодвигаясь от нее, чтобы прочистить гортань.

Конечно, он узнал девушку. Это была служанка, предложившая ему этим вечером переспать с ней.

— Ну, ну, малышка, все в порядке, — прошептал он, глядя ее по спине. Коридор, казалось, закружился вокруг него. Он постарался сосредоточиться и уставился на неподвижное пятнышко света.

Оно оказалось кипящим от негодования Горацио Логайром.

— Забери ее из моих коридоров, Человек. Здесь и без того сыро.

В этот миг Род почувствовал, насколько приятно держать эту крестьянку в своих объятиях. Он, закрыв глаза, кивнул упиваясь теплом и близостью ее тела.

— Хорошо, милорд, так я и сделаю. Ну, перестань плакать, малышка. — Он вытащил из-за манжета платок и утер ей слезы. — Хватит, моя милая, ты повышаешь влажность, и Горацио вот-вот получит артрит, если только вспомнит, где лежат его кости... вот и уминая.

Шмыгая носом, она уткнулась в его грудь. Глаза закрылись, лицо расслабилось. Можно было подумать, что она уснула. Внезапно Рода затопила волна нежности, усиливаемая пробудившимся инстинктом защиты слабого, и он выругал про себя липучих дамочек в расстроенных чувствах.

Род заглянул в бездонные глазницы Логайра.

— Заарканили тебя, Человек.

— Кого, меня? — нахмурился Род и ударил себя в грудь. — Да огонь любви уж семь раз горел в моем сердце.

— И тебе, видно, это понравилось, — сказал Логайр, — раз уж ты семь раз испытывал эту кару. Забери ее из моих коридоров, Человек.

Род бросил на него напоследок негодующий взгляд и повернулся к девушке.

— Пойдем, малышка, — прошептал он, — мы должны покинуть это место.

Он подхватил ее на руки. Она вздрогнула, что-то обиженно пробормотала и снова уткнулась ему в плечо, крепко обняв его за шею.

— Младенцы и женщины, — раздраженно подумал Род, — хуже зыбучих песков.

— Милорд, — обратился он к Логайру, — вы не проводите меня? Мое внимание, знаете ли, несколько отвлекается на...

— Конечно, — ответил дух и, резко повернувшись, поплыл по коридору. Но Род все же успел заметить мелькнувшую на его лице скептическую улыбку...

Род вышел в освещенный светом факелов коридор, где ранее встретил Дюрера. Человечишко исчез. Вероятно, он решил, что Роду оттуда живым не вернуться, и весело поспешил по своим делам.

Род поставил девушку на пол. Она что-то неразборчиво пробормотала, протестуя, и еще крепче прижала голову к его груди.

Род сжал девушку в объятиях и потерял щекой об ее волосы, растягивая как только мог, секунды наслаждения.

Затем он печально улыбнулся и, приподняв ее голову, провел рукой по подбородку девушки. Глаза с длинными ресницами были по-прежнему закрыты, полные губки надулись и чутьчку приоткрылись...

Взяв себя в руки, Род нежно сказал:

— А теперь, Расскажи-ка, малышка, зачем ты следила за мной?

Ее глаза тревожно расширились, потом она закусила губу и, опустив голову, отстранилась, вцепившись в его камзол.

— Ты должна рассказать мне, малышка, — мягко повторил он, — кто послал тебя шпионить за мной.

Она вскинула голову, испуганно смотря на него, и замотала ею.

— Никто милорд. Это я сама решила.

— Да? — печально улыбнулся Род. — И ты по своей собственной воле последовала за мной в кишмя кишашую призраками часть замка?

Она вновь опустила взгляд.

— Я не боюсь призраков, милорд.

Род прищелкнул от удивления. Если горничная не лгала, то она обладала необычной для простой горничной отвагой. У нее лишь тогда сдали нервы, когда она воочию увидела духов... И Род, испытавший на себе силу их стонов, не был удивлен, что это ее сломило.

Вероятно, она пошла за ним в надежде, что он пересмотрит свое решение спать с одиночестве, а может, она хотела помочь ему, если он попадет в беду. Последняя мысль показала Роду забавной. И все же, он должен установить истину.

— Ты так и не ответила на мой вопрос: зачем ты следила за мной?

Она вновь закусила губу и насупилась. Род терпеливо ждал.

Наконец она произнесла, словно выдавливая из себя каждое слово:

— Я... я... боялась за вас, милорд.

Род изумленно уставился на нее, затем криво ухмыльнулся и медленно покачал головой.

— Так ты боялась за меня?

— Да, — вскинула она голову. Ее глаза пылали. — Я не знала, что ты — чародей, а... человеку в одиночку в этих коридорах...

Она замолкла и снова потупилась.

Род тяжело вздохнул и привлек ее к себе. Она сперва сопротивлялась, но затем уступила.

— Эх, малышка, малышка! — прошептал он. — Чем же ты могла мне помочь?

— Я... у меня есть определенный навык обращения с духами, господин. — Ее голос был приглушен тканью камзола. — Я подумала...

Род нахмурился. Неужели общение с призраками было в порядке вещей на этой свихнувшейся планете?

Он нежно потрепал девушку по спине и прижался щекой к ее волосам. Конечно, не исключено, что девушка лгала. Но такое под силу лишь блестящей актрисе, а для этого она была слишком бесхитростна.

Род вздохнул и еще крепче обнял ее. Девушка что-то обиженно пробормотала и прижалась к нему своими крепкими бедрами.

Род закрыл глаза и выкинул из головы все, кроме близости ее тела. Она была хороша, чертовски хороша. Почти как та крестьянка — Гвендилон...

Он резко открыл глаза и уставился в полумрак освещенного факелами коридора, мысленно рисуя перед собой оба лица, одно рядом с другим. Покрась волосы в черный цвет, подведи малость уголки глаз, выпрями носик...

Она почувствовала, как он напрягся, и подняла глаза.

— Что случилось, милорд?

Да, ее голосок был малость выше, но того же типа.

Род оглядел девушку с головы до пят. Безупречная фигура, чистая, без единой веснушки, кожа. Но не надо обладать передовой технологией, чтобы уметь состряпать элементарную косметику.

Он погрозил ей пальцем и сказал, прикоснувшись к кончику ее носа:

— Ты обманывала меня.

В ее глазах мелькнула тревога, затем она вновь стала воплощением невинности.

— Обманывала вас, милорд? Я... Я не понимаю...

Род щелкнул пальцем, и кончик носа отлетел. Он кивнул, мрачно улыбнувшись.

— Крахмал и вода. Но ты зря выпрямила его, таки, немного вздернутым на конце, мне он больше нравится.

Он провел пальцем по уголкам глаз, и они перестали быть раскосыми, а на его руке появилось темное пятнышко.

— Крахмал, вода и черная краска. А также немного муки, смешанной с жженной амброй, на лицо и хна для волос.

Она поджала губки и густо покраснела от гнева под слоем пудры.

Он покачал головой, наморщил лоб.

— Но зачем, малышка? Твое лицо и без того прекрасно.

Род мысленно похвалил себя, увидев, как гнев ее растаял, сменившись нежностью и страстью.

Она потупилась.

— Я... Я не смогла расстаться с тобой.

Он закрыл глаза и, стиснув зубы, невероятным усилием воли не дал себе заключить ее в объятия.

— Но... — он запнулся и со свистом вдохнул в себя воздух. — Как ты попевала за мной, малышка?

Подняв голову, она посмотрела на него невинными глазами.

— Я приняла облик скопы, господин.

Он изумленно вытаращил глаза.

— Ведьма? Ты? Но...

— Ты ведь не станешь презирать меня за это, господин? — обеспокоенно спросила она. — Ты же сам чародей.

У него потемнело в глазах.

— Как? Э-э... чародей? — Он потряс головой, пытаясь прочистить мозги. — Э... я хочу сказать... нет, конечно, я не чародей. Хотя... ну, некоторые из моих близких друзей... э-э...

— Милорд? — она заглянула ему в глаза. — Здоров ли ты?

— Кто, я? Конечно, нет! Хотя минуточку... — Он запнулся и сделал глубокий-преглубокий вздох. — Итак, ты ведьма. Ну, что же. Большая шишка. Но твоя красота волнует меня больше, чем все твои таланты.

Горящие угли ее глаз готовы были вспыхнуть, если бы он подул на них.

Он вновь глубоко вздохнул и призвал свои гормоны к порядку.

— А теперь давай внесем ясность в один вопрос.

— Да, милорд, — прошептала она и прильнула к нему.

— Нет, нет! Я не это имел в виду! — Он отступил на шаг, удерживая ее подальше от себя. — Послушай. Если я правильно понял, то единственная причина, по которой ты следовала за мной, — это страх, что я попаду в переделку, из которой мне самому не выкарабкаться.

Она помолчала. Ледяная волна разочарования погасила бушующее в ее глазах пламя. Девушка потупила глаза.

— Да, милорд.

То, как она произнесла, навело Рода на мысль, что она многого не договаривает. Однако он поспешил задать следующий вопрос.

— Но теперь ты знаешь, что я — чародей. Верно?

— Да, милорд. — Он еле-еле расслышал ее.

— Значит, ты понимаешь, что мне нечего бояться, верно? Следовательно, тебе больше незачем следовать за мной по пятам. Правильно?

— Нет, милорд! — Девушка взглянула ему в глаза. Затем она вскинула подбородок — гордая, надменная и упрямая. — Я не отстану от тебя, Род Галлоугласс. В этом мире есть уйма заклинаний, о которых ты даже и не подозреваешь.

— Больше всего в ней раздражало то, — решил Род, — что она всегда была чертовски права. В этом безумном, вывернутом наизнанку мире наверняка существовали такие «чары», которых он и представить себе не мог.

Но с другой стороны, сомнительно, чтобы она сама знала их все без исключения. Скорее всего, она просто ведьма-любительница, которая уже слишком стара, чтобы вступить в ковен — наверное, они с Родом почти ровесники. К тому же, ее «колдовское искусство», кажется, включало в себя умение изготовить косметику, способность превращаться в птицу (вот этого он пока не понимал) и необычайную для женщины отвагу.

Да, она была права — у нее имелись достаточно веские причины беспокоиться за него. Он мог попасть в беду... но и она тоже.

Нет. Без толку требовать, чтобы она отстала от него — она все равно последует за ним. Он-то выйдет, как всегда бывало, живым из любой передраги, а вот ее прикончат где-нибудь по дороге. Или, быть может, она настолько свяжет его, что они погибнут оба.

Помотав головой из стороны в сторону, он энергично потряс ею. Род не мог позволить ей погибнуть. Он должен был так или иначе убрать ее со своего пути... и он уже понял как. Его рот скривился в презрительной усмешке.

— Выходит, правду говорят о деревенских девушках: будет хоть на миг с ними добр, и ты от них ни в жисть не отвяжешься. У тебя, милая, просто уникальный дар прилипали.

Она ахнула и отшатнулась от него с искаженным от боли лицом, прижав ладонь тыльной стороной к губам. Ее глаза заполнились слезами. Впившись зубами в руку, она повернулась и убежала.

Он не отрывал глаз от пола, вслушиваясь в ее затихающие вдали рыдания и ощущая растущую в нем пустоту.

Тяжелую дубовую дверь потряс удар кулака. Род с трудом очнулся от глубокого сна и забарахтался в сене, пытаясь принять сидячее положение.

Большой Том и деваха лежали, как статуи, не сводя глаз с двери.

Род хмыкнул и вскочил на ноги.

— Не бойтесь, — буркнул он. — Духи не стучат!

— Эй, менестрель! — взревел грубый испитой голос. — Пошли к моему хозяину!

Род натянул камзол, поднял лютню и распахнул массивную дубовую дверь, мотая головой, чтобы прочистить мозги от тумана своего недолгого сна.

— По крайней мере, ты мог бы быть малость повежливее в столь дьявольски ранний час, — буркнул он. — И, черт возьми, кто твой хозяин?

От тяжелого удара, обрушившегося на его ухо, Род отлетел к стене. Он с трудом взял себя в руки и не бросился на парня, чтобы сломать ему шею.

Сквозь громкий звон в ушах он расслышал сочный садистский смешок.

— Больше не забывай, как следует разговаривать с теми, кто тебе не ровня, шут. Запомни навсегда этот поучительный урок, крестьянин.

Род поднялся, держась руками за стену, и смерил взглядом своего обидчика. Перед ним стоял простой солдат, затянутый в кожу и в кольчугу, которые нуждались в чистке не меньше, чем он сам. Хотя он и выглядел простолюдином, но даже от них обычно так не воняло, а смрад от гнилых, источенных кариесом зубов, обнаженных в самодовольной улыбке, был просто неопишуем.

Род вздохнул и выпрямился, решив, что ему лучше продолжать играть свою роль. Строго говоря, он заслужил этот удар, выйдя на секунду из образа. В средневековом обществе шут был средством эмоциональной разрядки. Он не только развлекал людей, но и служил своего рода «мальчиком для бритья».

— Ладно, — сказал он. — Я усвоил урок. Пошли.

На сей раз кулак угодил ему в челюсть. Катясь по полу от удара, Род услышал, как солдат весело прорычал:

— Усвоил, но не до конца. К господам ты должен обращаться «хозяин».

Род обратил свой гнев в холодную расчетливую ярость и, прыгнув, нанес три молниеносных рубящих удара ладонью.

— Я знаю правило поумнее, солдат: «сперва удостоверься, кто на самом деле хозяин положения». Теперь води меня к своему господину.

Его господином, как оказалось, был герцог Логайр. Рода проводили в увешанный гобеленами средних размеров зал с высоким потолком. Через три высоких узких окна в комнату проникали первые лучи восходящего солнца, преломленные призмой водопада, наполняющего комнату своим ревом. Однако звук казался приглушенным. Приглядевшись внимательнее, Род увидел, что у окон двойные рамы, разнесенные фута на три. Кто-то припомнил кое-что из всеми забытой технологии.

На стенах висели гобелены, на полу лежал толстый ковер. Центр покоев занимал большой овальный стол. Во главе стола сидел Логайр, справа от него — его старший сын. Дюрер сидел по левую руку. За столом сидели еще восемь людей, чьи лица показались Роду знакомыми. Узнав их, он выпучил глаза: герцог Ди Медичи, граф Романов, герцог Бурбон, князь Габсбург и их советники. Эти четверо были самыми могущественными из Великих Лордов, после Логайра, конечно. А раз вся пятерка собралась здесь, то, может и остальные семь Великих Лордов где-то поблизости?

Они сидели и завтракали, но ни один из них, казалось, не видел, что именно он ест. Взять, например, Ансельма, сына Логайра — он жевал, словно заводная игрушка, не отрывая взгляда от тарелки. На лице застыла маска холодной ярости.

Его отец сидел, опустив голову и вцепившись руками в стол перед собой.

— Надо полагать, — уразумел Род, — папаша с сыном мало-сть повздорили, и герцог Логайр взял верх... но лишь приказав сыну замолчать.

И Рода позвали разрядить обстановку. Ой-ей-ей! Чего только люди не ждут от артистов!

Лицо Дюрера светилось адским огнем радости отмщения. Другие советники высказывали те же эмоции, но в менее явной форме. То, что здесь произошло, явно входило в планы Дюрера. Скорее всего, он и разжег ссору. Этот человек является идеальным катализатором, — решил Род, — он никогда не вступает в инициированные им реакции.

Логайр взглянул на сына с немим призывом в усталых, покрасневших глазах. Но Ансельм даже бровью не повел, и лицо герцога окаменело.

Старик обернулся и увидел Рода.

— Менестрель! — рявкнул он. — Что стоишь, как истукан? Развесели нас!

Повернув голову, Дюрер уставился на Рода. Лицо советника сперва передернулось от испуга, затем его затопила волна животной, смертельной ненависти.

Род ослепительно улыбнулся, поклонился и отсалютовал им, коснувшись рукой лба, гадая про себя, какая песня сможет разрядить обстановку в этом зале. Он был почти уверен в том, что здесь существовал обычай выплескивать накопившиеся эмоции на менестреля, избивая его за недостаточный профессионализм.

Он стал наигрывать «Мэтти Гровс», понимая, что единственный шанс отвлечь их — поведать им о чем-то еще более ужасном, чем то, что произошло здесь недавно.

Он наигрывал одну мелодию, без слов, что давало ему возможность не сводить глаз с лиц четырех вельмож. Гамма их выражений менялась от глубокой задумчивости до открытого (хоть и слегка завуалированного) презрения к старому Логайру. Похоже, что ни один из них не встал на сторону герцога. По-видимому, они все поставили на его сына.

— Менестрель!

Род поднял голову. Это заговорил Ансельм.

На лице молодого человека застыла такая кислая мина, что оно, казалось, вот-вот должно было свернуться.

— Ты знаешь какую-нибудь песню о парне, которого женщина выставила на посмеище, а он оказался настолько глуп, что до сих пор любит ее?

— Прскрати! — рявкнул Логайр, но прежде, чем Ансельм успел ответить, встрял Род:

— Есть много песен, милорд, о мужчинах, продолжающих любить женщин, которые выставили их дураками, и во всех них дамы в конце концов возвращаются к своим обожателям.

— Возвращаются! — фыркнул Ансельм. — Да, она вернет его... чтобы с позором вздернуть на воротах своего замка!

Старик Логайр вскочил на ноги и взревел:

— Довольно клеветы!

— Клеветы?! — Кресло Ансельма опрокинулось, когда тот поднялся вслед за отцом. — А разве она не облила помоями доброе имя Логайров, причем уже дважды, и не собирается делать это и впредь?

— Нет! — грохнул он кулаком по столу, окидывая взглядом лица лордов. — Эта подлая девка должна усвоить, что ей не дадут

безнаказанно топтать честь пэров! Мы должны сбросить Катарину с престола и, тем самым, раз и навсегда поставить ее на место!

Лицо герцога побагровело, с его уст готов был сорваться упрек, но прежде, чем он вымолвил хоть слово, Род тихо пробормотал:

— Нет, милорд, не так круто. Не свергать, а призвать к порядку.

Он попал под перекрестный огонь взглядов Ансельма и Дюрера, но Логайр с радостью и облегчением ухватился за его слова.

— Да! Хотя его и не спрашивали, но речь его верна! Наша юная Королева норовиста, но такова любая кобылка, пока ее не взнуздать. Она должна усвоить, что ее власть не абсолютна, и на нее найдется управа, но она — сюзерен, и ее нельзя свергать с трона!

Ансельм издал булькающий звук, выпучив глаза и покраснев как рак от переполнявшей его ярости. С трудом сдерживая гнев, он прохрипел:

— Можно! А я говорю, что можно! Женщина — сюзерен? Чушь собачья! Эта трусливая надменная сука...

— Тихо! — прогремел Логайр, и даже четверо Великих Лордов сжемились от неистовой мощи его голоса.

Что касается Ансельма, то тот порядком струхнул, уставившись на возвышавшегося над ним седобородого гиганта, который, казалось, вырос чуть ли не вдвое у них на глазах.

Затем медленно, с величавым, истинно королевским достоинством, которое впитывается с молоком матери, Логайр, ни на секунду не отрывая глаз от сына, вернулся на свое место.

— Отправляйся в свои покои, — приказал он холодным ровным голосом. — Мы отложим этот вопрос до военного совета, который состоится после захода солнца.

Ансельм нашел в себе силы снова задрать нос, но в данной ситуации этот жест выглядел нелепо и излишне напыщенно. Когда он шел к двери, его взгляд упал на Рода. Ярость унижения вскипела в нем с новой силой, и он замахнулся чтобы отвести менестрелю увесистую оплеуху.

— Нет! — рявкнул Логайр, и Ансельм замер.

— Этот человек сказал правду, — с расстановкой произнес герцог. — И я не позволю, чтобы с ним плохо обращались.

Ансельм посмотрел отцу в глаза, но вскоре, не выдержав, отвел взгляд. Он повернулся и вышел из комнаты, хлопнув за собой дверь.

— Менестрель! — прогремел Логайр. — Играй!

Род, погруженный в свои мысли, принялся машинально наигрывать «Старика из Тор Таппана».

Итак, сегодня ночью состоится военный совет. И ключевым вопросом, конечно, будет выбор — конституционная монархия или раздробленность удельных владений, хотя об этом, скорее всего, знает лишь он, да Дюрер. Да, Род знал, на чьей он стороне.

Род вновь взглянул на старого герцога. Тот сидел прямой как струна, время от времени посылая в рот кусочки пищи. Его губы под длинными белыми усами были сжаты в струнку, брови — слегка нахмурены, и лишь в глубинах его непроницаемых глаз таилась терзавшая старого герцога горечь.

Да, Род знал, на чьей он стороне.

Они собрались в огромном зале, который вполне мог бы послужить ангаром для звездолета средних размеров, если бы только грамарайцы знали, что такое звездолет.

На каменном полу был выложен мозаикой герб Логайров. Вдоль стен через каждый ярд стояли большие серебряные канделябры, в которых горели факелы. В центре покрытого позолотой сводчатого потолка висела массивная серебряная люстра. Окон не было, но в них и не нуждались, поскольку уже наступила ночь.

Логайр восседал в большом, украшенном резьбой кресле в дальнем конце зала. Стена за его спиной была увешана полотнищами фамильных цветов. Кресло стояло на подиуме высотой фута в четыре, так что собравшимся здесь лордам приходилось смотреть на герцога снизу вверх.

Собралось великое множество разной знати: кроме двенадцати Великих Лордов присутствовали графы, бароны и их вассалы-рыцари всех мастей.

И рядом с каждым из них стоял или, вернее, сгорбился узколицый костлявый человечек с жалкими клочками волос на голом черепе.

Род окинул взглядом зал и невольно присвистнул. Он и представить себе не мог, что советников так много. Тут их собралось человек пятьдесят, а может и семьдесят.

К тому же, некоторые советники, возможно, выпали из поля зрения Рода, поскольку, в данный момент, он смотрел на них лишь одним глазом, да и то словно сквозь шторы.

Освещавшие зал факелы стояли в канделябрах, каждый из которых был прикручен к стене тремя массивными болтами, но в канделябре, установленном за троном Логайра, отсутствовал один из болтов, а в камне была просверлена дыра глубиной в дюйм и вытесана выемка размером с голову человека. Сейчас

там находилась голова Рода, который стоял в промозглой тьме узкого коридорчика за стеной.

Из глазка открывался великолепный вид на макушку Логайра, и на всех, кто к нему обращался.

Правая рука Рода покоилась на рычаге, который при нажатии, если ржавчина не заклинила его намертво, должен повернуть кусок стены, отворив удобную дверцу. Судя по выражению лиц сидящих перед Логайром лордов, она могла оказаться весьма кстати.

Прямо у подножия трона, между Бурбоном и Медичи, стоял Ансельм. Дюрер, как всегда, сгорбился слева от Логайра.

Герцог тяжело встал.

— Здесь, в этом зале, — прогремел он, — собрался весь цвет знати Грамарая, истинные правители этой страны.

Он медленно обвел взглядом лица присутствующих, заглянув в глаза каждому из своих собратьев — Великих Лордов.

— Мы собрались, — продолжал он, — чтобы обсудить, в какой форме мы выразим королеве Катарине свое недовольство.

Герцог Бурбон опустил скрещенные на груди руки и расставил чуть пошире ноги. С густыми бровями и окладистой нечесаной бородой, он сильно смахивал на огромного гризли.

Герцог поджал губы и крепко стиснул кулаки. Чувствовалось, что он не уверен в себе.

Герцог Бурбон пристально взглянул на Логайра.

— Вы ошибаетесь, уважаемый дядюшка. Мы собрались, чтобы решить, как свергнуть ту, кто пытается растоптать честь и могущество наших благородных фамилий.

Логайр напрягся, глаза потемнели от гнева.

— Нет, — прохрипел он, — у нас нет достаточных оснований...

— Основания! — выпрямился Бурбон и выпятил заросшую черной бородой челюсть. — Она обложила наши владения неслыханно тяжкими налогами, тратя уйму денег на поганых вонючих крестьян; она посылает к нам каждый месяц своих судей, чтобы те выслушивали жалобы со всего поместья, а теперь она замыслила сама назначать в наши поместья священников — и у нас нет никаких причин? Она лишает нас наших законных прав в пределах наших собственных владений и, более того, прилюдно оскорбляет нас, выслушивая петицию этих одуревших попрошаек перед нашей!

Медичи, нагнувшись, выслушал стоящего рядом с ним тощего субъекта, потом выпрямился и, слегка улыбнувшись, произнес:

— А разве в порядке вещей, чтобы монарх выслушивал петиции крестьян в своем Главном Зале?

— Нет! — проревел Бурбон. — Но теперь наша добрая Королева ставит всякий сброд выше нас! И это, мой достопочтимый герцог, лишь самые неслыханные и грубые нарушения обычаев нашей страны. А ведь она совсем еще дитя! Что же она натворит, милорд, когда подрастет?

Он остановился перевести дух, затем тряхнул головой и прорычал:

— Нет, уважаемый сородич! Мы обязаны свергнуть ее!

— Да, — поддержал его Медичи.

— Да, — подхватили другие лорды.

— Да, — эхо, постоянно нарастая, прокатилось по всему залу, пока не слилось в единый вопль:

— Да! Да! Да!

— А я говорю — НЕТ! — проревел Логайр, перекрывая их всех. Зал затих. Старик поднялся во весь свой гигантский рост, напоминая скорее короля, чем герцога.

Его голос гремел, как тревожный набат.

— Она — сюзерен. Капризная, да, своевольная, горячая и взбалмошная — тоже верно! Но все это пороки юности, ребенка, которому нужно преподать урок, показав, что ее власть не беспредельна. Мы должны указать ей на эти границы. Вот что мы можем сделать, и не более того. Это решит все наши проблемы.

— Женщина не может править мудро, — шепнул советник на ухо Медичи, и тот подхватил:

— Мой дорогой и любимый кузен, Бог не наделил женщину способностью мудро править.

— Да, милый дядя, — внес свою лепту Бурбон. — Почему бы ей не дать нам Короля? Пусть она выходит замуж, если хочет, чтобы эта страна получила разумное управление.

Род гадал, не был ли Бурбон отвергнутым поклонником. В нем чувствовалось что-то неуловимо порочное, и при этом ни капли романтики.

— Она правит по праву! — взревел Логайр. — В ее жилах течет кровь Плантагенетов, которые испокон веков были королями нашей страны! Неужели, дорогой племянник, ты так легко позабыл клятву верности, которую дал этому славному роду?

— Династия прогнила, — прошептал, сверкнув глазами, советник Бурбона.

— Да! — проревел Бурбон. — Кровь Плантагенетов стала жидкой и скисла, дорогой милорд!

— Ах так! — подумал Род. — Он больше не дядя...

— Их род зачах, милорд! — напыщенно продолжал Бурбон. — Ослабел до того, что вместо мужчины, способного править страной, он породил женщину — девчонку с ее капризами и прихотями! Род Плантагенетов иссяк, исчерпав себя. Нам нужна свежая струя крови.

— Крови Бурбонов? — с презрительной улыбкой поднял бровь Логайр.

Бурбон выпучил глаза и покраснел, как рак. Он начал что-то лепетать, но тут в разговор решительно встрял Медичи.

— Нет, дорогой кузен, не кровь Бурбонов. Что может быть лучше, чем кровь самого знатного на Юге семейства?

Логайр в ужасе уставился на него, побледнев как полотно.

— Я не соглашусь! — прохрипел он.

— Да, милорд, мы не заблуждаемся на этот счет, — с издевкой сказал Медичи. — И все же, нам нужна благородная кровь, текущая в жилах смелого и решительного, еще совсем молодого мужчины, — человека, понимающего важность поставленной цели и без колебаний идущего к ней.

Он повысил голос.

— Кто же еще может стать королем, кроме Ансельма, сына Логайра?

Голова герцога дернулась, словно от пощечины. Он невидяще уставился перед собой, щеки его покрылись сероватой болезненной бледностью.

Старик, как будто разом придавленный грузом прожитых лет, принялся судорожно нащупывать непослушной рукой кресло.

Он опустился на краешек сидения и тяжело оперся на подлокотник. Его рассеянный взгляд сперва остановился на сыне, затем медленно пробежался по залу.

— Злодеи! — прошептал он. — Проклятые негодяи! Так значит, вы отняли у меня сына...

Ансельм вызывающе выпятил челюсть, но в глубине его глаз застыли горечь и страх.

— Нет, милорд, я был с ними с самого начала.

Остекленевшие глаза Логайра вновь остановились на нем.

— Но ты, даже ты... — его голос окреп. — Ты виновен больше, чем кто-либо. Ты — прежде всего!

И тут шагнул вперед Дюрер, покидая Логайра, чтобы встать рядом с Ансельмом. Он торжествующе ухмылялся.

Логайр медленно перевел на него взгляд. Глаза их встретились и сцепились намертво.

По залу пробежал легкий шорох — все советники поднялись на цыпочки, чтобы лучше видеть.

— Нет, — прошептал Логайр, — это был ты...

Старик медленно выпрямился. Затем он еще раз пристально и не спеша, заглянул в глаза каждому Великому Лорду. И его взгляд вновь вернулся к Дюреру.

— У вас у всех одно на уме. — Голос его снова обрел силу, но то была сила горечи и презрения. — Сговор уже состоялся, не так ли? И вы пришли к единому мнению. Каждый из вас вступил в схватку с собственной совестью и одолел ее.

В его голосе зазвенел металл.

— Но какая нить связала ваши души воедино?

Глаза Дюрера вспыхнули, как угли. Он открыл рот, чтобы огрызнуться, но Логайр опередил его:

— Ты! Человек со звезды! Ты явился ко мне пять лет назад, и я, старый дурак, думал «все в порядке», когда твои ублюдки под видом раболепных слуг один за другим появились в наших домах, а я-то еще радовался... бедный старый глупец.

Он поднял взгляд, пытаясь заглянуть в глаза Ансельму.

— Ансельм, кого я некогда звал своим сыном, очнись и услышь! Берегись человека, который пробует твое мясо, ибо ему легче всего тебя отравить.

Род внезапно догадался, чем окончится эта встреча: советники не осмелятся оставить Логайра в живых. Старик все так же полон сил и мужества, он по-прежнему неукротим. Логайр еще мог склонить лордов на свою сторону. Хотя вероятность этого была невелика, Дюрер захочет избежать ненужного риска.

Ансельм расправил плечи, всем своим видом выражая непокорность. Он хлопнул Дюрера по плечу, не заметив, что зубы человека громко клацнули от удара.

— Этому человеку я доверяю, — заявил он, как ему казалось, бодрым тоном. — Он был со мной с самого начала, и я приветствую его мудрость... я буду рад, если ты явишь свою и присоединишься к нам.

Глаза Логайра сузились.

— Нет, — выкрикнул он, — изыди, лже-сын, со своими изменническими речами! Я скорее умру, чем последую за вами.

— Ты получишь то, на что напрашиваешься, — отрезал Дюрер. — Скажи, каким образом ты хочешь умереть?

Логайр прожег его взглядом, а затем одним движением встал в полный рост.

Ансельм побагровел, ошеломленный таким поворотом дела.

— За-замолчи, Дюрер! Он... дурак, да, и изменник. Но он мой отец, и никто не тронет его!

Дюрер поднял бровь.

— Ты приютишь змею на своей груди, милорд? Тем не менее, такова воля всей знати, и вы не можете ей противиться.

Он повысил голос.

— Что скажете, лорды? Должен ли этот человек умереть?

На миг в зале воцарилась тишина. Род положил руку на деревянный рычаг. Он был обязан выручить Логайра. Род смог бы отворить дверь и втащить старика в тайный ход прежде, чем кто-нибудь поймет, что же произошло...

Но успеет ли он закрыть его до того, как они подбегут? Скорее всего, нет. Слишком много людей стояло поблизости. А уж Дюрер не упустит своего шанса.

Если б только петли и пружины были в приличном состоянии! Но кажется, их вряд ли часто смазывали последние несколько веков.

По огромному залу прокатилось неохотное «да».

Дюрер повернулся к Логайру и вежливо поклонился.

— Вердикт гласит — смерть, милорд.

Он вытащил стилет и двинулся вперед.

И тут погас свет.

Мгновение Род стоял с отвисшей челюстью в кромешной тьме. Какого черта...

Затем он навалился всем телом на рычаг. Когда каменная плита со стоном отошла в сторону, он выхватил кинжал. Пришла пора действовать, разбираться можно позднее.

Скрежет каменной двери прервал напряженную тишину, и разразился просто ад кромешный. Все завопили в один голос — одни от ярости, другие — от разочарования, некоторые приказывали слугам принести факелы.

Шум будет хорошим прикрытием. Род выскочил из потайного хода и зашарил вслепую, пока не наткнулся на чей-то торс. Этот кто-то зарычал и попытался ударить его. Род быстро пригнулся и почувствовал, что кулак прошел выше. Он нащупал кнопку на рукояти кинжала и в его мерцающем свете увидел, что это никто иной, как герцог Логайр.

И тут в Рода с яростным воем врезалось худое как щепка тело. Род пошатнулся и вскрикнул, когда стальное жало впилося ему в плечо. Очевидно, Дюрер тоже заметил отблеск света.

Стиллет вышел из плеча Рода, и он, почувствовав теплую струю вытекающей крови, откатился в сторону.

Но чудовище вновь насело на него. Род наугад отмахнулся и, к счастью, поймал врага за руку, сжимающую кинжал.

Человечишко был невероятно силен. Под его давлением рука Рода опускалась все ниже и ниже, и тот почувствовал, как острие стилета уперлось ему в горло.

Он попытался оттолкнуть лезвие другой рукой. Его плечо заняло от боли, но рука Дюрера даже не шелохнулась.

Лезвие опустилось еще на дюйм. Род ощутил, как кровь заструилась по горлу, и страх сковал его душу.

Ослепляющий, парализующий животный страх... И тут Род услышал глухой стон.

Дюрер вскричал, стилет упал на пол, и сила, давящая на Рода, отпустила его.

Огромный зал заполнился низким троекратным стоном, перемежаемым воплями ужаса.

В крошечной тьме возвышались три гигантские белые фигуры, увенчанные черепами с широко разинутыми ртами. Это был Горацио и еще два бывших лорда Логайра, которым надоела рутинная загробная жизнь.

Род выплеснул ужас в крике.

— Векс! Шестьдесят оборотов!

В голове что-то загудело, и страх испарился. Род вновь зажег фонарь и нашел Логайра. Вскочив на ноги, он ударил его под лопатку. Дыхание со свистом вырвалось из легких старика, и тот рухнул на плечо Рода... к счастью, на здоровое.

Род повернулся и, спотыкаясь, побежал, надеясь, что выбрал правильное направление.

Где-то позади визжал Дюрер.

— Заткните уши, тупицы! Тупицы!

Род пробирался сквозь тьму, чувствуя, как тело Логайра становится все тяжелее и тяжелее. Он никак не мог найти дверь! И тут он услышал приближающийся топот маленьких ножек — это Дюрер пытался на ощупь найти Рода. А раз у него теперь в ушах затычки, то Дюрер вновь стал грозным противником. К тому же, Род не мог драться, когда в одном плече зияла рана, а с другого свисал Логайр.

Холодный ветерок овеял щеку, и мимо него проплыла призрачная белая фигура.

— Следуй за мной! — прогудел Горацио Логайр.

Род не стал медлить.

Он мчался за духом, словно бегун по пересеченной местности, вытянув вперед здоровую руку. Но это не помогло — Род со всего

маху врезался раненым плечом в каменный косяк и завертелся на месте от острой боли. Вскрикнув и чуть не уронив Логайра, он отступил к стене узкого хода.

Прижавшись к ней спиной, Род пытался отдышаться.

— Торопись, Человек! — прогудел Горацио. — Плита! Ты должен закрыть ее.

Род кивнул и, вздохнув, принялся ощупывать стену в поисках рычага, надеясь, что Логайр не свалится с плеча. Наткнувшись на покрытый ржавчиной металл, он рванул рычаг вверх, и дверь с грохотом закрылась.

Род стоял согнувшись и едва дышал.

Казалось, прошла целая вечность, когда Логайр наконец пошевелился. Род собрал оставшиеся силы и осторожно положил его на пол. По-прежнему тяжело дыша, он взглянул на Горацио.

— Премного благодарен, — прохрипел он, — вы появились как нельзя кстати.

Горацио пренебрежительно махнул рукой, но нечто похожее на улыбку, мелькнуло на его лице.

— Ты не смог бы исполнить свою клятву, Человек, если бы умер сейчас.

— Вот уж точно. — Род привалился к стене. — Но ты, судя по всему, все тщательно продумал. Хотел бы я знать, как тебе удалось вывернуть пробки у этих факелов?

— Вывернуть... пробки? — нахмурился Горацио.

— Ну, тот фокус со светом.

Дух нахмурился еще сильнее.

— Разве это не твоих рук дело?

Род изумленно уставился на него, затем выставил вперед ладонь.

— Эй, минуточку. Минуточку. Итак, вы решили, что это сделал я... а я думал, что это сделали вы.

— Верно.

— Но вы этого не делали?

— Нет.

— И я этого не делал.

— Похоже, что так.

— Тогда... — Род сглотнул, — кто...?

— Кто здесь? — проревел Логайр прямо в ухо Роду.

Из глазка вырвался луч света.

Горацио испуганно застонал и исчез.

Род припал к отверстию. Снова горели факелы. Дюрер стоял на помосте, тыча в воздух кинжалом и визжа:

— Где? Где?

Род оторвался от глазка и слегка улыкнулся Логайру.

— Я не думаю, что нам следует оставаться здесь до выяснения ответа на этот вопрос, милорд? Мы можем идти?

Он повернулся, чтобы показать путь, но пальцы Логайра впились ему в плечо. Род охнул.

— Пожалуйста, милорд — если вам не трудно — схватитесь за другое плечо.

— Что это был за человек? — прорычал Логайр.

— Человек? — огляделся вокруг Род. — Какой еще человек?

— Да тот, в белом, что стоял перед нами!

— А, — Род пристально посмотрел в глаза старику. Логайр явно не пришел в себя от шока. Он пока еще был не в силах встретиться лицом к лицу с реальностью. — Э-э, это всего лишь родственник, милорд?

— Твой родственник? Здесь?

— Нет, милорд, ваш. — Он повернулся и ошупью двинулся вперед по коридору.

Мгновение спустя Логайр последовал за ним.

Свет от глазка пропал уже через несколько ярдов. Род, ругаясь, нащупывал дорогу. Когда они свернут за угол, чтобы спуститься по узким ступенькам, там будет царить крошечная тьма.

Поэтому, миновав угол, он вытащил кинжал... и тут увидел прямо перед собой блуждающий огонек. Он изумленно уставился на него, по спине пробежали мурашки. Когда глаза Рода привыкли к тусклому свету, он разглядел лицо и тело (их нельзя было рассматривать как единое целое, так как каждая часть заслуживала отдельного описания), а также вытянутую руку с блуждающим огнем на ладони. На лице застыло тревожное выражение.

— Гвендилон, — констатировал Род.

Девушка не скрывала радости и облегчения, но лишь на миг. Затем в ее глазах мелькнул озорной огонек.

Она сделала шутливый книксен.

— Милорд.

— Черт возьми! — прорычал он. — Какого дьявола тебе здесь нужно?

Она сделала большие глаза, разыгрывая оскорбленную невинность.

— Я последовала за вами, милорд.

— Нет, нет, нет! — Род плотно зажмурил глаза. — Это не по сценарию. Ты должна была возненавидеть меня и прекратить ходить за мной по пятам.

— Никогда, господин, — сказала она очень тихо.

Он посмотрел на нее внимательно, чтобы убедиться, что она не шутит. Вот незадача. В голове его мелькнула фраза Тома о деревенских девушках.

— Что это там такое? — спросил он, указав подбородком на блуждающий огонек.

— Это? — взглянула она на светящийся шарик. — Всего лишь крохотное заклинание, которому меня научила моя мать. Он будет освещать нам путь в этом лабиринте, господин.

— Пускай светит, — согласился Род. — А могу ли я спросить, как тебе удалось потушить факелы во всем огромном зале?

Она хотела было ответить, затем нахмурилась.

— Об этом сразу не расскажешь. У нас есть время?

Род, поджав губы, пристально посмотрел ей в глаза.

— Но это твоих рук дело?

— Да, господин.

— Еще одно крохотное заклинание...

— ...которому меня научила моя мамочка, — весело кивнула она.

— Ла-а-адно! — протянул он. — Почему бы и нет? Пошли, крошка.

Он начал ощупью спускаться по узким ступеням, вздрагивая, когда его плечо касалось стены.

— Милорд, — ахнула Гвендилон, потянувшись рукой к его плечу. — Ты ранен!

Он обернулся к ней, привалившись к стене и продолжая ощупывать камень, но выпуклый круглый холмик, на который наткнулась его рука, мог быть всем, чем угодно, только не гранитом.

Род отвернул руку. Она удивленно взглянула на него, затем опустила веки, улыбнулась и, поймав его за руку, потянула его к себе.

— Милорд, вам не нужно...

— Шалишь! — Он вырвал руку и вжался в стену. Она подалась к нему, приоткрыв губы.

— Моя дорогая леди...

— Я никогда не претендовала на этот титул, — прошептала она нежно. Ее тело легонько прижалось к нему.

— Ну, пожалуйста, женщина! — Род предпринял доблестную попытку спрятаться в толще камня. — Я не могу представить себе менее располагающую к любви обстановку.

— Ни время, ни место не имеют для меня никакого значения, когда ты рядом, господин, — выдохнула она и ласково укусила его за ухо.

— А я-то думал, что всегда знаю, что сказать, — пробурчал Род.

— Послушай, — сказал он, пытаясь выкрутиться, — у нас нет ни времени, ни места...

Он охнул и задрожал, когда ее ласки стали смелее.

— Послушай, малышка, ты только вытащи нас отсюда, и я весь в твоём распоряжении!

Она перевела дыхание и отступила назад, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Правда, господин?

— Ну, э-э... — Род тут же дал обратный ход. — Во всяком случае, на двадцать четыре часа.

— Договорились, — пробормотала она с многозначительной улыбкой.

Мгновение он сердито смотрел на нее, а затем буркнул:

— Не разводи канитель и выведи нас отсюда!

— Да, господин! — Она резко повернулась, махнув веером юбки, и легко побежала вниз по поросшим мхом ступенькам.

Он посмотрел ей вслед, и глаза его заблестели.

В три прыжка Род настиг ее и повернул к себе лицом.

Она посмотрела на него удивленно, затем страсть вновь затопила ее взгляд.

— Милорд, мы должны торопиться...

— Это не займет много времени, — ответил он и крепко прижал девушку к себе. Губы ее были влажными, теплыми и полураскрытыми.

Она счастливо вздохнула, но оттолкнула его.

— Ну! И для чего все это?

— Долговое обязательство, — усмехнулся он.

Она хихикнула и резко повернулась, увлекая его за собой по коридору.

— Мы должны спешить!

Тут за его спиной раздался тихий смешок.

Род бросил на Логайра негодующий взгляд.

— Старый козел, — буркнул он и побежал следом за Гвен.

Скользкие каменные стены потайного хода обступали их с обеих сторон. Между плечами и стенами оставалось не более трех дюймов. Вверх по лестнице, поворот, снова вверх еще на один пролет. Камни сырые и скользкие, с потолка капает вода — на-

верху над ними озеро. Ключья светлого мха облепили стены, словно язвы. Низкий потолок затянут сетями паутины.

Когда они миновали двенадцатый пролет, Род услышал отдаленное журчание воды.

— Здесь проход к озеру, — объяснила ему Гвендилон. — Он должен вывести нас прямо на берег.

Обернувшись, она взглянула на Рода.

— Как ваше плечо, лорд?

— А, пока терпимо, — буркнул Род.

— Кровь не идет?

— Нет. Камзол, по-видимому, залепил рану. В прачечной мне, наверное, предъявят убийственный счет.

— Гм-м, — она отвернулась и поспешила дальше. — Надеюсь, ты продержишься, пока мы не выйдем к берегу реки. Поторопитесь, господа. Мы должны добраться туда до того, как они додумаются пошарить в стойлах.

Род нахмурился.

— Зачем? Разве мы идем к конюшне?

— Нет, к реке, но если они заглянут в стойла, то обнаружат, что твой черный жеребец исчез вместе с конем герцога.

— Да что ты говоришь! — он прочистил горло и спросил немного громче, чем требовалось:

— И где же мне искать моего коня?

— На берегу реки, Род, — прошептал голос Векса, — вместе с Большим Томом и двумя настоящими клячами.

Гвендилон попыталась было ответить на вопрос, но Род перебил ее:

— Да, да, я знаю — они на берегу реки.

Гвен слегка удивилась.

— Но откуда Большой Том узнал, что нам понадобятся лошади?

Какой-то миг она смотрела на него, нахмутив брови, а затем отвернулась.

— То была моя идея, господин. Вряд ли от этого будет какой-то вред. Мне показалось, что лошади могут нам понадобиться.

— Показалось, — повторил за ней Род. Неужели она была к тому же и ясновидящей?

— Да, господин, показалось, — она постепенно замедляла шаг. — Осторожней, господин.

Гвен бережно переступила через что-то, лежащее у них на пути.

Род остановился, чтобы получше разглядеть предмет.

Это был миниатюрный человеческий скелет, длиной дюймов в восемнадцать, но с пропорциями взрослого человека, а не ребенка. Он весь позеленел от плесени.

Род посмотрел на Гвендилон.

— Скелет лежит здесь с недавних пор, — сказал он. — Кто это был?

— Один из Крошечного Народца, господин. — Она стиснула зубы. — В этом замке не так давно царили злые чары.

Удивленный ее тоном, Род поднял глаза, не обратив внимание на изумленное восклицание Логайра.

Девушка сильно горевала.

— Бедный малыш, — прошептала она. — А мы даже не смеем задержаться, чтобы предать твой прах земле.

Она повернулась и пошла дальше,

Осторожно переступив через хрупкий скелет, Род последовал за ней.

— Что это были за чары? — спросил он, нагнав ее.

— Ну, нечто, напоминающее... пение... воздуха, господин, слышимое не ухом, а разумом. Если бы вы или я попробовали преодолеть это, оно остановило бы нас, точно стена. Но для Крошечного Народца это пение смертельно.

Род нахмурился.

— Пение, говоришь?

— Да, господин. Но как я уже говорила, его не слышно.

Силовое поле! Но этого просто не может быть. Спроси у любого физика, и он подтвердит...

— Давно оно здесь?

— Заклятие было наложено пять лет назад, милорд. Оно действовало около месяца, ибо его хозяин не заметил, что я сняла его, и не наложил вновь.

Род встал как вкопанный, и Логайр наткнулся на него. Он уставился на стройную фигуру идущей впереди него девушки, затем словно очнувшись, вновь последовал за ней.

Силовое поле! И как раз пять лет назад здесь впервые появился Дюрер...

Род подумал о циферблате на предполагаемой машине времени. Затем он бросил взгляд на длинные рыжие волосы Гвендилон, колышущиеся в такт ее шагам.

И это она выключила поле? Эта милая девушка остановила машину из будущего?

Он с немым восхищением взглянул на свою крестьяночку.

— Э-э, Гвен, дорогая...

— Да, милорд? — оглянулась девушка. По ее залившемуся румянцем лицу было видно, что она приятно удивлена.

Он нахмурился. Что...? А-а. Он назвал ее «Гвен», да еще и «дорогая».

— Да, милорд, я изгнала его. Но Крошечный Народец сюда больше носа не кажет, и я думаю, что они правы.

— Да, — подумал Род, — еще бы. Дюрер и К° вряд ли взирали бы безучастно на крохотных шпионов. Они наверняка приняли бы соответствующие меры. Он рассеянно посмотрел вслед удаляющейся Гвендилон. Да, эта девушка просто кладезь сюрпризов...

— Мы уже близко, милорды!

Род задрал голову и увидел вдалеке слабую полоску света. Светящийся шарик на ладони Гвен мигнул и погас.

Мгновение спустя они вышли через растрескавшееся, поросшее травой жерло туннеля на залитый лунным светом берег, недалеко текла река, обрамленная ивами и кипарисами. После сырости туннеля свежий ветер пробирал до костей. Логайр поежился.

— Хозяин! — послышался приглушенный голос, и из тени речного берега вышел Большой Том, ведя за собой трех лошадей.

Род схватил Гвендилон за руку и побежал к лошадям... но был резко остановлен далеко не женским по силе рывком, хорошо хоть за здоровую руку.

— Нет, милорд, — твердо заявила она. — Сперва мы должны осмотреть твоё предплечье.

— Которое? — буркнул Род, поводя здоровым плечом, ноющим от внезапного рывка.

— Слушай, у нас нет времени...

— Это рано или поздно задержит нас, — строго сказала Гвен. — Лучше заняться раной сейчас, тогда это займет у нас лишь считанные секунды.

Род вздохнул и сдался. Он внимательно смотрел, как она бежала к реке, дивясь переполнявшим его теплым чувством.

— Тут она права, — проворчал Логайр, разворачивая Рода лицом к себе. — Потерпи.

Он расстегнул камзол Рода. Тот начал было протестовать, но внезапно вскрикнул от боли, когда Логайр рывком распахнул камзол, оторвав по ходу дела струп засохшей крови.

— Пусть малость покровоточит свободно, — буркнул старик, освобождая раненое плечо.

Тут подошла Гвендилон с пригоршней каких-то трав и маленьким бурдючком вина.

— Положись на Большого Тома, тот без него никуда, — подумал Род, — и минут через пять посадил девушку в седло Векса, а сам, взгромоздившись позади нее, вонзил каблуки в его бока. Гвендилон поразилась глухому клацанью, с которым Векс перешел в галоп, и, нахмутив брови, озадаченно взглянула на Рода.

— Вот почему я прозвал его «Старина Железнобокий», — пояснил Род. — Теперь расслабься и обопришь на меня. Скакать нам придется долго.

— Но, милорд, мне не нужно...

— У нас только три лошади, Гвен. На какой-то придется ехать вдвоем. Не волнуйся, Векс даже не заметит разницы.

— Но, милорд, я...

— Ш-ш-ш! Милорд Логайр! — крикнул он через плечо. — Езжайте вперед, милорд, вы лучше знаете местность.

Логайр молча кивнул и пришпорил своего могучего скакуна. Тот малость прибавил скорость и обошел Рода. Род последовал за ним, слыша топот копыт мерина Тома позади себя.

— Поверьте, милорд, нет никакой нужды...

— Мы еще успеем наговориться вдоволь, — буркнул Род. — За нами тянется такой четкий след, словно здесь провезли «Поларис». Нам нужно как можно быстрее убраться подальше отсюда, дабы они не догнали нас, если все же пустятся в погоню.

Гвендилон вздохнула.

— Оглянитесь, милорд.

Род послушался и увидел множество эльфов, которые, выстроившись вдоль их следа с миниатюрными вениками в руках, уничтожали малейшие следы на их пути. Они даже выпрямляли траву, примятую копытами лошадей.

Род зажмурился.

— Нет. О, нет. Почему я, Господи? Почему я?

Он повернулся к Гвендилон.

— Гвен, ты позвала этих... Гвен!

Седло было пустым. Она исчезла.

— Гвен! — заорал он и вцепился в поводья.

— В самом деле, Род, — раздался протестующий шепот у него за ухом. — Я должен попросить тебя держать себя в руках...

— Гвендилон! — изо всех сил крикнул Род.

С неба донесся крик, напоминающий стон чайки.

Род задрал голову.

Скопа. Он, готов был поклясться, что та самая. Но всяком случае, ему хотелось в это верить.

Птица спикировала вниз и закружилась над его головой, настойчиво крича.

Как ей удалось заставить этого рыбацкого ястреба так по-женски кричать?

Скопа перегнала его, паря над землей прямо перед конем Логайра.

Затем она повернула обратно, вновь покружилась у него над головой и устремилась куда-то вдаль.

— Да-а, — буркнул Род. — Сообщение принял. Я не должен задерживать отряд. Векс, следуй за птицей! Векс? Векс!

Голова коня покачивалась меж его негнущихся ног.

А, ладно, для Рода это тоже было немалым потрясением. Он хлопнул по выключателю.

Через полчаса они перешли на рысь и скакали до захода луны. Когда повеяло свежестью рассвета, герцог, измотанный до предела, едва держался в седле.

Честно говоря, Род чувствовал себя так же поганно. Он поравнялся с герцогом.

— Вон там, на поле, видны скирды сена. Мы должны сделать привал. Уже светает, а нам не стоит передвигаться при свете дня. Логайр, моргая, поднял голову.

— Да, да, разумеется, — и придержал коня. Род и Том последовали его примеру.

Продравшись сквозь колючую изгородь на обочине, они затрусили к ближайшему стогу. Род спешил и подхватил Логайра, который уже валился из седла. Большой Том расседлал лошадей и отогнал их в поле звонким хлопком по крупу, а Род тем временем оттащил пожилого вельможу на вершину стога.

Опустив Логайра на сено, он отступил на шаг и прошептал:

— Векс.

— Да, Род.

— Убери этих кляч подальше отсюда, куда-нибудь, где они не будут бросаться в глаза, хорошо? И приведи их обратно на закате.

— Ладно, Род.

Род немного постоял, слушая затихающий топот копыт.

Он посмотрел на Логайра. Старик начисто отключился: сказались нервное напряжение и долгая скачка, не говоря уже о том, сколько времени ему пришлось провести без сна.

Род укрыл сеном спящего лорда, дабы замаскировать его. Поислав взглядом Большого Тома, он увидел, как ноги великана

исчезают в толще сена. Седла и упряжь уже были спрятаны в глубине стога.

Конечности Тома скрылись из виду. Затем послышалось громкое шуршание, и из отверстия высунулось румяное лицо великана.

— Вы должны по-быстрому куда-нибудь спрятаться, хозяин. Скоро рассветет, а крестьяне не должны нас заметить.

— А они не подойдут слишком близко к этой скирде? '

— Нет. Это поле далеко от замка, так что они доберутся до него лишь через несколько дней.

Род кивнул и, вскинув руки, соскользнул по склону стога на землю. Обернувшись, он увидел, как Том маскирует вход в нору.

— Спокойной ночи, Большой Том, — ухмыльнулся он.

— Доброго утра, хозяин, — ответил изнутри приглушенный голос.

Род засмеялся, мотая головой, и направился к соседнему стогу сена. Взобравшись на верхушку, он соорудил удобную выемку и вытянулся там со вздохом облегчения.

Послышался тихий вскрик, и скопа шлепнулась на сено рядом с ним. Она рухнула на бок, контуры ее расплылись и вытянулись — рядом с ним лежала Гвендилон.

Она озорно улыбнулась и начала распутывать шнуровку лифа.

— Двадцать четыре часа, милорд. С восхода до восхода. Ты обещал, что все это время будешь подчиняться моим желаниям.

— Но-но-но... — Род запнулся и судорожно сглотнул, когда лиф распахнулся и был отброшен прочь. Блузка поползла вверх.

Он вновь сглотнул и с трудом выдавил:

— Но-о кто-то должен стоять на страже!

— Не бойся, — прошептала она, и блузка взмыла в воздух. — Мои друзья позаботятся об этом.

— Твои друзья? — Род несколько рассеяно отметил, что бюстгальтер здесь пока что не изобрели.

Гвендилон, однако, от этого только выигрывала.

— Да, Крошечный Народец, — изящный жест, и юбка вместе с башмаками присоединилась к куче сброшенной одежды.

Заходящее солнце уже окрасило солому в кроваво-красный свет, когда Род, наконец, высунул голову из стога.

Он огляделся, полной грудью вдохнул свежий воздух и удовлетворенно крикнул.

Он чувствовал себя на редкость хорошо.

Пробежав глазами по изгибам тела Гвен, он подумал, что день выдался довольно хлопотный.

Род наклонился и припал к ее устам долгим страстным поцелуем, чувствуя, как она пробуждается ото сна.

Род отстранился. Глаза девушки слегка приоткрылись. Губы ее медленно расплылись в страстной улыбке.

Она лениво потянулась, как кошка. Род удивился, почувствовав, как участился его пульс. Он был доволен собой.

Что касается Гвендолен, то он был от нее без ума. Со внезапно нахлынувшей тоской Род осознал, что впервые в жизни жалел о том, что он — перекати-поле. Более того, его мучали угрызения совести. Гвен серьезно посмотрела ему в глаза.

— Что печалит тебя, господин?

— Неужели тебя не возмущает, когда тобой пользуются, Гвен?

Она лениво улыбнулась.

— А тебя?

— Ну, но... — Род, нахмурившись, рассматривал свои ногти. — Ну, это совсем другое дело. Ведь я же мужчина.

— Вот ни за что бы не догадалась, — промурлыкала она, покусывая его за мочку уха.

Он усмехнулся и завертелся, пытаясь ответить ей тем же, но она еще не покончила с его ухом.

— Все мужчины — дураки, — прошептала Гвен между укусами. — Вечно вы говорите о том, чего нет, вместо того, чтобы пользоваться жизнью. Закончилась ночь — живи до следующего вечера, как живется.

Затем она глянула на него из-под опущенных век с видом собственника, окинув его пристальным взглядом с ног до головы.

— Ну ладно, — подумал Род, — а я впервые попытался быть честным... В конце концов, есть только один способ стереть с ее лица эту надменную улыбку.

И в тот самый миг Большой Том позвал:

— Хозяин! Солнце село и нам пора трогаться.

Род нехотя отпустил Гвен.

— У этого парня великолепно развито чувство такта...

Он принялся натягивать шаровары.

— Подъем, моя милая!

— К чему такая спешка, господин? — спросила она, надув губки.

— Долг зовет, — ответил он — или, во всяком случае, Большой Том наверняка. «Вперед, во славу Франции!» или что-то там в этом духе...

Две ночи непрерывной скачки лишь с кратковременными перерывами на рысь или шаг привели их к столице.

Когда они подъехали к мосту через огибающую город реку, Род с удивлением увидел там двух пеших солдат, вооруженных пиками. По бокам светили факелы, рассеивая сумрак вечера.

— Я расчищу дорогу, — буркнул Том и, пришпорив коня, поскакал вперед, опередив Рода и Логайра.

— Посторонись, — крикнул он стражникам, — мои хозяева желают проехать.

Пики с треском скрестились, загораживая проход.

— Кто твои хозяева? — рявкнул один из солдат. — Мятажни-ки или воины Королевы?

— Мятажники? — нахмурился Том. — Что же произошло в столице, пока мы были на Юге?

— На Юге? — насторожился стражник. — Вот лорды Юга-то и взбунтовались.

— Ну, да, да! — Том решительно отмел все возражения. — Мы там находились по приказу Королевы — в качестве шпионов, если говорить начистоту. Мы спешили сообщить о том, что лорды Юга восстали, а также назвать дату их выступления. Но как эта весть могла опередить нас?

— В чем дело? — вмешался Логайр, подъехавший к ним вместе с Родом. — Посторонитесь, смерды, и дайте дорогу господам благородной крови!

Часовые повернули головы и уставились на Логайра. Затем обе пики рванулись вперед, остановившись в дюйме от груди герцога.

— Спешитесь и стойте на месте, милорд герцог Логайр! — почтительно, но твердо сказал первый стражник. — Мы должны арестовать вас по приказу Ее Величества Королевы.

А другой часовой заорал:

— Капитан! Капитан гвардии!

Логайр изумленно уставился на них. Род, миновав лорда, проехал вперед и прожег часового гневным взглядом.

— Назови преступление, за которое Королева приказала взять милорда Логайра под арест!

Часовой перевел взгляд с лица Логайра на Рода, затем обратно, и неуверенным тоном ответил:

— За измену отечеству и лично Ее Величеству Королеве.

Логайр был поражен. Затем губы его сжались, а брови сошлись на переносице, пряча глаза в темных пещерах глазниц. В свете факелов лицо его казалось залитым кровью.

— Я непоколебимо предан Ее Величеству Королеве! — взорвался он. — Хватит дерзить! Посторонитесь!

Стражник сделал судорожное движение, но не сошел с дороги.

— Говорят, что Логайр ведет мятежников, милорд.

— Солдат, — спокойно обратился Род тоном бывалого сер-жанта.

Часовой мгновенно перевел взгляд на него, но пика в его руке не дрогнула.

— Ты меня знаешь, — в голосе Рода чувствовалась скрытая угроза.

Это возымело большой эффект, чем возмущение Логайра. Солдат облизнул губы и согласился:

— Да, господин.

— Кто я?

— Вы господин Галлоугласс, бывший гвардеец Королевы.

— По-прежнему гвардеец Королевы, — все так же спокойно поправил Род. — Меня отправили на юг неделю назад, дабы я охранял милорда Логайра.

Герцог вскинул голову и бросил быстрый взгляд на Рода.

— Мы думали, что вы пропали, — промямлил солдат.

— Теперь ты знаешь, в чем дело, — Род умело придал своему голосу верный тон, намекнув, что на тупоголового солдата обрушится гнев самой Королевы, если тот не подчинится. — Милорд Логайр просит свою родственницу и сюзерена, Ее Величество Королеву, предоставить ему убежище. Она будет разгневана, узнав, что его задержали. Пропусти нас.

Часовой еще крепче вцепился в пик, судорожно вздохнул и упрямо выпятил челюсть.

— Был отдан приказ арестовать милорда Логайра и поместить его в королевскую темницу. Больше я, добрый господин, ни о чем не знаю.

— В темницу! — проревел Логайр, покраснев как рак. — Что я, грошевый бродяга, чтобы меня от ограды вели в камеру? Разве так Королева должна принимать своего вассала? Нет, нет! Потомок Плантагенетов не может пасть так низко! Негодяй, я отрежу твой лживый язык!

Он потянулся к кинжалу, и солдат трусливо отпрянул, но рука Рода остановила вельможу.

— Успокойтесь, милорд, — прошептал он. — Это Дюрер, опередив нас, распространил здесь подобные слухи. Королева может и не знать о вашей лояльности.

Логайр неимоверным усилием воли взял себя в руки, однако продолжал бурлить от ярости. Род нагнулся и шепнул Тому:

— Том, не знаешь ли ты безопасного местечка, где можно спрятать старика?

— Да, хозяин, — нахмурился Том, взглянув на него. — У его сына. Но зачем...?

— В Доме Кловиса?

— Да, хозяин. Потребуется вся королевская рать и большие бомбарды, чтобы выкурить их оттуда.

— Мне кажется, это вполне по силам свежему ветру, — буркнул Род, — но иного выхода у нас нет. Так что...

— Говори так, чтобы все могли слышать! — вмешался новый голос.

— Знакомый голосок, — пробормотал, оглядываясь, Род.

Сэр Марис протолкнулся между двух вздохнувших с облегчением стражей.

— Отличная работа, Род Галлоугласс! Ты привел в нашу западню самого опасного мятежника.

Логайр обжег Рода ненавистным взглядом.

— Я запрещаю вам переговариваться между собой, — продолжал сэр Марис. — И строго выполняйте мои приказы, ибо двенадцать лучших арбалетчиков взяли вас на мушку.

Величественный герцог гордо выпрямился в седле. Маска обреченности застыла на его лице.

— Двенадцать? — Род презрительно ухмыльнулся. — Всего лишь двенадцать стрел, чтобы убить Логайра? Дорогой сэр Марис, я вынужден сделать вывод, что ты на старости лет стал опрометчив.

Сомнение вкралось в сознание Логайра. Он бросил на Рода озадаченный взгляд.

Род спешился и зашагал по мосту прочь от лошадей. Он горестно покачал головой.

— Эх, сэр Марис, сэр Марис! Мой дорогой сэр Марис, думать, что...

Внезапно он развернулся и с пронзительным криком шлепнул коней по груди.

— Разворачивайтесь и скачите! — что есть мочи закричал он. — Скачите.

Сэр Марис и его люди застыли от удивления, и тут лошади встали на дабы, развернулись и шарахнулись прочь. Мгновение спустя двенадцать арбалетных стрел вонзились в землю там, где они только что стояли.

Один стрелок оказался немного проворнее других — его стрела со звоном ударилась в металлический круп Векса и срикошетила в реку.

Какой-то миг все потрясенно молчали, затем по рядам пробежал зловещий шепот:

— Колдовской конь! Колдовской конь!

— Замети следы, Векс, — прошептал Род, и огромный черный конь встал на дыбы, молотя копытами воздух и издавая пронзительное ржание, а затем повернулся и исчез, пропал в ночи, оставив за собой лишь затихающий вдали топот копыт.

Род мрачно улыбнулся, уверенный в том, что след Векса так переплетется со следами коней Тома и Логайра, что даже итальянский повар, специалист по спагетти, не распутает их.

Он посмотрел на небо. За пределами круга, образованного светом факелов, ничего не было видно, но ему показалось, что он слышал отдаленный крик птицы.

Он вновь улыбнулся, теперь уже более спокойно. Пусть Катарина попробует заточить его в темницу. Пусть только попробует.

Когда он повернулся к сэру Марису, улыбка сменилась кислой миной.

Старый рыцарь из всех сил старался выглядеть разгневанным, но страх переполнял его глаза, как реклама — телевизионные программы. Голос его дрожал.

— Род Галлоугласс, ты содействовал побегу мятежника.

Род стоял молча, сверкая глазами.

Сэр Марис судорожно сглотнул и продолжил:

— Я должен арестовать тебя, Род Галлоугласс, за измену Ее Величеству Королеве Грамарая.

Род вежливо склонил голову.

— Попробуйте.

Стражники пробормотали что-то и подались назад. Никто не стремится скрестить оружие с чародеем.

Глаза сэра Мариса тревожно расширились. Он повернулся и схватил за руку одного из солдат.

— Эй ты! Солдат! — прошипел он. — Беги в замок и сообщи обо всем Королеве.

Стражник припустил со всех ног, жутко обрадованный предоставившейся возможностью покинуть поле боя.

Сэр Марис вновь повернулся к Роду.

— Теперь ты должен явиться на суд Королевы, господин Галлоугласс.

— Ого! — подумал Род. — Так теперь я «господин»?

— Ты пойдешь к ней по своей воле, — озабоченно спросил сэр Марис, — или я должен привести тебя насильно?

В голосе старого рыцаря слышался такой страх, что Род с трудом удержался от хохота. Его репутация чародея имела определенные плюсы.

— Я пойду по своей воле, сэр Марис, — сказал он, шагнув вперед. — Идем?

Старик посмотрел на него с благодарностью.

— Не хотел бы я быть на твоём месте, Род Галлоугласс, даже если б мне предложили замок и герцогский титул. Теперь тебе придется в одиночку противостоять ядовитому язычку нашей Королевы.

— Ну, да, — согласился Род. — Впрочем, и у меня найдется, что ей сказать, верно? Идем же, сэр Марис.

К несчастью, долгий путь к замку дал Роду время поразмыслить над последними вздорными поступками Катарины. Поэтому, когда они подошли к ее покоям, Род стиснул зубы, весь дрожа от ярости.

Я тут его еще, ко всему прочему, поджидала комиссия в составе двух часовых и солдата, посланного вперед в качестве гонца. Наконечники двух пик были нацелены прямо в грудь Рода.

Процессия остановилась.

— И что все это значит? — осведомился Род ледяным тоном.

Гонец, заикаясь, ответил:

— Ко-королева запретила приводить к ней ча-чародея, пока его не за-закуют в цепи.

— А-а. — Род на миг поджал губы, затем вежливо кивнул гонцу.

— Значит, меня закуют в цепи?

Солдат кивнул, находясь на грани истерики.

Род с треском отбросил от себя пики, сгреб гонца за шиворот и бросил его в гущу бросившихся вперед гвардейцев. Затем он изо всех сил пнул дверь, сорвав с болтов грубые металлические петли.

Дверь с грохотом упала, и он, чеканя шаг, переступил через нее.

Сидящие вокруг кленового стола Катарина, мэр столицы и Бром О'Берин повскакали со своих кресел.

Бром бросился вперед и загородил ему дорогу.

— Какая вожжа тебе под хвост попала, Род Галлоугласс, что ты...

Но Род, не сбавляя шага, прошел мимо него.

Он остановился у стола и, повернувшись, пронзил Королеву ледяным взглядом.

Катарина отшатнулась, поднеся руку к горлу в замешательстве и испуге.

Бром вскочил на стол и проревел:

— Что означает сие неслыханное вторжение, Род Галлоугласс? Убирайтесь прочь и жди, пока Королева не позовет тебя.

— Мне не хотелось бы предстать перед Ее Величеством в цепях... — отрезал Род холодным голосом. — И я не позволю, чтобы досточтимого вельможу упекли в зловонную темницу, переполненную ворами и крысами.

— Ты не позволишь! — ахнула возмущенная Катарина.

— Да кто ты такой, чтобы позволять или не позволять? — прорычал Бром. — Ты даже не дворянин!

— Мне кажется, это только помешало бы делу, — отрезал Род. Отшвырнув в сторону стол, он приблизился к Королеве.

— А я-то думал, что в тебе есть хоть капля благородства, — глумился он. — Но теперь я вижу, что ты отвернулась даже от своей родни, от того, кто заменил тебе отца! Если ты вязалась в драку с вельможами, то, возможно, придется взять кого-то из родственников, но не родного же дядю? Позор, женщина! Будь он самым последним убийцей, тебе все равно следовало бы принять его вежливо и с подобающим его положению почетом. Ты должна была отвести лучшие покои в замке под его камеру. Это твой долг по отношению к родственнику!

Он прижал ее к очагу, смотря ей прямо в глаза.

— Нет, если бы он был всего лишь убийцей, ты без сомнения приняла бы его как должно! Но он совершил более тяжкое преступление, ибо возражал против твоих деспотичных, непродуманных законов и, того хуже, пытался защитить свою честь от твоих расчетливых оскорблений. Он посмел настаивать на том, чтобы каждому человеку выказывалась толика уважения, соответствующая его положению в обществе, со стороны мстительной, инфантильной, невоспитанной девчонки, единственным достоинством которой является титул Королевы! И вот за это он был проклят!

— Сударь, — она вся дрожала, бледная как воск, — как вы можете так разговаривать с дамой!

— Дама! — фыркнул он.

— Дамой по праву рождения! — Это был одинокий крик отчаяния. — И ты тоже покинешь меня? Будешь разговаривать со мной на языке Кловиса?

— Возможно моя речь груба, но разве не жестоко ваше поведение! И теперь я понимаю, почему все бегут от Вас — Вы клей-

мите презрением Логайра, а он единственный из всех лордов остался верен Вам!

— Верен! — вскричала она. — Но он же во главе мятежников!

— Мятежников ведет Ансельм Логайр! Отныне старик смещен в пользу сына, ибо сохранил верность тебе!

Не без злорадства Род увидел, как чувство вины вперемешку со страхом исказило ее черты. Он повернулся к Катарине спиной и отошел в сторону, предоставляя ей возможность осознать всю глубину своего предательства. Он услышал за собой судорожный вздох. Бром промчался мимо него на помощь своей Королеве, послышался скрип кресла, на которое он ее усадил.

Подняв взгляд, Род увидел Лорда Мэра, который рассеянно смотрел мимо него. Род прочистил горло. Мэр взглянул на него. Род качнул головой в сторону двери. Мэр, колеблясь, вновь посмотрел на Королеву. Род поиграл рукоятью кинжала. Увидев это, старик побелел и испарился.

Род обернулся к раскисшей девице.

Стоящий подле нее Бром бросил на него негодующий взгляд и буркнул:

— Ну, что еще! Разве рана не достаточно глубока?

— Пока что, нет, — резко ответил Род. Он вновь подошел к Королеве и продолжил ледяным тоном.

— Этот достойный вельможа — герцог Логайр, Ваш родной дядюшка, из любви к Вам выступил против всей знати, даже против собственного сына! — Его голос дрогнул. Она подняла на него полные ужаса глаза. — И это из-за Ваших идиотских законов и незнания основ дипломатии. Ансельм пошел против родного отца. У него было два сына, и Вы лишили его обоих!

Она отчаянно замотала головой в безмолвном протесте.

— Но он по-прежнему верен Вам! — прошептал Род. — Он остался верен, хотя они хотели убить его... И им это почти удалось!

Она в ужасе уставилась на него.

Род хлопнул себя по плечу.

— Вот сюда вонзился кинжал, который должен был пронзить его сердце. И все равно его спасло лишь чудо: одна ведьма, которую Вы едва ли знаете, вытащила нас оттуда!

Бром вскинул голову, пристально всматриваясь в лицо Рода. Тот нахмурился и продолжил:

— Но вот я вынес его с риском для жизни и привез сюда в целости и сохранности. И что я узнал? Его должны поместить под стражу! Причем не в качестве знатного пленника, нет! Вместо

того, чтобы обращаться с ним с должными почестями и уважением, его намереваются бросить, как простого карманника, в темную сырую темницу!

Род сделал эффектную паузу, гордый лихо завернутой фразой.

Но тут он малость перебрал — она уже взяла себя в руки. Гордо вскинув подбородок и смахнув с глаз слезинки, она сказала: — Перед моим законом, сударь, все равны!

— Да, — согласился Род, — но это должно означать, что с крестьянами следует обращаться, как с лордами, а не наоборот!

Он склонился к ней, приблизив свое лицо вплотную к ее лицу.

— Скажите мне, Королева: отчего это Катарина ко всем относится с презрением?

Это была ложь. Она презирала лишь знатных. Но глаза ее наполнились болью и внезапным сомнением.

И все же она провозгласила, еще выше задрав нос:

— Я — Королева, и все должны повиноваться мне.

— О, они повинуются, покуда Вы не отвешиваете им оплеуху. Тогда они отвечают Вам той же оплеухой!

Он отвернулся, гневно уставившись на пламя очага.

— И мне трудно винить их за это, поскольку Вы лишили их свободы.

Катарина изумилась.

— Какая еще свобода? О чем вы говорите, сударь?

— Да, намерения у Вас благие, — кисло улыбнулся Род. — Но методы претворения их в жизнь из рук вон плохи. Вы берете на себя слишком много. Вы лишаете их много сегодня, обещая им завтра вернуть все сторицей!

Он трахнул кулаком по подлокотнику ее кресла.

— Но это завтра наступит после дождичка в четверг, неужели Вы этого не понимаете? Страна поражена тяжким недугом, и всегда найдется новое зло, с которым нужно будет бороться. А значит, слову Королевы должны беспрекословно повиноваться все силы, сражающиеся на стороне добра.

Он медленно убрал руку, глаза его горели.

— И поэтому никогда не наступит тот день, когда Вы всех сделаете свободными. В Вашей стране никто не будет свободен, кроме самой Королевы.

Род сцепил руки за спиной и принялся расхаживать по комнате.

— Вы знаете, свобода — это как сообщающиеся сосуды. Если у одного человека ее больше, то у другого — соответственно меньше. Ибо если один командует, то другой вынужден подчиняться.

Он медленно сжал на ее глазах свою руку в кулак.

— Вот так, мало-помалу, Вы отнимаете у них свободу и, в конце концов, все будут повиноваться малейшей Вашей прихоти. Вы будете обладать абсолютной свободой, правом поступать так, как Вам заблагорассудится, но ни капли этой свободы не перепадет на долю Вашего народа. Она вся будет в руках Катарины.

Рука его разжалась и слегка стиснула ей горло. Она изумленно уставилась на него и судорожно сглотнула, прижавшись к спинке кресла.

— Но человек не может жить, не имея хоть какой-то свободы, — мягко произнес он. — Если у него ее нет, он умрет.

Его захват слегка уплотнился.

— Они восстанут против Вас, объединенные общим врагом. А затем они не спеша выжмут из Вас свои свободы.

Катарина, задыхаясь, дернула его за руку. Бром кинулся на Рода, чтобы спасти Королеву, но тот уже отпустил ее.

— Они повесят Вас на воротах замка, — прошептал он, — и страной будет править знать. Все Ваши начинания будут, без сомнения, загублены, ибо так всегда случается с тиранами.

Катарина вскинула голову. Глаза ее переполняла боль. Отчаянно мотая головой в яростном отрицании, она набрала в грудь воздуха и выпалила:

— Нет, только не это! Я никогда не была тираном!

— Вы всегда были им, — мягко заметил Род, — с самого рождения. Вы постоянно тиранили всех, кто Вас окружал, но до сего дня просто не осознавали этого.

Род отвернулся и вновь сцепил руки за спиной.

— Но теперь Вы знаете это, как, впрочем, и то, что Вам некого винить в поднявшемся мятеже, кроме самой себя. Вы давили на своих вельмож все сильнее и сильнее... для блага народа, по Вашим словам.

Он оглянулся через плечо.

— Но разве это не дало Вам возможность разглядеть среди них настоящих мужчин — тех, кто осмелился сказать «нет» Королеве?

Катарина презрительно скривилась.

— Мужчины! — процедила она, словно ругательство. — На всем Грамарае больше нет ни одного настоящего мужчины. Остались только мальчишки, довольные участием бабских игрушек!

Он криво улыбнулся.

— О, на Юге мужчины пока что не вымерли, да и в Доме Кловиса уж, по крайней мере, один-то имеется. Остались еще и такие мужчины, моя Королева, у которых есть душа. Они любят свою Королеву и готовы умереть за нее.

Она отвела глаза и презрительно улыбнулась.

— Об этом я и говорила — нет больше мужчин на Грамарае.

— Мужчины есть, — очень спокойно ответил Род, — и они идут на Север, чтобы доказать это.

Она уставилась на него.

Затем медленно откинулась на спинку кресла.

— Ну и ладно, пусть себе идут, а я встречу их на Бреденской равнине. Среди них нет ни одного, кого я могла бы назвать мужчиной. Скоты, да и только.

— О, Вы их встретите, — продолжал Род с издевкой. — А где же Вы возьмете армию? И кто ею будет командовать?

— Я буду командовать, — надменно ответила она. — Я и Бром. И со мной будут пятьсот гвардейцев Королевы, семьсот солдат регулярных войск и трижды двенадцать рыцарей из моих владений.

— Шестьдесят рыцарей! — скорбно поджал губы Род. — Не хватит даже чтобы поразвлечь рыцарей Юга одной полноценной атакой! Шестьдесят из скольких сотен рыцарей Вашего королевства? А ведь все остальные в рядах тех, кто против Вас! И двенадцать сотен пехотинцев против тысяч и тысяч мятежников!

Ее руки судорожно вцепились в подлокотники кресла, дабы скрыть нервную дрожь. Смертельная бледность залила лицо.

— Мы победим во имя чести Плантагенетов и Грамарая или умрем благородно.

— Я пока-что, — жестко сказал Род, — не видел ни одной благородной смерти в битве. Все они, мягко говоря, слегка неприятны.

— Замолчите! — оборвала она его, затем закрыла глаза и склонила голову. Суставы пальцев, впившихся в подлокотники кресла, побелели.

Катарина поднялась, снова гордая и спокойная, и Род не мог не восхититься ее выдержкой.

Она села за стол, придвинула к себе пергамент и перо, настроичила что-то, затем свернула письмо и протянула его Роду.

— Отнесите это моему дяде герцогу Логайру, — сказала она. — Это приказ ему явиться ко мне и, одновременно, охранная грамота. Ибо вскоре мне понадобятся все верные престолу люди, чтобы они в час опасности встали рядом со мной.

Род взял пергамент и, медленно скомкав его, швырнул в огонь, не сводя глаз с Катарины.

— Вы напишите письмо герцогу, и я отнесу его, — произнес он ледяным голосом. — Но в нем Вы любезно попросите его, чтобы он оказал Вам честь своим присутствием.

Она выпрямилась и вновь задрала нос. Род поспешно смягчил тон и улыбнулся.

— Бросьте, моя Королева! Ведь у Вас в руках все козыри. Неужто Вы не можете проявить элементарную вежливость?

Глаза его потемнели, а улыбка растаяла.

— Или Вы настолько горды, что сами ограничите свою свободу?

Он подошел к Катарине вплотную, возвышаясь над ней. — Кто будет расплачиваться за вашу гордость, моя Королева? Ваш народ? Или вы сами?

Мгновение она сверлила его ответным взглядом, но что-то в ее душе заставило Королеву прислушаться. Она опустила глаза и секунду сидела неподвижно, затем вновь повернулась к столу и стала писать.

Сложив и запечатав письмо, она протянула его Роду. Тот взял письмо, поклонился ниже, чем обычно, щелкнул каблуками и повернулся к двери.

И тут он краем глаза уловил какое-то движение у плинтуса. Он развернулся и заметил, как мышка шмыгнула под гобелен и затаилась там.

Род в два прыжка пересек комнату и поднял гобелен.

Мышка глядела на него необычно большими, зелеными и очень умными глазками.

— Я не люблю, когда подслушивают, — холодно сказал Род.

Мышка вздрогнула, но вызывающе взглянула на него.

Внезапно Рода осенило, и он нахмурился. Он бережно поднес мышку к своим глазам и взглянул на нее с нежностью, возместившей суровый вид, который он на себя напустил.

Род медленно покачал головой.

— Уж не думала ли ты, что мне здесь понадобится твоя помощь?

Мышка потупила глазки, ушки ее слегка дернулись.

— Воистину, этот человек одержим, — прошептала Катарина.

— Моя Королева, — задумчиво произнес Бром с блеском в глазах, — в Ваших словах больше истины, чем Вы можете предположить.

Подъемный мост глухо загудел под ногами спешащего Рода. Он легко сбежал по склону холма, удалившись от замка, и нырнул в рожицу канадских елей.

— Вскс, — тихо позвал он.

— Я здесь, Род.

Огромный черный стальной конь вышел из-за деревьев.

Род улыбнулся и любовно похлопал его по металлическому боку.

— Откуда, черт возьми, ты узнал, что я приду сюда?

— Элементарно, Род. Анализ матриц твоего поведения, вкупе с тем фактом, что эта роща находится ближе всего к...

— Замнем это, — буркнул Род. — Большой Том отвел Логайра в Дом Кловиса?

— Ответ положительный, Род.

Тот кивнул.

— При данных обстоятельствах это, вероятно, самое безопасное место для герцога. Какой удар для вельможи.

Он вскочил в седло, затем пошарил в кармане камзола и достал мышку. Она озабоченно взглянула на него.

— Ну, — вздохнул он, — кажется, ты нисколько не прислушиваешься к моим советам и все равно поступаешь так, как тебе заблагорассудится.

Мышка потупила глазки, пытаясь выглядеть виноватой и пристыженной, но ее усики затрепетали от восторга.

Она потерялась щекой о его ладонь.

— Ласками ты ничего от меня не добьешься, — пробурчал Род. — А теперь слушай. Сейчас ты отправишься в Дом Кловиса, куда я как раз и держу путь. Это приказ.

Мышка взглянула на него большими невинными глазами.

— Уж этот-то приказ, я уверен, ты и исполнишь, — продолжал Род, — поскольку все равно туда собираешься. Но смотри! — В его голосе появилась нотка беспокойства. — Будь осторожна, ладно?

Он поднял руку и очень осторожно чмокнул мышку в нос.

Мышка подпрыгнула, пописывая от восторга, и закружилась у него на ладони. Танцуя, она поднялась на задние лапки. Ее передние лапки вытянулись, превратившись в крылья, хвостик распустился веером, тело покрылось перьями. Носик на миг расплылся и стал клювом, и вот на ладони Рода уже плясала синица.

У Рода перехватило дыхание.

— М-да... — сказал он, немного помолчав, — просто как-то не по себе, когда впервые это видишь. Но не бойся, я привыкну.

Птичка спрыгнула с ладони, облетела несколько раз вокруг его головы и, немного попорхав перед ним, стрелой взмыла в небо.

Род посмотрел ей вслед и пробормотал:

— Как ты думаешь, Векс, на этот раз она сделает все так, как я сказал?

— Сделает, — ответил робот с несколько странной интонацией.

Род искоса взглянул на большую черную голову.

— А я-то думал, что роботы не умеют смеяться.

— Ты был не прав, — ответил Векс.

— Пшел! — Род ударил каблуками по бокам коня. Векс перешел на мощную, лапающую рысь.

— Что я могу поделаться? — буркнул Род.

— С этой дамой, — ответил Векс, — ничего. Но не волнуйся. Род. Это великолепная политика. Ее использовали многие короли.

— Да, — задумчиво произнес Род. — В конце концов, она же подчинилась, и это главное, не так ли?

Векс бесшумно протрусил на выдвинутых из копыт резиновых подушках через ворота на залитый лунным светом двор и внезапно встал как вкопанный. Род стукнулся грудью о шею коня.

— Уф-ф! — шлепнулся он обратно в седло. — Ой-ой-ой! Мой копчик! Слушай, Векс, в следующий раз, прежде чем выкинуть подобный фортель, предупреди меня, ладно? Сила инерции для тебя, возможно, лишь неудобство, но меня она разит прямо в то, чем я жив.

— Это куда же, Род?

— Неважно, — пробормотал человек, спешившись. — Хочу лишь заметить, что теперь я понял, почему у кавалеристов на седлах впереди щель.

Он пересек двор, взглянув мимоходом на луну. Та уже клонилась к горизонту — рассвет был близок.

Он постучался. Внутри кто-то закопошился, и дверь приоткрылась. Перед ним выросла сгорбленная уродливая фигура Пересмешника.

— Да, милорд? — произнес он, обнажив в улыбке кривые зубы.

Не следовало давать ему понять, что Роду известно о его роли серого кардинала. Род шагнул за порог, едва взглянув на человечешку.

— Отведи-ка меня к лорду Логайру, приятель.

— Сию минуту, милорд. — Пересмешник прошмыгнул мимо Рода и распахнул внутреннюю дверь. Род вошел в дом, стаскивая перчатки... и оказался посреди толпы нищих и воров, стоявших тройным заслоном с ножами и дубинками наготове.

Они гнусно ухмылялись, в их глазах горела жажда крови. Время от времени кто-то из них облизывал пересохшие губы.

Изувеченные лица бродяг были покрыты грязью, шрамами и всевозможными болячками, одеждой им служила грязная залапанная рвань, но ножи содержались в образцовом порядке.

Род сунул перчатки и, приняв стойку каратэ, повернулся к Пересмешнику. Этого молодца теперь окружали пять или шесть представителей отбросов рода человеческого.

— Я пришел сюда, как друг, — сказал холодно Род.

— Вот как? — ухмыльнулся Пересмешник, обнажая кровоточащие десны, и мерзко захихикал. Внезапно его глаза налились ненавистью.

— Объяви себя, мордашка?

— Как это, объявить себя?

— Ты за знать, за корону или за Дом Кловиса?

— Кончай трепаться! — огрызнулся Род. — Я что-то плохо перевариваю всю эту чушь и уже сыт ею по горло. Веди меня к Логайру, и сейчас же!

— О, да, обязательно отведем. Конечно, милорд, мигом, милорд, кратчайшим путем. — Он потер руки, веселясь от души. Затем он бросил взгляд куда-то за спину Роду и кивнул.

Род хотел было обернуться, но тут у него в затылке будто разорвалась бомба. Из глаз брызнули искры, и опустилась тьма.

К Роду постепенно вернулось ощущение боли и дикой какофонии звуков, разрывающих голову. Все затопил розоватый свет.

Некоторое время спустя он почувствовал под своей щекой что-то холодное и влажное. Розоватый свет, как он догадался, давали лучи солнца, просачивающиеся сквозь его веки.

Боль сконцентрировалась в области затылка. Род вздрогнул, затем героическим усилием заставил себя открыть глаза, и вновь содрогнулся.

Все вокруг было словно в тумане, наполненном бликами света.

Влажная и холодная поверхность под его щекой оказалась камнем, покрытым мхом.

Он с силой оттолкнулся от мокрого камня и замер, навалившись всем телом на дрожащие руки. Его тошнило.

Род мотнул головой, вздрогнул от боли и несколько раз моргнул. Веки Рода еле двигались, глаза слезились, но взор его помаленьку прояснялся. Он заставил глаза сфокусироваться на... лице Туана Логайра.

Туан сидел, привалившись спиной к почерневшему от древности камню. В него была вделана массивная железная скоба, от

которой к запястьям и лодыжкам Туана тянулись цепи. Он сидел на куче грязной, покрытой плесенью соломы, освещенной слабыми лучами тусклого солнца.

Туан улыбнулся с горечью, которая не уступала тяжести сковывающих его цепей, и поднял руку в приветствии, оглушительно загремев кандалами.

— Добро пожаловать.

Род отвел от него взгляд и осмотрелся. Старый герцог сидел у противоположной стены, прикованный рядом со своим сыном.

— Нас ожидал здесь не больно-то теплый прием, Род Галлоугласс, — угрюмо проговорил старик. — Едва ли твой слуга доставил меня в безопасное место.

Измена! Роду не следовало бы так доверять Тому.

— Большой Том, ты...

— Здесь, хозяин.

Род обернулся. Большой Том сидел у дальней стены, скованный, как и все остальные.

Том печально улыбнулся, бросив на своего хозяина укоризненный взгляд.

— Я думал, что ты освободишь нас, хозяин, а ты вот тут сидишь прикованный вместе со всеми.

Род нахмурился и взглянул на свои запястья. Его охватывала толстая, покрытая ржавчиной, полоса железа. Такие же кандалы охватывали его лодыжки.

Подняв голову, он взглянул на Тома, улыбнулся и поднял руку, тряхнув цепью.

— Слышал ли ты присказку, что каменные стены это еще не тюрьма?

— Кто так говорит, то полный идиот, — ответил Том из темноты с горечью в голосе.

Род взглянул вверх на маленькое зарешеченное окошко, выраженное в стене под самым потолком. Через него свет проникал в камеру — помещение примерно десять футов в ширину и в высоту, и пятнадцать футов — в длину. Выщербленные камни стен и потолка поросли мхом, пол был покрыт заплесневелой соломой.

Единственным украшением помещения служил скелет, прикованный к стене подобно им самим, и до сих пор не рассыпавшийся лишь благодаря мумифицированным связкам.

Род с опаской посмотрел на молчаливого соседа.

— Не больно рачительные хозяева, правда? Могли бы, по крайней мере, оттащить кости куда-нибудь в подвал.

Он вновь повернулся к окну.

— Векс, — тихонько прошептал он, дабы остальные не смогли разобрать слова. — Векс, ты где?

— В самой грязной и задрипанной конюшне, которую я когда-либо видел, — ответил робот, — в компании с пятью жалкими клячами. Я думаю, что мы являемся кавалерией Дома Кловиса, Род.

Род тихо хихикнул.

— А не бегают ли поблизости какая-нибудь мышка с большими зелеными глазами?

— Нет, Род, но на моей голове сидит синица.

Род усмехнулся.

— Спроси ее, имеет ли она какую-нибудь власть над холодным железом?

— Как я смогу разговаривать с ней, Род?

— Вещай на волне человеческого мозга! Она же телепат, идиот ты ученый!

— Род, я категорически протестую против оскорбительных инсинуаций относительно моих способностей в областях, не предусмотренных заложенной в меня программой...

— Ладно, ладно, мне очень жаль, я раскаиваюсь! Ты гений, чудо, Эйнштейн! Только спроси у нее, ладно?

Возникла пауза, затем Род услышал возбужденное чириканье.

— Что там за звуки, Векс?

— Это Гвендилон, Род. Она немного нервно восприняла сеанс телепатии с конем.

— Ты имел в виду, что она чуть не свалилась со своего наместа. Но она сказала что-нибудь?

— Конечно. Она говорит, что теперь абсолютно уверена в том, что ты — чародей.

Род застонал и закатил глаза к потолку.

— Слушай, верни ее с небес на землю, ладно? Может ли она разбить эти оковы и разрезать решетку на окне?

Вновь возникла пауза, затем Векс ответил:

— Она говорит, что не имеет никакой власти над холодным железом. Впрочем, Род, по ее словам такими способностями не обладает ни один известный ей колдун или эльф. Она советует позвать на помощь кузнеца, но боится, что это вряд ли осуществимо.

— О, боже, дай мне силы... Ну, скажи ей, я рад, что она не утратила чувство юмора. И спроси ее, каким образом она, черт ее дери, собирается вытащить нас отсюда!

— Она говорит, что незачем употреблять сильные выражения, Род.

— Незачем было передавать мои слова буквально, куриные твои мозги!

— И она думает, что Князь Эльфов в силах освободить тебя. Она надеется, что он придет, и хотя он находится неподалеку, это займет некоторое время.

— Мне казалось, она говорила, что эльфы бессильны против холодного железа!

Вновь возникла пауза, затем Векс сказал:

— Она говорит, Род, что Князь Эльфов лишь наполовину эльф, в его жилах течет не только Старая Кровь.

— Лишь наполовину... Минуточку! — нахмурился Род. — Ты хочешь сказать, что он родился от связи эльфа и смертного?

— Именно так, Род.

Род попытался представить, как восемнадцатидюймовый эльф и шестифутовый смертный могли бы занять ребенка, и чуть не повредился в рассудке.

— Теперь, Род, она отправляется, чтобы позвать его, обещая вернуться как можно быстрее, но это займет какое-то время. Она просит, чтобы ты не падал духом.

— Он и так уже упал ниже некуда! Передай ей, что... нет, просто скажи, что я благодарю ее.

Ему показалось, что в динамике за его ухом кто-то тихонько вздохнул, и робот произнес со смирением в голосе:

— Я передам, Род.

— Спасибо, Векс. Оставайся на связи.

Род вернулся мыслями обратно в камеру. Оба Логайра сидели, вжавшись в стену и странно глядя на него.

— Он разговаривает с бесплотным духом, — пробормотал Туан. — Воистину, этот человек одержим!

— Кажется, я уже слышал нечто подобное прежде, — проворчал Род. — А дух здесь стоит очень даже ядреный.

— И все же, — не сдавался Логайр, — это поступок сумасшедшего.

Большой Том оглушительно хохотнул.

— Отнюдь, милорды. Этот человек действительно умеет разговаривать с призраками.

Род кисло улыбнулся.

— С чего бы ты так развеселился, Том?

Великан потянулся, зазвенев цепями.

— На миг я подумал, что они одолели тебя, хозяин. Но теперь я понял, что свалил дурака.

— Не зарекайся, Том. Нелегко будет разбить чары хладного железа.

— Нет, хозяин. — Том лениво прикрыл глаза. — Я уверен, ты найдешь к нему подход.

Он сплел пальцы на животе и прислонился затылком к стене.

Род улыбнулся, когда Том начал храпеть. Он посмотрел на Логайров и кивнул головой в сторону здоровяка.

— Вот вам пример непоколебимой веры. Покуда я занимаюсь делами, он может и вздремнуть.

— Что ж, будем надеяться, что сия вера не лишена оснований, — сказал Туан, с сомнением взглянув на Рода.

— Будем надеяться, — повторил за ним Род.

Он кивнул герцогу.

— Возобновим знакомство?

Логайр улыбнулся.

— Я рад вновь увидеть сына, хотя предпочел бы, чтобы это произошло в более подходящем месте.

Туан нахмурился, опустив взгляд.

— Печальные известия принес мне отец, Род Галлоугласс, весьма печальные и горькие.

Он взглянул на Рода. Лицо его пылало от гнева.

— Я знал, что мой брат полон ненависти и честолюбия, но не думал, что он опустится до измены.

— О, не будь так строг к бедному пареньку, — Род привалился к стене и устало прикрыл глаза. — Его околдовал Дюрер. Если уж его чары почти подействовали на отца, то что говорить о сыне?

— Ты прав, — помрачнев, согласился Туан. — Меня самого обвел вокруг пальца Пересмешник.

— Правда? — приоткрыл Род один глаз. — Неужели ты это понял?

— О, да! Он отпетый негодяй! Этот подонок будет кланяться тебе самым униженным образом, покуда его приспешники срежут у тебя кошель... вот как он служил мне!

Род поджал губы.

— Он-то и подал тебе мысль организовать нищих?

— Да, — неохотно кивнул Туан. — Сперва я думал лишь о том, чтобы облегчить им существование, но его слова заставили меня додуматься до армии для защиты Королевы. А то, что я видел и слышал на Юге, привело меня к мысли, что подобная армия просто необходима.

Старый герцог откашлялся.

— Прости, отец, — сказал Туан, склонив голову, — но я понимал, что даже ты не сможешь вечно сдерживать их. Однако я не думал, — голос его посуровел, — что измена придет со стороны Ансельма.

Род завертелся, чувствуя себя неудобно.

— Ну, я же сказал, что тебе не следует во всем винить только его. В конце концов, он ведь попытался удержать Дюрера от убийства своего отца.

Он сел по-турецки.

— Словом, как только Пересмешник прослышал, что Юг взялся за оружие, он тотчас решил, что пришла пора показать свое истинное лицо и свергнуть Королеву. Верно?

— Да, — Туан, скривился, как если бы он впервые попробовал неразбавленный вермут. — Когда я выступил против него, говоря, что настало время встать на защиту Королевы, он назвал меня предателем и, — Туан нахмурился, с трудом выдавливая из себя слова, — один из нищих хотел прикончить меня. Но Пересмешник и слышать не хотел об этом. Нет, он бросил меня сюда, томиться в голоде и холоде.

Нахмурившись, он взглянул на Рода.

— Все это очень странно, Род Галлоугласс. Не думаешь ли ты, что он хочет собственноручно прикончить меня?

— Нет, — Род закрыл глаза и покачал головой. — Ему нужен человек, который будет играть роль номинального короля, когда они скинут Катарину.

— Не короля, — задумчиво поправил Туан. — Он вопил, что отныне править будет не король, а своего рода вождь, выдвинутый волей народа.

— Своего рода вождь... — нахмурился Род. — А как он называет этого вождя?

— Диктатором. — Туан пожевал щеку. — Крайне странный титул. Не будет ни знати, ни короля — один лишь диктатор. Воистину, очень странно.

Род горько усмехнулся.

— Не так уже и странно, как кажется. Но не хочешь ли ты сказать, что нищие рассчитывают взять замок штурмом?

— Нет, но всем известно, что если Юг взялся за оружие, Катарина не будет сидеть сложа руки и ждать, пока ей навяжут битву.

— М-да, — Род переварил эту мысль. — Ты хочешь сказать, что Пересмешник ничуть не сомневается в том, что она выступит на юг навстречу мятежникам?

— Вне всякого сомнения. А Пересмешник пойдет у нее по пятам.

Род кивнул.

— Как только армии сойдутся в битве, нищие тут же атакуют с тыла войска Королевы.

— Они всегда нападают сзади, — прогремел старый Логайр.

Туан кивнул, соглашаясь.

— Оказавшись между молотом и наковальней, ее войско не выстоит и получаса.

— А как Пересмешник намеревается поступить с вельможами и их советниками, как только сражение закончится? Дюрер намеревается короновать твоего брата.

— Кажется так, — согласился Туан, — но Пересмешник приготовил сюрприз для него и для всех вельмож.

— Ну-ну? — поднял бровь Род.

— Да. Что-то вроде трубки из металла, насаженной на приклад арбалета, только и всего. Но она выбрасывает свинцовый шарик с такой силой, что он пробивает самые прочные доспехи.

— И он намерен вручить каждому солдату своей армии по такой штуке?

— О, нет, — нахмурился Туан. — У него их всего пять. Одна — ему, по одной каждому из его ближайших помощников, а оставшуюся — четвертому помощнику, — Туан кивнул головой в сторону храпящей гороподобной фигуры Тома. — Но в последнее время тот впал в немилость. Он уверял нас, что эти пять трубок разобьют в пух и прах все силы знати и советников.

Род уставился на Тома.

— Большой Том? — он сглотнул. — Помощник?

— Да, — нахмурился Туан. — Разве ты не знал, что он из Дома Кловиса.

Том бдительно приоткрыл глаз и посмотрел на Рода.

Род отвел взгляд, прочистил горло и поджал губы.

— Ну, это многое объясняет.

Он вновь уставился на Тома.

— Значит, ты член Внутреннего Круга?

Большой Том кисло ухмыльнулся и поднял руку. Цепь клацнула и зазвенела.

— Был им, — ответил он.

— Он выступил против них, — прорычал сэр Логайр, — выступил против своих собратьев и этого, как вы там его зовете, Пересмешника. Словом, он встал поперек дороги Пересмешнику и его трем шакалам, когда те приказали заточить меня вместе с моим сыном. «Нет, — изрек твой слуга Том. Я должен отвести его к своему хозяину, дабы он послужил нашим планам». Планы изменились, — ответствовали они и слышать не желали о моем освобождении. И тогда твой слуга Том сражался бок о бок со мной, положив немало противников. — Последние слова были произнесены с невольным уважением.

Том усмехнулся, и Род с изумлением заметил, что у великана не хватает одного из передних зубов.

— Ты и сам бравый боец, — хихикнул Том. — Не думал я, что джентльмен может так славно драться без меча и доспехов.

Род взгляделся в полумрак на противоположном конце камеры и увидел, что один из глаз здоровяка заплыл и побагровел, а поперек щеки тянется свежий шрам.

Он откинулся назад, улыбаясь краем рта.

— Сколько голов ты расколотил, Большой Том?

— Едва ли двенадцать, — недовольно ответил Том. — Мой тыл охранял лишь этот несгибаемый джентльмен, а их было слишком много для нас двоих.

Род усмехнулся, гадая, понимает ли Логайр, сколь высоких похвал он удостоился.

Он потянулся и зевнул.

— Ну, что ж, вернемся к нашим баранам. У кого-нибудь есть колода для покера?

Оба Логайра озадаченно нахмурились, но в глазах Большого Тома блеснула искра понимания.

Род хитро улыбнулся рослому крестьянину. Лицо Тома осталось непроницаемым. Он ответил Роду пристальным взглядом.

— Да брось ты, Том! — раздраженно сказал Род. — Теперь твоя тайна — секрет Полишинеля. Больше нет смысла играть в эти игры, не так ли?

Том сердито взглянул на него, затем его лицо прояснилось, догадка озарила его.

Он вновь привалился к стене, полуприкрыв глаза.

— Да, тут ты прав, да и когда ты бывал не прав?

У Рода что-то оборвалось внутри, когда он понял, что был для Тома кем-то большим, чем просто работодатель или фишка в игре.

— Теперь моя судьба навеки связана с твоей, — сказал Том. — Хочу я этого или нет. Так к чему мне лицемерить?

— Лицемерить? — вскинул брови Род. — Весьма напыщенный у тебя язык для простого крестьянина, Большой Том.

Том отмахнулся.

— Кончай свои игры! Я снял маску. Теперь, будь так любезен,ними свою.

Род замер.

Затем он медленно расплылся в улыбке.

— Для увальня ты слишком шустрый. Когда ты догадался?

Логайры уставились на них, совершенно сбитые с толку.

Большой Том хохотнул.

— Да как только ты применил против меня прием даю-до!

— А! — поднял брови Род. — Значит, с самого начала? Так вот почему ты так добивался места ординарца.

Том лениво улыбнулся.

— По приказу?

Том кивнул.

Род опустил глаза, изучая цепь на своем запястье.

— Кто ты, хозяин?

— Чародей, — Род внутренне содрогнулся, но при данных обстоятельствах это был лучший ответ.

Большой Том сплюнул.

— Увиливаешь, хозяин, увиливаешь. Ты же сам сказал, что пора кончать с играми! Ты не один из советников, иначе ты не выкрал бы у них лорда Логайра, но ты и не из Дома, иначе я давно бы знал о тебе все. Кто же ты тогда?

— Чародей, — повторил Род. — Новый игрок, Большой Том, и тот, кто стеной стоит за Королеву. Я — икс, не учтенный в уравнениях советников и Кловиса, фактор, оказавшийся здесь по чистой случайности, благодаря невероятному совпадению.

— Черта с два! — вновь сплюнул Большой Том. — Я не больно-то верю в совпадения, хозяин. Я знаю, что ты на стороне Королевы, но могу ли я спросить, кто стоит за тобой?

— Странную манеру выбрал слуга для разговора со своим господином, — проворчал Логайр.

Род невесело улыбнулся.

— Это необычный слуга, милорд.

— Да, и не менее необычный хозяин, — прорычал Том. — Кто стоит за тобой, Род Галлюгласс?

Род пристально взглянул на великана и пожал плечами. Логайрам это слово все равно ничего не скажет, а Том сейчас так и так был на его стороне.

— ПОИСК, — ответил он.

Том уставился на него, а затем почти шепотом произнес:

— А я-то думал, что никого из них не осталось в живых. — Он сглотнул и закусил губу. — Но ведь ты жив. Должно быть, ты призрак, но нет, тогда эта ведьма не привязалась бы так к тебе. Я слышал, что вас разогнали, после того как вы одержали победу. Наверное, это неправда, и мне следовало бы догадаться. Возможно, то была тайна, и тайна ото всех, ибо ты жив!

— Победили? — нахмурился Род.

В ответ Том скорчил мину, привалился к стене и расхохотался во всю глотку.

Логайры перевели взоры с него на Рода. Тот развел руками и покачал головой. Они вновь уставились на Тома, который вытирал глаза и всхлипывал от смеха.

— Хе, хе, теперь я понимаю, какой же я был дурак, если раньше до этого не додумался. Сколько тебе лет, хозяин?

— Лет? — нахмурился Род. — Тридцать два минуло, а что?

— Нет, нет, — Том нетерпеливо замотал головой. — Из какого ты года?

У Рода отвисла челюсть, когда до него дошел смысл вопроса.

— Это все же была машина времени!

Лицо Большого Тома застыло, едва он понял, что означает ответ Рода.

— И, — нажал на него Род, — существует еще одна, спрятанная в этом здании, верно?

— Хватит! — отрезал Большой Том, и глаза его превратились в льдинки. — Ты и без того слишком много знаешь, Род Галлоугласс.

Страх стиснул желудок Рода, и по спине его побежали мурашки, когда он увидел в глазах великана холодную готовность к убийству.

— Большой Том, — он прочистил горло и быстро заговорил: — Большой Том, теперь твои соратники повернулись против тебя, и отныне ты не обязан хранить верность им. Они обещали уничтожить несправедливость, но и мне это тоже под силу. Если ты попытаешься вернуться к ним, то они убьют тебя. А я нет, и ты это знаешь.

Взгляд убийцы потух, гигантская туша Тома расслабилась.

— Да, — буркнул Том, — ты снова прав, но дела обстоят немного иначе. Они загнали меня сюда лишь на время, покуда не будут завершены великие деяния. Но потом они вновь вытащат меня наружу, ибо я слишком ценный человек, которого нельзя так просто пустить в расход. Но ты прав — они прикончат меня через год-два, быть может, через пять лет, когда я им больше не буду нужен. А я чертовски хочу жить.

— Они не сомневаются в твоей верности? — спросил скептически Род.

Большой Том глухо рассмеялся.

— В этом нет нужды. Мы расходимся во мнениях относительно средств, а не цели. Но поскольку я осмелился выразить свое несогласие, то они за это рано или поздно все же расправятся со мной.

— Род, — произнес тихий голос, который мог слышать лишь он один.

Род поднял руку.

— Тихо! Последние новости из Риальто!

— Род, прибыл Князь Эльфов. Он ведет к вашей камере отряд своих подданных, — в голосе робота слышались насмешливые нотки.

— Ладно, чего тут смешного?

— Тебя ждет сюрприз, Род.

К окну шмыгнули два сгорбленных седобородых человечка. Род нахмурился.

— Векс, так это же гномы, а не эльфы.

— Гномы? Ах, да, эльфы, имеющие опыт обращения с металлом. Чистая семантика, Род. Они тоже бессильны против железа.

Гномы вытащили молоток и холодной закалки зубило со слабым бронзовым отливом, затем отступили назад и передали инструменты более рослой темной фигуре, загородившей окошко.

Логайры, прикованные прямо под окном, чуть не свернули себе шеи, пытаясь понять, когда будет нанесен первый удар.

Большой Том нахмурился.

— Эта фигура за окном мне смутно кого-то напоминает. Ах, если бы на его лицо упал хоть лучик света.

Род хмыкнул.

— Что такого особенного может быть в его лице? Скорее всего, оно уродливо, как смертный грех.

Том осклабился.

— То был бы величайший сюжет для рассказа моим детям, дорогой хозяин, если я проживу достаточно, чтобы успеть за-

чать их. Еще ни один смертный не видел лиц членов королевского Дома Эльфов, хотя говорят, что все они жутко стары. Они... у... а... хрррр!

Голова Тома склонилась на грудь, и он захрапел.

Ему вторили еще два носа. Обернувшись, Род увидел, что Логайры блаженно спят, уткнувшись подбородками в грудь.

Род недоуменно уставился на них.

Металлический прут выпал из окна и со звоном упал на пол. Его концы были перерублены.

Род присвистнул. Этот Князь Эльфов, возможно, и глубокий старик, но силенок у него еще пруд пруди, если он смог перерубить дюймовой толщины прут одним лишь холодной закалки зубилом и молотом.

Наконец упал и третий прут. Раздался шорох, и приземистая широкоплечая фигура пролезла сквозь окно и прыгнула на пол.

Род уставился на нее, зажмурился и помотал головой. Когда он вновь открыл глаза, то понял, почему Тома и Логайров так внезапно сморил сон.

Он сглотнул, пытаясь взять себя в руки, и улыбнулся.

— Рад встрече, Бром О'Берин.

— Всегда к твоим услугам. — Карлик поклонился, ехидно улыбаясь. — Я должен тебе хорошенько врезать за то, как ты разговаривал с Королевой, Господин Галлоугласс. А может поблагодарить тебя за это, не знаю.

Он повернулся к окну и что-то тихонько сказал на странном певучем языке. Зубило, описав дугу, упало к его ногам. Затем он протянул руку и поймал на лету молоток.

— Ну а теперь... — Бром опустил на колени и прижал предплечье Рода к полу. — Не швелись, иначе у тебя в кости будет щель.

Он приложил долото к первому звену цепи и слегка стукнул молотком, разрубив звено пополам. Бром хмыкнул и зашел с другого боку.

— У тебя останутся браслеты, — буркнул он, — но без цепей. Кандалы подождут, пока мы не доберемся до кузницы замка.

— Э-э... у тебя тут весьма прочная бронза, — рискнул заметить Род, следя за тем, как долото разрубает железо.

— Тверже некуда, — согласился Бром, занявшись цепью на лодыжках. — Старый рецепт, давно известный моему роду.

— Э-э... твоему роду?

— Да, — поднял глаза Бром. — В древней Греции тоже были эльфы, Род Галлоугласс. Разве ты об этом не знал?

Род не знал, но решил, что сейчас не стоит признаваться в этом.

Он встал, освобожденный, наконец, от цепей, и стал наблюдать за тем, как Бром освобождает от оков остальных узников. Титул Князя Эльфов многое объяснял. Например, телосложение Брома.

— Никогда бы не подумал, что в тебе течет королевская кровь, Бром.

— Гм! — Бром оглянулся через плечо. — А мне казалось, что ты обязательно догадаешься. По какой другой причине мне могли дать такое имя?

Он вернулся к прерванной работе. Род нахмурился. Имя? Какое оно могло иметь отношение к чему-либо? Бром О'Берин? Он не видел никакой зацепки.

— Вот, наконец, и последний, — сказал Бром, перерубая цепь, сковывающую ноги Большого Тома. — А теперь помоги-ка мне, господин Галлоугласс.

Он выпрыгнул наружу через окно. Род подsunул плечо под брюхо Тома и, шатаясь, подволок его к окну, когда оттуда была сброшена веревка.

Род обвязал ею тело Тома под мышками, забросил свободный конец в окно и крикнул:

— Майна!

Он услышал, как крикнул Бром, и в который раз подивился силе карлика, видя, как Большой Том рывками поднимается вдоль стены, по-прежнему блаженно похрапывая.

Из-за мускулистого торса, широкого, как пивная бочка, Том с трудом проходил в узкое оконце.

— Почему бы на мне разбудить его и не позволить вылезти самому? — прохрипел Род, толкая Тома в объемистый зад.

— Я не хочу, чтобы смертные узнали о занимаемом мною положении, — донесся приглушенный ответ Брома.

Из окна теперь торчали лишь бревноподобные ноги и могучая филейная часть Тома. Род примерился, раздумывая, не подтолкнуть ли ему здоровяка хорошим пинком под зад, но решил, что не стоит.

— Тогда, почему ты позволил мне бодрствовать? — прокричал он, изо всех сил пихая великана.

— Кто-то из вас должен был помочь мне вытащить остальных, — сказал Бром, но Роду показалось, что он не сказал всей правды.

Однако, он решил прекратить расспросы до тех пор, пока его друзья по несчастью не будут положены на землю по ту сторону окна. Плечи Гунда доставили им больше хлопот, чем брюхо Тома. Пришлось вытаскивать его ногами вперед, подняв ему руки над головой. Пока они этим занимались, у Рода в мозгу мелькнула пара мыслишек, связанных с предками этого косолапого.

Затем Бром вытащил Рода, бормоча что-то насчет того, что рыба нынче измельчала. Вскочив на ноги, Род промышчал ответный комплимент, после чего согнулся в три погибели, опустив голову до уровня Брома.

— А это еще зачем? — буркнул Бром.

— Для порки, — ответил Род. — Ты же обещал врезать мне как следует, помнишь?

Карлик хихикнул и хлопнул его по плечу.

— Нет, малыш. Ты только сделал то, что мне самому следовало сделать еще много лет назад, да никак духу не хватало. Но поспешим, нам пора убираться отсюда. Гномы взяли Туана за плечи и за ноги, Бром подхватил его посередине, и они дружно потащили парня к полуразрушенному фонтану в центре двора.

Из развалин вылезли новые гномы и подхватили на плечи Большого Тома.

Удивленно покачав головой, Род нагнулся и перекинул через плечо Логайра.

Бром нащупал нужный камень у основания фонтана и вытащил его, открыв темное жерло небольшого, около трех футов в диаметре, туннеля.

Род прикоснулся к плечу Брома.

— А не проще ли нам будет сперва разбудить их?

Бром ошарашенно уставился на него. Затем его лицо налилось кровью.

— Мы идем в Страну Эльфов, Господин Галлоугласс! И ни один смертный не может путешествовать там иначе, как в бессознательном состоянии!

— А я?

— Ну, тут ты прав, — признал Бром. — Однако, ты не простой смертный, а чародей.

И он исчез в норе.

Род хотел было возразить, но передумал, успокоив душу тем, что покуда тащил Логайра по туннелю, пробурчал себе под нос несколько замечаний по поводу дискриминации, грозясь послать доклад в «Комиссию по правам человека».

Двое гномов хотели положить камень на место, но Род остановил их, подняв руку.

— Векс, — прошептал он, глядя на конюшню, — мы в пути. Выбирайся из этой дыры и встречай меня в замке.

Возникла секундная пауза, затем со стороны конюшни донесся треск ломающегося дерева. Дверь с грохотом распахнулась, и огромный черный конь с высоко поднятой головой и с развевающейся гривой вихрем вылетел на залитый лучами утреннего солнца двор.

Из узких окон трактира высунулись головы зевак, а из конюшни выбежал, спотыкаясь, разбуженный Вексом сторож, который вопил во всю глотку, приказывая коню остановиться.

— Давай, уноси ноги! — прорывал Род, но вместо этого Векс встал, как вкопанный, и оглянулся через плечо на конюха.

Юнец, крича, подбежал к Вексу и протянул руку, пытаясь схватить жеребца под уздцы.

Между шкурой Векса и рукой парня пробежал яркий электрический разряд.

Сторож вскрикнул, схватился за руку, рухнул навзничь, и принялся, громко стелая, кататься по камням. А Векс исчез, оставив за собой облако пыли и громкий топот копыт.

— Выпендриваешься, — проворчал Род, когда конь скрылся из виду.

— Вовсе нет, Род, — послышался спокойный голос Векса. — Просто преподавал им наглядный урок... Да и сила тока была не велика. Это лишь встряхнет его, но не причинит вреда, и к тому же укрепит твою репутацию чародея.

Род медленно покачал головой.

— Разве она требует дополнительных подтверждений?

— Неужели, господин Галлоугласс, — хихикнув, вставил один из гномов голосом, сильно смахивающим на скрежет ржавого консервного ножа, — ты думаешь, что кто-нибудь поверит, будто ты не чародей?

— Да! Э-э, то есть я... — Род бросил взгляд на вход в туннель. — Чародей? Конечно, я чародей! По крайней мере, пока мы не выберемся из Страны Эльфов. Пошли, ребята.

В скором времени они сидели вокруг камина в палате Совета Королевы. Катарина рассыпалась в извинениях перед Логайром, в то же время подчеркнуто игнорируя Туана. Покончив с любезностями, она вновь взялась за свое.

Туан сидел слева от очага, не отводя задумчивого взгляда от пламени.

Катарина сидела в самом дальнем от Туана углу зала, расчетливо поместив между собой и ним дубовый стол и Брома О'Берина в придачу.

— ...вот так обстоят дела на Юге, моя Королева, — закончил Логайр. В течение всего доклада, изобиловавшего такими нюансами, что Род так и не смог вникнуть в них до конца, старик, казалось, не знал куда деть свои узловатые пальцы.

— Я больше не герцог, а мятежные лорды уже на пути к столице...

Катарина повела плечами.

— Ты снова станешь герцогом Логайром, — холодно заявила она, — когда мы разобьем этих изменников!

Логайр печально улыбнулся.

— Разбить их будет непросто, Катарина.

— Ваше Величество! — огрызнулась она.

— Катарина — рявкнул Род.

Она испепелила его взглядом.

Он ответил ей тем же.

Катарина надменно отвернулась.

— Кто я, Бром?

— Ваше Величество, — ответил тот с легкой улыбкой, — но для своего дяди и для его сына, вашего кузена, вы должны быть просто Катариной.

Род с трудом подавил улыбку, когда Катарина откинулась в своем кресле, ошеломленно уставившись на Брома.

Взяв себя в руки, она испепелила его взглядом из серии: «И ты, Брут?»

— Я думала, что ты на моей стороне, Бром.

— Ну, так оно и есть, — улыбнулся карлик, — и вот тот крик тоже, — он ткнул пальцем в сторону Рода, — если вы еще этого не поняли.

Катарина холодно взглянула на Рода.

— Да уж, кричит, — голос ее посуровел. — А что же дятел?

Голова Туана дернулась, словно от пощечины. Он испуганно уставился на нее глазами, полными боли.

— Когда-нибудь, — подумал Род, — она толкнет его чуточку сильнее, чем нужно, и это, возможно, будет счастливейшим днем в ее жизни... если она переживет его.

— Я за тебя, — выдохнул Туан, — даже теперь, моя Королева, Катарина.

Она улыбнулась, надменно и презрительно.

— Вот дрянь, — подумал Род, сжав кулаки. — Дрянь!

Катарина уловила безмолвное шевеление его губ.

Она игриво улыбнулась.

— Что это вы там бормочете?

— Ну, просто продельваю дыхательные упражнения, которым меня научил мой старый логопед. — Род прислонился к стене и скрестил руки на груди. — Но как же вы все-таки предполагаете поступить с мятежниками, милая Королева?

— Мы выступим в поход на юг, — отрезала она, — и встретим их на Бреденской Равнине!

— Нет! — Логайр вскочил с кресла. — Соотношение сил десять к одному, если не больше.

Катарина прожгла дядю бешеным взглядом, уголки ее рта упрямо изогнулись.

— Мы не останемся в городе, забившись в щели, словно крысы!

— Тогда, — сказал Род, — вы проигрываете.

Она бросила на него взгляд сверху вниз (ловкий трюк, если учесть, что она сидела, а он стоял).

— При этом наша честь не пострадает, господин Галлоугаласс.

Род хлопнул себя по лбу и закатил глаза.

— А что мне остается делать? — фыркнула она. — Готовиться к осаде?

— Ну, раз уж об этом зашла речь, — сказал Род, — то да.

— Не забывайте еще кое о чем, — вставил Туан бесстрастным голосом. — Кто будет защищать ваш тыл от Дома Кловиса?

Она выпятила губу.

— Нищие!

— Нищие и головорезы с очень острыми ножами, — напомнил ей Род.

— Чтобы Королева испугалась нищих? — фыркнула она. — Да никогда! Они всего лишь пыль под моими ногами!

— То, что ползет во прахе у Ваших ног, может оказаться змеей! — рявкнул Бром. — И зубы ее остры и ядовиты.

Она закусила губу и опустила глаза, терзаясь сомнениями.

Затем Катарина вновь выпятила челюсть и прожгла Туана испепеляющим взглядом.

— Так значит ты вооружил против меня армию, поставив нищих под свое начало, и выковал из этого сброда кинжал в мою спину! Доблестная работа, Король Бродяг!

Род вскинул голову, на миг замер, уставившись в пространство, затем повернул голову и как-то странно взглянул на Туана.

— Я выступаю в поход, — заявила Катарина. — Вы идете со мной, милорд Логайр?

Старик склонил голову в знак согласия.

— Ты валяешь дурака, Катарина, и скоро погибнешь, но я умру вместе с тобой.

Самообладание на миг покинуло Катарину, и на глазах у нее выступили слезы.

Она поспешно повернулась к Бром.

— А ты, Бром О'Берин?

Карлик развел руками.

— Сторожевой пес Вашего отца, миледи, верен Вам.

Она нежно улыбнулась.

Затем она взглянула на Туана, и глаза ее посуровели.

— Говори, Туан Логайр.

Юноша очень медленно оторвал взгляд от языков пламени.

— Странно, — задумчиво произнес он, — мне минуло лишь двадцать два года, но оглянувшись на прожитое, я увидел, что жизнь была полна безрассудства.

Род услышал, как Катарина тихонько ахнула.

Туан хлопнул себя по ляжке.

— Ну, что было, то прошло. И если я жил, как дурак, то почему бы мне и не умереть тоже по-дурацки.

Он повернулся и нежно взглянул на девушку.

— Я умру вместе с тобой, Катарина.

Лицо ее стало пепельно-серым.

— Безрассудно... — прошептала она.

— Он и не догадывается, сколь мудро говорит, — буркнул Бром. Он глянул через плечо Туана на Рода.

— Что ты скажешь на это безрассудство, Род Галлоугласс?

Глаза Рода медленно сфокусировались на Броне.

— Мудрый шут, храбрый шут, — пробормотал он.

— Что ты сказал? — нахмурился Бром.

— Я говорю, что мы, быть может, и переживаем все это! — усмехнулся Род, в глазах его бушевало пламя.

— Эй, Король Бродяг, — хлопнул он Туана по плечу. — Если исчезнет Пересмешник и его приспешник, сможешь ли ты перетянуть нищих на сторону Королевы?

Лицо Туана вновь ожило.

— Да, наверняка, если только они исчезнут!

Род оскалился в недоброй усмешке.

— Им придется это сделать.

Полная луна сияла высоко в небе, когда Род, Туан и Том метнулись из тени полуразрушенной стены к развалинам фонтана во дворе Дома Кловиса.

— Из вас обоих вышли бы великолепные взломщики, — проворчал Большой Том. — Ваш топот я услышал бы за пару лиг.

Убедить Тома пойти вместе с ними оказалось нелегкой задачей. К тому же, Род сперва зашел не с того боку. Исходя из того, что преданность Тома идеям диктатуры пролетариата обратилась в прах, едва его заковали в кандалы, Род хлопнул Тома по спине и спросил:

— Хочешь вернуть должок своим приятелям?

Том нахмурился.

— Вернуть должок?

— Ага. Они же выперли тебя, да еще упекли в каталажку, верно? А теперь они жаждут твоей крови, разве не так?

Том хихикнул.

— Нет, хозяин, и в половину не так! Ей богу! Они освободили бы меня, едва эта заварушка закончилась бы!

— М-да, — нахмурился Род. — Понимаю. Обученные люди на дороге не валяются.

Лицо Тома помрачнело.

— Ты что-то уж слишком быстро все схватываешь.

— Ну, ладно, что было, то было, — Род обнял великана за плечи, чуть не вывихнув себе при этом руку. — Гм, в таком случае... за что же они тебя заперли?

Том пожал плечами.

— Возникли разногласия.

— В путях и средствах, да?

— Верно. Они хотят покончить с Королевой и со знатью одновременно, хотя налицо неравенство сил.

— Да, рискованное дельце. А каков твой план?

— Ну, сперва свалить вельмож и их советников под личиной верности трону. Затем мало-помалу мы могли бы склонить все вотчины на сторону Дома Кловиса и, обеспечивая поддержку народа, свалить Королеву и Брома О'Берина двумя ударами кинжала.

Род споткнулся и напомнил себе, что сейчас этот человек на его стороне.

— Очень ловко, — хлопнул он Тома по спине, — говоришь как убежденный маленький большевик. Но насколько все это важно для тебя самого, Том?

Большой Том окинул его долгим оценивающим взглядом.

— Какую цену ты готов заплатить, хозяин?

Род усмехнулся.

— А не бросить ли нам четверых твоих коллег в ту самую камеру, которую они припасли для тебя?

— Звучит заманчиво, — хмыкнул Большой Том. — Но дальше-то что, хозяин?

— Ну тогда, — сказал Род, — Дом Кловиса будет сражаться на стороне Королевы против вельмож, что значительно увеличит вероятность разгрома знати и их советников. А затем ты сможешь претворить в жизнь свой собственный план.

Том медленно кивнул.

— Но станут ли нищие драться за Королеву?

— Станут, если мы поручим это дело Туану Логайру.

Том откинул голову назад и захохотал во все горло, хлопнув Рода по спине.

Когда Род поднялся с пола, он услышал, как Большой Том прохрипел, давась от смеха:

— Эх, мне следовало самому подумать об этом, хозяин! Да, этот паренек их очарует! Вы даже представить себе не можете, хозяин, как хорошо у него подвешен язык! Мальчик даже леопарда смог бы убедить, что у него на теле нет пятен!

Род сохранял спокойствие, стараясь припомнить, встречал ли он леопарда на Грамарае и, в то же время, пытался помассировать ноющую спину.

— Вы так вывихнете себе руку, — усмехнулся Том и, развернув Рода, принялся растирать ему ушибленное место. — Вы знаете, хозяин, если мы совместными усилиями разобьем-таки советников, то я буду охотиться за вашей головой, равно как и за головами Королевы и Брома.

Род закрыл глаза, наслаждаясь массажем.

— Вероятно, то будет великая схватка. Немного левее, Большой Том.

Так они стояли в тени фонтана вместе с Туаном, прикидывая, как им проникнуть внутрь бесформенной груды камней, возвышавшейся по ту сторону залитого лунным светом двора.

Род сосчитал свой пульс, проверяя, действительно ли его сердце замедлило биение, и тут Том прошептал:

— Все тихо. Они не заметили нас, добрые господа. А теперь, приготовьтесь.

Том подобрался, словно готовясь к прыжку.

— Время! — рывкнул он и побежал.

Род с Туаном, мягко ступая, бросились за ним через полосу лунного света, который показался им ослепительно ярким, к спасительной тени стены, а затем, затаив дыхание, с бешено колотящимися сердцами прижались к камню, пытаясь уловить какие-либо признаки тревоги.

Выждав минуты три, длившиеся, казалось, целую вечность, Большой Том испустил громкий вздох облегчения.

— Ладно, ребята! — прошипел он. — Двинули дальше.

Когда они обогнули большой завал из влажных камней, Том, широко расставив пальцы, приставил локоть к углу здания и поставил засечку там, где находился его средний палец. Затем он приставил к отметке другой локоть.

— Большой Том! — раздраженно прошептал Род, — у нас нет времени на...

— Ш-ш-ш! — рука Туана стиснула его плечо. — Умоляю, молчи! Он отмеряет расстояние в локтях.

Род замолк, чувствуя себя довольно глупо.

Том сделал еще несколько замеров и в результате, вероятно, нашел то, что искал. Он вытащил из мешочка на поясе фомку и, используя ее в качестве рычага, слегка приподнял трехфутовый каменный блок.

Род вопросительно взглянул на него. Чтобы вынуть этот блок, Тому понадобится вся ночь и большая часть грядущего дня. Что же тогда у него на уме?

Последнее усилие, и Том подхватил выпавшую плиту, которая была примерно дюймовой толщины.

Он положил ее на землю и взглянул на своих спутников. В лунном свете было видно, что он довольно улыбается.

— Я подумал, что в один прекрасный день мне может понадобиться запасной выход, — прошептал он. — А теперь тихо, ребята.

Он рыбкой нырнул в дыру и, взбрыкнув ногами, скрылся внутри.

Род судорожно сглотнул и отправился за Томом. Туан полез следом за ним.

— Все тут? — прошептал Том. И когда Туан уверенно встал на ноги, лунный свет тут же исчез — Том поставил каменный заслон на место.

— Посвети, — прошептал он. Род ухватился за рукоятку кинжала и повернул ее, позволяя лучику света просочиться между двумя пальцами. Этого было достаточно, чтобы увидеть,

как Большой Том поднял с пола изъеденную червями панель и вставил ее обратно.

Выпрямившись, он улыбнулся.

— Пусть теперь гадают, как мы вошли. А теперь за работу, господа.

Том повернулся и зашагал прочь. Окинув помещение быстрым взглядом, Род последовал за ним.

Они находились в большой комнате с каменными стенами, некогда обшитыми панелями, которые большей частью потрескались и обвалились. Здесь были лишь ржавая железная утварь, длинные столы на прогнивших козлах да густая сеть паутины.

— Когда-то тут была кухня, — буркнул Том. — Теперь они готовят пищу на очаге в большом зале. Никто не заходил сюда лет пятьдесят, а то и больше.

Род содрогнулся.

— И что такой славный парень, как ты, Том, делает в подобном месте?

Большой Том фыркнул.

— Нет, я серьезно, — настаивал Род. — Разговоры о боге, об идеалах, о людях, что служат им, для тебя не пустой звук.

— Отстань! — огрызнулся Том.

— Но я же прав, не так ли? Мы знаем, что все советники — дрянь. Да и Пересмешник со своими корешами — дрянь еще та. Ты — единственный приличный человек во всей этой шайке. Почему же ты не...

— Заткнись! — прорычал Том, развернувшись настолько резко, что Род врезался в него. Род почувствовал, как огромная ручища сгребла его за ворот камзола, и великан вплотную придвинул свое лицо к лицу Рода, обдав его пиво-чесночным перегаром.

— А как же Королева? — прошипел Том. — Что она там говорит о своих богах, а?

Он выпустил Рода, отшвырнув его к стене, и пошел прочь.

Придя в себя, Род последовал за ним, но прежде он успел уловить в слабом свете фонарика, как в сузившихся глазах Туана блеснула холодная искорка ненависти.

— Мы приближаемся к повороту, — прошептал Том. — Выключи свет.

Несколько мгновений спустя левая ладонь Рода, ощупывавшая каменную стену, потеряла опору. Он свернул за угол и увидел слабое свечение в конце короткого темного коридора.

Большой Том остановился.

— Там снова поворот, за ним — часовой. Идите тихо, ребята. Он вновь двинулся вперед, ступая с предельной осторожностью. Род последовал за ним, чувствуя, как Туан горячо дышит ему в затылок.

Когда они приблизились к повороту, то слышали легкое похрапывание, доносящееся из правого ответвления коридора.

Большой Том, по-волчьи скалясь, распластался по стене. Род последовал его примеру... и, вскрикнув, отпрыгнул прочь, брезгливо содрогнувшись.

Том хмуро глянул на него, знаком приказывая замолкнуть.

Род посмотрел на стенку и увидел прилепившуюся к ней грязно-белую кляксу желеобразного вещества. Он коснулся его своей шеей и мог утверждать, что оно было холодным, влажным и податливым на ощупь.

Он бросил взгляд на эту мерзость и вновь поежился.

— Это всего-навсего ведьмин мох, Род Галлоугласс, — шепнул ему на ухо Туан.

Род нахмурился.

— Ведьмин мох?

Туан недоверчиво взглянул на него.

— Ты — чародей, и не знаешь, что такое ведьмин мох?

Род увильнул от ответа благодаря тому, что храп за углом прекратился.

Все трое одновременно затаили дыхание и прижались к стене. Род тщательно сторонился ведьмино мха, и Том искоса бросил на него бешеный взгляд.

Секундная пауза показалась им вечностью.

— Стой! — рявкнул голос из-за угла.

Их мышцы свело судорогой.

— Куда ты идешь в столь поздний час? — прорычал часовой.

По спине Рода пробежали мурашки.

Часовому ответил квакающий гнусавый голос:

— Но я просто ишу нужник!

Троица с облегчением бесшумно вздохнула.

— Сэр, когда говоришь с солдатом!

— Сэр, — угрюмо добавил гундосый.

— Что ты шляешься после отбоя? — угрожающе осведомился часовой.

— Я просто ишу нужник, сэр, — прохрипел гнусавый голос.

Часовой захихикал, смягчившись.

— А нужник, конечно, находится неподалеку от женского коридора? Так я думаю? Ступай к своему тюфяку, приятель! Твоя шлюха сегодня тебя не дождется!

— Но я...

— Нет, — рявкнул страж. — Ты знаешь правило, парень. Сперва спроси у Пересмешника.

— Тут нет ничего страшного, — добавил солдат почти по-дружески. — Он не будет давать тебе бумагу, в которой указано где и когда ты можешь этим заниматься. В подобных вопросах он весьма либерален.

Гундосый откашлялся и сплюнул.

— Брось, — прорычал часовой. — Ты только спроси у него.

— Да, — фыркнул гундосый, — и спрашивать его всякий раз, когда мне захочется увидеться с ней! Черт возьми, это была единственная вещь в мире, которая доставалась даром!

Голос часового вновь посуровел.

— Слово Пересмешника — закон в Доме Кловиса, и если ты не хочешь прислушаться к моим словам, моя дубина напомнит тебе об этом!

Возникла пауза, затем раздался гневный окрик, и ноги зашлепали прочь.

И вновь воцарилось молчание. Через некоторое время страж снова захрапел.

Род взглянул на Туана. Лицо парня стало мертвенно-бледным, губы сжались столь плотно, что из них ушли все соки жизни.

— Как я понимаю, тебе все это в новинку? — прошептал Род.

— Да, — прошептал в ответ Туан. — Отстранив меня, они не теряли времени даром. Часовой в каждом коридоре, разрешение на то, чтобы парочка могла лечь в постель... это похуже, чем все лорды Юга!

Том вскинул голову.

— Нет! — прорычал он. — Это всего лишь неудобство, и выигрыш стоит того!

В этот раз Род был согласен с Туаном. Полицейское государство, контролирующее все стороны жизни человека... да, марксистское мировоззрение Пересмешника давало о себе знать?

— Какой выигрыш стоит такой платы? — фыркнул Туан, слегка повысив голос.

— Ясное дело, — заговорил Том. Его голос напоминал отдаленные раскаты грома. — Вдоволь пищи для всех, больше хорошей одежды, никто не бедствует и не голодает.

— И все благодаря планированию семьи, — пробурчал Род, бросив озабоченный взгляд в сторону часового.

— А откуда это все возьмется? — спросил Туан, еще больше повышая голос и игнорируя отчаянные сигналы Рода. — Из письменного разрешения заниматься любовью? Каким образом? Что-то я никак не пойму?

Том презрительно скривил губы и заговорил громче.

— Да, ты не понимаешь! А вот Пересмешник — понимает!

Туан уставился на него, затем его рука скользнула к кинжалу.

— Неужели ты ставишь себя и своих приспешников выше вельмож, хам?

— Эй, господа, — прошептал Род.

Большой Том напрягся, усмехаясь. В его глазах заплескались насмешливые огоньки.

— Против крови не попрешь, — съязвил он во весь голос.

Туан ринулся вперед, выхватив из ножен кинжал.

Том выхватил свой короткий меч.

— Господа, господа! Я понимаю, что вы принимаете близко к сердцу поднятый вопрос, но считаю своим неперменным долгом напомнить вам о часовом, который не слишком крепко дремлет за ближайшим углом. Он в силах навлечь на наши головы гнев всего Дома Кловиса!

— Это невыносимо, Род Галлоугласс!

— Да, — хихикнул Большой Том. — Правда глаза колет.

Туан сделал выпад, пытаясь заколоть Тома через голову Рода. Тот толкнул парня в ключицу и быстро пригнулся, пропустив кинжал над собой.

Том тихо рассмеялся.

— Вот вам типичный вельможа! Даже дураку понятно, что не дотянуться! Но он снова и снова будет пытаться, хотя знает, что неминуемо потерпит неудачу.

Род искоса взглянул на Тома.

— Что-то ты не то говоришь, Большой Том. Это больше смахивает на комплимент.

— Нет! — прошипел Том с горящими глазами. — Стремиться к недостижимому — поступок, достойный глупца! Все вельможи — дураки, и дороги в их утопии вымощены костями крестьян!

Туан сплюнул.

— А на что еще они...

— Заткнитесь! — Род встряхнул их обоих. — Могу ли попросить вас ради нашего общего блага, хоть на минуту забыть о ваших очевидных разногласиях?

Том выпрямился в полный рост и свысока взглянул на Туана.

— Малыш, — промурлыкал он.

Род выпустил Туана и, повернувшись к Большому Тому, схватил его обеими руками за грудки. Том ухмыльнулся и поднял свой могучий кулак.

— Да, хозяин?

— Какова в данный момент твоя заветная мечта, Большой Том? — выдохнул Род.

Том перестал усмехаться и нахмурился.

— Ну, чтобы народ Грамарая сам смог править своей страной.

— Правильно! — Род отпустил Тома, потрепав его по щеке. — Умница! Купи себе шоколадку! А что для этого нужно сделать в первую очередь.

— Перебить всех вельмож и их советников! — ухмыльнулся Том.

— Превосходно! Можешь купить себе две шоколадки! К тому же, ты достаиваешься чести произнести торжественную речь на выпускном вечере, Большой Том! А теперь, если ты на самом деле хочешь быть хорошим мальчиком, скажи учителю, что перед этим нужно сделать?

— Посадить Пересмешника! — дошло до Тома.

— Пятерка с плюсом! Ну, а до этого?

Большой Том, смутившись, нахмурил брови.

— И что же?

— Вести себя тихо! — выпалил Род ему в лицо, не повышая голоса, и повернулся к Туану.

— Итак! Как мы поступим с часовым?

А про себя подумал: — Ш-ш-ш! Я же не хочу устроить здесь политическую дискуссию!

Туан упрямо выпятил подбородок.

— Прежде чем мы пойдем дальше, этот парень должен понять, кто тут господин!

Том набрал воздуха для нового взрыва.

— Спокойнее, мальчик! — поспешно сказал Род. — Высокое кровяное давление вредно для тебя! Туан Логайр — аристократ по рождению, не так ли, Том?

— Да, — неохотно признал тот, — но это не...

— Является ли род Логайров знатнейшим из дворянских родов?

— Да, но...

— А твой отец и мать были крестьянами?

— Да, но это не значит, что...

— И ты никогда не мечтал родиться аристократом?

— Никогда! — прошипел Том, бешено сверкая глазами. — Пусть меня вздернут на самой высокой виселице в Грамарае, если я вру!

— И ты не пожелал бы стать аристократом, если б смог?

— Хозяин, — взмолился Том, возмущенный до глубины души. — Ужель ты столь низкого мнения обо мне, если мог предположить такое?

— Нет, я верю тебе, Большой Том, — ответил Род, хлопнув его по плечу, — но Туан требовал доказательств.

Он повернулся к юному вельможе.

— Ты удовлетворен? Он знает свое место, не так ли?

— Да, — Туан улыбнулся, словно любящий отец. — Дурак же я был, когда усомнился в нем.

До Тома наконец дошел смысл сказанного. Его тяжелая рука сомкнулась на шее Рода.

— Ах ты, кусок...!

Род поднял руку и ухватил Тома за локоть как раз под косточкой. Том ослабил захват. Глаза великана вылезли из орбит, рот раскрылся в безмолвном крике.

— Итак, — поспешно спросил Род, — как мы избавимся от часового?

— Ну ты и мерзавец! — выдохнул Том. — Ты — скользкий комок речного ила, приبلудный сын демократии...

— Точно, — согласился Род.

— Нет, только скажи мне, — сверкая глазами, выдохнул Том в ухо Роду, — что ты с ним сделал? Ты только коснулся его и...

— Э-э... колдовской трюк, — ответил Род, выбрав самое простое, хотя и наиболее глупое объяснение. Он схватил Туана за загривок и пригнул голову юнца вплотную, поближе к себе и Тому.

— Итак, как мы избавимся от часового?

— Есть лишь один способ, — прошептал Туан. — Разбудить его и сразиться с ним.

— И позволить ему всех поднять на ноги? — в ужасе уставился на него Том. — Нет, нет! Надо тихонько обойти его и хорошенько дать ему сзади по голове!

— Это бесчестно, — мрачно сказал Туан.

Том сплюнул.

— План Большого Тома не плох, — сказал Род, — но что, если он проснется, пока мы будем подкрадываться к нему? А вероятность этого довольно велика. Вспомните сластолюбивого нищего!

Том пожал плечами.

— Надо молнией кинуться к нему, надеясь на удачу. Если нам суждено умереть, мы умрем.

— И Королева умрет вместе с нами, — проворчал Род. — Паршиво.

Том вынул свой короткий меч и показал его на пальце.

— Я за пятьдесят полных шагов поражу его этим клинком прямо в глотку.

Туан ошеломленно уставился на него.

— Это один из ваших людей, сударь!

— Всего один для пользы дела, — пожал плечами Том. — Ну и что?

Туан возразил ледяным тоном.

— Это хуже, чем заколоть в спину! Мы должны дать ему возможность защищаться.

— О, да! — фыркнул Том. — Позволить ему защищаться и своими криками поднять на ноги весь Дом Кловиса! Позволить...

Род зажал им обоим рты, радуясь, что не взял с собой троих людей, и прошептал Большому Тому:

— Будь терпелив, ладно? Стиль командос ему в новинку!

Том взял себя в руки.

Туан выпрямился с ледяным блеском в глазах.

Род вновь приблизил свой рот к уху Тома и зашептал:

— Слушай, если бы ты не знал, что он аристократ, каково было бы твое мнение о нем?

— Храбрец и хороший воин, — признался Том, — хотя еще молодой и глупый, верящий в какие-то идеалы.

Род погрозил ему пальцем.

— Пресдрассудки, Большой Том! Дискриминация! А я думал, что ты проповедуешь равноправие!

— Точно замечено, — неохотно буркнул Том. — Я буду терпелив с ним. Но еще одно его благочестивое замечание и...

— Если мы провернем это дельце достаточно быстро, он не успеет рта раскрыть. Ладно, у меня есть идея.

— Тогда зачем ты спрашивал нас? — проворчал Том.

— Потому что мне пришла в голову эта мысль только тогда, когда вы устроили перепалку. Нам нужно найти компромиссное решение, верно? Туан не потерпит, чтобы часовому воткнули нож в спину или прирезали спящего, к тому же, прикончив при этом верного служаку, который завтра может понадобиться в качестве пушечного мяса. Так?

— Да, — согласился Туан.

— А Большой Том и я тоже, если на то пошло, не можем позволить, чтобы парень поднял тревогу по одной простой причине: все мы хорошие бойцы, но нас всего трое против целой банды головорезов, а это наводит на некоторые размышления. Итак, Том! Если этот часовой вдруг выбежит из-за угла, сможешь ли ты легонько оглушить его?

— Конечно, — ухмыльнулся Том.

— Легонько, я сказал. По-твоему, это будет честно, Туан?

— Вполне, так как он встретится с нами лицом к лицу.

— Отлично! Теперь, если б мы заставили его погнаться за мышью, то дело было бы в шляпе.

— Несомненно, — согласился Туан, — но где нам найти мышь, готовую любезно оказать нам подобную услугу?

— Хозяин может сделать ее, — буркнул Том.

— Сделать? — уставился на него Род. — Если бы у меня была тут мастерская и...

— Нет, нет! — ухмыльнулся Туан. — Я не знаю этих заклинаний, но ведь у тебя есть ведьмин мох, а ты — чародей! Что же тебе еще нужно?

— Что? — судорожно сглотнул Род. — Ведьмы делают разных тварей из этой вот штуки?

— Да, да! Разве ты не знаешь? Маленькие живые существа... как мыши, например!

Недостающее звено головоломки Грамарая стало на свое место в голове Рода.

— Э-э, расскажи, как они проделывают этот фокус?

— Да просто смотрят на комок этой штуки, и тот принимает нужную им форму!

Род медленно кивнул.

— Очень ловко, о-очень ловко. Единственная загвоздка в том, что это не мой стиль колдовства.

Туан обмяк.

— Так ты не работаешь с ведьминым мхом? Тогда как же мы...? И все же, очень странно, что ты ничего не слышал об этом.

— Отнюдь, — возразил Том. — Просто паршивый информационный отдел...

— О, заткнись! — прорычал Род. — Есть и другие способы достать мышку.

Он сложил руки рупором и тихонько позвал:

— Гвен! Эй, Гве-ен!

Прямо перед его носом по ниточке спустился паучок.

Род подпрыгнул.

— Елки-палки! Не делай этого, девочка!

— Насекомое! — прошептал Том и поднял ладонь, чтобы прихлопнуть его.

Род ткнул его в солнечное сплетение.

— Поосторожнее, ты там! Прихлопнешь паучка, и ждет тебя несчастье... в моем лице!

Он посадил насекомое в ладонь и очень нежно погладил его пальцем.

— Ну, по крайней мере, ты выбрала не «черную вдову». Это самый милый паучок, которого я когда-либо видел.

Паучок заплясал на его ладони.

— Слушай, милая, мне нужна мышь, чтобы выманить часового. Тебе это под силу?

Очертания паучка расплылись, и он превратился в мышь.

Она прыгнула с его ладони и побежала за угол.

— О нет, только не ты! — Род прыгнул и накрыл ее ладонью, затем очень осторожно поднял.

— Извини, милая, но на тебя могут наступить... а если с тобой что-нибудь случится, я этого не перенесу.

Он поцеловал ее в нос и услышал, как Том давится от смеха у него за спиной. Мышка завертелась в экстазе.

— Нет, — сказал Род, проведя пальцем по ее спинке и ущипнув за хвост, — ты должна мне сделать другую вон из того комка ведьминоного мха. Как ты думаешь, тебе это под силу, малышка?

Мышка кивнула, повернулась и уставилась на ведьмин мох.

Клякса медленно сжалась, выпустила побег хвоста, отрастила на верхушке усики, изменила цвет на коричневый... и со стены сползла мышь.

Том сглотнул и перекрестился.

Род нахмурился.

— А я думал, что ты — атеист.

— Не в такие минуты, хозяин.

Мышка из ведьминоного мха шмыгнула за угол.

Ухватившись за лезвие, Большой Том поднял свой кинжал, используя тяжелую рукоять вместо дубинки.

Храп за углом резко прекратился.

— А-а-а! Кусать меня, гадина ползущая?

Табурет часового со стуком упал. Он дважды топнул ногой, оба раза промахнулся, и поджидавшие услышали быстро приближающиеся шаги.

Том напрягся.

Мышка выскочила из-за угла.

Часовой, ругаясь, появился вслед за ней. На повороте его ноги слегка споткнулись. Он поднял глаза, увидел Тома и только успел открыть рот, как рукоять кинжала Тома глухо бухнула его в основание черепа.

Род испустил вздох облегчения.

— Наконец-то!

Часовой мягко опустился в объятии Туана. Юный вельможа взглянул на Рода и усмехнулся.

— Кто сражается на стороне чародея, — сказал он, — тот побеждает.

— Все это довольно жалкий трюк, — упрямо заявил Род.

Том содрогнулся и вытащил из сумки длинную черную нить.

— Нет, она его не удержит, — запротестовал Туан.

Том лишь усмехнулся в ответ.

— Леска? — поднял бровь Род.

— Даже лучше, — ответил Большой Том, опускаясь на колени и начав пеленать часового.

— Она сплетена из синтетической паутины.

— И всем этим мы обязаны тебе, — сказал Род, глядя на мышку в своей руке.

Та завертела носом и нырнула меж пуговиц его камзола.

Род подавил смешок, накрыв рукой холмик у себя на животе.

— Эй, поосторожнее! Щекотно же!

Том аккуратно связал часового несколькими витками нити и засунул ему в рот кляп.

— Куда мы его спрячем? — прошептал Туан.

— Здесь нет ни одного удобного местечка, — буркнул Том, завязывая, высунув язык, узел.

— Эй! — Род прихлопнул комочек, двигавшийся вниз от пряжки его пояса. — Прекрати сейчас же!

— Вон на стене есть подставка для факела, — показал Туан.

— В самый раз, — буркнул Том. Он приподнял безвольное тело часового и накинул одну из петелек нити на подставку.

Род покачал головой.

— А если кто-нибудь пройдет здесь? Мы не можем оставить его вот так висеть.

Он сунул руку под камзол и прервал путешествие мышки по его грудной клетке.

— Слушай, малышка, ты знаешь, что такое искривление пространства?

Мышка закатила глазки и зашевелила усами. Затем уверенно покачала головой.

— А как насчет... э-э... временного кармана?

Мышка яростно закивала. Затем ее мордочка сосредоточенно сморщилась... и часовой исчез.

У Туана глаза вылезли из орбит.

Большой Том поджал губы и промолвил:

— Мда-а! Ну что ж, давайте действовать дальше.

Род усмехнулся, опустил мышку на пол, развернул ее и легонько хлопнул по спинке.

— Сгинь, колдовская бестия. Но держись неподалеку, ты мне можешь еще понадобиться.

Мышка смылась, пискнув на прощание через плечо.

— Пересмешник, вне всяких сомнений, спит в покоях Туана, — прошептал Том, а его лейтенанты, будем надеяться, окажутся где-то неподалеку.

— А, может, никто из них не спит? — прошипел Туан. — Или один из них поставлен начальником караула?

Том медленно повернулся и кинул на Туана странный взгляд. Затем он подмигнул Роду.

— Хороший человек, — признал Том, — и неплохая мысль. Следуйте за мной, — и он пошел прочь.

На пути к общему залу им встретился еще только один часовой, которого они обошли.

Само помещение, смахивающее, как обычно, на большую грязную пещеру, освещало лишь пропитанное дымом зарево огромного очага и нескольких чадающих факелов. Однако этого было достаточно, чтобы разглядеть массивную каменную лестницу у дальней стены, вздымающуюся вверх с грацией, которую не могли испортить ни ее истертые ступеньки, ни сломанные перила.

Лестница вела на выступающую в зал галерею. Дверные проемы вдоль нее вели в отдельные комнаты.

Рядом с большим очагом сидел, развалившись в огромном кресле, и храпел широкоплечий человек с лицом, сильно смахивающим на топор. У подножия массивной лестницы стоял, моргая и зевая во всю глотку, часовой. Еще двое стражей сгорбились по обе стороны двери в центре галереи.

— Неважное положение, — сказал Большой Том, ныряя обратно в коридор. — Их тут на одного больше, чем нас, и они стоят так далеко друг от друга, что если мы займемся одной парой, то другая обязательно поднимет тревогу.

— Не говоря уже о практически пустой освещенной комнате, которую нам предстоит пересечь, дабы напасть на кого-либо из них, — добавил Род.

— Мы можем проползти между столами и табуретками, — предложил Туан, — а тот, что стоит у подножия лестницы, того гляди заснет, так он клюет носом.

— Ты позаботился о тех, что внизу, — согласился Род, — но как быть с той парочкой на балконе?

— На этот случай, — заявил Туан, — у меня есть некоторый опыт обращения с прашей.

Он вынул кусок кожи с обернутой вокруг нее шлейкой из двух сыромятных ремней.

— Где ты научился этому искусству? — изумился Том, пока Туан разматывал ремешки. — Это же оружие крестьянина, а не забава дворянина.

Туан кинул на Тома презрительный взгляд.

— Рыцарь должен владеть всеми видами оружия, Большой Том.

Род нахмурился.

— А я и не знал, что это в порядке вещей.

— Ты прав, — признался Туан, — но таковы принципы моего отца. И, как вы видите, мои тоже. Оба негодяя растянутся на холодном камне прежде, чем поймут, что их сразило.

— Не сомневаюсь, — угрюмо согласился Род. — Ладно, пошли. Я беру на себя того, что у очага.

— Нет, — возразил Большой Том. — Ты возьмешь того, что у лестницы.

— Вот как? Есть какая-то особая причина?

— Да, — по-волчьи оскалился Том. — В большом кресле, как и предвидел Туан, сидит лейтенант... один из тех, кто засадил меня в тюрьму. То моя добыча, хозяин.

Род заглянул Тому в глаза и почувствовал, как у него по спине побежали мурашки.

— Хорошо, мясник, — пробормотал он. — Только помни, девушка покуда не для заклания.

— Пусть каждый мужчина выбирает себе покойников по вкусу и наклонностям, — процитировал Том. — Ступай, займись своими мертвецами, хозяин, и оставь мне моих.

Они плюхнулись на животы и поползли, каждый к своему противнику.

Для Рода эти минуты среди ножек столов и табуреток, а также раскиданных между ними обедков показались вечностью из-за

постоянного страха, что один из его приятелей доберется до исходной позиции первым и будет скучать.

Раздался оглушительный треск.

Род замер. Кто-то допустил ошибку.

Секунду стояла тишина, затем чей-то голос воскликнул:

— Что это было?

Затем:

— Эй, ты там! Эгберт! Очнись, пьянчуга, и вспомни о лестнице, которую караулишь!

— А? Че? Че такое? — пробормотал невнятный голос поблизости.

— В чем там дело? — пробурчал глухой раздраженный голос у очага. — Зачем будите меня по пустыкам?

Возникла пауза. Затем первый голос подобострастно произнес:

— Какой-то шум, капитан, что-то там стукнуло среди столов.

— Стукнуло, говоришь! — прорычал капитан. — Крыса, наверное, подбирает объедки, только и всего! К чему будить меня из-за этого? В следующий раз ты и впрямь услышишь громкий стук — от удара по твоей голове.

Затем тот же голос проворчал тише:

— Стук, понимаешь ли! Проклятый стук!

И вновь воцарилась тишина, лишь слышалось приглушенное клацание, когда один из часовых резко переменял позу.

Род медленно выпустил бесшумный вздох облегчения.

Он подождал, пока часовой снова не начал храпеть.

Затем вновь ужом пополз вперед, пока тихонько не улегся за ближайшим к лестнице столом.

Ему показалось, что время остановилось. И тут со стороны очага донесся пронзительный свист, и Большой Том со стуком перевернул табурет, за которым прятался.

Род прыгнул на своего противника.

Уголкем глаза он увидел вскочившего на ноги Туана и мелькнувшую дугу его пращи. Затем Род врезался в часового, схватив его за горло левой рукой, а правую — вогнав ему в солнечное сплетение.

Тот сложился пополам. Род слегка рубанул его по основанию черепа, прямо под железным шлемом, и страж обмяк.

Он поднял глаза, и как раз в этот момент часовой на балконе осел на пол. Другой катался по камням, схватившись за горло.

Род в пять прыжков взлетел по ступенькам и нанес стражнику сокрушительный удар в челюсть. Глаза бродяги закатились, и он отключился.

Гортань стражника была переломлена. Малоприятное зрелище.

Но все же парню повезло. Будь это прямой удар, ему раздавило бы трахею.

Его сотоварищу повезло меньше — камень проломил ему череп. Кровь залила часовому лицо и лужей растеклась по полу.

— Прости меня, старина, — прошептал Туан, когда узрел дело рук своих. Род никогда еще не видел юношу таким мрачным.

— Рок войны, Туан, — прошептал он.

— Да, — согласился тот, — и будь этот человек равен мне, я бы тут же забыл о нем. Но дворянину моей крови полагается защищать крестьян, а не убивать их.

Род посмотрел на удрученного юношу и решил, что именно такие люди, как Логайры, хотя бы немного оправдывали существование аристократии.

Том бросил на них беглый взгляд и отвернулся, чтобы связать последнего стража.

Был убит только один человек. Капитан и карауливший лестницу часовой лежали надежно связанные черной нитью Тома.

Великан поднялся, пристально глядя на Туана.

— Хорошая работа, — проворчал он. — Ты обезвредил двоих, сумев оставить в живых одного из них. Ты — лихой боец. А что до другого — не скорби о нем, у тебя не было времени, чтобы получше прицелиться.

Туан выглядел смущенным. Он ничего не имел против той манеры, в которой Том разговаривал с ним, но ему было как-то не по себе, когда крестьянин покровительственно обращался к нему со словами совета и прощения.

Род выручил его.

— Ты обычно спал там? — он ткнул большим пальцем в сторону двери, которую охраняли часовые.

Вопрос развеял растерянность Туана. Юноша обернулся и, взглянув, кивнул.

— Ну, значит теперь там Пересмешник.

Род взглянул на Тома.

— Тот капитан внизу был одним из приспешников Пересмешника?

— Да.

— Выходит, остаются еще двое.

— Велика ли вероятность того, что они расположились в прилегающих к покоям Пересмешника комнатах?

Том потянул себя за нижнюю губу и кивнул. Тогда Род продолжил:

— Значит, по одному на каждого из нас. Вы, мальчики, берите лейтенантов, а я — Пересмешника.

Он повернулся к двери. Тут ему на плечо легла рука Большого Тома.

— Как же так? — прорычал великан-крестьянин.

— С каких это пор Пересмешник стал твоей добычей, а не мой?

Род усмехнулся.

— Я тот, кто стоит посередине, помнишь? Кроме того, какой у тебя пояс?

— Коричневый, — признался Том.

— А у Пересмешника?

— Черный, — неохотно ответил Том. — Пятый дан.

Род кивнул.

— А у меня черный, восьмой дан. Ты берешь на себя лейтенанта.

— Что это там за болтовня о поясах? — нахмурился Туан.

— Всего-навсего спор о юрисдикции, не обращай внимания.

Род повернулся к центральной двери. Тут Том опять схватил его за руку.

— Хозяин, — на этот раз он, похоже, произнес это слово всерьез. — Когда покончим с этим, ты должен будешь поучить меня.

— Да, разумеется, все, что захочешь. Я дам тебе диплом колледжа, только давай сперва покончим с этим делом, ладно?

— Благодарю тебя, — усмехнулся Том. — Но у меня уже есть диплом доктора.

Род ошеломленно уставился на него.

— Чего?

— Теологии.

Род кивнул.

— Это возможно. Слушай, а ты случайно не выдвинул какой-нибудь новой атеистической теории?

— Хозяин! — обиженно запротестовал Том. — Как можно доказывать или опровергать существование чего-то нематериального посредством сугубо материальных фактов? Это и есть врожденное противоречие между...

— Господа, — сказал Туан с сарказмом. — Мне крайне неприятно прерывать столь ученую беседу, но Пересмешник вас ждать не будет и может вскоре проснуться.

— А? Ах, да! — Род повернулся к двери. — Увидимся через пару минут, Большой Том.

— Да, мы должны продолжить беседу, — ухмыльнулся тот и пошел к двери справа.

Род, напрягшись, приотворил свою дверь.

Она заскрипела, застонала, завопила, протестуя против вторжения.

Род бросился вперед, успев сообразить, что Пересмешник на рочно оставил дверные петли несмазанными, дабы они служили в качестве примитивной, но весьма эффективной системы сигнализации, прежде чем тот заорал «караул» и, спрыгнув с кровати, встал в стойку.

Род блокировал удар сверху и сделал выпад, целясь в солнечное сплетение. Его удар был умело отражен. Призывы Пересмешника о помощи звенели у Рода в ушах.

Род по достоинству оценил нелепость ситуации: черный пояс зовет на помощь, и тут вдруг заметил летящую ему в пах ногу.

Он отскочил назад, и Пересмешник прыгнул следом. В этот раз удар достиг цели.

Род покатился по полу, корчась от боли.

Он увидел ногу, летящую ему прямо в челюсть, и едва успел слегка отвернуть голову. Удар пришелся по касательной. Из глаз посыпались искры, и он бешено замотал головой, пытаясь прийти в себя.

Сквозь гул в ушах он услышал чей-то пронзительный визг, который внезапно прервался, а затем — глухой стук. Потом Большой Том проревел:

— Твоя правда, Туан! На этот вопль сбегутся все охранники! Великан склонился над Родом и заглянул в глаза.

— Сильно ранен, хозяин?

Род никогда не думал, что запах лука и пивного перегара может быть настолько приятен.

— Со мной все в порядке, — выдохнул он. — Хвала небесам, удар пришелся немного мимо цели!

— Сможешь встать?

— Через минуту. Однако, возможно, мне некоторое время будет не до Гвен. Как тебе это удалось, Большой Том?

— Поймал его ногу при взмахе, — усмехнулся Том, — и подбросил его ввысь. Потом провел апперкот, прежде чем тот приземлился.

Род недоверчиво уставился на него.

— Что-о?

— Апперкот. Со всего размаху.

Род перекатился на живот, подобрал под себя колени и изумленно покачал головой.

— Апперкот вырубает «черный пояс». Зовите репортеров.

Снаружи послышался вскрик, который тут же оборвался.

Род вскинул голову, прислушиваясь. Затем он с трудом поднялся на ноги, все еще зажимая руками пах и почти вывалился из двери, игнорируя озабоченные возгласы Большого Тома.

На каменном полу пивного зала лежало еще три тела.

Туан стоял у перил балкона, туго натянув пращу и судорожно стиснув челюсти. В глазах его застыло отчаяние.

— Сперва появился один, — сказал он монотонно, — затем другой и, наконец, третий. Первых двух я отправил к праотцам прежде, чем они успели раскрыть рот, но на третьем я запоздал.

Туан повернулся спиной к залу. Через секунду он произнес медленно и твердо.

— Не нравится мне убивать.

Затем его взор прояснился.

— М-да, — кивнул Род, и тут внезапный приступ тошноты вынудил его схватиться за перила.

— Ни одному из этих, кто достоин зваться «человеком», не нравится это, Туан. Выбрось печаль из головы. Идет война.

— О, я убивал и раньше, — губы Туана сжались в струнку, — но лишить жизни людей, которые три дня назад пили за мое здоровье!

Род кивнул, прикрыв глаза.

— Я знаю. Но ежели ты лелеешь надежду когда-нибудь стать королем, Туан, или просто хорошим герцогом, то ты должен научиться хладнокровно воспринимать все это.

Он взглянул на парня.

— Кроме того, помни — они убили бы тебя, если бы смогли.

Том вышел на балкон, неся на руках спеленутого, словно младенец, Пересмешника.

Он мельком оглядел общий зал. Лицо его посуровело.

— Новые убитые?

Том повернулся и осторожно положил Пересмешника рядом с распростертыми телами его приспешников, вздохнул:

— О времена, о нравы!

Он нагнулся, чтобы связать одного из лейтенантов — высокого, тощего как скелет человека со шрамом там, где полагалось быть уху — сувенир на память от королевского правосудия.

Род взглянул на него и кивнул. Пересмешник умел подбирать себе помощников. У них были все причины ненавидеть монарха.

Род медленно выпрямился, содрогнувшись от боли.

Туан посмотрел на него.

— Тебе следует присесть и отдохнуть, Род Галлоугласс.

Род сделал резкий выдох и помотал головой.

— Это всего лишь боль. Не лучше ли нам оттащить эту троицу вниз, в темницу?

Глаза Туана сверкнули.

— Нет. Свяжите их и оставьте здесь. Они мне еще понадобятся.

Род нахмурился.

— Что ты имеешь в виду под словом «понадобятся»?

— Не спрашивай, хозяин, — поднял руку Большой Том. — Если они нужны Туану, оставь их ему. Этот парень знает, что делает. Мне редко доводилось слышать и никогда не приходилось видеть другого человека, который мог бы так искусно управлять толпой.

Повернувшись, он спустился по лестнице, приложил руку к груди каждого из поверженных противников, связав одного из них, который был еще жив, и уволок их всех под балкон. Затем он подхватил капитана, лежащего у очага, и перекинул его через плечо.

— Том! — позвал Туан, и великан поднял глаза.

— Захвати с собой рог, что висит над каминной полкой и барабан рядом с ним.

Том кивнул и снял с гвоздя помятый изогнутый охотничий рог, а также взял с каминной полки один из грубо сработанных барабанов, представлявший собой всего-навсего пустой бочонок с натянутыми с обеих сторон шкурами.

Род нахмурился, сбитый с толку.

— Зачем тебе понадобились барабан и рог?

Туан усмехнулся.

— Сможешь сыграть на роге?

— Ну, я вряд ли подойду на роль первой скрипки в Филармонии, но...

— Сумеешь, — заключил Туан и чертики заплясали в его глазах.

Большой Том взбежал по лестнице, перекинув капитана через одно плечо, а барабан и рог — через другое.

Он бросил инструменты и положил связанного пленника рядом с его товарищами.

Затем Том выпрямился, упер руки в боки и усмехнулся.

— Здорово, господа! Что прикажете делать с ними, лорд?

— Возьми барабан, — сказал Туан, — и когда я дам тебе знать, повесь этих молодцев на перила балкона, но не за шею. Взять их живыми более почетно.

Род вскинул брови.

— Не та ли старая басня, что сильные могут позволить себе быть милосердными?

Он не расслышал ответа, поскольку Том принялся бить в барабан. Пронзительный стук заполнил помещение.

Род поднял рог. Туан усмехнулся, вскочил на перила и встал, широко расставив ноги и скрестив руки на груди.

— Созови их, господин Галлоугласс, — крикнул он.

Род поднес к губам мундштук и заиграл «побудку».

Мелодия прозвучала довольно странно на охотничьем роге, но дело свое сделала. Прежде чем он добрался до середины второго куплета, зал заполнился нищими, грабителями, увечными, ворами, убийцами и карманниками.

Их ропот, словно шум моря перед штормом, наполнил помещение, служа контрапунктом барабану и рогу. Едва продрав глаза, еще не полностью проснувшись, они трясли затуманенными головами, задавали друг другу тысячи недоуменных вопросов, ошеломленно и испуганно взирая на Туана, совсем недавно брошенного ими в тюрьму. А теперь он гордо стоял, возвышаясь над ними, в том самом зале, из которого был изгнан.

Ему следовало бояться их, он должен был страшиться вернуться сюда, а если уж он на то решился, ему следовало прийти украдкой, тайком, словно татю ночному.

И все же он спокойно стоял здесь у всех на глазах, созывая их к себе звуками рога и грохотом барабана... А где же Пересмешник?

Они были потрясены и не на шутку испуганы. Люди, которых никогда не учили мыслить, теперь столкнулись с необъяснимым.

Род закончил призыв тушем, резко отнял трубку от губ и, завертев ее сверкающим кругом, упер раструб в бедро.

Большой Том изверг из барабана последнее прощальное «бум».

Туан простер руку в сторону Тома и тихонько щелкнул пальцами.

Барабан вновь заговорил, рокочуще, настойчиво, но очень тихо.

Род поднял взгляд на Туана, который усмехнулся, уперев руки в боки — ни дать, ни взять царственный эльф, явившийся в свое

королевство. Затем он посмотрел на зрителей, потрясенных и преисполненных страха, пялившихся, разинув рты, на величественную фигуру, возвышавшуюся над ними.

Род был вынужден признать, что никто не смог бы лучше обставить свою речь.

Туан воздел руки, и зал затих. Тишину нарушал лишь мерный рокот барабана.

— Вы изгнали меня! — крикнул Туан.

Толпа съежилась, дрожа от страха и ропща.

— Прогнали, выбросили вон! — воскликнул Туан. — Вы отворачиваете от меня глаза свои, отвернулись от меня, думая, что больше никогда не увидите меня!

Ропот усиливался, наполняя зал безысходностью и отчаянием.

— Разве я не был изгнан? — вскричал Туан и затем: — Молчите!

И, словно по мановению волшебной палочки, зал затих.

Он направил на толпу обвиняющий перст и прорычал:

— Разве я не был изгнан?

В этот раз отдельные смельчаки прошептали:

— Да-а!

— Разве не так?

Хор, тянущий «да-а», зазвучал громче.

— Разве не так?

— Да! — прокатилось по толпе.

— Разве вы не называли меня предателем?

— Да! — вновь взревела толпа.

— И все же вот он я, — крикнул Туан, — сильный и свободный и снова хозяин Дома Кловиса!

Никто не возразил ему.

— А где же истинные предатели, благодаря которым вас разорвали бы на куски в неравной схватке? Предатели, что превратили Дом Кловиса в тюрьму за время моего отсутствия? Где теперь, дабы оспаривать мое главенство?

Он положил руки на бедра, покуда толпа передавала его вопрос по рядам, а Том быстренько привязал десятифутовую нить к путам Перессмешника, прикрепив другой конец к столбику перил. В то время, как ропот «Где Перессмешник?» все усиливался, он обслужил таким же образом и трех лейтенантов.

Туан позволил ропоту расти и усиливаться, а когда тот достиг своего апогея, он дал знак Тому.

Том и Род перебросили спутанных бандитов через перила так, чтобы те висели по двое по обе стороны от Туана. Пе-

ресмешник пришел в себя. Он начал извиваться и брыкаться на конце своей веревки.

В зале воцарилось потрясенное молчание.

Туан усмехнулся и скрестил руки на груди.

Толпа взревела как огромный кровожадный зверь и подалась вперед. Передние ряды стали подпрыгивать, стараясь дотянуться до болтающихся ног. Обидные прозвища и проклятия Пересмешнику и его молодчикам так и летели из битком набитого зала.

— Вот! — крикнул Туан, простирая руки, и толпа умолкла. — Вот они, предатели, которых вы когда-то звали главарями! Вот эти воры, отнявшие у вас все те свободы, что я добыл для вас!

Большой Том ухмыльнулся, не сводя глаз с молодого лорда и раскачиваясь в такт его словам.

Воистину, паренек сейчас казался двенадцатифутовым гигантом.

— Разве вы не родились свободными людьми? — крикнул Туан.

— Да! — проревела в ответ толпа.

— Вы рождены для вольной жизни! — прогремел Туан. — Да, вы обречены на нищету и притеснения, но рождены свободными.

— Разве вы не родились вольными птицами? — вскричал он на пределе голоса.

— Да! — заверещала в ответ толпа. — Да! Да!

— Разве я украл у вас вашу свободу?

— Нет! Нет!

Кривобокий горбун с повязкой на глазу крикнул:

— Нет, Туан! Ты дал ее нам!

Толпа одобрительно загудела.

Туан, улыбаясь, вновь скрестил руки, давая им выплеснуть эмоции.

Как только неистовство толпы миновало свой апогей, он снова простер руки и крикнул:

— Говорил ли я вам?

Воцарилось молчание.

— Говорил ли я вам, что вы должны испрашивать у меня разрешения на ночь любви?

— Нет! — дружно заревели в ответ представители обоих полов.

— И никогда не скажу!

Они радостно загомонили.

Туан улыбнулся и почти застенчиво склонил голову в знак благодарности.

— И все же! — понизил Туан звеневший от ярости голос. Он подался вперед и, сжав кулак, погрозил им зрителям.

— Когда я вернулся в ваши коридоры этой темной ночью, что я обнаружил?

Его голос внезапно окреп.

— Вы позволили этим подлым негодьям отнять все, что я дал вам!

Толпа зарычала.

Туан махнул левой рукой: Том с такой силой ударил в барабан, что его грохот на миг перекрыл рев толпы.

— Нет больше того! — выкрикнул Туан. Его указательный палец пронзал толпу, глаза горячо всматривались в отдельные лица. Затем его голос стал холодным и размеренным.

— Я обнаружил, что благодаря своей природной трусости вы позволили им украсть даже ту свободу, с которой родились!

Толпа зароптала, испуганно и неуверенно.

Передние ряды шарахнулись назад.

— Вы позволили им отобрать даже то, что принадлежит вам с рождения!

Благодаря его дару красноречия, ропот перешел в яростный вой.

— Вы позволили им отнять у вас даже сексуальную свободу!

Он взмахнул рукой, и вновь ударил барабан.

— И вы зовете себя мужчинами! — с безжалостным презрением рассмеялся Туан.

Вновь поднялась волна сердитого, протестующего ропота.

— Мы — мужчины! — крикнул кто-то, и толпа подхватила:

— Мы — мужчины! Мы — мужчины!

— Да! — завизжал одноглазый горбун. — Только отдай нам этих болтающихся наверху негодяев, что ограбили нас, Туан, и мы докажем, что мы — мужчины! Мы разорвем их на части, мы сдерем с них кожу! Мы не оставим на их костях ни унции мяса! Мы даже раздробим их кости и вытащим костный мозг!

Толпа кровожадно завывала.

Туан выпрямился и скрестил руки на груди, мрачно улыбаясь.

Толпа увидела это, и рев перешел в виноватое мычание. Вскоре лишь по углам шептались отдельные группы. Наконец, воцарилось молчание.

— Разве это мужество? — спокойно произнес Туан. — Нет! — Его рука указывала на них, обвиняя. — Я думаю, что стая собак смогла бы намного лучше справиться с этой работой!

Толпа вновь зароптала, крики становились все громче и агрессивнее.

— Эй, поосторожнее! — крикнул Род Туану. — Ты добьешься того, что они разорвут нас на части!

— Не бойся, — ответил Туан, не сводя глаз с толпы. — Пусть еще немного побесятся.

Ропот резко усилился. То тут, то там какой-нибудь нищий что-то гневно кричал, грозя кулаками стоящему на перилах балкона Туану.

Туан снова воздел свои руки и крикнул:

— Но я говорю, что вы — мужчины!

Толпа притихла, уставясь на него.

— Те, другие, обогнали вас, но я зову вас мужчинами! — он стал вглядываться в их лица.

— И кто возразит мне?

Один миг они молчали, а затем кто-то крикнул:

— Никто, Туан! — а другой добавил:

— Никто!

— Никто! — закричали еще несколько голосов.

— Никто! — взревела вскоре вся толпа.

— Докажете ли вы, что вы — мужчины? — крикнул Туан.

— Да! — завопила толпа.

— Вы будете драться? — взвыл Туан, взмахнув кулаком.

— Да! — кровожадно заревели они, придвигаясь поближе.

Туан, растопырив пальцы, распростер ладони на уровне пояса. Толпа умолкла.

Его певучий голос завораживал.

— Вы были обречены на грязь и струпы болезней!

— Да, — пронесся ропот.

— Вы были обречены на тяжкий труд до седьмого пота и боли в спине!

— Да!

— Вы были обречены на урчание пустых желудков и тоску по дому!

— Да!

— Кто набил ваши желудки? Кто дал вам крышу над головой в этом самом доме?

— Ты!

— Кто дал вам защиту?

— Ты!

— Кто?

— Ты!

— Назовите мне имя!

— Туан Логайр! — завизжали они.

— Да! — Туан вновь распростер руки. Он стоял пригнувшись, глаза его пылали.

— Я вывел вас из юдоли. Но кто обрел вас на нее с рождения? Кто угнетал вас век за веком, от отца к сыну, со времен ваших праотцов?

Толпа недоумевающе зароптала.

— Крестьяне?

— Нет, — ответила толпа.

— Не солдаты ли?

— Да! — вновь оживясь, взревели они.

— А кто командует солдатами?

— Вельможи!

Род содрогнулся от ненависти, которую они вложили в это слово.

— Да! То были вельможи! — вскричал Туан, выбрасывая вперед кулак, и толпа взвыла.

Он позволил им побесноваться пару мгновений, а затем вновь вскинул вверх руки.

— Кто? — возопил он, и барабан за его спиной зарокотал.

— Кто! Кто единственный из всех высокорожденных встал на вашу сторону? Кто, услыша ваши просьбы, когда вы умирали с голоду, дал вам пищу? Кто послал к вам судей, дабы они творили правосудие вместо произвола вельмож.

Его кулак метнулся вперед, увлекая за собой все тело.

— Королева!

— Королева! — подхватили они.

— Она не внимает словам вельмож, дабы слышать ваши стоны!

— Да!

— Она проливает по вам слезы!

— Да!

— И все же, — крикнул горбун, — она изгнала тебя, наш Туан Логайр!

Туан горько улыбнулся.

— Так ли это? А может она послала меня к вам!

Он вскинул руки вверх, и толпа взревела, словно снежная лавина.

— Ведь именно Королева вернула вам то, что принадлежит вам с рожденья!

— Да!

— Вы — мужчины? — воззвал Туан.

— Да!
— Вы будете драться?
— Мы будем драться, будем!
— Вы будете сражаться с вельможами?
— Да.
— Будете ли вы драться за вашу Королеву?
— Да!
— Будете ли вы драться с вельможами за Королеву нашу Катарину?

— Да! Да-да-да!

Тут рев толпы перекрыл все. Люди прыгали и кричали. Мужчины хватали женщин и кружили их.

— Есть у вас оружие? — крикнул Туан.

— Да, — взметнулись вверх тысячи сверкающих клинков.

— Хватайте свои заплечные мешки и набивайте их сухарями! Выметайтесь из этого дома и через южные ворота — из города! Королева даст вам пищу и шатры! Так бегите же со всех ног на юг по главной дороге к Бреденским равнинам и поджидайте там вельмож!

— Ступайте! — крикнул он. — Вперед, за Королеву!

— За Королеву!

Туан махнул рукой, и барабан издал громкую дробь.

— Охотничий клич! — рявкнул Туан, обращаясь к Роду.

Тот поднес рог к губам и заиграл быструю заводную мелодию.

— Вперед! — взревел Туан.

Люди рассеялись, побежав к своим комнатам и к арсеналу. Они разобрали все заплечные мешки, посохи и кинжалы в десять минут.

— Дело сделано! — Туан спрыгнул с перил на пол балкона. — Через пару дней они будут на Бреденской равнине!

Он усмехнулся, хлопнув Большого Тома по плечу.

— Мы сделали это, Том!

Великан заржал и стиснул Туана в своих медвежьих объятиях.

— Уф! — выдохнул Туан, когда Том отпустил его. Он повернулся к Роду.

— А ты, дружище Галлоугласс, сообщи обо всем Королеве и проследи, чтобы известие дошло до ушей ее солдат. Скажи ей, чтобы она прислала мяса, шатры и эль, да побыстрее. А вот этих ублюдков, — он ткнул большим пальцем в сторону Пересмешника и его приспешников, — надо поглубже упрятать в королевскую темницу. Прощай!

И он вприпрыжку понесся вниз по лестнице.

— Эй, минуточку! — крикнул Род, подбежав к перилам. — Куда ты намереваешься отправиться?

— На Бреденскую равнину! — ответил Туан и, остановившись, оглянулся.

— Я должен сопровождать своих людей, иначе они опустошат все на своем пути, словно стая саранчи, и перебьют друг друга в схватке из-за добычи. Заверь Катарину в моей... — он запнулся, по его лицу пробежала тень, — ...преданности.

Затем Туан ушел, ведя за собой толпу, что выплеснулась из огромных парадных дверей дома. Он несясь перед ней, словно кружась в каком-то диком, безумном танце.

Род обменялся с Томом быстрым взглядом, затем они повернулись и бросились к лестнице, ведущей на крышу.

Оттуда они наблюдали за тем, как распеваящая песни толпа вывалилась из южных ворот.

Песенным ритмом Туан кое-как добился, чтобы они шли в ногу, почти строевым шагом.

— Как ты думаешь, он нуждается в какой-либо помощи? — пробормотал Род.

Том откинул голову назад и расхохотался.

— Это он-то, хозяин? Нет, нет! Помощь, скорее, понадобится тем, кто выступит против него, когда он имеет такую армию за спиной!

— Но чтобы один-единственный человек вел за собой пару тысяч подонков!

— Неужто после того, как ты увидел его могущество, хозяин, тебя еще гложут какие-то сомнения?

— О, я видел, — кивнул Род с облегчением. — В этой стране куда больше колдовства, чем я думал. Большой Том... Да, я видел.

— Разбуди Королеву и попроси ее присоединиться к нам в палате для аудиенций! — отрывисто приказал Бром бесцеремонно разбуженной фрейлине. — Ступай!

Он захлопнул дверь и повернулся к очагу, где сидели Род и осоловевший Тоби, которого безжалостно подняли с постели после часа сна. Ночная гулянка в Башне Ведьм сегодня маленько затянулась. Паренек держал в руке дымящуюся кружку с подогретым вином. Голова у него явно раскалывалась.

— Разумеется, — пробормотал он заплетающимся языком, — мы горим желанием помочь Королеве всеми доступными нам средствами, но какой от нас прок в бою?

— Предоставь это мне, — улыбнулся Род. — Я найду вам работу по силам. Ты лишь собери королевских магов на Бреденской равнине...

— Через три дня, — улыбнулся Бром. — Мы выступаем на рассвете и будем в пути три дня.

Тоби сонно кивнул.

— Мы будем там, господа. А теперь с вашего позволения...

Он попытался приподняться, охнул и рухнул обратно в кресло, обхватив руками голову.

— Полегче, парень! — Род поддержал его, схватив за локоть. — Первое похмелье?

— О, нет! — поднял голову Тоби, моргая слезящимися глазами. — Просто меня впервые разбудили так рано, что выпитое обратилось в похмелье. Если господа извинят меня...

Воздушная волна ударила по барабанным перепонкам, когда воздух с хлопком заполнил пространство, которое только что занимал Тоби.

— М-да... — сказал Род. Он покачал головой и взглянул на Брома. — Так еще и телепортация?

— Теле... что? — нахмурился Бром.

— Э-э... — Род на миг закрыл глаза, кляня свой длинный язык. — Как я понял, он вернулся обратно в постель.

— Да.

— Он может исчезнуть здесь и появиться там?

— Да, со скоростью мысли.

Род кивнул.

— Так я и думал. Ну, это нам явно должно пригодиться.

— Какую задачу ты хочешь возложить на них, Род Галлогласс?

— Ну, еще не знаю. — Род легкомысленно помахал кружкой. — Может, они насуют муравьев в доспехи южан или еще как-нибудь их разыграют. Те просто умрут от смеха.

— Словом, ты пока не знаешь, чем они могут быть нам полезны, но все же берешь их с собой.

— Да, я склоняюсь к мысли, что порой немного колдовства совсем не мешает.

— Понятно, — скупно улыбнулся Бром. — Она уже дважды спасала тебя, не так ли?

— Она? — резко развернулся Род. — Кто? Кто она, а? О ком ты говоришь?

— Гвендилон, конечно! — улыбка Брома охладила гнев Рода.

— Ах, да! Э-э... ты знаешь о ней? — осторожно осведомился Род, затем он расслабился, улыбнувшись. — Ну, да, конечно же, ты знаешь о ней. Я забыл, что она дружна с эльфами.

— Да, я знаю о ней. — Брови Брома сошлись на переносице.

— Ты только скажи мне, — произнес он озабоченно, — любишь ли ты ее?

— Люблю ли я ее? — уставился на него Род. — Какое, черт возьми, тебе до этого дело?

Бром нетерпеливо отмахнулся.

— То моя забота, и пусть она моей и останется. Так любишь ли ты ее?

— Это касается только меня одного! — выпрямился Род, приняв позу оскорбленного достоинства.

— Я Князь Эльфов! — рявкнул Бром. — Неужели мне нет никакого дела до самой могущественной ведьмы на всем Грамаре?

Род испуганно уставился на него.

— Самой... что?

Бром горько усмехнулся.

— Разве ты не знаешь? Да, Род Галлоугласс. Ты связался с самой могущественной девицей на острове. Поэтому скажи мне: ты любишь ее?

— Ну... э-э... я... э-э... я не знаю! — Род сел и обхватил голову руками. — Я хочу сказать... э-э... все это так неожиданно, я...

— Нет, нет! — нетерпеливо прорычал Бром. — Ты наверняка знаешь, любишь ли ты ее или нет!

— Ну, я имел в виду... э-э. Ну, нет, я не знаю! Я хочу сказать, что в этом вопросе трудноато быть объективным, разве не так?

— Значит, ты не знаешь? — лицо Брома почернело, как грозовая туча.

— Нет, черт побери, не знаю!

— Ах ты дурень, слюнявый младенец, насмешка над мужчиной! Ужель ты не ведаешь, что у тебя в сердце творится?

— Ну, э-э... там есть предсердие, желудочек и... э-э...

— Тогда как же мне узнать, любишь ли ты ее? — прогремел Бром.

— Какого черта ты ко мне пристал? — завопил Род. — Спроси моего коня!

Испуганный паж сунул голову в дверь, затем вошел в комнату, дрожа как осиновый лист.

— Милорды, Ее Величество Королева!

Род с Бромом повернулись кругом и склонили головы.

Катарина появилась в халате цвета королевского пурпура, распущенные волосы светлым облачком струились вокруг ее головы. Она выглядела крайне усталой и сонной.

— Ну, милорды, — буркнула она, усаживаясь у очага, — какое небывалое происшествие заставило вас разбудить меня в столь ранний час?

Род кивнул головой пажу. Мальчик побледнел, поклонился и вышел.

— Дом Кловиса взялся за оружие и выступил, — сообщил ей Род.

Она уставилась на него, раскрыв от изумления рот.

— Этой ночью они вышли из южных ворот и направились на юг, к Бреденской равнине.

Глаза Катаринины закрылись, и она со вздохом погрузилась обратно в кресло.

— Хвала небесам!

— И Туану Логайру, — проворчал Род.

Катарина открыла глаза и пристально взглянула на него.

— Да, и Туану Логайру, — выдавила из себя она.

Род отвернулся и провел рукой по каминной полке.

— Им надо послать еду и выпивку, дабы они не обобрали по дороге всю округу. И отправить вперед верхового курьера, чтобы тот приказал солдатам пропустить их.

— Да, — неохотно сказала она, — разумеется.

Ее взгляд был прикован к пламени.

— И все же странно, что те, кто шумно выступал против меня, теперь будут сражаться на моей стороне.

Род взглянул на нее и иронично улыбнулся.

— Туан... — прошептала она.

Бром прочистил горло и выступил вперед, сцепив руки за спиной.

— И этой же ночью, — прорывал он, — я говорил с Королем Эльфов. Все его легионы — наши.

Вновь обретя уверенность в себе, она горько улыбнулась.

— Легионы эльфов, Бром О'Берин?

— О, не надо недооценивать их. — Род помассировал свой затылок, вспоминая удар по черепу и плененного оборотня. — И, наконец, у нас есть собственный ковен...

— ...и самая, могущественная на всем Грамарае ведьма, — встрял Бром.

— М-да, и она тоже, — согласился Род, прожигая Брома насквозь бешеным взглядом. — Все полны рвения служить единственной в истории правительнице, которая защищает ведьм.

Глаза Катарины медленно расширились, пока она внимала ему, теперь ее взгляд был направлен куда-то вдаль и беспорядочно блуждал по языкам пламени.

— Мы победили, — прошептала она, — мы победили!

— Ну... э-э... при всем уважении к Вашему Величеству... наверное, правильное будет сказать, что у нас имеются некоторые шансы на победу.

Бреденская равнина представляла собой дельту, открытую с юга, но прикрытую с севера слиянием двух рек. Вдоль обоих водных потоков тянулись, окружая поле, густые деревья. Сама равнина поросла высокой травой и лавандой.

— Хотя, они вряд ли были в состоянии хорошенько разглядеть его, — подумал Род, сидя на корточках у походного костерка. Поле скрывала густая дымка тумана. По крайней мере, Роду, которому приходилось сталкиваться с городским смогом, это показалось дымкой. А Туан, греющий руки у костра напротив Рода, покачал головой и пробормотал:

— Крайне плотный и неприятный туман, господин Галлоугласс! Он существенно повлияет на боевой дух войска!

Род поднял бровь и прислушался к отзвукам бурного пира, доносившимся через все поле от палаток нищих. Ведьмы тоже были там. Сегодня, несмотря на непогоду, гулянка началась еще в полдень.

Его плечи затряслись от смеха.

— Ну, не стоит беспокоиться, Туан. Ясно... э-э... ведьмы заверили, что завтра будет прекрасный солнечный день.

— И хвала Св. Георгу, нам до той поры не придется сражаться! — Туан, дрожа, завернулся в плащ.

Последние сообщения от крошечных шпионов Брома, которых Род немедленно окрестил Хобгоблинским объединенным Разведкорпусом, гласили, что войска южан были всего лишь в полудне пути отсюда. Катарина прибыла с Бромом и со своей армией этим вечером, а нищие отдыхали уже целый день. К тому же, они так рвались в бой, что Туан с трудом держал их в узде. Все они были за то, чтобы выступить на юг и атаковать вельмож с ходу.

— И все же, — сказал Род, дернув себя за губу, — я никак не могу понять, почему мы должны ждать утра, чтобы дать им бой. Мы могли бы устроить им засаду этой ночью, когда они подтянут свои войска.

— Напасть ночью! — ужаснулся Туан.

Род пожал плечами.

— Разумеется, почему бы и нет? Они здорово устанут после дневного марша, и не будут знать, где мы. У нас будет больше шансов на успех.

— Да, и у тебя будет больше шансов убить человека, если ты ударишь его ногой в голову, когда тот повержен наземь!

Род вздохнул и не стал рассказывать о том, как он однажды точно так и поступил. Правда, этот человек был одним из пяти прекрасно обученных наемных убийц, которые устроили ему засаду. Честно говоря, он применял и более грязные приемы в куда менее опасных ситуациях, но сейчас вряд ли стоило упоминать об этом.

Он лишь сказал:

— Мне кажется, что цель сражения — это победа.

— Да, — согласился Туан, пристально разглядывая сквозь туман южную оконечность луга, — но не такой ценой. Кто будет верен Королеве, удержавшейся у власти подобным образом?

— Вот в этом-то, — признал Род, — и заключалась суть дела. В этом мире престиж решал все, а часть была его краеугольным камнем.

— Ну, — вздохнул он, — ты же доктор.

— Доктор? — нахмурился Туан. — Но я не обучен искусству исцеления.

— Нет, но ты великолепный психолог-практик. Поэтому, когда речь идет об управлении людьми, я целиком полагаюсь на тебя.

Туан грустно улыбнулся, покачив головой.

— Дружище Род, у меня нет дара правителя.

Род позволил себе усомниться в этом.

— Ну, может и нет, но ты чертовски хороший лидер.

— Эгей! — прогремел голос.

Обернувшись, Род усмехнулся при виде вырисовывавшейся в тумане гигантской фигуры.

— Там все счастливы?

Большой Том, ухмыляясь, проложил себе дорогу сквозь туман.

— Вполне, хозяин. Они никогда в жизни не пили такого вина, да еще в таких количествах.

— Гм-м, — потянул себя за губу Род. — Может пока на время укатить бочки? Не в наших интересах, чтобы они так перепились накануне схватки.

— Нет, — поправил Туан и, как заметил Род, сделал это почти автоматически. — Пусть пьют, сколько влезет, только уложите

их спать пораньше. Потом поднимите их с утреча, дайте каждому по кружке-другой... и тогда они будут сражаться, как демоны.

И Род был вынужден признать, что он прав. Они не требовали от нищих дисциплины, а просто хотели, чтобы те вышли и побили врага.

Ночь пронзили искры сторожевых костров, подернутые поднявшейся дымкой.

На юге, где знать и советники разместили свою армию, загорелись новые искорки света.

С северной части луга, где нищие по мере сил завершали исполнение приятного приказа «напиться как можно быстрее», доносился женский смех, крики и звуки музыки.

На склоне холма за рекой, где легли спать трезвые как стеклышко Катарина и ее регулярная армия, царило строгое неодобрительное молчание и мягкий свет ламп под пологом шелковых шатров.

Однако то, что творилось в самой большой палатке, у Катарини, можно было назвать чем угодно, но только не тишиной.

— Нет, нет, и еще раз нет! — кричала она, гневно расхаживая по шатру.

Она повернулась и громко хлопнула в ладоши.

— Я не желаю больше выслушивать ваши доводы! Что решено, то решено: завтра я пошачу во главе моего войска! Я не потерплю никаких возражений!

Род и Бром обменялись взглядами.

Лицо Туана побагровело от гнева, подавленности и тревоги.

— Ступайте, — приказала Катарина и повернулась к ним спиной.

Трое мужчин поклонились и неохотно вышли из шатра.

— Коль она что решит, то пиши пропало, — проворчал Бром. — Теперь нам троим придется охранять ее, возложив бремя управления битвой на плечи сэра Мариса.

— Это верный путь к поражению, — буркнул Род. — Его манера ведения боя столь же устарела, как фаланга.

Бром вздохнул и потер глаза.

— Но, как я сказал, я погибну вместе с ней. И все же, быть может, мы останемся в живых, ибо у меня тут есть одна идея.

Он скрылся во тьме прежде, чем они успели расспросить его, из чего Род сделал вывод, что весь его «план» заключается в поднятии духа Рода и Туана путем прозрачных намеков на то, что есть еще надежда на благополучный исход дела.

— Мы умрем, защищая ее, — прошептал Туан, побледнев. — А когда нас не станет, она умрет тоже, и это мне не дает покоя.

Он беспомощно развел руками.

— Ну что я могу поделать?

— Ну... — Род поджал губы и оглянулся через плечо на освещенный шатер. — Я знаю одно верное средство, благодаря которому она никуда завтра не поскачет...

— Скажи же, не тяни! — глаза Туана вспыхнули от лихорадочного ожидания ответа.

— Надо сделать так, чтобы утром она не смогла сидеть.

Туан уставился на него, его лицо медленно залилось краской, затем кровь отхлынула, он побледнел и задрожал от ярости.

— Что... ты имеешь в виду? — хрипло спросил он угрожающим тоном и поднял стиснутый добела трясущийся кулак.

Род взглянул на него и нахмурился.

— Ну, отшлепать ее. Выдрать ее так, чтобы она до следующего воскресенья не смогла. А как же еще этого добиться?

Туан медленно опустил кулак и вновь покраснел до корней волос.

— А, — сказал он и отвернулся. — И вправду, неплохая мысль.

— Сделай это, иначе ты дашь ей погибнуть.

Туан кивнул, постепенно оживая.

Он повернулся к шатру Королевы, постоял минуту, затем расправил плечи.

— Тогда так я и поступлю. Прости меня, дружище Галлоугласс, за ту вспышку гнева. На миг я подумал, что ты имел в виду... нечто другое.

Он глубоко вздохнул и поспешно шагнул к шатру.

Остановившись у входа, Туан кивнул часовому, еще больше выпятил грудь и вошел вовнутрь.

Род улыбнулся, развеселившись.

— А я-то думал, что только меня посещают грязные мыслишки!

Он хихикнул, качая головой, и повернулся к походным кострам ведьм, отметив про себя, что годы, проведенные в Доме Кловиса послужили Туану хорошей школой жизни.

Из тьмы вдруг материализовалась, в буквальном смысле слова, Гвендилон. Она застенчиво улыбнулась.

— Что так развеселило милорда?

Род расцвел в улыбке, схватил ее за талию и, приподняв, горячо поцеловал.

— Милорд! — мило покраснела она, приглаживая растрепавшиеся волосы.

Ночной ветерок внезапно донес до них звуки звонких шлепков, сопровождаемых визгом и воплями.

Часовые у шатра всполошились и метнулись ко входу. Один уже хотел было откинуть полог, но второй схватил его за руку и крикнул:

— Вашему Величеству нужна помощь?

— Не входить! — провизжал полный муки голос. — Под страхом смерти не входить!

Караульные озадаченно взглянули друг на друга, затем пожали плечами и вернулись на свои посты, время от времени бросая нервные взгляды через плечо.

Визги слегка стихли, сменившись рыданиями. Шлепков больше не было слышно.

Затем воцарилась тишина.

Род посмотрел на Гвен.

— Чему ты улыбаешься?

Она искоса взглянула на него.

— Я говорила тебе, милорд, что могу слышать любые мысли, кроме твоих.

— Вот как?

— Да. В этот момент от шатра исходят самые добрые мысли.

Свет под пологом погас.

Гвендилон хихикнула и отвернулась.

— Идем, милорд. Продолжать слушать будет просто невежливо. Этой ночью мы должны лечь спать пораньше.

— Проснись, Род Галлоугласс! — кто-то тряс его за плечо.

Род заворчал и с трудом приподнял веки.

— Какого черта ты...

Он замолк, когда увидел выражение лица Брома.

— Да, — буркнул Бром. — А теперь облачайся и идем со мной.

— Я не сплю голым в ночь перед боем, — проворчал Род и осторожно поднялся, стараясь не разбудить Гвендилон.

Когда он посмотрел на нее, лицо его на миг смягчилось. Он коснулся губами ее щеки. Она пошевелилась, пробормотала что-то во сне и улыбнулась.

Затем он выпрямился и лицо его посуровело.

Бром уже шагал прочь сквозь холодный предрассветный туман, постепенно становящийся все более разреженным.

— Ладно, что случилось? — проворчал Род, догнав Брома.

— Помолчи пока, — отрезал тот и не произнес ни слова, пока куда они не поднялись по склону холма подальше от шатров.

Затем он резко повернулся к Роду и бросил:

— А теперь скажи мне! Любишь ли ты ее?

У Рода вытянулось лицо.

Затем он вкрадчиво спросил:

— Ты разбудил меня лишь за тем, чтобы спросить об этом?

— Это крайне важно для меня, — огрызнулся Бром. — Так любишь ли ты ее?

Род скрестил руки и перенес свой вес на одну ногу, слегка выставив вперед другую.

— Но какос, черт возьми, тебе до этого дело? Какое ты имеешь право копаться в моей душе?

Бром отвел взгляд, на лице отразились бушовавшие в нем эмоции. Когда он, наконец, заговорил, то каждое слово, казалось, вытаскивали из него клещами.

— Она моя дочь, Род Галлоугласс.

Он взглянул на ошеломленного Рода, глаза лукаво блеснули.

— Да. Ты едва ли можешь поверить в это, не так ли?

— Она была всего лишь служанкой в королевских палатах, Род Галлоугласс... и все же я любил ее. Она была маленькая, едва ли не в половину роста обычной женщины, но все-таки на голову выше меня. И смертная, чересчур смертная.

— Она была прекрасна, о, как она была прекрасна! И, хотя это может показаться странным, ее желали многие мужчины двора. Но все же... — в голосе Брома появились удивление и благоговение, — все же она любила меня. Она единственная из всех женщин, эльфов или смертных, видела во мне не карлика, эльфа или Князя... а просто человека.

— И она желала меня...

— И любила меня...

Бром умолк, озадаченно качая головой.

— Я любил ее, Род Галлоугласс, — вздохнул он, — и любил лишь ее одну, и зачал ей ребенка.

Лицо его помрачнело. Он сцепил руки за спиной и устался в землю.

— Вот она оказалась в тягости, время ее быстро приближалось и вскоре ее разнесло бы так, что все узнали бы об этом и затравили бы ее жестокими шутками, хотя мы и были обвенчаны. Поэтому я отправил ее в девственный лес, к своему народу. И там эльфы и лепреконы приняли у нее прелестное, смеющееся, дитя-полуэльфа.

Глаза его увлажнились, он поднял голову, глядя сквозь Рода.

— Она умерла от простуды, когда нашей дочери исполнилось два года. И мы похоронили ее там, под деревом в лесу. И я каждый год прихожу туда.

Глаза его вновь сфокусировались на Роде.

— Но у меня все же осталось дитя.

Он резко отвернулся.

— А что мне оставалось делать? Вырастить ее самому, позволив ей узнать, что ее отец — урод, служащий мишенью для дурных шуток? Чтобы она стыдилась меня?

— Поэтому она выросла в лесу, среди эльфов, зная лишь могилу своей матери, но не ведая, кто ее отец.

Род хотел возразить, но Бром велел ему замолчать.

— Тихо! Так было лучше!

Он медленно повернулся, глаза его горели.

— Так будет и впредь. И если она когда-нибудь узнает об этом от тебя, Род Галлоугласс, я с корнем выдеру твой язык и обкорнаю тебе уши.

Род застыв, пристально посмотрел на него и не нашелся, что ответить.

— И потому, скажи мне сейчас! — Бром упер руки в боки и выпятил подбородок. — Ибо знай же, я полусмертный и могу быть убит. И может статься, что сегодня мне суждено умереть.

Он понизил голос.

— Так скажи мне, бедному обеспокоенному отцу, любишь ли ты мое дитя?

— Да, — тихо произнес Род. — Так, значит, я не случайно встретил ее, отправившись на юг?

Бром горько улыбнулся.

— Конечно же, нет. Ужель ты мог хоть на миг усомниться в этом?

Восток заалел, залившись краской рассвета, и туман уже начал рассеиваться, когда Род въехал в лагерь нищих, чтобы разбудить их.

Но Туан уже был там. Он ходил от тюфяка к тюфяку и будил их, трясая за плечо. За ним шел солдат, который ставил перед каждым кружку горячего дымящегося вина.

Туан поднял голову, увидел Рода и кинулся к нему с распростертыми объятиями, улыбаясь до ушей.

— Благодарю тебя, дружище Галлоугласс, — сказал он просто. — Я буду обязан тебе до гробовой доски! Я в таком долгу перед тобой!

Род лукаво улыбнулся.

— Значит, ты решил перестраховаться и быть уверенным в войне? Что ж, так будет лучше.

Туан, судя по всему, отлично справлялся с делами в лагере нищих, поэтому Род направил стопы Векса к стоянке ведьм.

Там все было в полном порядке: стояли готовые корзины с веревками и прочим снаряжением. Утренний отвар переходил из рук в руки. Это было мощное средство, нечто вроде чефира, сдобренного бренди, отлично выполнявшее возложенную на него задачу — взбодрить ведьм, максимально усилить их колдовскую силу.

В этом лагере под ногами повсюду шныряли эльфы, распространявшие амулеты и отвращающие магиб заклинания среди тех, кто в них нуждался. Ведьмы — не ведьмы, рассуждал маленький народец, однако лишняя уверенность в себе не помешает. Амулет никому не повредит, а может и...

Тут Роду тоже было нечего делать, так что он отправился на поиски Гвендилон.

Он нашел ее сидящей среди старых, по Грамарайским понятиям, ведьм. Им было, должно быть, лет за двадцать.

Гвендилон, судя по всему, что-то объясняла им с предельной серьезностью, чертя заостренным прутиком диаграммы на земле. Они ловили ее слова так, будто каждое могло означать для них жизнь или смерть.

Похоже, что не стоило сейчас прерывать ее.

Род повернулся и поехал сквозь сутолоку спешащих фигур, запахов пищи, гула голосов и противоречивых звуков горнов через дозоры на Бреденскую равнину.

Первые косые лучи солнца заливали луг, испаря последние клочья тумана. Высокая трава была холодной и влажной от росы, а небо — ясным и голубым.

На южном краю поля заблестели наконечники пик. Солнце сверкало на блестящих доспехах. Ветер донес до него клацание металла, ржание лошадей и гул пробуждающегося лагеря. Советники тоже встали ни свет, ни заря.

Послышался стук копыт. Род оглянулся и увидел скачущего к нему через луг паж.

— Что там, мой мальчик? — окликнул его Род, улыбаясь и приветственно махая рукой.

— Ты должен явиться к Королеве, господин Галлоугласс, — выдохнул запыхавшийся паж, уцепившись за стремя Рода. — Милорд О'Берин и лорды Логайры уже там, на военном совете.

Военный совет завершился быстро — еще раз повторили заранее разработанный план действий, произнесли короткую молитву, да плюс выслушали новость, что Катарина никуда не поскачет. Род заметил, что Катарина за все совещание ни разу не присела.

Затем они отправились каждый на свой участок: сэр Марис — в центр, старый герцог Логайр — на правый фланг, а Род — на левый. Согласно рекомендациям Рода, Бром остался на вершине холма вместе с Катариной и Гвендилон, чтобы управлять оттуда ходом битвы. Карлик безоговорочно принял это предложение: малыш был умелым бойцом, но ноги его были слишком коротки, чтобы удержаться в седле при столкновении всадников.

Том, поставленный перед выбором — сражаться вместе с нищими или остаться с Родом, выбрал последний вариант, вероятно потому, что хотел быть в гуще боя.

Туан, конечно, встал во главе нищих.

Когда Туан вскочил в седло, Катарина остановила его, положив руку ему на колено. Род увидел, как она повязала ниточку вокруг предплечья юноши.

Затем она умоляюще простерла к нему руки. Туан схватил их, прижал к лицу, нагнулся, чтобы поцеловать ее в губы, затем прищипнул коня, проскакал ярдов десять и вновь остановился.

Они замерли на миг — юная Королева и белый рыцарь. Затем Туан поднял коня на дыбы, развернулся и галопом поскакал к своему разношерстному войску.

Род тайком улыбнулся.

— Еще не время почивать на лаврах, Род, — напомнил ему Векс.

Род скорчил гримасу.

— По-твоему, ты кто? Сверчок Пиноккио?

Он обернулся и бросил прощальный взгляд на Гвендилон, стоявшую неподалеку от шатра Королевы, а затем поскакал на левый фланг.

Род был единственным всадником, скакавшим без доспехов. По обеим сторонам поля выстроились воины в тяжелых доспехах четырнадцатого века. Однако рыцари Юга стояли монолитной сверкающей стеной, в то время как между каждой парой рыцарей Катарины, растянувшихся в цепь вдоль вражеского строя зияла брешь метров в двадцать.

— Да, тут есть несколько слабых мест, — подумал Род. Да и одинокая шеренга пехотинцев за воинами Королевы не слишком смотрелась по сравнению с плотными рядами, видневшимися

за спинами мятежных лордов. Нет, это зрелище определенно не прибавляло уверенности.

Но нищих-то в поле зрения не было. Как, впрочем, и эльфов с ведьмами.

Мятежников ждало несколько неприятных сюрпризов.

На южном конце поля протрубил рог.

Мятежные рыцари взяли копья наперевес.

Рыцари Королевы последовали их примеру.

Возникла долгая напряженная пауза, затем кони рванулись вперед.

Глухой топот копыт постепенно перешел в грохот горной лавины, когда две закованные в металл шеренги двинулись навстречу друг другу.

Как только они двинулись с места, строй северян уплотнился так, что рыцари скакали плечом к плечу.

Из шеренг мятежников раздалось торжествующие крики, когда те увидели, как победа сама плывет к ним в руки. Казалось, что силы повстанцев с легкостью обогнут строй северян и зажмут в клещи войска Королевы.

Центр строя мятежников со звоном сшибся с рыцарями Королевы. Полетели на землю выбитые из седел всадники, брызнула кровь, но продвижение южан застопорилось.

И тут с победоносным ревом мятежники обхватили северян с флангов...

Воинственные крики сменились воплями отчаяния, когда земля ушла из-под копыт их лошадей.

Рыцари рухнули вместе с конями в ров глубиной в шесть футов.

Эльфы этой ночью поработали на славу.

Пехотинцы со всех ног кинулись на выручку своим господам, но тут из-за окружающих поле деревьев с воем высочили нищие, вооруженные ножами, мечами и дубинами, и словно вихрь налетели на них.

Однако противник по-прежнему имел превосходство в численности.

Но тут в дело вступили военно-воздушные вилы. Упряжки из четырех левитирующих чародеев с юношеским пушком на щеках увлекали за собой раскачивающиеся корзины, в которых сидели ведьмы, владеющие даром телекинеза. Чародеи наобум пускали в свалку стрелы, ибо руки у них, благодаря кожаным сбруям на поясах, были свободны, а ведьмы бросали из корзин булыжники, при этом так управляя их полетом, чтобы при попадании те, по

крайней мере, оглушили бы врага. Из рядов южан в их сторону пускали стрелы, но ведьмы легко отводили угрозу, а иногда даже умудрялись запустить стрелы обратно в лучников.

Простая упорядоченная битва выродилась в хаотичную рукопашную схватку.

Но тут перед рыцарями южан стала дополнительная проблема. Кодекс гласил, что с рыцарем мог сражаться только другой рыцарь. Пешего солдата могли убить за одну лишь попытку сделать это, и да помогут ему небеса, если он все же предпримет подобную попытку и преуспешет!

К тому же, когда рыцари Катарини прорубались из центра наружу, потери мятежников значительно превышали их собственные, ибо Королева, подобно свосму отцу, считала излишним устраивать своим воинам сверхурочные тренировки.

Внезапно в воздухе перед Родом возник Тоби, юный чародей.

— Господин Галлоугласс! Герцога Логайра жестоко теснят, ты должен прийти к нему на помощь!

Он исчез столь же неожиданно, как и возник. Этот способ боевой связи не был самым совершенством, но у мятежников тут дела обстояли еще хуже.

Род отправил на тот свет очередного противника, парировав его выпад и нанеся молниеносный удар в щель между шлемом и нагрудной пластиной лат, и вывел Векса из гущи схватки.

Он проскакал вдоль строя на другой фланг, где долговязая фигура закованного в латы рыцаря с пылающим мечом как раз закончила прорубать себе дорогу сквозь войско к Логайру. Один из советников пытался исправить положение, уничтожив предводителя. Его меч испускал странное сияние. Род не знал, что это такое, но кто-то явно пытался замаскировать под меч какое-то несравненно более мощное оружие.

Род ворвался в эту сечу, проложив себе путь сквозь сцепившиеся пары солдат и нищих, скользя по крови и отсеченным головам.

Логайр заметил опускающийся на него меч и вскинул щит, дабы отразить удар. Меч советника легко разрубил его, но старика при этом не задел. Герцог вскрикнул от боли, когда волна жара, раскалив щит и доспехи, обожгла его кожу, и на миг ослабил защиту.

Советник размахнулся для последнего удара.

Векс на полном скаку врезался в коня советника. Животное рухнуло на землю, а всадник с воплем вылетел из седла, выпустив меч, который отлетел далеко в сторону.

Солдаты мигом отпрянули назад, чтобы магический меч не задел их при падении.

Род без малейших угрызений совести развернулся и растоптал советника железными копытами Векса. Тот издал булькающий звук и поперхнулся. Его крик продолжал звенеть в ушах Рода.

Он почувствовал укол совести, но он загнал ее поглубже до конца битвы.

Род развернулся к мечу, слыша, как солдаты ахают:

— Колдовство!

— Нет, это всего лишь магия, — крикнул он, соскочив на землю. Подняв меч, Род вновь вскочил в седло. В нем нет ничего такого уж странного, не правда ли?

Он бросил меч рукоятью вперед Логайру. Старый вельможа поймал его и отсалютовал Роду. Тот вновь выскочил на свободное пространство.

Вокруг кипел бой, сталь била в сталь, кость — в кость, и никто не просил пощады. Сцепившиеся армии сгрудились посреди поля словно какая-то гигантская пульсирующая мерзкая амеба.

В небе эсперы-ведьмы развернулись и полетели назад, будучи больше не в состоянии отличить своих от чужих.

Векс легко прокладывал себе дорогу сквозь обычную смертную плоть, Род носился взад-вперед по боевым порядкам, охраняя трех генералов и столько рыцарей, сколько было в его силах, а также везде, где мог, помогал раненым, разбивая своей тяжелой рукой мертвую хватку врагов.

Нищие, судя по всему, имели значительное превосходство перед солдатами в рукопашной схватке. Тут они были в своей стихии. Многие из них сложили головы, но редко кто из них умирал, не прихватив с собой в могилу шесть, а то и больше, врагов, разя их деревянными колями, ржавыми мечами и острыми ножами с полным пренебрежением к возрасту и занимаемому положению.

Род подумал о Карле Марксе и содрогнулся.

Большой Том давно уже затерялся в водовороте битвы. Род надеялся, что с ним все было в порядке.

И тут великан вдруг поднялся где-то за спинами мятежников с ревом:

— Ко мне! Ко мне!

Тысячи нищих начали пробиваться к нему сквозь ряды южан.

Слух распространился, и группки нищих стали наносить удары по всему фронту, сжимая в тиски гидру войны.

Большой Том прокладывал себе дорогу к строго определенной цели.

Род нахмурился и привстал на стременах, пытаясь разглядеть, куда так стремится великан.

Там, в самой гуще схватки, двадцать неистовых пугал бешено трудились, собирая какую-то машину: паукообразную треногу, увешанную тоненькими предметами странной формы. Это были советники с их последней надежной.

Род прищипорил коня, и Векс взвился в воздух... Однако робот все же чуть промедлил с прыжком. Род со страхом понял, что напряжение битвы начало сказываться и на Вексе.

Конь взлетел над головами сражающихся и пропахал борозду к группе советников. В тот же миг Том прорвался к ним с другой стороны с жалкими остатками своего войска нищих.

На какое-то время наступила зловещая тишина, когда советники увидели своих палачей.

Затем они взвыли, сгрудились вокруг своей машины и с отчаянной яростью выставили вперед пылающие мечи.

Войско Тома окружило их и кинулось вперед.

Мечи советников — смертельно опасное оружие, но чтобы поразить цель, надо нанести удар, а нищие прекрасно умели увертываться, оставаясь целехонькими.

Многие нищие пали, разрезанные пополам, но оставшихся в живых было все же намного больше. На каждого советника приходилось по четверо нищих. Они вгрызались в их ряды. Советники кричали, рубили и погибали.

В центре круга Род мог видеть одинокую фигуру, продолжающую яростно работать над машиной. Дюрер.

Затем около него осталось всего лишь пятеро советников.

Дюрер с криком отчаяния отвернулся от машины и что-то вытащил из своего кошель.

Лазерный пистолет.

Род припал к боку Векса, укрывшись от советника за телом коня. Он знал, что робота могло поразить лишь прямое попадание в его электронный мозг. Род откинул скрытую панель в боку коня. Там хранилась его палочка-выручалочка — лазерный пистолет ДДТ последней модели.

Слыша пронзительные крики нищих, которым по колено отрезало ноги, он вынул оружие и выстрелил поверх головы Векса.

Он попал Дюреру в ногу. Советник с воплем схватился за колено и упал. Том издал воинственный клич. Нищие кинулись вперед. Засвистели дубовые колья, валя наземь оставшихся советников.

Колья взмыли ввысь, замерли на миг в воздухе и упали с чавканьем на землю.

Большой Том победоносно заржал и подхватил меч поверженного советника.

Дюрер, перекатившись, приподнялся на одно колено и выстрелил. Красный лучик света угодил Тому в плечо. Тот зарычал, закрутился на месте и упал. Полуползком-полуподпрыгивая, Дюрер бросился к нему, чтобы добить.

Род навскидку выстрелил, но промахнулся.

Дюрер взвыл и нырнул за тело убитого.

Род вонзил каблуки в бока Векса.

— Живо! Прежде чем он очухается и выстрелит!

Конь прыгнул. Луч лазера попал ему в пустое стальное брюхо, не причинив никакого вреда.

Но еще в воздухе ноги робота сковал паралич, а голова безвольно повисла между ними.

В момент приземления Род соскочил с коня, который покатился по земле.

Род тоже сделал несколько кульбитов и тут увидел Дюрера, приставшего на колено и наводящего на него пистолет.

Огромная туша Тома врезалась в советника.

Дюрер отлетел прочь, выронив пистолет.

Пистолет Рода постигла та же участь. Он принялся лихорадочно оглядываться вокруг в поисках оружия.

Том покатился, вскочил на ноги и кинулся к Дюреру, схватив по пути меч убитого советника... но споткнулся о труп.

Шустрый как угорь, Дюрер рванулся вперед, подхватил вывалившийся из руки Тома меч. И замахнулся...

Род прыгнул.

Его плечо угодило Дюреру в живот, заставив пугало перевернуться. Меч опустился на землю, не причинив никому вреда.

Дюрер удержался на ногах и вновь поднял меч, повернувшись к Роду.

Род привстал на колени и тут увидел занесенный клинок.

Том с ревом врезался в Рода, отшвырнув его от смертоносного меча.

Пылающее лезвие опустилось и отсекло Тому плечо вместе с третьей грудной клеткой.

Род закричал, вскочил на ноги и кинулся на убийцу. Его рука обвилась вокруг горла Дюрера, а колено уперлось в поясницу советника. Что-то хрустнуло.

Дюрер вскрикнул и обмяк, продолжая пронзительно верещать. Меч выскользнул из его пальцев.

Род бросил советника наземь.

Все так же пронзительно вереща, пугало шарило в поисках меча.

Род припал на колено и ударил рукой наотмашь.

Намозоленное ребро его ладони раздробило гортань и шейные позвонки Дюрера.

Тот издал булькающий звук, задержался в конвульсиях и затих.

Род некоторое время стоял, тяжело дыша, затем повернулся и увидел, как из плеча Тома фонтаном бьет кровь. Лицо великана исказила безмолвная гримаса боли.

Род вновь опустился на колени, лихорадочно шаря в мешанине из окровавленных трупов.

Наткнувшись на лазерный пистолет, он повернулся обратно к Тому.

Оставшиеся в живых нищие, шатаясь, кинулись вперед, но слишком медленно. Прежде, чем они добрались до Рода, он нажал на курок и сделал небольшой разрез вокруг раны Тома. Тот вскрикнул.

Тут нищие накинулись на Рода, молотя его чем попало.

— Нет! — издал Том крик — слабое подобие прежнего рева. — Пустите его, глупцы! Разве вы не видите! Он остановил мне кровь!

Поддерживающие великана руки задрожали и отпустили его. Том грузно осел наземь. Род захромал к нему, потирая едва зажившее плечо. Все его тело и лицо покрывали многочисленные ссадины.

Сморщившись от боли, он опустился на колено рядом со стонущим обрубок человека. В нос ударил запах паленого мяса.

Том с трудом приоткрыл глаза и попытался улыбнуться.

— То было хорошо задумано... хозяин... Пару минут назад. Это... могло бы спасти меня.

Род сорвал с себя плащ, скатал его и положил под голову Тому.

— Лежи и отдыхай, — проворчал он с усилием. — Ты здоровенный буйвол и сумеешь выкарабкаться. Потеря крови не так уж велика.

— Нет, — выдохнул Том, — слишком много... вытекло. И... общий шок...

Его лицо исказила спазма боли. Род подошел к Вексу, хлопнув по кнопке включения и нащупал ампулу в одном из потайных отделений в корпусе коня.

Приковыляв обратно к Тому, он приложил ампулу к обожженной плоти.

Издав вздох облегчения, Том расслабился, как только анестезия начала действовать.

— Спасибо, хозяин, — едва слышно прошептал он. — По крайней мере, моя смерть не будет мучительной.

— Не говори так, — лицо Рода застыло. — Ты еще не раз побарахтаешься в сене с девочками.

— Нет, хозяин, — покачал головой Том, закрывая глаза. — Мое время пришло.

— Рано тебе умирать. Ведь если ты испустишь дух, то за мной останется долг. А я этого не потерплю.

— Плевать я хотел, потерпишь ты этого или нет! — сплюнул Том, вновь слегка оживившись. — Ты теперь не в силах командовать мной или запретить мне что-то, хозяин! Тот, кому я теперь принадлежу, могущественнее тебя; настанет день, когда и тебя приберет к рукам.

Великан откинулся, тяжело дыша.

Род молча стоял на коленях подле него.

Уцелевшая рука Тома пошарила по его животу и ухватила Рода за предплечье.

— Да, ты теперь у меня в долгу, хоть и не по моей воле.

— Не по твоей воле? — нахмурился Род. — О чем ты говоришь? Ты спас мне жизнь!

— Да, и потому лишился своей собственной. Но я никогда не поступил бы так на трезвую голову.

— На трезвую голову?

— Да. В пылу битвы совершаешь первое, что придет на ум. Нужно было сделать выбор: или твоя жизнь, или моя, а, следовательно, продление моей службы Дому Кловиса. И в горячке боя я, на свою голову, выбрал твою жизнь!

На миг он замолк, переводя дыхание. Затем его пальцы вновь впились в руку Рода.

— И все же, когда я умру, ты все равно останешься у меня в долгу! А раз ты не можешь отдать долг мне, воздай его сторицей моему народу!

Род попытался высвободить руку.

— Нет!

— Да! — глаза Тома расширились, пылая гневом. — Вот какую я требую плату! Моя жизнь в обмен на твою, проведенную здесь, на Грамарае, в трудах на благо моего народа!

— Я не принадлежу себе...

— Нет, хозяин. — Том устало откинул голову назад. — А ежели ты не понимаешь этого, то ты — круглый дурак!

— Цена слишком высока, Том. Моя смерть в бою — да, с радостью. Но прожить здесь остаток своих дней... я не могу. Я тоже служу мечте...

— То был и мой выбор, — вздохнул Том. — Мечта или человек. Нет, теперь выбор за тобой.

— Я связан обетом...

— Тогда мой обет переходит к тебе, освобождая тебя от прежнего. Теперь ты должен служить мне и моим...

Лицо умирающего помрачнело.

— Я думал, что знаю, каким путем им лучше всего идти... но теперь все перемешалось...

Он вдруг приподнялся, тело его забило в агонии, истекая кровью. Род обхватил великана руками, поддерживая его.

Приступ прошел. Том слабеющей рукой вцепился в плечо Рода и выдохнул:

— Нет, тогда... твой разум... яснее... ты должен решить...

— Тише, — взмолился Род, пытаясь вновь уложить его. — Не приближай свой конец...

— Нет! — вцепился в него Том. — Дай мне сказать! Эсперы... Трибунал... они своего добьются... сработает... Мы... боролись с ними... здесь... на...

— Тише, — умолял Род. — Побереги дыхание. Я знаю, о чем ты хочешь сказать.

Том вытянул шею, чтобы взглянуть на него.

— Ты?

— Да, — кивнул Род. — Ты только что вставил последнее недостающее звено в мозаику Грамарая. А теперь лежи.

Том обмяк в его руках. Род мягко опустил его, положив голову на пропитанный кровью плащ.

Том лежал, тяжело дыша.

— Скажи мне... Я должен знать... знаешь ли ты...

— Да, я знаю, — прошептал Род. — ДДТ победит. Вы могли побить его лишь здесь. А вы к тому же боролись еще и друг с другом.

— Да, — едва заметно кивнул Том. — Ты... должен решиться... сейчас... и... хозяин...

Он очень тихо пробормотал что-то и с трудом сделал новый вздох. В его открытых глазах застыла тревога.

Род нагнулся, приложив ухо к губам Тома.

— Не умирай ради... мечты...

— Не понимаю, — нахмурился Род.

Он подождал, а затем спросил:

— Что ты имеешь в виду, Том?

Ответа не последовало.

Род медленно выпрямился, глядя на остекленевшие глаза и безвольно открытый рот.

Он коснулся вены у основания шеи.

Текли минуты, а Род все никак не мог убрать пальцы, затем он медленно отнял руку и закрыл умершему глаза.

Медленно поднявшись, он пошел прочь, ничего не видя перед собой.

Постепенно придя в себя, Род оглядел скорбящих нищих, которые не сводили глаз с мертвого тела.

В их круг неуверенно шагнула хрупкая стройная фигурка.

— Г-господин Галлоугласс?

Род обернулся, и шагнул вперед. В этот миг нищие приблизились и опустили на колени подле тела Тома.

Род отошел в сторону, печально опустив голову.

— В чем дело Тоби?

— Милорд... — смущенный взгляд Тоби был направлен на группку нищих.

— Милорд, они... Они молят о пощаде, милорд. Что им делать?

— Пощады? Ах, да. Они хотят капитулировать, — кивнул Род, закрывая глаза.

Он повернулся и бросил взгляд на группку нищих.

— Ну, я не знаю. Что говорит Бром?

— Милорд О'Берин говорит, что да, их надо пощадить, но Королева против. Лорды Логайры согласны с Бромом.

— И все же Королева сказала «нет», — кивнул Род, стиснув от злости зубы. — И они хотят, чтобы я разрешил их спор, не так ли?

— Да, милорд.

В кольце нищих образовалась небольшая брешь, и Род увидел восковое застывшее лицо Тома.

Он вновь повернулся к Тоби.

— Да, черт возьми. Пощадить их.

Солнце опустилось за холмы, окрашивая стремительно темнеющее на востоке небо в светло-розовый оттенок.

Двенадцать Великих Лордов стояли перед Катариной, закованные в цепи.

Рядом с Королевой сидели Туан, Бром и сэр Марис.

Род стоял, прислонившись к Вексу, немного поодаль, скрестив руки на груди и уронив подбородок на грудь.

Герцог Логайр тоже сидел с опущенной головой. Глаза старика были полны печали, ибо его сын, его Ансельм, стоял сейчас на шаг впереди других лордов перед Королевой.

Катарина высоко задрала нос, глаза ее светились триумфом и гордостью, лицо раскраснелось от осознания собственного могущества.

Род взглянул на нее и у него засосало под ложечкой от негодования. С победой к ней вернулась вся ее спесь.

По знаку Брома два герольда сыграли туш. Когда они оторвали трубы от губ, вперед выступил, раскатывая свиток, третий герольд.

— Да будет известно всем присутствующим, что сего дня недостойный вассал Ансельм, сын Логайра, поднял злодейский мятеж против Катарины, королевы Грамарая, и посему подлежит суду Короны за государственную измену вплоть до смертной казни!

Он скатал свиток и хлопнул им себя по бедру.

— Кто выступит в защиту Ансельма, главаря мятежников?

Наступило молчание.

Затем поднялся старый Логайр.

Он степенно поклонился Катарине. Она ответила на его любезность взглядом, полным бешенства.

— Нет никаких оправданий мятежникам, — начал Логайр. — И все же за человека, который сторяча поднимается отомстить за то, что он счел оскорблением отца и всего рода, можно замолвить слово. Ибо, хотя действия его были опрометчивыми и вели к измене, им все-таки двигала поруганная честь и сыновье почтение. Более того, полностью осознав вину и находясь под опекой своего герцога и отца, он вполне способен вновь стать верным и преданным слугой Королевы.

Катарина улыбнулась и сказала медовым голосом:

— Словом, вы хотите, милорд, чтобы я освободила человека, на совести которого тысячи загубленных жизней моих подданных, вновь отдав его под ваше покровительство и опеку, — вам, кто, как свидетельствуют события, однажды уже не справился с этой обязанностью?

Логайр вздрогнул.

— Нет, дорогой милорд! — отрезала Катарина, побледнев и поджав губы. — Вы раз уже пригрили у себя на груди мятежников, а теперь намереваетесь предпринять еще одну попытку?

Лицо Логайра окаменело.

Туан, побагровевший от гнева, с трудом сдерживался, чтобы не вскочить с кресла.

Катарина с надменным видом повернулась к нему.

— Лорду нищих есть что сказать?

Туан стиснул зубы, стараясь сдержать гнев. Он выпрямился и степенно поклонился.

— Моя Королева, сегодня отец и сын храбро бились за тебя. Ужель ты не даруешь нам жизнь нашего сына и брата?

Катарина еще больше побледнела, глаза ее сузились.

— Я благодарю моего отца и брата, — сказал Ансельм спокойно, но так, чтобы слышали все.

— Молчать! — завизжала Катарина, повернувшись к нему. — Подлый, вероломный, трижды ненавистный пес!

В глазах Логайров вспыхнула ярость, но они все же сдержались и промолчали.

Катарина, тяжело дыша, села обратно в свое кресло и судорожно стиснула подлокотники, чтобы не дрожали руки.

— Ты получишь слово лишь тогда, когда я задам тебе вопрос, предатель, — отрезала она. — А до тех пор, храни молчание!

— Я не стану хранить молчание! Ты не в силах причинить мне больших страданий, и я выскажу все, что у меня на уме! Ты, вероломная Королева, твердо решила, что я должен умереть, и тебя уже ничто не остановит! Так убей же меня! — вскричал он. — Наказание за мятеж — смертная казнь, я знал это еще до того, как поднял восстание. Убей меня и покончим с этим!

Катарина, расслабившись, откинулась на спинку кресла.

— Он сам вынес себе приговор, — сказала она. — По закону страны мятежник должен умереть.

— Закон страны — сама Королева, — сказал Бром. — Если она дарует жизнь предателю, то так тому и быть.

Катарина резко повернулась к нему.

— И ты тоже предаешь меня? Ужель ни один из моих генералов не примет сегодня мою сторону?

— Кончайте это дело! — взорвался Род, вырастая рядом с тронном. — Нет, ни один из Ваших генералов не поддержит Вас сейчас, и мне кажется, это должно было заставить Вас хоть немного усомниться в собственной правоте. Но нет, только не Королеву! Тогда к чему устраивать суд? Вы же уже решили, что он умрет!

Род отвернулся и сплонул.

— Бросьте, кончайте этот судебный фарс — прорычал он.

— И ты тоже? — ахнула она. — Ты тоже защищаешь предателя, на чьей совести смерть трех тысяч людей?

— Их смерть — твоих рук дело, — прорычал Род. — Благородный человек, хоть и низкого происхождения, лежит бездыханный на этом поле с разрубленным плечом, и птицы клюют его, а все из-за чего? Чтобы защитить восседавшую на троне своевольную девицу, не стоящую жизни даже самого последнего нищего! Девицу, которая столь плохо правила, что разожгло пламя восстания!

Катарина съехала на троне, вся дрожа.

— Умолкни! — выдохнула она. — Разве я подняла мятеж?

— А кто дал знати повод для восстания несвоевременными реформами и оскорбительным обращением? Повод, Катарина, повод! Без него нет мятежа, а кто, как не Королева, дала его?

— Умолкни, ради Бога, умолкни! — Тыльной стороной ладони она прикрыла рот, словно гася готовый сорваться крик. — Немыслимо так разговаривать с Королевой!

Род взглянул сверху вниз на съевшуюся от страха Катарину. Ему стало неприятно.

Он отвернулся.

— Меня тошнит от всего этого! Даруйте им жизнь, дабы больше не лилась сегодня кровь. Пусть живут. Без вероломных советников они будут тебе верны. Пусть живут, даруй им всем жизнь. Теперь они усвоили урок, даже если ты не усвоила своего.

— Это не может быть правдой! — ахнула Катарина.

— Ты лжешь! — шагнул вперед Туан, положив руку на рукоять меча. — Да, Королева дала повод, но не она подняла мятеж!

Катарина бросила на него полный благодарности взгляд.

— Если это правда, — продолжал Туан, — ты можешь бичевать ее. Но когда ты пытаешься обвинить Королеву в том, что она не совершала... — он медленно покачал головой, — я должен заставить тебя замолчать.

Род с трудом сдерживался.

Он повернулся к Катарине, которая опять гордо выпрямилась и обрела прежний надменный вид.

— Не забывайте, — сказал он, — что Королева, не способная держать в узде собственные прихоти — никуда негодная Королева.

Она вновь побледнела.

— Поосторожнее! — рявкнул Туан.

Ярость захлестнула Рода, но он стоял незыблемо, как скала, покуда душа не обрела ледяное спокойствие и необыкновенную ясность мысли, позволившую ему видеть, что он должен делать, почему... и какие при этом будут последствия.

Катарина сияла от удовольствия, думая что Род стушевался перед угрозой Туана.

— Вам есть еще что сказать, сударь? — спросила она надменно.

— Да, — процедил Род сквозь зубы. — Что же это за Королева, если она предает своих подданных?

Ладонь его взлетела и закатила ей пощечину.

Катарина вскрикнула и откинулась на спинку кресла, а Туан бросился на Рода, целясь кулаком в челюсть.

Род нырнул под удар и сгреб Туана в охапку, крича:

— Векс!

Кулаки Туана молотили по его животу, но Род держался, следя за кинувшимся к ним генералам.

Но Векс подоспел первым.

Род постарался забыть о том, каким милым пареньком был Туан, и всадил ему коленом в пах.

Потом выпустил его и вскочил в седло. В тот же миг Туан упал, захрипев и скорчившись от боли.

Векс развернулся и перепрыгнул через головы подбегающих гвардейцев.

Приземлившись, он перешел на галоп, Род услышал, как Катарина выкрикнула имя Туана, и зло усмехнулся.

Неожиданно волна боли пронзила его раненое плечо. Он вскрикнул и обернулся. В плече торчал кончик арбалетной стрелы.

Посреди гвардейцев, окруживших трон, стояла Катарина, склонившись над все еще корчившимся от боли Туаном, из рук которого выпал арбалет.

Когда сгустились сумерки, они вернулись на возвышающийся над полем холм, сделав длинный крюк по лесу и полю. При этом пришлось пройти примерно милю по руслу ручья, дабы скрыть следы.

Как только Векс выехал на опушку леса, Род буквально вывалился из седла. Доковыляв до большого дерева, он сел, привалившись спиной к стволу, невидимый со стороны поля, окутанного тусклым светом спускающихся сумерек.

Род бросил взгляд на пылающие на лугу костры, вслушиваясь в отзвуки пира по случаю победы.

Он вздохнул и вернулся к более насущной проблеме, а именно, к раненому плечу. Распахнув камзол, он осторожно ощупал плечо, которое, несмотря на введенное им на скаку обезболивающее, сильно ныло.

Судя по всему, зубчатый наконечник стрелы вонзился между ключицей и суставом, каким-то чудом не задев ни кость, ни артерию.

Слабое движение воздуха, подобное волне от микроскопического взрыва, заставило его поднять глаза, и он увидел склонившуюся над ним Гвендилон. Из ее глаз ручьем лились слезы.

— Милорд, милорд? Твоя рана опасна?

Род улыбнулся, протянул руку и надолго притянул девушку к себе.

— Значит, не слишком, — произнесла она и, покраснев, отодвинулась. — Ручаюсь, что мой испуг был намного болезненнее твоей раны.

— Ах, малышка, малышка, — Род откинулся назад, баюкая ее здоровой рукой. — Мне было так одиноко без тебя.

— Я явилась бы и раньше, господин, — сказала она извиняющимся тоном, — но мне пришлось подождать, пока ты не остановишься передохнуть.

— Теперь займемся плечом, — сказала она решительно. — Будет немного больно, милорд.

Род скрипнул зубами, когда она содрала с плеча пропитанную кровью рубашку.

— Бинты в седельной сумке, — процедил он сквозь зубы.

Она повернулась к Вексу, достала маленькую металлическую коробочку и нахмурилась:

— Что это за красный крест на ней, милорд?

— Просто символ, — засопел Род. — Он означает, что... э-э... перед тобой походная аптечка знахаря.

Она спустилась подле него на колени и застыла.

Род нахмурился, гадая, чем это она занимается.

Затем его плечо вновь пронзила боль, и он почувствовал, как наконечник стрелы медленно выходит, причем, без всякого вмешательства извне.

Несмотря на вызванный болью туман в голове, он заметил: эти ведьмы предел мечтаний хирурга.

Наконечник стрелы вышел из его тела. Гвен вдруг бешено закружилась в воздухе и разлетелась на части от удара о камень.

— Вот так, — прошептала она, появившись вновь — я поступлю со всяким, кто причинит тебе вред, милорд.

Род поежился, осознав могущество силы, с которой он играл в кошки-мышки.

Она потянулась за бинтами.

— Нет, нет! — коснулся ее руки Род. — Сперва порошок в серебряном конверте. Он остановит кровь.

— Я предпочла бы воспользоваться компрессом из трав, — с сомнением произнесла Гвен. — Но как тебе будет угодно, милорд.

Род вздрогнул, когда сульфамид ужалил его.

Затем боль отступила, и она принялась бинтовать.

— Кажется, ты обречена всегда перевязывать это плечо, — пробормотал Род.

— Да, милорд. Мне кажется, тебе стоит быть с ним поосторожнее.

Поблизости кто-то довольно деликатно кашлянул.

Род поднял голову и увидел таящийся в тени приземистый силуэт.

Он поджал губы.

— Ну, а вот и изнуренный Аякс собственной персоной!

Гвендилон прижала пальчик к его губам с ласковым укором.

Род кивнул, злясь на самого себя, и пальчики упорхнули.

Жестом здоровой руки он пригласил Брома подойти ближе.

— Что ж, подходи и присоединяйся к гулянке, Бром. Но будь осторожен: плоды победы сегодня горьки.

Бром подошел с опущенной головой и присел на ближайший корень.

Род нахмурился. В поведении карлика было что-то несмелое, почти вкрадчивое.

— Что гложет тебя? — спросил он.

Бром вздохнул и положил руки на колени.

— У меня от твоих фортелей, Род Галлоугласс, сегодня чуть голова не раскололась!

Род криво усмехнулся.

— Больше похоже на обострение язвы желудка. Мне кажется, ты был не слишком доволен таким поворотом дела?

— О нет, я был крайне доволен! И все же... — Бром положил подбородок на кулаки, уперев локти в колени, — признаюсь, что сперва я слегка обозлился на тебя.

— Неужто!

— Да, но потом я понял твой план.

— Вот как? — поднял бровь Род. — Но ты сразу догадался, что я блефую?

— Нет. Я постарел, Род Галлоугласс...

Род фыркнул.

— Спасибо, — склонил голову Бром. — Но это правда. Я постарел, и меня нужно ткнуть носом в факты.

— И что же тебя ткнуло носом?

— О, то была жутко трогательная сцена, — улыбнулся Бром. — Сперва Катарина могла только причитать: — Любовь моя, ты ранен! — и призывать докторов, пока Туан не сумел подняться и убедить ее, что рана была не опасной. И тогда она с плачем уткнулась в его плечо, называя его своим повелителем, защитником, охранителем чести и не могла успокоиться, пока он не поклялся обвенчаться с ней!

Лицо Брома смягчилось.

— Да, о было трогательное зрелище.

Род устало кивнул, закрывая глаза.

— Когда венчание?

— Как только они доберутся до церкви. Катарина устроила бы свадьбу, не сходя с места, но Туан вскричал «нет»: она, мол, Королева и воплощение женственной красоты и должна обвенчаться так, как и подобает ее положению.

— Многообещающее начало.

— О, это еще не все! Когда Туан повернулся к лордам-мятежникам и молвил: — А как мы поступим с ними? — Королева вскричала:

— Да как тебе угодно, мой господин! Покончи с этим поскорее и поедem!

— Добрый знак, — согласился Род. — И что он с ними сделал?

— Сбил с них цепи и велел снова взять на себя заботу о своих вотчинах. Но он потребовал от каждого из них заложника двенадцати лет и младше, плоть от плоти их и знатного происхождения, для проживания в королевском замке.

Род нахмурился. Он получает средство устрашения и возможность воспитать новое поколение преданных Роду вельмож.

Он прислонился к грубой коре, чувствуя себя полностью опустошенным.

— Рад, что это сработало.

— Да, — глаза Брома пылали. — Эта страна навеки в долгу перед тобой, Род Галлоугласс. Ты спас нашу корону и развеял призрак длительной и кровавой гражданской войны. И, более того, ты дал нам Короля.

— И врага общества номер один, — горько добавил Род.

На лицо Брома набежала тень.

Род поглядел на него.

— Ты должен признать, что я теперь в некотором роде козел отпущения.

— Да, — проворчал Бром, — однако, ты всегда найдешь приют в стране эльфов.

Род слабо улыбнулся.

— Спасибо, Бром.

— И все же, скажи мне! — Бром нахмурился, подавшись вперед. — Откуда ты прибыл? Когда тень нависла над нашей землей и не было ни малейшего проблеска надежды, тут вдруг явился ты, упав с неба, словно в ответ на наши молитвы — ты, у которого здесь нет ни кола, ни двора. Наши заботы не касались тебя, но ты все-таки принял их как свои собственные.

Он благодарно смотрел на Рода.

— Почему ты спас нас?

Род горько улыбнулся.

— Ради мечты.

— Что? — нахмурился Бром.

Род обратил свой взор к звездам, поколебался секунду, затем сказал:

— Векс, запиши это.

Он повернулся к Брому, затем к Гвендилон, поднял здоровую руку и ткнул пальцем в небо.

— Поглядите туда. Видите эти звезды? Вокруг каждой из них кружатся миры, подобные этому, там встречаются влюбленные, враждуют люди, сбрасывают королей.

— Но большинство из них объединены одной властью, одним правительством — Децентрализованным Демократическим Трибуналом. И голос, отдающий приказы — это голос самого народа.

— Нет! — прогудел Бром. — Как может случиться такое?

— Потому что голос каждого человека может быть услышан, его мнение складывается с мнением его сограждан. Связь — вот ключ к решению проблемы. У вас здесь подобное правительство возникнуть не может, ибо ваши средства связи крайне несовершенны. Жаль, поскольку вы смогли бы создать лучшую в мире систему, если бы только захотели,

Он скрестил руки на груди и откинулся назад.

— Но там, откуда я прибыл, тоже есть своя проблема. Видите ли, сфера влияния постоянно расширяется. Каждый день, по крайней мере, один мир присоединяется к Трибуналу. При таких темпах средства связи скоро не будут справляться с потоками

информации. После этого они покатаются по наклонной плоскости к диктатуре.

— Но почему тебя это заботит? — буркнул Бром.

— Я работаю на них. Я коммивояжер, который летает и подготавливает новые миры для членства в ДДТ... если только они того захотят, что бывает всегда, коль скоро они к тому готовы!

— И в чем же эта готовность? — улыбнулся Бром, стараясь быть терпеливым.

— Как я уже говорил тебе, сеть коммуникаций и, что даже важнее, знания, образование.

Он вздохнул.

— С образованием мы управились. Это заняло немало времени, но задача была решена. А вот средства связи — совсем другое дело.

— Но есть еще одно неотъемлемое условие существования свободы — постоянный приток свежей крови. Это предотвращает застой общества, милорд О'Берин, Король Эльфов. Охваченное застоєм общество неминуемо сползает к тоталитаризму.

— Вот почему Трибунал вынужден постоянно расширять сферу влияния. Но если он еще немного расширит свои границы, недостаточно эффективные средства связи сведут его на нет. А я лично не хочу этого. Потому что у Мечты есть имя. Свобода — это моя самая сокровенная Мечта. И вот почему Грамарай так много значит для меня.

— Что-то я никак не пойму, — нахмурился Бром.

Род, улыбаясь, повернулся к нему.

— Ведьмы. Их способность слышать мысли. Вот та система связи, о которой мы мечтаем.

Род увидел, что Бром понял его.

— Мы нуждаемся в ваших ведьмах, — сказал он. — Нам нужны тысячи и тысячи. Но до сего дня их численность росла крайне медленно. Однако, благодаря защите Катарины, эта проблема будет решена, а своим немалым вкладом в сегодняшнюю победу они завоевуют уважение к себе. И наступит день, когда все родители будут мечтать о том, чтобы в их семье родилась ведьма или чародей. Их ряды приумножатся.

Бром нахмурился.

— Но почему из всех известных тебе миров только на этом живут ведьмы?

— Потому что люди, принесшие жизнь на эту планету, ваши предки, упавшие с небес, взяли с собой только тех, кто хотя бы в малой степени обладал колдовской силой. Они не знали, что

обладают ею, ибо она была слишком незначительная. Но поколения сменяли поколения, люди вновь и вновь смешивали свою кровь. Микроскопическая сила росла и росла, пока наконец не родилась первая ведьма.

— И когда же это произошло? — терпеливо улыбнулся Бром.

— Тогда, когда появились эльфы, а также баньши, оборотни и другая сверхъестественная сила. А все из-за того, что на этой планете есть странная субстанция, называемая «ведьмин мох», которая принимает форму того, о чем думает ведьма. Если она думает об эльфе, то мох превращается в эльфа.

Бром побледнел.

— Ты хочешь сказать, что...

— Не принимай это так серьезно к сердцу, Бром, — быстро произнес Род. — Все люди когда-то были лишь кусочками слизи, плавающими в океане. Просто для твоего отдаленного предка ведьмы несколько ускорили процесс эволюции. Но то был твой прародитель, а не ты. Мне кажется, что существо, получившееся из мха, было настолько совершенной копией, что могло размножаться... и даже скрещиваться со смертными людьми.

Он откинулся назад и вздохнул.

— Гордись, Бром. Только ты и твои соплеменники могут претендовать на звание исконных обитателей.

Бром помолчал и, затем, сказал тихо:

— Так значит, это наша страна. А какое тебе дело до всего этого, чародей с небес?

— Дело? — покосился на него Род. — Я делал то же, что пытался сделать ты, Бром, через реформы, предложенные тобой Катарине. Все люди должны быть равны перед законом, разве не к этому ты стремишься?

— Да, это так.

— Ну и я тоже. А моя задача — указать вам наименее кровавый путь к этой цели. И я добился своего.

Он нахмурился, охваченный вдруг мрачными мыслями.

Бром внимательно посмотрел на него. Обеспокоенная Гвенди-лон погладила его по волосам.

Род поднял на нее взгляд и попытался улыбнуться.

Он повернулся к Брому.

— Видишь ли, я сражался на стороне Катарини, потому что она защищает ведьм и, кроме того, она — реформатор, да и Туан, хвала небесам тоже.

— И именно из-за этого советники и Пересмешник сражались против нее.

Бром нахмурился.

— Я стар, Род Галлоугласс. Растолкуй мне.

Род снова поднял взор к звездам.

— Настанет день, когда Трибунал будет править всеми звездами, которые ты видишь, и многими из тех, которых отсюда не видно. И почти все живущие в этих мирах люди будут ведьмами и чародеями, поскольку в их жилах будет струиться кровь Грамарая.

— Нравится тебе такой поворот дела, Бром — отец Галактики?

— Но некоторые люди не будут иметь таких способностей, и в них будет klokотать ненависть к ведьмам и чародеям, их правительства сильнее, чем ты можешь себе вообразить. Таких людей зовут фанатиками.

— И они пойдут на любую систему правления, отличающуюся от демократии. И они будут сражаться с ней до последнего вздоха.

— Если все так, как ты говоришь, — проворчал Бром, — то эти люди потерпят крах, ибо они не в силах бороться с несметным множеством миров.

— Они проиграют, — ответил Род, — если не подавят все это в зародыше.

— Но как они смогут добиться этого? Ведь чтобы придушить всех ведьм в колыбели, они должны добраться до истоков колдовства, на Грамарай, и попытаться... ну убить.

Бром в замешательстве уставился на Рода.

— Катарину, — закончил за него Род, горько кивая. — Правильно, Бром. Советники и главари Дома Кловиса — это чьи-то пра-пра, пятьдесят раз пра-правнуки.

— Но как сие может быть? — ахнул Бром.

— Как может человек навестить своих далеких предков?

— Они могут. У них есть штука, называемая машиной времени. Одно из подобных устройств спрятано где-то в Доме Кловиса, а другое — в населенных призраками туннелях замка Логайров.

— Так что зорко стерегите камеры этих четверых, Бром. У них может быть в запасе множество сюрпризов.

— Уж будь уверен, с них не спустят глаз!

— Все советники погибли, — Род откинулся назад и прикрыл глаза. — Прекрасная концовка для доклада. Пошли его домой, Векс. А вот и подтверждающий материал: описание машин времени и самых выдающихся трюков ведьм и чародеев — сам знаешь: телекинез, левитация, телепор...

— Знаю, Род, — напомнил ему голос робота.

— Тьфу. Ты, безусловно, слуга, напрашивающийся на неприятности. Ладно, отошли доклад домой.

Искривляющий пространство передатчик, встроенный в мозг Векса, послал к звездам двухсекундный сигнал.

На какой-то миг воцарилось молчание, потом Гвендилон сказала:

— Милорд?

Род подмигнул ей и улыбнулся.

— Тебе не следовало бы называть меня так, но мне это нравится.

Она застенчиво улынулась.

— Милорд, ты закончил свою работу здесь...

Род помрачнел и отвернулся, сердито уставившись в землю.

— Куда ты теперь отправишься, Род-чародей? — спросил Бром.

— А-а, прекрати! — отрезал Род.

Он вновь отвернулся, насупившись.

— Я не чародей, — проворчал он, — я — агент цивилизации, обладающей передовой технологией, и у меня в багаже есть такие фокусы, что вы и представить себе не можете, но все это — хладное железо и его производные. Я не обучен ни одному колдовскому трюку и определенно не обладаю ни малейшей колдовской силой.

Он вновь поднял глаза к звездам.

— Я нисколько не чародей, последний ваш крестьянин превосходит меня в этом. Мне здесь не место.

Род почувствовал, что когда он произнес эти слова, в нем что-то оборвалось.

— Я сам выбрал свой путь, — произнес Род. — Да, я подчиняюсь приказам, делаю это добровольно.

— Тоже довод, — признал Бром, — но слабый. По своей воле или нет, но ты все-таки не хозяин себе.

— Да, — согласился Род. — Но кто-то должен пожертвовать своей свободой, чтобы его дети обрели ее.

Но он не слишком верил в то, что сказал.

Бром тяжело вздохнул и, поднявшись, хлопнул себя по бедрам. На Рода смотрели глаза старого и усталого человека.

— Если ты должен покинуть нас, значит так тому и быть. Ни один человек не должен нарушать данного им обета. Отправляйся к звездам, Род Галлоугласс, но помни: если ты когда-нибудь будешь искать себе пристанище, то оно ждет тебя здесь.

Он повернулся и зашагал прочь вниз по склону.

Гвендилон тихо сидела рядом с Родом, держа его руку в своей.

— Скажи мне, — спросила она немного погодя, — только ли Мечта причиной тому, что ты покидаешь меня?

— Да. О, да. — Рука Рода стиснула ее ладонь. — Ты заслонила собой все мои грезы.

Она повернулась к нему, трепетно улыбаясь, на ее ресницах блеснули слезы.

— Можно ли мне полететь с тобой к звездам, милорд?

У Рода перехватило дыхание, он стиснул ее ладонь.

— Я всем сердцем желаю этого, но ты завянешь и погибнешь там, как сорванный цветок. Твое место здесь, где в тебе нуждаются. Мое место там. Вот и все.

— Нет, — она печально покачала головой. — Ты уезжаешь не по зову сердца, а из-за обета. Но, дорогой милорд...

Она вновь повернулась к нему, слезы лились ручьем из ее глаз.

— Неужели привязанность ко мне слабее твоей тяги к Мечте?

— Послушай, — терпеливо сказал Род, — постарайся понять. У каждого человека должна быть своя Мечта. В этом и заключается отличие человека от животного. А человек, который утратил свою Мечту, уже не мужчина, и он не достоин такой женщины. Разве я посмею обладать тобой, если перестану быть мужчиной?

— Мужчина должен самому себе доказать свою значимость, прежде чем он сможет претендовать на женщину, а Мечта и есть доказательство. Покуда он борется ради нее, он смеет претендовать на женщину, ибо он стоит чего-то. Я мог бы остаться здесь и быть очень счастливым с тобой, но меня постоянно точила бы мысль, что я не заслуживаю тебя. Потому что я был бы трутнем, самцом безо всякой цели перед собой. Как я мог бы стать отцом своих детей, если бы знал, что их мать намного ценнее для мира, чем я?

— Тогда ты загнил бы и умер? — прошептала она.

Род кивнул.

— Но разве моего обета, милорд, вкупе с обетами, данными Большому Тому и старому герцогу Логайру не достаточно, чтобы пересилить клятву, которую ты дал звездам?

Род сидел не шелохнувшись.

— Они велели тебе охранять их народ, — прошептала она, — а что с ним станет, господин, если те дьяволы из завтрашнего дня явятся вновь? А они наверняка вернутся, если их ненависть столь глубока, как ты говоришь.

Род нехотя кивнул.

— И что же тогда будет с Мечтой, милорд? — добавила она.

На какой-то миг Род замер.
— Векс, — позвал он тихо.
— Да, Род?
— Векс, отправь им уведомление о моей отставке.
— О твоей что?
— О моей отставке! — рывкнул Род. — И поторопись!
— Но Род, твой долг... честь твоего рода...
— А, пошла она! Советники могут вернуться, Векс, даже если мы вдребезги разобьем машины времени. Они сделали это один раз, значит могут сделать и вновь. Отправляй!

Векс послушно отправил сигнал звездам.

Затем голова Рода безвольно упала на грудь.

— Милорд? — ахнула Гвендилон.

Род устало поднял руку.

— Со мной все в порядке. Я поступил правильно и вскоре стану счастливейшим человеком на свете. Впервые за всю свою жизнь я буду действовать сам по себе.

— В этом весь смысл. Я сжег мосты. Они больше не стоят за мной — мой дом, клан, большой Брат, присматривающий за мной...

— Твой дом здесь, милорд, — прошептала она.

— Я знаю, знаю. Скоро это пройдет, и я буду счастлив, как никогда. Но пока...

Он посмотрел на нее и слабо улыбнулся.

— Со мной все будет в порядке.

— Род, — прошептал Векс.

— Да, Векс, — поднял он голову.

— Они прислали ответ, Род.

Тот напрягся.

— Прочти.

— Доклад получен. Просим прислать точные координаты для посылки проверочной экспедиции.

Род кивнул/губы его горько сжались.

— Пошли им их. Продолжай.

— Просим вас изменить свое решение об отставке. Поручаем вам постоянное задание по охране планеты Грамарай от дальнейших попыток подрывной деятельности.

Род выпрямился, уставившись в пространство.

— Что?

— Они хотят узаконить сделанный тобою выбор, Род, — ответил робот.

— Что такое, милорд?

— Они хотят, чтобы я остался, — чисто автоматически ответил ей Род.

Он повернулся к ней, ошеломленное выражение его лица сменилось радостью.

— Они хотят, чтобы я остался!

— Остался где, милорд? — спросила она, удивляясь столь бурному проявлению чувств.

— Остался здесь! — проревел он, вскочив на ноги и широко распахнув объятия, будто пытаясь обнять всю планету. — Здесь, на Грамарасе! Агентом! Гвен, я свободен! И я дома!

Род упал на колени, повернувшись к ней лицом и держа ее за плечи.

— Я люблю тебя! — прокричал он. — Будь моей женой!

— Отныне и навеки, милорд! — воскликнула она, сжимая его лицо в ладонях и заливаясь слезами.

Род хотел схватить ее в охапку, но она удержала его, прижав ладонь к его губам.

— Нет, милорд. Только чародей может поцеловать ведьму.

— Ладно, я — чародей! Я — чародей! Только поцелуй меня!

За Гвен дело не стало.

Она выполнила его просьбу.

Ухмыльнувшись, Род обнял ее за талию.

— Эй, — сказал он, — это правду говорят о деревенских девушках?

— Да, милорд, — она опустила глаза и принялась расстегивать его камзол. — Теперь ты никогда от меня не избавишься.

ЭТА   СТАРАЯ ВЕЧНАЯ   СКАЗКА

«Кто хочет понять Лес, тот должен добраться до его корней» — поговорка, популярная в США и Великобритании, очень точно выражает идею любого исследования, посвященного истории того или иного события, того или иного жанра литературы.

Пожалуй, нет в современной нам литературе наиболее древнего и тем не менее наиболее юного жанра, чем сказка, как бы мы его не называли, — сказка, былина, сага, фэнтези. Сказочный антураж был присущ практически всем крупным произведениям древности — «Одиссее», «Рамаяне», «Махабхарате», «Поэме о Гильгамеше», скандинавским сагам, циклу легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола, древнерусским былинам.

Позже, с разделением литературы на т.н. «художественную» и т. н. «народную», в произведениях известнейших мастеров пера, классиков мировой литературы использовались сказочные сюжеты и персонажи — Н.В.Гоголь «Вий»,

А.С.Пушкин «Руслан и Людмила», О. де Бальзак «Шагреневая кожа» и другие.

В конце девятнадцатого века произошло разделение на «серьезную» и «несерьезную», причем к разряду «несерьезной» были отнесены такие жанры, как научная фантастика и детективы. Но это разделение было изначально искусственным, ведь мы сейчас не можем представить себе литературу без таких произведений, как «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, «1984» и «Скотский двор» Джорджа Оруэлла, «Туманность Андромеды» и «Час Быка» Ивана Ефремова.

Следовательно, при исследовании литературы нельзя не учитывать и такой ее жанр, до последних лет ходивший у нас в золушках у нас в стране, как научная фантастика, и, естественно, такой жанр, практически неизвестный советскому (теперь уже бывшему советскому) читателю, как фэнтези.

Как отдельный жанр он начал формироваться в девяностые годы прошлого столетия. В темные десятилетия нашего столетия, в тридцатые годы — годы Великой депрессии, в сороковые годы — годы Великой войны — фэнтези как жанр литературы находился в упадке, сохранившись только в детских книжках и дешевых журналах, комиксах и фильмах.

Но в это время начинают свою творческую деятельность шесть писателей, которых мы по праву можем назвать родоначальниками литературной фэнтези (двое из них рано ушли из жизни, но фактически достигли вершины своего творчества, будучи тридцатилетними). Именно они первыми начали разрабатывать основные направления этого жанра и оказали в той или иной степени влияние на последующие поколения писателей. По происхождению мы можем разделить их на две группы: англо-ирландскую и американскую.

Представителями англо-ирландской группы, «Философами», являются Джон Рональд Руэлл Толкиен, Клайв Стэплз Льюис и Чарльз Вильямс. «Тремя мушкетерами “Жутких историй”» (самый известный журнал тридцатых-сороковых годов, специализирующийся в жанре фэнтези) были американцы Роберт Э. Говард, Говард Филлипс Лавкрафт и Кларк Эштон Смит.

Толкиен, творивший в сороковые-пятидесятые годы, опубликовал всего несколько неакадемических работ и изначально они предназначались детям. Но в 1954 году он создает первый роман эпопеи, описывающей мифический мир Средиземья, как и в его более раннем произведении «Хоббит». Хотя он и не вошел в списки бестселлеров, но сразу был замечен критиком. Однако, уже начиная с середины шестидесятых, Толкиен становится классиком мировой литературы, и его трилогия о Средиземье переводится практически на все языки мира, выходит миллионными тиражами.

Вильямс, в отличие от Толкиена и Льюиса, не создал свой мир. В романах он описывал действие Силы, попадавшей в руки обычных людей, от поступков которых зависела судьба Англии и всего мира. Он так и остался известен только как романист. Льюис же серьезно занялся теологией, и немногие созданные им романы несли на себе отпечаток этого увлечения. К тому же и Льюис, и Вильямс в своих произведениях использовали легенды о короле Артуре.

«Трех мушкетеров из “Жутких историй”» связывало лишь то, что они печатались в одном и том же месте в одно и то же время. Сами они лично никогда не встречались, но тем не менее в их творчестве прослеживаются тенденции, характерные именно для американского общества, с его изоляцией от традиций прошлого.

Роберт Говард создал образ своего знаменитого героя Конана-варвара, приключения которого он описывает в двух коротких романах и бесчисленных рассказах. Простодушный дикарь из Киммерии, маленькой страны, существовавшей очень давно, в доледниковый период, в эру, которую позже прозвали Гиперборейской, эру огромных королевств, зловещих колдунов, отвратительных демонов, прекрасных принцесс и бесконечных войн. Жизнь Конана полна опасностей и приключений, и он, используя свою необыкновенную физическую силу и врожденную хитрость, приобретает богатство, любовь и власть, но ничто не может надолго удержать его. Он вновь отказывается от всего достигнутого, чтобы отправиться в новое путешествие, навстречу новым приключениям.

Говарда Лавкрафта часто называли «наследником Эдгара По», ибо преобладающим направлением в его творчестве была борьба людей (причем в его произведениях довольно часто род человеческий вырождался и угасал, а сами человеческие существа вызывали у читателей лишь чувство жалости и отвращения) с ужасными созданиями, приходящими из тьмы, демоническими божествами, некогда владевшими Землей, и теперь снова пытающихся захватить ее. И мастерство автора было настолько велико, что описываемые им события казались читателю абсолютно реальными.

Творчество этих двух фантастов, к сожалению, рано ушедших из жизни, до сих пор привлекает внимание новых поколений читателей, по их произведениям снимаются популярные фильмы и многие современные авторы пишут продолжения новых приключений полюбившихся героев (Спрэг де Камп, Лин Картер, Пол Андерсон и т.д.).

Кларк Эштон Смит писал рассказы, и считалось, что из всех троих «Мушкетеров» его стиль был наиболее художест-

венным, более поэтическим (он даже занимался стихотворными переводами). У него, как и у Говарда, есть цикл рассказов о людях, живущих в Гиперборейскую Эру; о Зотике, последнем острове атлантов.

Следует сказать, что хотя вышеупомянутые авторы являются наиболее известными, но были и другие довольно талантливые мастера фэнтези, например, Абрахам Меррит, с его романами «Семь следов Сатаны», «Корабль Иштара», «Дьявольские куклы мадам Менделип» и его продолжение «Ползи, змея, ползи».

Нужно упомянуть и о таком явлении в фантастике, каким был журнал «Unknown» («Неизвестное»), в котором печатались произведения в стиле фэнтези, редактором которого был Джон Кэмпбелл, также редактировавший и журнал «Astounding Science Fiction» («Поразительная Научная Фантастика»), открывший таких известных мастеров, писавших как научную фантастику, так и в жанре фэнтези, как Лестер дель Рей, Альфред Ван Вогт, Айзек Азимов и многие другие.

Даже такой известнейший фантаст, как Роберт Хайлайн, писал фэнтези, вспомним его ранний роман «Монополия нечистой силы», еще один роман «Дорога Славы», в котором используются элементы, типичные для фэнтези: волшебный меч, прекрасные принцессы, драконы, и лишь в самом конце дается объяснение всему этому с точки зрения науки.

Жанр фэнтези использовал и Клиффорд Саймак в своих известных романах «Заповедник гоблинов», «Зачарованное паломничество», «Где обитает зло» и других. Но наиболее продуктивно из питомцев Кэмпбелла работал в этом жанре Лайон Спрэг де Камп, который совместно с Флетчером Праттом написал серию из четырех романов о злоключениях Гарольда Ши, ставшую классикой фэнтези, а также бесчис-

ленное множество других произведений. Он в своем творчестве часто использовал сказания, мифы и легенды народов Западной Европы, норвежские саги.

Фэнтези наряду с твердой научной фантастикой писали и Генри Каттнер с Кэтрин Мур (совместно — «Маска Цирцеи», «Жил-был гном», так и раздельно — «Темный мир» Каттнера, «Ночь судного дня» и «Тень Черного Бога» К.Мур), и Пол Андерсон (романы «Сломанный меч», «Операция “Хаос”», «Буря в середине лета», «Три сердца и три льва», «Сага Рольфа Крахи», «Дети водяного»), на творчество которого также оказали влияние скандинавские саги.

Писали фэнтези и Гордон Диксон (роман «Дракон и джордж»), и Фриц Лейбер (ставший классическим роман «Жена-Колдунья», «Наша леди тьмы», известный сериал «Шпаги Ланкмара»).

В деле развития фэнтези как жанра нельзя не отметить вклад Урсулы Ле Гуин, создавшей известную серию о Земноморье (последний, четвертый ее роман под названием «Техану: последняя книга Земноморья», в 1991 году был удостоен премии «Небьюла»), ею написано и большое количество эссе о том же жанре.

Обращался к этому жанру и Рэй Брэдбери. В своих знаменитых «Марсианских хрониках» он создал фантастический, реально не существующий мир Марса. По мнению некоторых критиков лучшие рассказы Брэдбери вошли в его первый сборник «Темный карнавал» (такие, как рассказ «Возвращение домой» — о мальчике, мучающемся от того, что он не является волком-оборотнем или вампиром, как вся его родня. Роман «Чувствую, что Зло грянет» — единственное крупное произведение, написанное им в жанре фэнтези.

Плодотворно работает в этом жанре пока что незнакомый нашему читателю Пирс Энтони (роман «Закливание для хамелеона» с многочисленными продолжениями, а также трилогия, включающая романы «Раскол бесконечности», «Голубой эксперт» и «Сопоставление», сочетающая в себе как элементы фэнтези, так и научной фантастики).

Серия романов Роберта Асприна описывает веселые приключения волшебника-недоучки и демона, потерявшего свою магическую силу, не относится к жанру серьезной фэнтези, но полюбилась читателям за свой мягкий юмор и запоминающиеся характеры главных героев. В настоящее время эта серия насчитывает восемь романов.

В мире фэнтези заслуженным авторитетом пользуется Анн Нортон, американская писательница, создавшая огромное количество романов, из которых следует выделить серию о «Колдовском мире», относящейся к романтической фэнтези. Многие из ее романов написаны для детей, но из них следует выделить роман «Хуон из Хорна», представляющий интерес и для взрослого читателя.

Майкл Муркок уже своей первой книгой в жанре фэнтези «Похитители душ» привлек к себе внимание читателей необычностью героев. Его многочисленные серии представляют собой запутанный лабиринт, образующий цикл о Вечном Защитнике, герое, появляющемся в разных местах и в разные времена под разными именами. Это Элрик из Мелнибонэ из одноименной серии, Дориан Хокмун из серии «Замок Брасса», Эрикесе из серии «Серебряные воины», принц Корум из «Хроник Корума», Джерик Карнелиан из «Конца времени» и Джерри Корнелиус из романов, относящихся уже к чисто научной фантастике. Нетипичным для творчества Муркока

является роман «Глориана», повествующий об альтернативном фантастическом мире старой Англии.

Невозможно провести четкую границу между фэнтези и жесткой научной фантастикой в творчестве Роджера Желязны, в таких его произведениях, как «Остров мертвых», «Джек из теней», «Изменяющаяся Земля», «Подмененный» и его продолжение «Безумная волшебная палочка». Но основной его вклад в развитие фэнтези — это сериал «Хроники Эмбера», включающий в настоящее время десять романов, с захватывающим сюжетом, в котором читатель никак не может разобраться.

В жанре фэнтези работает и американский писатель Кристофер Сташефф (1944 года рождения), ведущий свою родословную из Одессы. Он известен своими сериями «Король Кобольд» (1971 г.) и «Чародей», в которую входит роман «Чародей поневоле» (1969 г.) и его многочисленные продолжения.

Из писателей более молодого поколения следует отметить Эдварда Игера с его серией «Полумагия», Патрицию Мак-Киллип с ее трилогией «Загадочный повелитель» и романами, написанными для юношества.

На этом и остановимся, ибо всех все равно не перечислить, поскольку все большее число писателей открывают для себя и для читателей этот увлекательный мир фэнтези. Необходимо также отметить существование промежуточного между научной фантастикой и фэнтези жанра, который можно назвать «сайенс фэнтези» — научная фэнтези. К этому жанру можно отнести произведения таких мэтров фантастики, как Джека Вэнса — роман «Умирающая Земля», Роберта Сильверберга — роман «Замок лорда Валентайна», Джина Вульфа — тетралогия «Книга Нового Солнца».

Советские писатели-фантасты практически не обращались к этому жанру, хотя всем полкубился «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких и его продолжение, повествующие об удивительном Институте Чародейства и Волшебства. Стоит отметить и ряд произведений Кира Булычева из цикла повестей об Алисе.

В последнее время появился ряд русскоязычных молодых писателей, пробующих свои силы в этом жанре литературы — Александр Больных, Леонид Резник, ныне проживающий в Израиле, Владимир Васильев, Степан Вартанов и многие другие.

Просторы фантазии безграничны, и никогда мы не перестанем удивляться и радоваться, попадая в этот удивительный волшебный мир, переживая с героями книг невероятные приключения, снова и снова открывая для себя эту прекрасную Страну Сказки.

Андриан Кравцов,
Дмитрий Савельев,
Игорь Тертышный

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть I

Визит к малышке Плантагенет	3
-----------------------------------	---

Часть II

Ведьма низшего сословия	141
-------------------------------	-----

<i>Послесловие. Эта старая вечная сказка.....</i>	<i>306</i>
---	------------

Литературно-художественное издание

Антология фантастики

Сташефф Кристофер

ЧАРОДЕЙ ПОНЕВОЛЕ

Фантастический роман

**Редактор Р. А. Лазарева.
Художественный редактор В. В. Якименко.**

**Н/К. Сдано в набор 25.02.92. Подписано к печати 25.02.92. Формат 84×108 1/32.
Бумага тип. № 2. Гарнитура таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт.
16,80. Уч.-изд. л. 19,5. Тираж 100 000 экз. Изд. № 526. Заказ 57.**

**Редотдел облуправления по печати,
320070, Днепропетровск, пр. К. Маркса, 60**

**Набор и верстка осуществлены обществом с ограниченной ответственностью
«Русское кино».**

117454, г. Москва, ул. Коштыянца, дом 13 «Фонд».

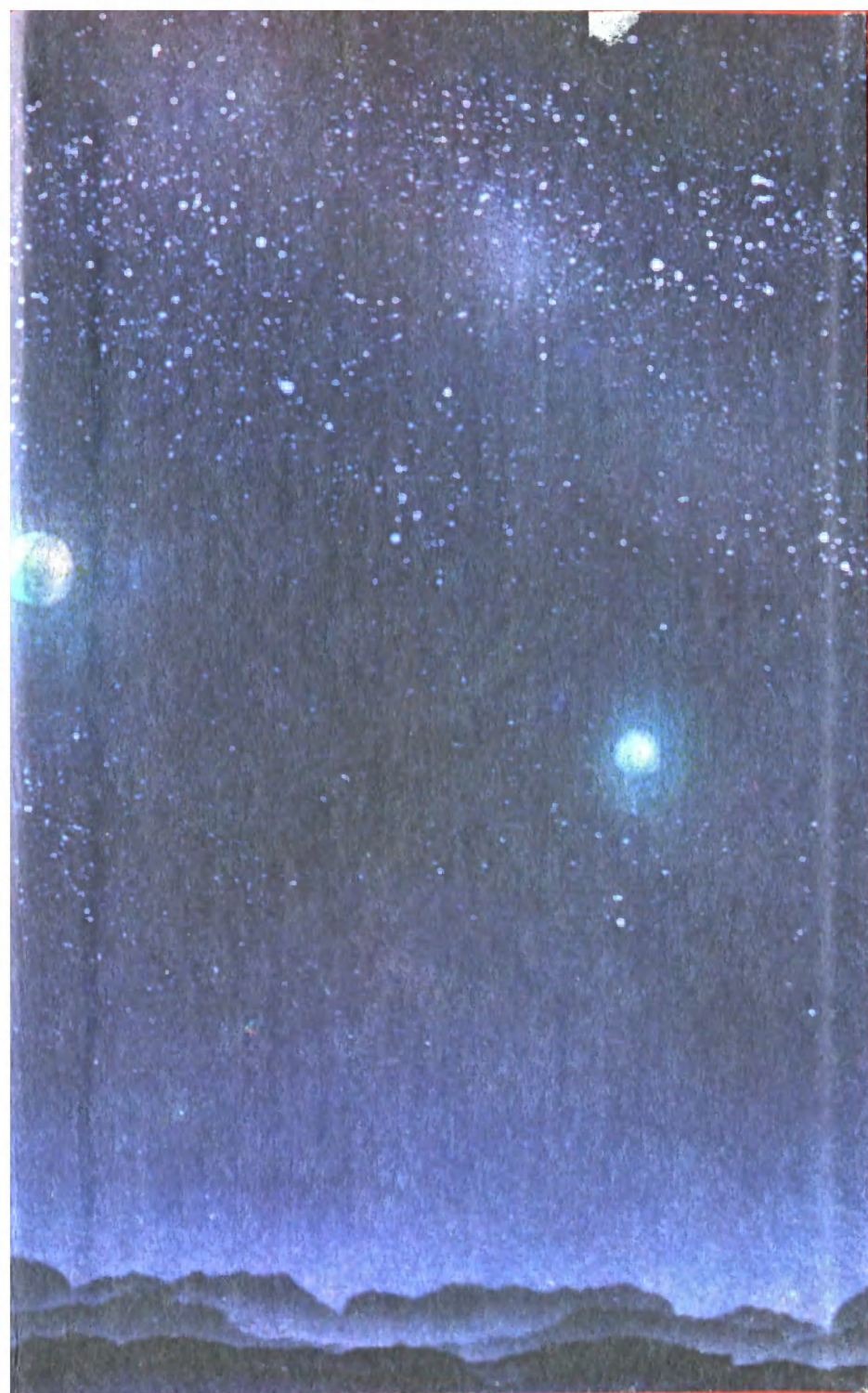
..

**Отпечатано в областной книжной типографии,
320091, Днепропетровск, ул. Горького, 20.**

Катарина уже забыла о гневѣ и пристально следила за действиями Рода.

— Что это такое? — спросила она, показывая на серебристый комет.

— Род едикорога, — ответил Род и посмотрел прямо в пылающие яростно глаза Дюфера.

— Анализ завершен, — прошептал голос у него за ухом. — Субстанция ядовита для организма человека.

